

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

экономические и социальные перемены

№ 4 (170)

июль — август 2022

АНАЛИЗ
И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ

СОЦИОЛОГИЯ
ТРУДА

МЕТОДЫ
И МЕТОДОЛОГИЯ

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
помощник гендиректора по науке ВЦИОМ

Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Ответственный редактор:

Кулешова Анна Викторовна —
кандидат социологических наук, член российской
Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) (Россия)

M77 Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2022. — № 4 (170). — 363 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

Д. Г. Подвойский

В объятьях картонных богов: о магии имен, силе слов
и фетишизме символического в социальной жизни.

Часть I 3

О. Л. Чернозуб

Двухкомпонентная модель запланированного поведения:

интеграция имплицитных факторов улучшает точность прогноза 21

Н. В. Веселкова, Е. В. Прямикова, М. Н. Вандышев

Исследовательский фотомэппинг: обсуждение метода 39

В. Б. Гольбрайх

Исследования социальных сетей в России:

попытка библиометрического анализа 62

СОЦИОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

К. А. Мошкова, Т. Ю. Черкашина

«Мои, твои, наши дома»: жилищная собственность супругов

из семей региональных политиков 84

П. В. Белопашенцева

Что говорит о российской бедности депривационный подход? 110

К. В. Харченко, Л. А. Шукин

Социально-экономическое положение, территориальная идентичность
и социальная активность жителей наукоградов

(по результатам экспертного опроса) 130

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА, ОРГАНИЗАЦИЙ И ПРОФЕССИИ

Z. T. Myshbayeva, T. S. Sokira, Z. Zh. Belgibayeva, A. M. Dzhulaeva

Employment Policy for Persons with Disabilities: Systematic Literature Review
with Bibliometric Analysis 150

В. К. Антонова, М. Ю. Александрова, Д. И. Присяжнюк, Т. А. Рябиченко

Инклюзивная организационная культура как аномалия:
взаимосвязь размера компании и проявления в ней

инклюзивных норм и практик 172

АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Е. А. Варшавер

В ловушке двойной иррелевантности: (вос)производство этничности
во взаимодействиях между переписчиками и переписываемыми
в ходе всероссийской переписи 2021 г. в Дагестане 199

А. А. Михайлова

Межмуниципальные различия в цифровой восприимчивости населения..... 222

Т. Н. Канонир, И. Л. Углова, А. А. Куликова

Мониторинг субъективного благополучия в школе:
оценка в рамках современной теории тестирования 247

Н. Л. Русинова, В. В. Сафронов

Роль персональных психологических ресурсов
в объяснении возрастных неравенств здоровья в странах Европы 273

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: июль — август 2022..... 298

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А. Ю. Чепуренко, М. Д. Бершадская

Как обеспечить стыковку социологического образования и рынка труда:
кейс разработки профессионального стандарта социолога 312

Е. А. Ирсетская, А. Г. Тюриков

Современная экономическая культура в поисках оптимального
баланса развития: по материалам XII Международной
социологической Грушинской конференции..... 332

С. Г. Давыдов

Инфодемия и ее исследования глазами молодых социологов..... 343

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

И. А. Вершинина, А. В. Лядова

Города — острова экологической надежды?
Рец. на кн.: Jon I. Cities in the Anthropocene: New Ecology and Urban Politics.
London: Pluto Press, 2021 354

DOI: [10.14515/monitoring.2022.4.2301](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2301)

Д. Г. Подвойский

В ОБЪЯТЯХ КАРТОННЫХ БОГОВ: О МАГИИ ИМЕН, СИЛЕ СЛОВ И ФЕТИШИЗМЕ СИМВОЛИЧЕСКОГО В СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ. ЧАСТЬ I

Правильная ссылка на статью:

Подвойский Д. Г. В объятях картонных богов: о магии имен, силе слов и фетишизме символического в социальной жизни. Часть I // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 3—20. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2301>.

For citation:

Podvoyskiy D. G. (2022) In the Embrace of Cardboard Gods: About the Magic of Names, the Power of Words and the Fetishism of Symbols in Social Life (Part 1). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 3–20. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2301>. (In Russ.)

В ОБЪЯТЬЯХ КАРТОННЫХ БОГОВ: О МАГИИ ИМЕН, СИЛЕ СЛОВ И ФЕТИШИЗМЕ СИМВОЛИЧЕСКОГО В СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ. ЧАСТЬ I

IN THE EMBRACE OF CARDBOARD GODS: ABOUT THE MAGIC OF NAMES, THE POWER OF WORDS AND THE FETISHISM OF SYMBOLS IN SOCIAL LIFE (PART 1)

ПОДВОЙСКИЙ Денис Глебович — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; доцент кафедры социологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: dpodvoiski@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7396-1828>

Denis G. PODVOYSKIY^{1,2,3} — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor, Department of Social Philosophy and Philosophy of History; Associate Professor; Leading Researcher
E-MAIL: dpodvoiski@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7396-1828>

Аннотация. В настоящем научно-публицистическом очерке предметом критического анализа становится феномен символического фетишизма как одно из закономерных проявлений и последствий универсального процесса социального конструирования реальности. Коллективное (вос)производство и артикуляция смыслов/ценностей в формах совместной человеческой деятельности и общественного сознания сопровождаются (вос)производством знаково-символических систем, составляющих важную компоненту объективированного универсума социальной жизни. Символическая система общества приобретает значительную автономию (по отношению к конкретным индивидам), формируя опредмеченную, овеществленную среду духовной и материальной культуры, в масштабах которой разворачиваются жизнь и деятельность социальных акторов. Трактовка указанной темы выстраивается на базе авторской рецепции трех концептуальных

Abstract. In this scientific and publicistic essay, the phenomenon of symbolic fetishism becomes the subject of critical analysis as one of the regular manifestations and consequences of the universal process of the social construction of reality. The collective (re)production and articulation of meanings/values in the forms of joint human activity and social consciousness are accompanied by the (re)production of sign-symbolic systems that constitute an important component of the objectified universe of social life. The symbolic system of society acquires significant autonomy (in relation to particular individuals), forming an objectified and reified environment of spiritual and material culture, on which scale the life and activities of social actors unfold. The interpretation of this topic is built on the basis of the author's reception of three conceptual sources: 1) the theory of conductors of interaction by Pitirim A. Sorokin, 2) the theory of symbolic capital and symbolic violence by P. Bourdieu (including reflections on the "power of nom-

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
² Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
³ Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

источников: 1) теории проводников взаимодействия П. А. Сорокина (рассматривается в первой части статьи), 2) теории символического капитала и символического насилия П. Бурдьё (включающей размышления о «власти номинации» и ее роли в конституировании социальных отношений), а также 3) представлений Ж. Бодрийяра о знаковой природе потребления в обществах последних десятилетий XX — начала XXI века (обсуждаются во второй части очерка).

Статья публикуется в двух частях. Окончание — в № 5 за 2022 год.

Ключевые слова: фетишизация символического, отчуждение, символ, знак, язык, проводники взаимодействия, власть номинации, символический капитал, общество потребления, симулякр, означаемое, означающее, П. А. Сорокин, П. Бурдьё, Ж. Бодрийяр

ination” and its role in the constitution of social relations), as well as 3) J. Baudrillard’s ideas about the symbolic nature of consumption in societies of the last decades of the 20th — the beginning of the 21st century.

The article is published in two parts. The end is in No. 5 for 2022.

Keywords: fetishization of symbols, alienation, symbol, sign, language, conductors of interaction, power of nomination, symbolic capital, consumer society, simulacra, signified/signifier, P.A. Sorokin, P. Bourdieu, J. Baudrillard

Люди и их символы... символы и их люди...

Универсум общества и культуры создается людьми и без людей существовать не может. Окруженный со всех сторон (извне и изнутри) «первой природой» человек производит вдобавок социокультурную вселенную как своего рода природу номер два. Производит и помещает себя в нее одновременно. Он не только строитель, но и жилец сконструированного им здания. Дом этот — своего рода искусственная, рукотворная среда обитания человека — возводится частично по плану, а частично «как придется», строится долго (правильнее было бы сказать — вечно), строится многими (в том числе давно ушедшими, забытыми, безымянными, канувшими в лету), строится и перестраивается... В любом случае получается: каркас, ходы и лабиринты здания оказываются столь запутанными, что никогда не соответствуют никакому конкретному проекту строительства. Парадоксальным образом жилец и строитель этого здания не является его полновластным Хозяином. Дом управляется при помощи его обитателей и в то же время как бы сам собой.

Социокультурный космос сотворяется и организуется коллективными усилиями, целенаправленными и стихийными, осмысленными и не очень. Человек как творец общества и культуры всегда определенным образом объективирует, опредмечивает, овеществляет/реифицирует, «овнешняет» себя в них — вынося свои «произведения» за пределы самого себя и ставя их рядом или даже часто *над* собой.

Процесс «отчуждения» (за неимением лучшего будем здесь использовать этот «зонтичный термин») наблюдается везде и всюду, когда имеют место обособление и автономизация продуктов человеческой деятельности и/или мышления, и в особых (нередких) случаях переворачивание отношений «цель — средство» и подчинение человека его собственным порождениям, которые обычно уже не воспринимаются в их «производном» от человеческой активности статусе, но предстают как своего рода самодовлеющие сущности. Для характеристики крайних форм обозначенного процесса также может использоваться слово *фетишизация*, описывающее ситуацию, когда «плод коллективного воображения» срывается с цепи и убегает от своих создателей. Становясь «частью реальности», этот окаменевший, кристаллизовавшийся в тех или иных «объективных» (или квазиобъективных) формах конструкт начинает диктовать свои правила людям. Общечеловеческая склонность к фетишизму проявляется в том, что мы — люди как творцы социокультурной реальности — населяем созданные нами миры богами и, преисполненные чувством священного трепета, опускаемся перед ними на колени. Такими богами являются, например, общественные институты, но не только они¹...

Ниже речь пойдет о более частной, но в то же время весьма обширной теме — фетишизации в сфере символического. Сама эта область не какой-то узкий сегмент социокультурной жизни, она распылена более или менее равномерно по всему универсуму человеческого опыта. В той мере, в какой индивид в своем отношении к миру оперирует ценностями, он внедряет в этот мир субъективные смыслы и значения. Коллективно разделяемый и социально генерируемый интерсубъективный мир смыслов и значений, собственно, и есть то, что мы называем культурой человеческого общества. Всякий культурно значимый объект приобретает так или иначе символическое измерение, сам выступая в качестве символа — обозначения, выражения, отражения, маркера, способа фиксации... того, что имеет или приобретает определенный смысл для человека в качестве доброго и злого, достойного восхищения и преклонения, отвратительного, прекрасного, справедливого, презренного, величественного... etc. Объекты в мире для человека как носителя культуры не просто существуют, они являются знаками чего-то. Следовательно, сфера символического фактически объемлет всю культурную жизнь, выступает одним из ее фундаментальных срезов. Нас, однако, в дальнейшем будут интересовать не теории символического в философском, культурологическом или семиотическом ракурсе с их порой весьма витиеватыми играми дефиниций и понятий, но более конкретный сюжет, а именно — механизмы фетишизации символических структур общества, в том числе коллективного сознания (фетишизации как специфического проявления универсального процесса отчуждения, о котором говорилось выше). Поэтому вынужденно оставим здесь за бортом и Э. Кассирера с его «философией символических форм», и Л. Витгенштейна, и всю аналитическую традицию с ее интересом к языку, и герменевтику, и большинство школ и направлений мысли минувшего века, осуществивших так называемый лин-

¹ Таким образом, концепты фетиша / фетишизма / фетишизации употребляются здесь в предельно широком, вольном (отчасти метафорическом) смысле, частично отличающемся от спектра более специальных значений этих слов, которые можно встретить в этнолого-антропологической или психологической литературе. При таком взгляде, например, различие фетишизма и идолопоклонства, целесообразное в других исследовательских контекстах, не принципиально. См.: [Питц, 2019].

гвистический поворот в гуманитарных науках. Для предварительной экспозиции намеченной темы нам будет достаточно более скромного пучка идей, которые тем не менее проливают свет на интересующую нас проблему. Попробуем решить нашу задачу, обратившись к релевантным фрагментам наследия всего лишь трех авторов — Питирима Сорокина, Пьера Бурдьё и Жана Бодрийяра. Первый важен в обсуждаемом проблемном контексте как создатель теории проводников взаимодействия (русский период творчества Сорокина); второй — как исследователь феноменов символической власти, в том числе «власти номинации»; и, наконец, третий как автор концепции общества потребления, симулякров и симуляции, гиперреальности, «политической экономии знака».

Социологическая теория символического фетишизма (или фетишизации символического) в XX веке, разумеется, испытывала на себе влияние более ранних концептуальных решений, предложенных классиками общественной мысли. Принципиально важное место здесь должно быть отведено Марксовой трактовке религиозного, товарного и денежного фетишизма, «ложного сознания» и т. п., разворачивающей и уточняющей стартовую фейербахианскую интерпретацию отчуждения, а также дюркгеймовской идее «божественного социального», обрастающей множеством интригующих подробностей на страницах «Элементарных форм религиозной жизни».

На самом деле объяснение того, почему наблюдается автономизация символических систем от конкретных участников опосредуемых символами социальных взаимодействий, может быть довольно простым. Поэтому нелишней была бы небольшая общетеоретическая преамбула, которая вобрала бы в себя и объединила аргументацию самых разных подходов.

Символическое полотно социокультурной жизни должно быть в известной мере генерализ(ир)ованным, даже если само общество, его создающее, высоко дифференцировано. Это своего рода функциональная неизбежность или социальное априори. Обобщенный характер символических систем нужен отдельному индивиду, нужен индивидам в конкретных ситуациях взаимодействия лицом к лицу и нужен обществу на институциональном уровне. Символам участники взаимодействия должны приписывать более или менее одинаковое значение, иначе интеракция не состоится и общество развалится на атомарные составляющие. Функциональное предназначение и роль символов в обществе могут быть определены предельно кратко: «Символизм делает возможными категоризацию, упорядочивание социального опыта, коммуникацию и взаимодействие» [Халас, 2021: 30]. Социальное вещество склеивается благодаря тому, что имеет место хабиутализация (опривычивание) «взаимодействий, в которых языковые выражения и, шире, символизм выполняют практическую функцию» (координации) [там же: 42]. И в данном пункте философия инструментализма и прагматизма, когнитивная психология, символический интеракционизм, социальная феноменология, социология знания и даже структурный функционализм вполне согласны друг с другом.

Индивиду для эффективного действия в мире (применительно как к природным, так и к социальным объектам) нужна какая-то когнитивная карта: на ней объекты должны быть «подписаны», привязаны к именам, иметь определенные

названия. Сознание, «подписывая» предметы, факты и события², их таким образом опознает и идентифицирует как такие-то и такие-то (через осуществление процедур типизации). Объекты каталогизируются в языке — так происходят категоризация и упорядочение опыта в синхронии и диахронии. Время вносит свои коррективы, пополняет наши знания об окружающей реальности, но все же кулинарная книга субъективного опыта продолжает хранить рецепты и имеет работающее оглавление (свадебный цветок флердоранжа обычно не путается с черной траурной шалью).

Как поется в детской песенке, «это очень интересно... кто придумал крокодилу это имя крокодил, кто назвал слона слоним... кто фазану и сазану дал такие имена?». И это действительно любопытно для уяснения происхождения слов, но, оценивая ситуацию прагматически, гораздо важнее, чтобы крокодила всегда называли крокодилом, в крайнем случае аллигатором, кайманом, гавиалом, но не коровой и не маленьким осликом (который, кстати, очень хотел породниться с крокодилом).

В дополнение к этой функции индивидуальной когнитивной мироориентации прибавляется необходимость социальной ориентации. Человеку сто раз на дню приходится эмпирически решать проблему «двойной контингентности» в ситуациях взаимодействия. Чтобы взаимодействие между двумя и более индивидами состоялось, они должны понимать друг друга хоть как-то, хотя бы в первом приближении (правда, у них и так получается довольно плохо). Если даже людей не объединяют общие ценности, то желательно, чтобы они умели, как минимум, находить общий язык друг с другом — пускай только в прямом, а не в переносном смысле (чтобы, например, понять, что завтра тебя вызывают на ковер, выселяют из квартиры, увольняют или сажают в тюрьму, — когда тебе кто-то об этом сообщил при помощи языковых средств). Для практических целей поддержания и организации общего (интерсубъективного) мира, его воспроизводства во времени, обеспечения относительной предсказуемости событий и упорядоченности опыта (даже для ведения войны по правилам) нужно сохранять известную независимость от индивидуальных (потенциально расходящихся) толкований символов. Чтобы календарь не врал, встречи назначались и происходили в оговоренное время, транспорт ходил по расписанию, работала система денежных расчетов, а ослом называли одомашненное непарнокопытное млекопитающее (либо — не очень умного и/или упрямого человека)³, и т. д. и т. п.

Функционирование институциональной системы общества на всех уровнях (от повседневного до социетального) столкнулось бы с невероятными трудностями, если бы каждый индивид использовал символические средства как ему вздумается, как абсолютно приватный язык, пригодный лишь для ведения разговоров с самим собой. Символы должны истолковываться людьми, их использующими, более или менее одинаково и единообразно. Поэтому символический универсум коллективной жизни и представляет собой некий реифицированный макрокосм, в масштабах которого сходятся, находя привязку к общим смыслам, знакам и значениям, микрокосмы наших одиночных, отчасти изолированных и в то же время

² Необязательно ручкой или карандашом, вполне возможно — лишь «в уме».

³ Любое слово может быть полисемичным, но все же имеет ограниченное количество значений.

высоко социализированных сознаний. Иначе говоря, подлинным генератором символической системы в большинстве случаев оказывается именно общество, а не индивид. Если же символы получают возможность жить своей собственной жизнью (хотя всегда лишь при участии людей), то какова механика воздействия, оказываемого ими на человеческое сознание и поведение?

Проводники интеракции: их рикошетное воздействие и фетишизация

Рассуждения о роли символов в общественной жизни представляют заслуживающий внимания фрагмент в раннем творчестве Питирима Сорокина⁴. Ядро теоретической интерпретации символического для российского ученого составляет концепция проводников взаимодействия, являющаяся частью грандиозного замысла «Системы социологии». Напомним, предложенная Сорокиным базовая модель межлической интеракции как простейшего социального феномена включает три элемента: взаимодействие состоит из 1) актов, 2) акторов и 3) проводников⁵. В третий пункт модели помещается разнородная совокупность «объектов» принципиально несходной природы, имеющих, однако, условно сходное функциональное предназначение. Они тем или иным образом опосредуют взаимодействие между индивидами, что необходимо, поскольку наши психические переживания до партнеров по интеракции сами по себе не доходят, но нуждаются в каком-то внешнем носителе, передатчике, медиуме, определенном способе или канале объективизации. Сорокинская классификация видов проводников детализирована, мелкодробна, отчасти избыточна, и воспроизводить ее тут особой надобности нет. Вместе с тем Сорокин замечает, что большинство проводников обладает рядом функциональных сходств. Среди прочего он говорит о способности проводников к «рикошетному воздействию» на индивидов и их психические переживания, а также о тенденции к фетишизации проводников [Сорокин, 1991: 157—170].

Что такое рикошетное воздействие? По сути, это обратное влияние творения на творца, средства на цель, формы на содержание, следствия на причину, продукта и результата действия на его источник и мотив. И это влияние может быть разным: бумеранг, выпущенный из рук, не просто возвращается к выпустившему его, но и порой ударяет своего «хозяина». В любом случае, констатирует социолог: «проводники, созданные в процессе взаимодействия, раз возникнув, начинают жить самостоятельной жизнью, приобретают свой темп и ритм жизни и оказывают на нас свое влияние» [там же: 159]. Здесь же Сорокин припоминает и Дюркгейма, утверждавшего, что «социальная жизнь кристаллизуется и отвердевает на материальных подпорках» [там же: 158].

Упомянутые особенности можно обнаружить при рассмотрении проводников разных видов. Взять, например, хотя бы те же предметные проводники, то есть вещи как объекты материальной культуры. Они влияют на поведение индиви-

⁴ Реконструкция сорокинской концепции символического представлена в серии публикаций К. П. Лазебной. См., например: [Лазебная, 2012].

⁵ Впоследствии (уже в американский период творчества) Сорокин пересмотрит и существенно скорректирует эту бихевиористскую модель, однако не откажется от самого концепта «проводников», включив его в свое аналитическое описание «родовой структуры социокультурного явления». См. в: [Сорокин, 1992: 190—220].

дов прежде всего внешним образом — чисто механически (хотя и не только так). Влияние на людей транспорта, поселенческой инфраструктуры, дорог, зданий отчасти сопоставимо с влиянием природных сил.

«Совокупность проводников в силу их существования механически обуславливает наше поведение и переживания: мы вынуждены двигаться по тем путям сообщения, которые создались без нас, жить среди зданий города или деревни, выделенных в виде коралловых рифов предыдущими поколениями человеческих полипов, воспринимать те знаки, картины, звуки и т. д., в которых застыли переживания других людей, молиться в зданиях, созданных до нас и без нас, и т. д. Окруженные со всех сторон бесконечным множеством проводников, мы, подобно губке, вбираем, впитываем в себя, часто помимо нашей воли и вопреки ей, те раздражения, которые испускают из себя эти застывшие проводники. Временами, как в путях сообщения, они диктуют нам линию нашей дороги, иногда, как в жилищах, они предопределяют характер того ящика, в котором нам суждено жить...» [Сорокин, 1991: 159—160]. Сравнение материальной инфраструктуры общества с отложениями коралловых образований, конечно, примечательно, но это еще лишь начало разговора.

Признание несомненного факта механического влияния элементов материальной культуры общества на человека лишь открывает тему. В духе модных течений в психологии начала XX века Сорокин отмечает: даже сугубо механическое воспроизведение конкретных жестов и звуков, порождаемых обычно определенными эмоциями и переживаниями, само по себе в ряде случаев может вызывать или укреплять подобные эмоции и переживания. Одно лишь внешне фиксируемое состояние смеха может развеселить, а слезы провоцируют слезы и как бы невольно накатывающую грусть. Актер, воспроизводящий те или иные сценические приемы и навыки, способен заражаться исполняемой ролью, например, проникаться ее трагизмом, и т. д.

Огромную роль в жизни людей при исполнении типовых операций в типовых ситуациях играют установившиеся привычки и повседневные рутины, создающие эффект накатанной колеи для действий и сопровождающих их мыслей и эмоций. Так, религиозное сознание порой прочно привязывается к определенным устойчивым способам выражения чувств во внешних актах. Ритуал властно довлеет над индивидом. При этом ритуальность действий для их строгого воспроизводства «по шаблону» нуждается в соответствующем антураже, сцене с определенным реквизитом. Атмосфера храма рождает молитву. Тиражированный и освоенный ритуал работает как условный рефлекс.

В описываемых ситуациях проводник поддерживает и усиливает определенные человеческие чувства и реакции просто благодаря пространственно-временной смежности и сопутствующему характеру определенных интенций человеческой души, с одной стороны, и каких-то их «типических» маркеров, проявлений и средств выражения, с другой. Оторвавшееся от своего источника следствие, пустившееся в свободное плавание, может легко порождать собственную причину: «романтическая» обстановка настраивает на «романтический лад», а веселая музыка повышает настроение. Правда, и здесь не обходится без посредничества культурной подсистемы общества — закат у моря, туман над полями, звуки гармони

за рекой, буря, вьюга, гром и молния... сами по себе, вне культурного контекста ничуть не романтичны / не сентиментальны / не драматичны.

Но вот к механике и психологическим эффектам, заставляющим вспомнить о «рефлексологии» и физиологической теории академика И. П. Павлова, присоединяется символика. К материальной культуре подключается культура духовная (хотя в эмпирической реальности общественной жизни они никогда не бывают четко разделены, но, напротив, постоянно проникают друг в друга, особенно в области символического).

Возьмем, к примеру, культовое сооружение, имеющее, как и любая другая человеческая постройка, «материальное измерение» в виде стен, крыши, окон, дверей и т. д. Однако храм — это не просто некоторым образом устроенное здание с входами, выходами, этажами, перекрытиями, подвалом и т. д., но здание, буквально напичканное проводниками иного, не чисто механического рода — крестами, статуями, фресками или иконами, дарохранительницами, частицами мощей праведников, хоругвями, т. п. Например, алтарь в православной церкви не просто отделен от остального пространства храма иконостасом. Входить туда простым мирянам не полагается, это — «святое место», еще более святое, чем храм в целом... Стоять спиной нельзя, прикоснуться нельзя или можно, но лишь определенным образом, здесь только стоя, здесь только на коленях, движения регламентированы, слова тоже... И все эти многочисленные проявления «общественного нельзя» привязаны к определенным объектам, несущим сложную символическую нагрузку, которую индивидам приходится принимать в расчет, с которой они должны считаться. И здесь, как говорится, все понятно и объяснимо: с религиозной точки зрения храм — это дом Бога, а с социологической — территория, где правит бал и «распорядительствует» дюркгеймовское божественное социальное.

Что делает икону или статую святого более чем рисунком на дереве или куском обработанного камня? Почему полковое знамя и государственный флаг суть нечто большее, чем полотна ткани, привязанные к длинной палке? Благодаря чему определенный гармонический звуковой ряд превращается в мелодию для увеселения, танца, оперную арию, гимн или похоронный марш? Как опознать и не перепутать: что значит что? Компетентные акторы «по жизни» как-то в этом пестром культурном калейдоскопе ориентируются, хотя всегда сохраняется вероятность ошибки. Достаточно вспомнить фабулу известного анекдота, в котором на похоронах товарища Сулова, когда заиграла музыка, лишь Леониду Ильичу как хозяину положения и толкователю правил приличия приходит в голову мысль⁶ пригласить даму на танец. И, конечно же, многие люди, положив руку на сердце, могли бы признаться, что не раз попадали в похожие ситуации, вызванные некорректным прочтением символических кодов.

Эти вопросы не следует понимать в том же смысле, что и поставленные чуть выше: почему звуковое или буквенное сочетание ф-а-з-а-н означает птицу, а с-а-з-а-н — рыбу. В любом случае на страже значений стоит общество, большое или «малое», или конкретная группа, возрастная, профессиональная, этническая, конфессиональная или иная, территориальная общность, субкультура и т. п. (если

⁶ Выглядящая в его полумаразматическом сознании «ситуационно уместной» (говоря гофмановским языком).

речь идет, например, о сленге, использующем то или иное особое значение конкретного слова)⁷.

Система символов, вырабатываемых обществом, как бы наклеивается на реальность предметов, событий и фактов. Символическая нагрузка «снисходит» на объекты, поскольку она сама в них не содержится изначально. Происходит своего рода чудо «социального означивания». Для осуществления процесса символизации нужна соответствующая санкция коллектива, наделяющего вещь определенным рода таким-то и таким-то значением.

Социальное означивание повсеместно осуществляется не только в языковых формах (в узком смысле), но и при помощи огромного и разнообразнейшего арсенала «экстралингвистических» средств. Хотя сторонники «лингвистического империализма» всю совокупность способов и средств, задействуемых обществом в целях поддержания взаимопонимания и установления коммуникативных контактов его членов, могут на свой вкус называть *языком* (даже если слова в конкретных интерактивных ситуациях и не используются), для социолога существо дела от этого не меняется. Язык жеста, танца, телодвижений, подарка, татуировки, модного «прикида», минуты молчания, барабанного боя, колокольного звона... — если кому-то хочется, пусть будет так. Подкрепляемые силой коллективных представлений значения и смыслы циркулируют в обществе, привязываясь к тем или иным знаковым носителям. Иначе говоря, семантика (система значений и смыслов) и семиотика (система знаков) работают в тандеме, обслуживая нужды социально и культурно сконструированных и реифицированных «символических универсумов»⁸.

Символическое поселяется в словах и вещах, прикрепляется к ним, наделяя их специфическим культурным статусом. Вернее, слова и обширная совокупность созданных человеком вещей существуют главным образом для того, чтобы выступать резервуаром для хранения производимых обществом смыслов.

«Некий биофизический объект [и не только биофизический. — Д.П.], функционируя в течение продолжительного времени как носитель определенного значения, нормы или ценности, идентифицируется с ним до такой степени в умах субъектов взаимодействия, что он имеет тенденцию стать самодостаточной ценностью. Он часто трансформируется в фетиш, сам по себе любимый или уважаемый, внушающий страх или ненависть. Национальный флаг, который физически является лишь палкой с приделанным к ней куском материи, в результате постоянного использования становится эмблемой независимости, власти, достоинства, чести или славы нации. Он перестает рассматриваться исключительно как кусок материи, приделанный к палке, и преобразуется в идола. Чувства и отношения, рождаемые значениями и ценностями, которые он объективирует и раскрывает, все чаще связываются с ним самим; восхищение, уважение или ненависть, вызываемые ценностями, которые он репрезентирует, в конце концов направляются на сам флаг. Люди теряют из виду его реальную роль — неодоушевленного средства пере-

⁷ Например, блатной жаргон и профессиональное сообщество орнитологов будут называть «бакланами» совершенно разных существ.

⁸ Здесь мы вполне намеренно употребляем термин из «Социального конструирования реальности» П. Бергера и Т. Лукмана.

дачи существующих значений, они начинают рассматривать его как одушевленное существо, живущее собственной жизнью. Короче говоря, флаг становится фетишем и таким образом глубоко воздействует на поведение и ментальность человека...» [Сорокин, 1992: 215].

Всем хорошо известна роль внешней атрибутики, аксессуаров, униформы, ритуального облачения, мундиров, мантий, торжественных церемоний и иных мероприятий, требующих особой обстановки и т. д. Все это чрезвычайно сильно влияет на поведение и настроение людей. С участием такого сценического реквизита разыгрывается социальный маскарад с реальными последствиями. При посредничестве и поддержке символических проводников конкретные индивиды в социально типических ситуациях справляются со своими ролями, наполняются силой, ощущают собственную миссию. Коронованным особам трудно обойтись без регалий царской власти, как военным — без мундира, а судьям — без мантии и молоточка. Служитель культа в высоко ритуализированных религиях с богатым церемониальным антуражем богослужебных практик может испытывать дефицит уверенности, когда предстает перед паствой не в облачении, чувствовать себя так, как будто все то, что он делает и говорит, выглядит и звучит недостаточно убедительно. Ведь он — не просто человек, но представитель клира, выступающий от имени институции, «успешно монополизировавшей божественную благодать». И что-то об этом его статусе должно явным образом свидетельствовать — узнаваемый облик, одежда, манера речи и т. д. Расстрел, осуществляемый людьми в военной форме, — более фреймированное и «оправданное», легитимное мероприятие, в том числе и для них самих, «не просто убийство». Приводящие приговор трибунала в исполнение солдаты — не какие-то случайные прохожие с улицы, творящие произвол, а орудие армии и государства, и это должно быть всем понятно по их внешнему виду.

«<...> Перемените, — пишет Сорокин, — у ряда индивидов форму, лишите их внешних символических знаков — погон, мундира, шпаги, креста, медалей и т. д. — и вы перемените их психику. Сколько лиц — политических заключенных — чувствовали эту перемену переживаний, когда на них надевали арестантский бушлат. Сколько военных, генералов, офицеров „мгновенно перерождались“, когда с них срывали погоны и одевали их в штатскую одежду. Оголите деспота — и вы сделаете его жалким и простым смертным. Окружите, оденьте простого смертного пышными знаками достоинства — и перед вами родится властный, самоуверенный, гордый самодур или властелин» [Сорокин, 1991: 164].

Сходным образом фетишизируются и языковые формулы: молитвы, заклинания, обращения к людям и богам при помощи определенных слов. Слово приобретает магическую силу, настраивая на определенный лад. Слово способно лечить и убивать. Озвученный врачом диагноз влияет на больного. Диагноз способен привлекать, притягивать к себе симптомы, искусственно генерировать их, усиливать и ослаблять [Кубряк и др., 2019]. Алиса знала: если отпить из пузырька с надписью «яд», в скором времени почувствуешь легкое недомогание... Слова сказанные, произнесенные, написанные порой сильно влияют на (пере)определение ситуации — как, например, до и после объяснения в любви. После такого символического события многое рисуется в новом свете, мир — по крайней мере,

на какое-то время — окрашивается новыми красками (особенно если в данной культуре «не принято разбрасываться словами», имеющими статус «важных»)⁹.

Слова строят, перестраивают и разрушают отношения, из-за них вызывают дуэли, распадаются семьи, объявляются малые и большие войны. Социальное должествование, разного рода «обеты» и «клятвы» облекаются в словесные формы (порой весьма ритуализированные) и закрепляются в них. Поэтому «верность долгу» нередко преподносится как «верность слову» (ср., например, «мужик сказал, мужик сделал» / нарушить данное слово, не быть хозяином своего слова, бросать слова на ветер). С одной стороны, в словах и за словами может скрываться лукавство: «не лукавьте... все слова, слова, слова». Но, с другой стороны, слова (свои и чужие) в большинстве случаев приходится воспринимать серьезно, потому что они оказываются, по сути, единственной [условно надежной] опорой социального мира — полем договоренностей между участниками взаимодействий и декларируемых свидетельств об их планах и намерениях.

Иерархии номинаций, используемые для языковых статусных различий и демонстрации уважения/неуважения к представителям различных групп и конкретным категориям индивидов, дублируют и сопровождают объективные социальные иерархии, переплетаются с ними, отчасти отражая, а отчасти активно конструируя их. Языковые номинации, применяемые как средства дискурсивной селекции и классификации социально несходных объектов, могут быть как негативными (навешивание ярлыков), так и позитивными, быть более или менее формализованными. Иногда они могут быть довольно жестко регламентированы, как в случае с упоминанием официальных социальных рангов — титулов, званий и т. д. Обращения к юристам, военным, представителям аристократии и духовенства, государственным чиновникам (Ваша честь... Ваше сиятельство, светлость, превосходительство... Ваше высокопреосвященство, святейшество, преподобие... и т. д.) воспроизводят отношения чинопочитания, существующие в конкретном обществе, и вызывают подкрепляющий статусную неоднородность психологический эффект — как в сознании и чувствах тех, кто обращается, так и тех, кто выступает адресатом обращения. Его называли «Ваше высокоблагородие», и он «совершенно растаял» от этих слов, поскольку его действительный чин в табели о рангах был гораздо ниже...

Можно сказать, что фетишизированные проводники, о которых пишет Сорокин, как латуровские актаны, играют с нами на одном поле в замысловатую социальную игру. Они играют с людьми наравне (хотя без людей они были бы чем-то другим) — играют рядом, вместе, иногда «за», а иногда и «против» них. Именно люди допустили их до участия в игре, но фактически проводники почти всегда играют как особая команда, на своих условиях и по своим правилам. И новые участники, выходящие на поле, вынуждены считаться с этими условиями и правилами.

У проводников есть одна любопытная особенность: игра, в которую они играют с людьми, не всегда такая уж честная. И люди сами несут за это значительную долю ответственности. Мы имеем в виду способность символических средств выражать то, чего нет. Можно дарить цветы, преподносить подарки, говорить

⁹ Как поется в песне, «Признание это, наверно, я тысячу раз повторю». Но поначалу слова действуют сильно.

нежные слова, но не любить, исповедоваться в грехах, но в глубине души не раскаиваться. Слова есть, а чувств нет. Профессорская мантия — не обязательно признак знаний и ума, как судейская — компетентности и неподкупности; орден на мундире, эполеты и аксельбанты — не всегда свидетельства воинской доблести и личной храбрости; ряса, клобук и тиара — не всегда символы подлинного благочестия, праведности и высокой духовности. Как шутили древние, по ушам узнают осла, но они же сетовали на обманчивость человеческого «экстерьера», добавляя: бороду вижу, философа не вижу (не всякая умная речь является признаком ума).

Внешняя символика может виртуозно технически имитировать отсутствие внутреннего содержания. За броскими одеждами символов нередко прячутся оборотни. Одним из излюбленных риторических занятий «подлецов» были и остаются рассуждения о морали. В «Балладе о правде и лжи» В. Высоцкий блестяще описывает переодевание зла в похищенные у добра белые одежды. Под маскою овцы порой таится лев или кто-то другой, совершенно не обязательно овца...

Социальные авторитеты, действительные или мнимые, вообще обожаютрядиться в одежды, наряжаться, выглядеть, казаться, производить впечатление, демонстрировать внешность, быть заметными, пускать пыль в глаза наивного наблюдателя, обычно не имеющего возможности заглянуть вовнутрь, оценить по достоинству и справедливости, то есть по гамбургскому счету, насколько прекрасна нагота голого короля. Символическая система общества отнюдь не является чистой бутафорией, пустой инсценировкой. Она предельно фактична и нередко даже деспотична. Но ее «гетерономия» в отношении мира людей поддельная, вторичная, производная, потому что ее создают сами люди своими руками и головами. И это значит, что она всегда остается под вопросом.

Символический универсум общества, порой довольно цветистый и мозаичный (как, впрочем, и универсум институциональный), можно в некотором роде назвать компанией или коллегией липовых королей и картонных богов. Эта метафора кажется нам уместной, потому что всякая власть, в том числе власть слов, отчасти иллюзорная и полухимерическая, если угодно, висящая на волоске (правда, обычно прочном, как стальной канат), поскольку она базируется на той или иной разновидности самообмана, сартровской «дурной веры» и всегда может быть поставлена под сомнение, превращаясь в объект мыслительной деконструкции и рациональной критики. Пока стояние картонного домика *status quo* на земле в безветренную погоду убедительно обосновывается мастерами от легитимации и шире — всей символической системой в старой как мир манере «иного не дано», домик будет стоять и казаться его обитателям сделанным из железобетона. Поэтому, как свидетельствует история, «иллюзии» и «химеры», надежно/крепко вмонтированные в ткань социальной жизни, могут быть вполне жизнеспособными и обеспечивать лояльность человеческих «душ и сердец» целую вечность. Разумеется, нельзя исключать варианта, что в один прекрасный (а для кого-то — черный) день неожиданно подует ветер, домик рухнет, и все бросятся строить что-то новое, опять же потому что «иного не дано».

Но даже если власть «липовых королей и картонных богов» имеет отчасти дискурсивное происхождение (хотя и далеко не только дискурсивное), это не значит, что такая власть несерьезна. Напротив, она способна генерировать вполне реаль-

ные последствия, в том числе использовать для своего поддержания реальные рычаги социального контроля. За неосмотрительное пре-не-брежение дискурсивными порядками общества и тем более за открытое «кошунственное святотатство» в отношении словесных нагромождений, легитимирующих господствующий символический универсум, и сопровождающих их артефактов (памятников, могил, гимнов, празднеств и ритуалов), за его публичную десакрализацию (профанирование) могут отправить не только в сумасшедший дом.

Общество заставляет проявлять уважение к себе¹⁰ через побуждение к добровольно-принудительной демонстрации уважения к его собственным символам. И в этом, возможно, наиболее отчетливо проявляется склонность символических проводников к фетишизации. Сорокин предлагает поставить мысленный эксперимент, следуя логике Дюркгейма, доказывавшего таким образом эмпирическое существование социального факта с его принудительностью. Попробуйте поиграть с социальным фактом — или, точнее, против него — и вы доиграетесь. С социальными фактами лучше без надобности не шутить. Но Сорокину нужен более конкретный, осязаемый вывод. Он пытается вообразить, что будет, если отправиться к «идейным и верующим» (не важно, во что) и надругаться над их «священными символами» (знаменами, портретами вождей и кумиров, и т. п.). Ответ ясен: весьма вероятно, вы сами не унесете ног после встречи с разгневанной, оскорбленной в своих лучших чувствах общественностью. В глазах этих людей вы совершили преступление (напомним, Дюркгейм определяет преступление как оскорбление коллективных представлений). Но что, собственно, произошло, например, от того, что кто-то порвал флаг? Кого-то убили, кто-то на кого-то пошел войной? — Нет. Что случилось бы с королевской четой государства N в тот момент, когда кто-то скомкал бы изображение венценосных персон в присутствии их верных подданных (не революционеров и не оппозиционеров)? По-видимому, ничего. Но он тем самым символически унизил бы всю страну N и ее жителей — конечно, при условии, что монархические чувства в этой стране сильны и короля почитают как персонифицированное воплощение единства нации. Когда «чувства верующих» оскорблены, коллектив реагирует незамедлительно — негативными санкциями (виновника ждет «заслуженная» кара, хотя материальный ущерб от порванного знамени или фотографии лидера мизерный). Все это схоже с отношением дикарей к эмблеме клана, самому тотему или его символу, священному объекту и т. д. На какой-то объект снисходит символическая социальная нагрузка, к нему приклеиваются определенные «коллективные представления». Отсюда почитание реликвий разного рода и наказание за неподобающее обращение с ними, за их профанирование. Коллектив не хочет признавать и допускать мысли, что его картина мира, ценности и мифы висят над пропастью онтологической, эпистемологической и этической неочевидности. Поэтому свято место пусто не бывает, а доступ в *sancta sanctorum* коллектива всегда самым тщательным образом оберегается от возможных нашествий разного рода осквернителей и вандалов.

Интересно, что ни для Дюркгейма, ни для Сорокина не стоит задача перечисления и подробного содержательного описания универсальных способов и средств

¹⁰ Как говорят у нас в стране — «научить родину любить».

оскорбления коллективных представлений, потому что таких способов не существует — в разных обществах и социальных группах они разные. Тот же сорокинский пример со знаменем, даже в эпоху символического доминирования национальных государств (у каждого из которых есть свой флаг), следует рассматривать с оговорками.

Например, сегодня в культурах многих стран изображения национальных символов на плавках и купальниках, полотенцах, ковриках для вытирания ног, судя по всему, не воспринимаются как недопустимые и неприличные. Напротив, в них имеет смысл усматривать специфические проявления патриотизма «с долей пикантности и сексуальности», что особым образом понимаемому имиджу страны может идти на пользу. Вытираться после бассейна или морского купания на глазах у всех полотенцем с изображением бразильского флага не унизительно для национальной гордости бразильцев, ведь каждый знает (как минимум, со времен Остапа Бендера), что Бразилия — это далекая страна мечты, где живут счастливые, вечно улыбающиеся, беззаботные люди. Они танцуют самбу, являются заядлыми футбольными болельщиками, ходят на пляж Копакабана, и им можно только позавидовать. Но это не значит, что с бразильским флагом можно делать все что угодно. Нетрудно представить себе ситуацию (например, на стадионе), когда и патриотично настроенные бразильцы оскорбятся...

Коллектив по случаю того или иного события, стремясь поддержать солидарность и групповую идентичность и таким способом воссоздать самого себя, может организовывать красочные перформансы — священнодействия, производящие сильнейшее эмоциональное и эстетическое впечатление как на инсайдеров, так и на аутсайдеров. Отличный кейс — знаменитое сиенское палио, скачки, которые проводятся в течение столетий по весьма замысловатой, строго регламентированной процедуре с чрезвычайно высокой долей ритуализма и яркой церемониальности. В период подготовки к соревнованию и особенно в период его проведения символы полностью завладевают людьми. Главными участниками этого грандиозного символического мероприятия становятся контрады — коммуны, объединяющие жителей городских районов, между которыми разыгрывается нешуточное соперничество. Огромную роль в возбуждении коллективных эмоций, граничащих местами с настоящей истерией, играет социально маркирующая атрибутика — знамена и эмблемы с рисунками, изображающими разных геральдических персонажей, в основном животных (у каждой контрады свои), а также сам приз, символические почести, оказываемые победителю, не только жокею, но и лошади (хотя настоящим победителем является сама контрада). У каждого такого сообщества есть своя бережно хранимая история, отчасти мифологизируемая и, естественно, апологетизируемая его членами, свой девиз, святые покровители.

В этой наполненной всеобщей экзальтацией городской феерии открытое противостояние коллективных субъектов принципиально, оно выражается в столкновении символов. Одного лишь стремления к победе или спортивной конкуренции, основанной на техническом, инструментальном мастерстве, недостаточно. Все наездники — профессионалы, а лошади в соответствии с уставом распределяются по жребию. Гораздо важнее социальное символическое самоутверждение коллектива, не только прямое, но и от противного — через поношение и приниже-

ние символов противника (контрады вступают в традиционные альянсы; существуют дружественно-союзнические и враждующие отношения между разными контрадами). Ликование победителя максимально обостряется, ведь противник посрамлен. Все эти чувства активно подстегиваются благодаря использованию богатого символического реквизита команд. Разумеется, сиенское палио — это всего лишь пример. Нетрудно будет отыскать другие, возможно, менее колоритные, но не менее показательные.

В нашем квартале — самое красивое праздничное оформление табернакля с изображением Святой Девы Марии, а у наших соседей — просто посмешище и убожество! В нашей деревне / приходской церкви (допустим, Сан Стефано, Сан Мартино или Санто Спирито, «что на горе»...) самый чудесный и трогательный рождественский вертеп — уникальный, локально аутентичный, искусно выполненный из местных материалов, к тому же с фантазией... не то что у них (в Санта Чечилии, Санта Маддалене или Санта Кроче, «что у рынка»...) — ширпотреб, как из магазина китайских игрушек (обычно такие откровения из вежливости не озвучиваются при посторонних). В связи с этим вспоминается фрагмент из «Социологии религии» М. Вебера, где ученый, хотя и в ином проблемном контексте, замечает: «...для неаполитанца мадонна одной часовни отличается от мадонны другой: одной он поклоняется, другую презирает и ругает, если она помогает его соперникам, или пытается вызвать ее неблагосклонность к ним» [Вебер, 1994: 90].

Как учил Георг Зиммель, люди любят иногда просто конфликтовать — без особой причины, им это просто «надо» (для самоутверждения, поддержания «тонуса» и укрепления «границ»). Любят это делать и группы просто потому, что есть А и В, черное и белое, левая и правая рука, стороны света, и т. д. Как сообщала детсадовская присказка, повторяемая как мантра при парном построении в ряд перед выходом на прогулку, «первые горелые, вторые золотые». И этот словесный вызов сразу же рождал симметричный ответ: «первые на танке¹¹, вторые на поганке». Такова природа нереалистического конфликта, если использовать терминологию Льюиса Козера, шедшего по стопам Зиммеля. Если нет веских оснований, можно найти «пустяковые» — хотя самим участникам они столь уж пустяковыми не кажутся. Сколькими перстами креститься, ходить вокруг церкви посолонь или противосолонь?.. Фанатские сообщества, спортивные и музыкальные... поклонницы Ивана Козловского и Сергея Лемешева, рокеры и рэперы, эмо и готы... etc. — список может быть бесконечным. Стороны могут быть — «по сути» — похожи друг на друга, хотя чем-то все-таки различаться (например, цветами флага или геральдическим рисунком сообщества). Символы в подобных ситуациях нередко становятся яблоком раздора, катализатором, провоцирующим выход негативной социальной энергии. Содержательно предмет спора может не стоить и выеденного яйца, но это неважно, ведь страсти вокруг этих предметов бушуют нешуточные, а жертвы порой оказываются вполне реальными. И это также значит, что люди в большинстве случаев относятся к своим и чужим символам вполне серьезно, настолько серьезно, что... стремясь защищать эти символы, они оказываются способны на многое (включая даже готовность братья за оружие и жертвовать жизнью).

¹¹ «Правильно социализированный» советский ребенок уже в дошкольном возрасте знал, что танк — очень престижное средство передвижения.

Завершая комментарий к сорокинской концепции проводников, можно сделать короткое промежуточное резюме. Фетишизм проводников есть лишь другое концептуальное описание процесса кристаллизации жизни в культурных формах, драматизм которого был прекрасно схвачен Зиммелем (в то же самое трагическое десятилетие, когда Сорокин писал свои ранние работы).

Проводники не просто что-то проводят и кого-то с кем-то соединяют, пропуская через себя смыслы и значения, как через идеально полную трубу. Символы, подобно маклюэновскому медиуму, не только передают сообщение, но и сами нечто сообщают, даже если и не от себя изначально, а по «наставлению и наущению» полузабытых предков или традиции (концов не сыщешь!), по инерции или «на автомате». Поэтому они могут управлять людьми, хотя на первый взгляд кажется, что люди всецело управляют ими. Сами проводники, конечно, смыслов не производят (самостоятельно, без участия человека как подлинного, в некотором роде эксклюзивного генератора смысла). Но они обладают способностью эти смыслы аккумулировать — удерживать, хранить, накапливать, присваивать. В любом случае власть проводников над людьми определяется тем неустрашимым, фатальным обстоятельством, что последние не могут и не умеют передавать генерируемые ими значения, ценности и смыслы непосредственно, так сказать, «телепатически» и «экстрасенсорно», не выражая их ни в каких внешне доступных считыванию и фиксации формах.

Когда иконоборцы, ведущие войну с идолопоклонством, в состоянии священной экзальтации / остервенело / преисполненные праведного гнева откалывают головы у статуй святых, изваяния молчат, сохраняя невозмутимый вид. Но не молчат иконопочитатели, они действуют, вставая на защиту «каменных истуканов». Самим «истуканам», конечно, все равно, однако умение объединять и разъединять людей, делать их друзьями и врагами наделяет символы реальной силой, способной созидать, разрушать, поддерживать и трансформировать исторически сложившиеся системы общественных отношений.

Список литературы (References)

Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.

Weber M. (1994) Selected Works. The Image of Society. Moscow: Yurist. (In Russ.)

Кубряк О. В., Багдасарьян Н. Г., Герасименко М. Ю., Краснов В. Н., Кулябина Е. В., Подвойский Д. Г., Трущелёв С. А. О критичности врача: междисциплинарный подход // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 295—313. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.15>

Kubryak O. V., Bagdasaryan N. G., Gerasimenko M. Yu., Krasnov V. N., Kulyabina E. V., Podvoyskiy D. G., Trushchelev S. A. (2019) On Doctor's Criticism: An Interdisciplinary Approach. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. No. 6. P. 295—313. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.15>. (In Russ.)

Лазебная К. П. Теория символического в ранних работах П. А. Сорокина и российская социология начала XX века // Питирим Сорокин: новые материалы к научной биографии. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 157—167.

Lazebnaya K. P. (2012) The Theory of the Symbolic in the Early Works of P. Sorokin and Russian Sociology of the Early Twentieth Century. *Pitirim Sorokin: New Materials for a Scientific Biography*. Moscow: INION RAN. P. 157—167. (In Russ.)

Питц У. Проблема фетиша. М.: V-A-C Press, Artguide Editions, 2019.

Pitz W. (2019) The Problem of the Fetish. Moscow.: V-A-C Press, Artguide Editions. (In Russ.)

Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. Социальная аналитика. Ч. 1. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1991.

Sorokin P. (1991) System of Sociology. Vol. 1. Social Analytics. Syktyvkar: Komi Book Publ. (In Russ.)

Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

Sorokin P. (1992) Human. Civilization. Society. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Халас Э. Символы и общество. Интерпретативная социология. Харьков: Гуманитарный Центр, 2021.

Hałas E. (2021) Symbole i społeczeństwo. Szkice z socjologii interpretacyjnej. Kharkiv: Humanitarian Center. (In Russ.)

DOI: [10.14515/monitoring.2022.4.2236](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2236)

О. Л. Чернозуб

ДВУХКОМПОНЕНТНАЯ МОДЕЛЬ ЗАПЛАНИРОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ: ИНТЕГРАЦИЯ ИМПЛИЦИТНЫХ ФАКТОРОВ УЛУЧШАЕТ ТОЧНОСТЬ ПРОГНОЗА

Правильная ссылка на статью:

Чернозуб О. Л. Двухкомпонентная модель запланированного поведения: интеграция имплицитных факторов улучшает точность прогноза // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 21—38. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2236>.

For citation:

Chernozub O. L. (2022) The Two-Component Model for the Theory of Planned Behavior: The Integration of Implicit Factors Improves the Accuracy of the Forecast. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 21–38. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2236>. (In Russ.)

ДВУХКОМПОНЕНТНАЯ МОДЕЛЬ ЗАПЛАНИРОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ: ИНТЕГРАЦИЯ ИМПЛИЦИТНЫХ ФАКТОРОВ УЛУЧШАЕТ ТОЧНОСТЬ ПРОГНОЗА

ЧЕРНОЗУБ Олег Леонидович — кандидат социологических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: 9166908616@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5689-8719>

Аннотация. В первой части статьи (Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 28—44. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2125>) мы рассмотрели потенциальную возможность расширить модель теории запланированного поведения (ТЗП) А. Айзена за счет учета не только эксплицитных (осознаваемых), но и имплицитных (находящихся вне контроля сознания) факторов поведения. Первые результаты эмпирического тестирования показали, что результаты измерения имплицитных факторов радикально отличаются от результатов их эксплицитных аналогов. Имплицитные факторы определенно являются ортогональными по отношению к эксплицитным, а их изучение несет в себе новую информацию. Но насколько эта новая информация полезна с точки зрения лучшего понимания поведения человека? Улучшает ли она модель ТЗП и помогает ли сделать более точными ее прогнозы?

Все эти вопросы рассмотрены в настоящей статье. Главный вывод про-

THE TWO-COMPONENT MODEL FOR THE THEORY OF PLANNED BEHAVIOR: THE INTEGRATION OF IMPLICIT FACTORS IMPROVES THE ACCURACY OF THE FORECAST

Oleg L. CHERNOZUB¹—Cand. Sci. (Soc.), Head of the Center for Socio-Economic Research, Institute for Sociology of Government
E-MAIL: 9166908616@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5689-8719>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. In the first part of the article (Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. No. 3. P. 28—44. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2125>), we considered the potential opportunity to expand the model of A. Ajzen's Theory of Planned Behavior by taking into account explicit (conscious) and implicit (beyond the control of consciousness) factors of behavior. The first results of empirical testing showed that the measurement results of implicit factors radically differ from their explicit counterparts' results. Implicit factors are orthogonal to explicit ones, and their study carries new information. However, how useful is this further information in terms of a better understanding of human behavior? Does it improve the TPB model, and does it help to make its forecasts more accurate?

All these questions are discussed in this article. The main conclusion of the analysis is that taking into account implicit factors further clarifies the motives of human behavior and increases the accuracy of the prediction of human actions. The TPB model in its two-component

деланного анализа: учет имплицитных факторов дополнительно проясняет мотивы поведения человека и повышает точность прогноза его действий. Модель ТЗП в ее двухкомпонентном варианте выглядит еще более эффективным инструментом исследования поведения человека.

version looks like an even more effective tool for studying human behavior.

Ключевые слова: факторы поведения, двухкомпонентная модель факторов поведения, эксплицитные факторы, имплицитные факторы, установка, структурная теория установки, теория двух систем, GATO, TRA/TPB, IAT, MODE, RIM

Keywords: factors of behavior, the two-component model of factors of behavior, explicit factors, implicit factors, attitude, structural theory of attitude, the theory of dual systems, GATA, TRA/TPB, IAT, MODE, RIM

Замысел исследования и первые результаты

В предыдущей статье [Чернозуб, 2022] указывалось, что теория запланированного поведения (ТЗП — Theory of Planned Behavior/TPB) [Ajzen, 1991; Fishbein, Ajzen, 2011] наиболее популярна для исследования и прогнозирования социального поведения. Вместе с тем последние открытия обратили внимание на некоторые новые факторы поведения человека, которые ранее не учитывались совсем либо же недооценивались. В частности, была существенно пересмотрена роль имплицитных факторов поведения. MODE, IAT, RIM¹ — только некоторые из популярных моделей, получивших широкое признание [Fazio, 1990, 2007; Greenwald et al., 2009a, 2009b; Tversky, Kahneman, 1992; Kahneman, 2011; Perugini, 2005; Perugini, Richetin, Zogmaister, 2010; Roccato, Zogmaister, 2010; Smith, DeCoster, 2000; Strack, Deutsch, 2004].

ТЗП не отрицает значения имплицитных факторов, однако считает, что в случае именно «запланированного» действия они отрефлексированы потенциальным актором и уже учтены в измеряемых ею эксплицитных параметрах. Таких параметров четыре. Во-первых, собственно исходная установка, понимаемая как априорная предрасположенность действовать в данной ситуации данным образом. Во-вторых, «ожидания результата», которые отражают результат «проверки» субъектом действия — приведет ли следование установке в данной конкретной ситуации к удовлетворяющим его результатам? В-третьих, «нормативные ожидания» — проверка актором соответствия предполагаемого действия социальным нормам. В-четвертых, «ожидания контроля», которые чаще всего понимаются как оценка субъектом действия реалистичности его выполнения. Если человек удовлетворен ожидаемым результатом, считает, что его действие получит одобрение референтной группы и оно ему вполне по силам, — программа установки реализуется и предусмотренное ею действие выполняется. Чем ниже

¹ MOfives and Opportunity DEterminants (MODE), Implicit Association Test (IAT), Reflective — Impulsive Model (RIM).

субъективные оценки потенциального актора по каждому из факторов ТЗД, тем ниже вероятность совершения действия.

Действительно ли измеряемые ТЗП параметры в полной мере учитывают не только эксплицитные, но и имплицитные факторы? И если нет, можно ли надеяться на то, что модель ТЗП, «обогащенная» имплицитными факторами, станет более полной и точной в отношении описания поведения человека?

Для проверки соответствующих гипотез в октябре 2021 г. было проведено эмпирическое исследование: онлайн-опрос 600 россиян, планировавших приобретение квартиры или дома в течение ближайших 12 месяцев. Четыре переменных описывали эксплицитные факторы ТЗП и были представлены в форме обращающихся к сознанию респондентов вопросов типа «согласны ли Вы с утверждением...» Еще четыре переменных представляли параметры ТЗП в имплицитном виде. Они измеряли состояние имплицитных эквивалентов факторов ТЗП при помощи графического ассоциативного теста отношения (ГАТО) [Chernozub, 2020a], фиксирующего неосознаваемое отношение к исследуемым объектам.

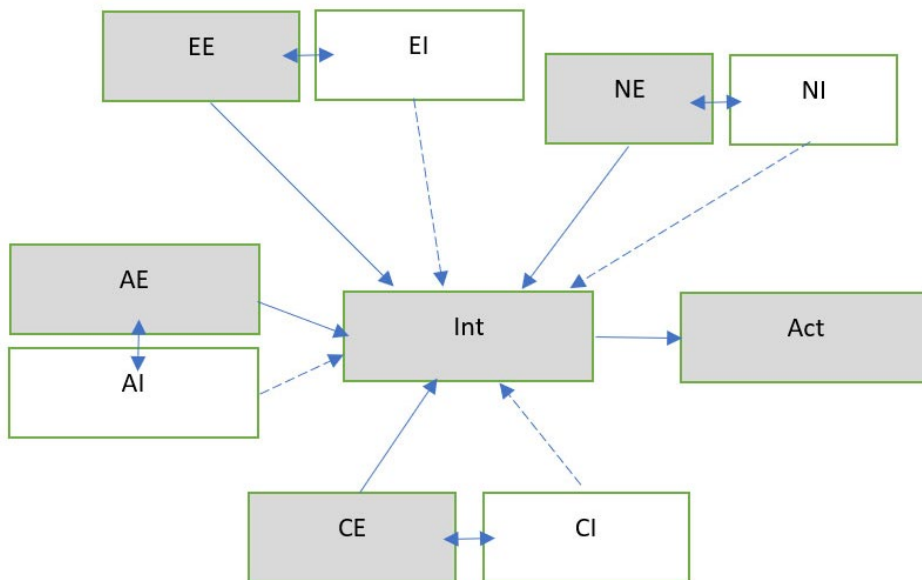
Зависимые переменные модели были представлены эксплицитными переменными «намерений» («Намереваетесь ли Вы приобрести новое жилье в течение ближайших 12 месяцев?») и «поведения» («Какая доля из необходимых средств у Вас уже имеется?»). Последняя переменная на том основании, что она описывает степень завершенности подготовительных действий, рассматривалась как *индикатор вероятности* совершения действия, представляющего собой предмет прогнозирования (покупки нового жилья). Допустимо и менее строгое ограничение концептуализации — оценка накопления необходимых средств непосредственно как *начавшегося* действия. В любом случае ТЗП рассматривает подобные показатели как *самый* надежный индикатор того, что действие будет действительно совершено, выделяя подобные переменные в категорию «commitment» («приерженности», «подтвержденной решимости»). [Fishbein, Ajzen, 2011].

Таким образом, комплексная, эксплицитно-имплицитная модель ТЗП была операционализована в виде следующего набора переменных:

- AE** — установка (эксплицитная);
- AI** — установка (имплицитная);
- EE** — ожидания результата (эксплицитные);
- EI** — ожидания результата (имплицитные);
- NE** — нормативные ожидания (эксплицитные);
- NI** — нормативные ожидания (имплицитные);
- CE** — ожидания контроля (эксплицитные);
- CI** — ожидания контроля (имплицитные);
- Int** — намерение;
- Act** — действие.

Более подробно параметры эмпирического исследования описаны в первой части статьи [Чернозуб, 2022]. В графическом виде исходная теоретическая модель представлена в виде схемы на рисунке 1. Эксплицитные элементы модели отображены серыми прямоугольниками, а имплицитные — белыми.

Рис. 1. Предполагаемая система связей в двухкомпонентной модели запланированного поведения

Однонаправленные стрелки на схеме отображают теоретически предполагаемые векторы влияния факторов ТЗП на намерения, а намерений — на непосредственное действие. Проверка направленности и силы этого влияния и представляет основу содержания настоящей статьи.

Решение задачи упрощается тем, что на первом этапе удалось вполне однозначно решить вопрос о характере связей между «эквивалентными» факторами (двусторонние стрелки между соответствующими друг другу эксплицитными и имплицитными факторами). Такая связь практически отсутствует. За исключением эксплицитной и имплицитной компонент исходной установки (EA и IA) члены всех прочих пар «эквивалентов» полностью независимы друг от друга.

Это позволило уверенно принять базовую техническую гипотезу исследования: (H_01) «Статистически значимые различия в рамках пар эксплицитных и имплицитных „эквивалентов“ факторов ТЗП (EA–IA; EE–IE; EN–IN; EC–IC) отсутствуют». Принятие данной гипотезы означает, что привнесение в модель ТЗП имплицитных факторов создает дополнительную информацию.

Насколько эта информация содержательна?

Эффект улучшения прогноза поведения за счет учета имплицитных факторов

Прогнозирование реального действия является важнейшим способом валидации для любой теоретической модели, претендующей на описание его факторов. В еще большей степени точность прогноза важна в качестве критерия применимости модели на практике. Исходя из этого соображения первое, что мы сделали после установления ортогональности элементов эксплицитной и имплицитной

компонент, — это проверка гипотезы о том, что учет имплицитных факторов повышает прогностическую силу модели ТЗП (H_02): «Статистически значимое улучшение показателей прогноза социального действия в результате замены/дополнения эксплицитных компонент модели ТЗП имплицитными отсутствует».

Для проверки данной гипотезы были сформированы 24 модели прогноза. 12 из них прогнозировали значение промежуточного показателя «намерения» (Int), а другие 12 — собственно показателя «поведение» (Act).

В каждом из двух наборов по 12 моделей 4 модели соответствовали прогнозам по четырем изолированным эксплицитным факторам, четыре модели — по четырем изолированным имплицитным факторам. Эти модели рассматривались как «контрольные». Еще четыре — по четырем двухкомпонентным факторам. Последние модели рассматривались как «экспериментальные».

Двухкомпонентные модели были образованы комбинацией эксплицитного и имплицитного параметров в рамках соответствующей пары эквивалентов. Шкалы каждой переменной пары были приведены к бинаминальным. Таким образом, шкала комбинированного фактора получила следующий вид в отношении вероятности совершения действия:

- 1) высокая по эксплицитному, высокая по имплицитному;
- 2) высокая по эксплицитному, низкая по имплицитному;
- 3) низкая по эксплицитному, высокая по имплицитному;
- 4) низкая по эксплицитному, низкая по имплицитному.

Исходя из теоретических соображений, а также из данных предыдущих исследований [Chernozub, 2020b], первое значение шкалы постулировалось как отражающее наибольшую вероятность совершения действия, четвертое — как наименьшую. Второе и третье значения — как занимающие промежуточное положение.

Тестирование гипотезы H_02 требовало не просто установления связей между независимыми переменными Int и/или Act и их предполагаемыми факторами, но и проверку этой связи на асимметричность. Это обстоятельство обусловило использование в качестве показателя связи наших ранговых переменных Дельту Р. Сомерса [Somers, 1962], которая целым рядом авторов считается наиболее уместной в подобных ситуациях [Newson 2002; O'Connell 2006].

В таблицах 1—4 представлены сводные результаты расчетов показателей Сомерс Д для независимой переменной «намерение» (Int) и «действие» (Act).

Перед тем как обратиться к интерпретации полученных результатов, уместно будет отметить, что одна из распространенных интерпретаций показателя «Дельта Сомерса» — это выраженная в доле единицы величина улучшения прогноза значений зависимой переменной для случаев, когда известно значение независимой. В контексте нашего исследования это означает, что мы напрямую можем использовать полученные по результатам расчетов коэффициенты данного показателя для выводов о прогностической силе предполагаемых факторов. В таблицах также представлены показатели значимости (p), которые интерпретируются традиционным образом: как вероятность принятия нулевой гипотезы об отсутствии статистически значимой связи между двумя переменными. В представленном ниже анализе мы будем считать значимыми взаимосвязи с $p = 0,05$ или меньше.

Таблица 1. **Факторы намерения: контрольные переменные**

	Влияет на Int	Под влиянием Int	Значимость
EA	-0,031	-0,006	0,720
EE	0,072	0,030	0,224
EN	0,010	0,002	0,926
EC	0,163	0,142	0,000
IA	-0,042	-0,026	0,398
IE	0,004	0,003	0,930
IN	0,075	0,068	0,066
IC	0,029	0,024	0,503

Таблица 2. **Факторы намерения: экспериментальные переменные**

	Влияет на Int	Под влиянием Int	Значимость
EA + IA	-0,037	-0,028	0,396
EE + IE	0,058	0,065	0,098
EN + IN	0,032	0,029	0,434
EC + IC	0,103	0,139	0,001

Как видно из представленных данных, исследованные переменные, теоретически постулируемые как факторы выработки намерения действовать, таковыми факторами по сути не являются. Этот вывод выглядит вполне однозначным, однако должен быть уточнен в том отношении, что измерявшееся нами «намерение» касалось не самого действия «покупки» — «непокупки» нового жилья, а сроков его реализации (3—6—12 месяцев). Это заставляет нас быть более осторожными в части возможной генерализации данного вывода. Видимо, будет более корректно ограничиться той констатацией, что по данным нашего исследования предполагаемые факторы намерения существенно не влияют не на само намерение, а на интенсивность его проявления. В любом случае анализ взаимосвязей исследуемых переменных с намерениями респондентов мало что может прояснить в отношении роли предполагаемых факторов.

Совсем другая картина наблюдается в отношении факторов действия.

В контрольных моделях вполне определенно на переменную действия оказывают влияние как эксплицитные, так и имплицитные ожидания контроля (EC, IC) и отчасти — имплицитная установка (IA). Еще более убедительным это влияние становится в рамках экспериментальных моделей.

Таблица 3. **Факторы действия: контрольные переменные**

	Влияет на Act	Под влиянием Act	Значимость
EA	-0,182	-0,038	0,058
EE	-0,062	-0,029	0,354
EN	-0,147	-0,024	0,179
EC	-0,298	-0,280	0,000
IA	-0,128	-0,079	0,025
IE	-0,086	-0,083	0,063
IN	-0,023	-0,023	0,616
IC	-0,122	-0,106	0,012

Таблица 4. **Факторы действия: экспериментальные переменные.**

	Влияет на Act	Под влиянием Act	Значимость
EA + IA	-0,144	-0,110	0,004
EE + IE	-0,026	-0,032	0,505
EN + IN	-0,126	-0,120	0,005
EC + IC	-0,310	-0,213	0,000

В комбинированной модели все факторы ТЗП кроме ожиданий результата (EE + IE) становятся значимыми. Главным фактором оказываются ожидания контроля (EC + IC). Двухкомпонентная установка (EA + IA) также оказывает существенное влияние на действие. И в том, и в другом случае влияние фактора на зависимую переменную (Act) заметно более высокое, чем встречное. Это позволяет нам говорить не просто о взаимосвязи переменных, а именно о *направленном* влиянии.

В частности, мы можем проверить и отклонить предположение о том, что, поскольку оценка вероятности действия представлена переменной доли уже накопленных средств для покупки, связь между ожиданиями контроля и действием является обратной: респондент обладает достаточной суммой, поэтому его ожидания контроля высоки. Представленные выше данные показывают, что, вероятнее всего, верна обратная интерпретация: убежденность в посильности задачи первична по отношению к формированию необходимых запасов.

Применительно к нормативным ожиданиям (EN + IN) ситуация немного другая. Взаимосвязь данной переменной с переменной действия довольно высокая, но двусторонняя. Полученные в ходе исследования данные не позволяют однозначно утверждать, что нормативные ожидания определяют действие, хотя и связаны с ним каким-то более сложным, взаимообуславливающим образом.

Переменная ожиданий результата ($EE + IE$) полностью выпадает из модели. Ни она не влияет на переменную действия, ни последняя не влияет на ожидания результата.

Помимо прочего, на примере этой переменной хорошо прослеживается синергетический эффект, типичный для двухкомпонентных моделей [Chernozub, 2020b]. Коэффициент Сомерс D ($-0,026$) и показатель значимости ($0,505$) двухкомпонентной модели ниже, чем *самые низкие* из значений комбинируемых переменных ($-0,062$ и $0,354$ соответственно). Нас в этом случае не должно смущать, что содержательно синергетический эффект имеет обратное влияние: двухкомпонентная переменная еще убедительнее указывает на отсутствие связи, чем *любая* из входящих в нее исходных.

Такое же явление эмерджентности, только в сторону улучшения показателей связи, мы наблюдаем в отношении ожиданий контроля. В двухкомпонентной модели не только заметно увеличивается коэффициент Дельта, но и, что в нашем случае имеет принципиальное значение, существенно изменяется баланс встречных влияний. В рамках двухкомпонентной модели связь переменных становится выражено односторонней: от фактора k зависимой переменной. Влияние фактора и встречное влияние зависимой переменной составляют соответственно $-0,310$ и $-0,213$ у $ES + IC$ против $-0,298$ и $-0,280$ у «лучшей» из исходных переменных ES . В первом случае отношение коэффициентов в пользу влияния соответствующего фактора на предположительно зависящую от них переменную действия оказывается $1,45$, в то время как во втором — $1,06$.

Насколько закономерности, выявленные для отдельных факторов, сохраняют свое действие для комплексной модели, построение которой в конечном счете предполагается теорией запланированного действия?

Сравнительная эффективность традиционной и двухкомпонентной модели ТЗП

Для окончательной проверки гипотезы улучшения точности прогноза поведения за счет дополнения модели ТЗП имплицитными факторами мы провели анализ взаимосвязей независимой переменной (Act) с комплексной суммативной переменной — фактором, рассчитанным в рамках различных моделей. Данные модели были представлены парами, где конвенциональная модель ТЗП представляла собой контрольное измерение, а двухкомпонентная модель ТЗП (с добавлением имплицитных факторов) — экспериментальное.

В конвенциональном варианте ТЗП предполагается, что все исходные переменные будут проверены на предмет пригодности к образованию пространства Лайкерта, после чего их значения суммируются. В результате образуется единая переменная, отражающая, как полагают, силу влияния комплекса факторов модели на предполагаемое действие. В рамках нашего исследования это означает суммирование значений переменных EA , EE , EN и ES . Тест пригодности не выявил никаких противопоказаний для подобной операции (Альфа Кронбаха составила $0,641$) [Чернозуб, 2022]. После проведения суммирования получившаяся переменная была перекодирована в дихотомическую, где величинам, располагавшимся ниже среднего, было присвоено значение «относительно низкая вероятность

совершения действия», а величинам, располагавшимся выше среднего, — «относительно высокая вероятность совершения действия». Перекодировка в дихотомическую переменную диктовалась стремлением обеспечить полную сопоставимость всех переменных (как исходных, так и производных) вне зависимости от изначальной размерности их шкал. Таким образом была образована переменная ТЗП.

В целях проведения сравнительного анализа был также рассчитан ее двухкомпонентный «аналог» — переменная «ТЗП-двухкомпонентная». Для этого были механически воспроизведены все процедуры модели теории запланированного поведения. Несмотря на относительно неблагоприятные данные теста пригодности (Альфа Кронбаха — 0,444), все четыре двухкомпонентные переменные (EA + IA, EE + IE, EN + IN, EC + IC) были суммированы, после чего приведены к дихотомическому виду точно так же, как это описано выше.

Для выявления характера влияния каждого отдельного фактора на предсказательную силу суммативной переменной мы также рассчитали четыре пары ее вариантов, каждый из которых не учитывал какой-то один фактор. Таким образом получилось десять моделей влияния различных групп факторов на переменную действия (Act). Эти десять моделей образовали пять пар сравниваемых экспериментальных и контрольных моделей прогнозирования поведения на основе информации о состоянии его факторов, постулируемых теорией запланированного поведения.

Результаты тестирования связей между полученными суммативными переменными и переменной вероятности действия в рамках десяти сформированных моделей отображены в таблицах 5—9.

Коэффициенты в первых двух колонках с данными — величина Сомерс Д. Колонка «Влияет на Act» отражает направленное влияние фактора на поведение, колонка «Под влиянием Act» — встречное влияние переменной Act на рассматриваемый фактор. Более высокое значение в первой колонке по сравнению со второй указывает на то, что предполагаемый фактор поведения действительно является таковым, то есть определяет поведение в большей степени, чем сам определяется им.

Значения в строке «Прирост точности прогноза» — результат деления величины показателя Сомерс Д экспериментальной модели (ТЗП двухкомпонентная) на соответствующую величину контрольной модели (ТЗП). Значение выше единицы указывает на то, что интеграция в данную модель имплицитных факторов приводит к приросту точности прогноза. Значение меньше единицы — на то, что такая интеграция снижает точность прогноза.

Таблица 5. Сравнение суммативных моделей: учтены все 4 исходных фактора

	Влияет на Act	Под влиянием Act	Значимость
ТЗП	-0,145	-0,147	0,001
ТЗП-двухкомпонентная	-0,170	-0,165	0,000
Прирост точности прогноза	1,172	1,122	NA

Как видно из представленных в таблице 5 данных, обе модели факторов демонстрируют достаточно высокую связь с переменной действия. Вместе с тем

обращает на себя внимание тот факт, что связь эта двусторонняя. В отличие от ситуации с анализом отдельных факторов поведения (см. табл. 3 и 4), здесь мы не можем сказать, что влияет на что: серьезный настрой на приобретение жилья приводит к совершению реальных действий по накоплению финансовых ресурсов или же наличие таковых ресурсов обеспечивает оптимизм, находящийся выражение в наших суммативных переменных. Тем не менее эффект от интеграции в конвенциональную модель имплицитных переменных вполне ощутим. Прирост точности прогноза для направленной связи «фактор — поведение» составляет больше 17 %, а для встречного влияния — больше 12 % (коэффициенты 1,172 и 1,122, соответственно).

Можно ли считать, что данные явления отображают некую закономерность? Насколько они устойчивы? Рассмотрим поведение моделей для случаев исключения одного из исходных факторов ТЗП.

Одной из популярных производных моделей ТЗП является модель Integrated Behavioral Model (IBM), которая постулирует низкое значение для действия исходной «базовой» установки, сосредотачиваясь только на факторах ситуативных ожиданий [Montaco, Kasprzyk, 2015]. Результат тестирования этой модели в ее конвенциональном и двухкомпонентном варианте представлен в таблице 6.

Таблица 6. Сравнение суммативных моделей: модель IBM (без учета общей установки)

	Влияет на Act	Под влиянием Act	Значимость
ТЗП	-0,184	-0,185	0,000
ТЗП-двухкомпонентная	-0,213	-0,213	0,000
Прирост точности прогноза	1,158	1,151	NA

Как видим, сделанные ранее наблюдения сохраняют свою актуальность: обе суммативные переменные демонстрируют статистически значимую связь с переменной поведения. Хотя эта связь и сохраняет двусторонний характер, использование имплицитных факторов позволяет заметно улучшить точность прогноза.

Явление воспроизводится и для варианта с исключением ожиданий результата. Соответствующие данные представлены в таблице 7.

Таблица 7. Сравнение суммативных моделей: без учета ожиданий результата

	Влияет на Act	Под влиянием Act	Значимость
ТЗП	-0,204	-0,202	0,000
ТЗП-двухкомпонентная	-0,241	-0,244	0,000
Прирост точности прогноза	1,181	1,208	NA

Исключение ожиданий результата приводит даже к еще большему увеличению тесноты связи переменных. Она по-прежнему двусторонняя, но эффект улучшения точности прогноза, пожалуй, можно назвать даже чуть более выраженным.

Начавшую выстраиваться стройную картину несколько смазывает поведение показателей в модели с исключенными нормативными ожиданиями. К счастью, сам характер возникающего противоречия информативен и потенциально способен вести к далеко идущим выводам. Соответствующие данные представлены в таблице 8.

Таблица 8. Сравнение суммативных моделей: без учета нормативных ожиданий

	Влияет на Act	Под влиянием Act	Значимость
ТЗП	-0,228	-0,230	0,000
ТЗП-двухкомпонентная	-0,213	-0,215	0,000
Прирост точности прогноза	0,933	0,934	NA

В рамках обеих моделей связь остается достаточно сильной и двусторонне направленной. Изменение, которое мы наблюдаем, — не улучшение, а ухудшение точности прогноза после интеграции в модель имплицитных переменных. Если это не результат некоего вероятностного отклонения, то содержательная интерпретация данного явления может быть довольно интересной.

Обратимся к материалам таблиц 3 и 4. Представленные в них данные показывают, что связь и эксплицитной (EN), и имплицитной (IN) переменных, отражающих нормативные ожидания, с переменной действия (Act) слаба и не проходит никакой разумный уровень значимости ($p = 0,179$ и $p = 0,616$, соответственно). Вместе с тем при анализе связи комбинированной переменной (EN + IN) связь становится значимой ($p = 0,005$), и мы в очередной раз наблюдаем синергетический эффект комбинирования эксплицитных и имплицитных факторов. Соответственно, удаление из расчетов контрольной модели (EA + EE + EN + EC) переменной EN ущерба ей не наносит. В то же время удаление из двухкомпонентной суммативной модели ((EA + IA) + (EE + IE) + (EN + IN) + (EC + IC)) переменной EN + IN, как раз и являющейся носителем этого синергетического эффекта, приводит к заметному относительному ухудшению показателей экспериментальной модели.

В случае с ожиданиями контроля мы наблюдаем примерно то же самое, только, если так можно выразиться, «с обратным знаком». Соответствующие данные представлены в таблице 9.

Таблица 9. Сравнение суммативных моделей: без учета ожиданий контроля

	Влияет на Act	Под влиянием Act	Значимость
ТЗП	-0,094	-0,049	0,131
ТЗП-двухкомпонентная	-0,130	-0,122	0,005
Прирост точности прогноза	1,383	2,490	NA

В данном случае прирост точности прогноза за счет учета не только эксплицитных, но и имплицитных факторов заметно больше того, который мы могли видеть

ранее: 38% против 18% для моделей без ожиданий результата (см. табл. 7). Снова обратившись к таблицам 3 и 4, где представлены данные о связях переменных, рассматриваемых изолированно, мы обнаруживаем, что ожидания результата — единственная переменная, которая на индивидуальном уровне демонстрирует статистически значимую связь с переменной действия. Ее удаление из расчета суммативной переменной конвенциональной ТЗП приводит к тому, что связь последней с действием резко ухудшается и фактически рвется ($p = 0,131$). Связь данных переменных в рамках двухкомпонентной модели также ухудшается, но все-таки остается значимой ($p = 0,005$). Иными словами, в этом случае улучшение прогноза действия имеет своей причиной не столько явные преимущества двухкомпонентной модели, сколько высокую зависимость конвенциональной модели от фактора ожиданий контроля. Об этом же говорит и низкая значимость связи в рамках конвенциональной модели: с утратой фактора ожиданий контроля в своем составе данная модель не может сказать вообще ничего определенного о прогнозируемом поведении.

Рассмотренная совокупность фактов дает возможность сделать вполне однозначные выводы. Гипотеза исследования (H_02): «Статистически значимое улучшение показателей прогноза социального действия в результате замены/дополнения эксплицитных компонент модели ТЗП имплицитными отсутствует» не находит своего подтверждения и должна быть отклонена. Данный вывод, конечно, относится только к конкретному эмпирическому материалу, однако он вполне согласуется с результатами, полученными ранее в рамках применения двухкомпонентных моделей прогнозирования поведения [Chernozub, 2020a, 2020b].

Общие выводы и перспективы дальнейших исследований

Как видно из представленных материалов, полученные данные позволили рассмотреть проблему во многих аспектах, расширяющих наши представления о факторах поведения и способах его надежного прогнозирования. К наиболее существенным выводам можно отнести следующие.

1. Устойчивость явления улучшения прогноза поведения за счет интеграции имплицитных факторов. Его вероятностный характер. Рассмотренное под самыми разными углами зрения явление улучшения прогноза поведения в двухкомпонентных моделях, построенных на основе теории запланированного поведения, оказывается устойчивым. Оно регулярно воспроизводится как на уровне отдельных факторов модели ТЗП, так и на уровне различных вариантов расчета суммативной переменной — предполагаемого фактора акта поведения. Зарегистрированный нами единственный случай ухудшения точности прогноза (см. табл. 8) вполне укладывается в диапазон разброса значений данного параметра, обнаруженного на материалах электоральных исследований [Chernozub, 2020b]. В целом опыт настоящего (маркетингового) и предшествующего (электорального) прогнозирования показывает, что улучшение точности прогноза в рамках рассматриваемого дизайна двухкомпонентных моделей носит вероятностный характер. Если предположить, что соответствующее распределение имеет нормальный характер, то тенденция его среднего обнаруживается в области умеренно положительных значений, в то время как предельные значения могут оказываться в области минимально отрицательных и выраженно положительных значений.

2. Снижение детерминирующей силы в суммативных моделях. Сила направленного влияния отдельных факторов модели ТЗП на поведение как в их эксплицитной, так и в имплицитной форме невелика (см. табл. 6). Это означает, что по крайней мере на использованном нами эмпирическом материале предсказание поведения на основе отдельных факторов невозможно. Поэтому для конвенциональной модели ТЗП (учитывающей только эксплицитные факторы) конструирование фактора поведения в виде суммативной переменной оказывается обязательным. Однако в результате перехода к суммативной переменной резко ослабляется детерминирующая сила фактора и растет влияние встречной направленности (см. разницу значений «Влияет на Act» и «Под влиянием Act» для таблицы 6 в сравнении с таблицами 5—9). Это означает, что в своем «суммированном» виде факторы ТЗП выступают не столько в качестве детерминанта, сколько в качестве индикатора готовности к совершению действия. Если это так, то они могут использоваться для его прогнозирования в качестве достаточно надежного *внешнего признака* действия, но, конечно, не могут рассматриваться в качестве *факторов, определяющих* это действие.

3. Относительно высокая детерминация поведения факторами ТЗП в двухкомпонентных моделях. Двухкомпонентные модели традиционных факторов ТЗП, «обогащенные» имплицитными эквивалентами этих факторов, напротив, демонстрируют способность непосредственно определять поведение, выступая его факторами (см. разницу значений «Влияет на Act» и «Под влиянием Act» в таблицах 3 и 4 для статистически значимых случаев). Это означает, что сама структура факторов ТЗП вполне работоспособна с точки зрения поиска факторов поведения. Во всяком случае комбинирование имплицитных и эксплицитных эквивалентов ее традиционных факторов позволяет более определенно выявить именно направленные связи от фактора к поведению.

4. Фундаментальный фактор поведения: роль общей установки. В данном исследовании в целом подтверждаются выводы электорального прогнозирования, где улучшение точности прогноза достигается за счет комбинирования эксплицитных и имплицитных компонент общей установки по отношению к кандидатам. В случае покупки жилья мы также обнаруживаем высокую роль этого фактора именно в качестве детерминанта поведения (см. строку EA + IA в таблице 4). Это означает, что основательно подзабытая социологическим мейнстримом социальная установка может выступать и выступает важным фактором, *непосредственно* определяющим поведение человека.

5. Доминирующий ситуативный фактор поведения: роль «ожиданий контроля». Как мы знаем, «ожидания контроля» — это один из факторов, который ТЗП целенаправленно добавила к теории социальной установки. В нашем исследовании в полной мере обнаруживаются положительные эффекты этого нововведения. «Ожидания контроля» оказываются не только важнейшим непосредственным фактором поведения, но и наиболее полно раскрывают типичный для двухкомпонентных моделей синергетический эффект: направленное на поведение влияние двухкомпонентного фактора заметно выше, чем влияние каждой из его составляющих по отдельности (см. табл. 4).

6. Имплицитные факторы как факторы социального действия. Исходя из представлений классической социологии, «нормативные ожидания» — квинт-

эссенция собственно «социального» в модели поведения ТЗП. С точки зрения любой модели социального действия именно за счет воздействия со стороны общественных норм поведение отдельного человека приобретает социальный характер, либо укрепляя, либо разрушая соответствующие институты [Девятко, 2003]. В рамках нашего исследования нормативные ожидания обнаружили устойчивую связь с поведением только в виде комбинированной переменной EN + IN (см. табл. 3 и 4). Эту связь нельзя назвать односторонней: «нормативные ожидания» настолько же влияют на поведение, насколько находятся под его влиянием. При этом обращает на себя внимание тот факт, что синергетический эффект комбинации эксплицитной и имплицитной переменных в данном случае проявляет себя как раз в непропорциональном росте встречного влияния: от поведения к его предполагаемому фактору. Это означает, что в вопросе приобретения жилья люди на самом деле не ориентируются на мнение своего окружения, но, напротив, склонны оправдывать им любое свое действие, каким бы оно ни оказалось. Механизм этого процесса, насколько мы можем судить, преимущественно неосознаваемый, чем и обусловлен тот факт, что вскрывается он только после интеграции в конвенциональную модель ТЗП имплицитных переменных. В любом случае для нас важно, что имплицитные факторы позволяют глубже понять именно социальные аспекты поведения. Это, помимо прочего, — *прямое*² свидетельство того, что исследуемые нами имплицитные факторы могут являться и являются факторами именно социального поведения.

7. Оторванность «намерений» от исходных факторов. Как показывают полученные нами данные, связь «намерений» (Int) с исходными факторами модели ТЗП как в их эксплицитной, так и в имплицитной форме разочаровывающе слаба. Наиболее вероятное объяснение данному явлению — «намерения», по крайней мере в том виде, в каком они измерялись в нашем и ему подобных исследованиях, представляют собой искусственный конструкт, весьма далекий от реальных процессов «вызревания» (эскалации) социального действия. На это уже неоднократно указывалось, причем наиболее убедительно — именно по результатам эмпирических исследований [Rogers, Aida, 2012]. Если это так, то невозможно недооценить значение данного вывода для современной теории социального действия, продолжающей считать «интенциональность» имманентным свойством последнего.

Как видим, полученные выводы охватывают все основные аспекты рассмотрения предмета исследования. В теоретическом плане мы прежде всего приходим к выводу о беспорной взаимосвязи имплицитных факторов со сферами социальных норм и нормативного регулирования поведения. При этом в очередной раз встает вопрос о «намеренности» социального поведения как такового. Не в смысле наличия неких движущих интенций, но в смысле контроля этих интенций со стороны сознания самого субъекта действия. Может ли считаться социальным действие, истинных мотивов которого не понимает и сам актер, а соответствие этого действия социальным нормам приписывается ему постфактум?

² Косвенное обоснование данного тезиса заключается в том, что объективные пространства, где учет имплицитных факторов позволяет улучшить точность прогноза поведения, беспорно, являются пространствами социального поведения (выборы, совершение ответственных покупок и т. п.).

В методологическом плане получен обширный материал о свойствах двухкомпонентных моделей поведения, позволяющий лучше понять онтологию их факторов.

С методической точки зрения в очередной раз напомнил о себе вопрос адекватности существующих средств измерения «намерений» респондента.

Все эти наблюдения, конечно, не исчерпывают затронутой проблематики. Скорее, напротив — вполне определенно обозначают фронт целой программы будущих исследований. К тематике таких исследований можно было бы смело отнести метаанализ функции распределения улучшений прогноза. Насколько в статистическом смысле устойчиво это явление? Что влияет на подобное улучшение? Почему точность прогноза иногда не растет, а, напротив, снижается, и т. п.

Вторым перспективным направлением представляется выявление механизмов подобных улучшений. Технически прогноза улучшается потому, что часть потенциальных акторов, вероятность действия которых исключительно по эксплицитным измерениям считается высокой, двухкомпонентными моделями «отбраковываются» по имплицитным основаниям. И напротив, часть акторов, действие которых по эксплицитным основаниям рассматривается как маловероятное, с учетом имплицитных факторов «переводятся» в категорию более высокой вероятности. Соответственно, возникают вопросы: кто эти люди? Каковы их онтологические и ситуативные характеристики? Насколько устойчивы пропорции всех этих групп и от чего они зависят?

Наконец, третье вполне очевидное направление развития темы просматривается в создании структурированной модели именно факторов (не индикаторов!) социального поведения. Для этого, во-первых, необходимо дать уточненное определение собственно социального действия. Оно должно допускать ненамеренность или условную намеренность социального действия, а также учитывать возможность интеграции в процесс его эскалации также и имплицитные факторы. Необходимо разработать структурно-функциональную модель такого действия. Наши исследования показывают, что все известные элементы такой модели: социальная установка, нормативные ожидания, ожидания результата и контроля, — вполне актуальны и уверенно проявляют себя в эмпирическом материале. «Расщепление» этих ключевых макроэлементов на их эксплицитные и имплицитные эквиваленты укладывается в идеи структурной теории установки [Rosenberg, 1956; Rosenberg et al., 1960; Festinger, 1957] и находится в контексте современных представлений о дуальной природе принятия решений [Fazio, 1990, 2007; Greenwald et al., 2009a, 2009b; Tversky, Kahneman, 1992; Kahneman, 2011; Perugini, 2005; Perugini, Richetin, Zogmaister, 2010; Roccato, Zogmaister, 2010; Smith, DeCoster, 2000; Strack, Deutsch, 2004]. Поэтому вопрос сводится к выявлению характера их связей внутри модели и описанию онтологических и функциональных свойств двухкомпонентной модели факторов поведения в различных ситуациях выбора.

Огромное пространство, ждущее своих исследователей.

Список литературы (References)

Девятко И. Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2003.

Devyatko I. F. (2003) *Sociological Theories of Activity and Practical Rationality*. Moscow: Avanti Plus. (In Russ.)

Чернозуб О.Л. Двухкомпонентная модель факторов поведения: нужны ли имплицитные факторы теории запланированного поведения? // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022. № 3. С. 28—44. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2125>.

Chernozub O. L. (2022) The Two-Component Model of Behavior Factors: Do We Need Implicit Factors for the Theory of Planned Behavior? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 28—44. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2125>. (In Russ.)

Ajzen, I (1991) The Theory of Planned Behaviour. *Organization Behaviour and Human Decision Process*. Vol. 50. No. 2. P. 179—211. [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90020-t](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-t).

Chernozub O. L. (2020a) Implicit Factors and Inconsistency of Electoral Behavior: From a Theoretical Concept to an Empirical Phenomenon. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 17—40. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1584>.

Chernozub O. L. (2020b) Implicit Factors and Inconsistency of Electoral Behavior: From Attitude to Behavior. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 71—89. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1796>.

Fazio R. (1990) The Role of Attitudes in Memory-Based Decision Making. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 59. No. 4. P. 614—622. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.59.4.614>.

Fazio R. (2007) Attitudes as Object-Evaluation Associations of Varying Strength. *Social Cognition*. Vol. 25. No. 5. P. 603—637. <https://doi.org/10.1521/soco.2007.25.5.603>.

Festinger L. (1957) *A Theory of Cognitive Dissonance*. Evanston, IL: Row & Peterson.

Fishbein M., Ajzen I. (2011) *Predicting and Changing Behavior: The Reasoned Action Approach*. New York, NY; Hove: Psychology Press.

Greenwald, A.G., Poehlman, T. A., Uhlmann, E. L., & Banaji, M. R. (2009a) Understanding and Using the Implicit Association Test: III. Meta-Analysis of Predictive Validity. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 97. No. 1. P. 17—41.

Greenwald A. G., Smith C. T., Sriram N., Bar-Anan Y., Nosek B. A. (2009b) Implicit Race Attitudes Predicted Vote in the 2008 U. S. Presidential Election. *Analyses of Social Issues and Public Policy*. Vol. 9. P. 241—253.

Kahneman D. (2011) *Thinking, Fast and Slow*. New York, NY: Farrar, Straus and Giroux.

Montaco, D. E., Kasprzyk, D. (2015) Theory of Reasoned Action, Theory of Planned Behavior, and the Integrated Behavioral Model. In: Glanz K., Rimer B. K., Viswanath K. (eds.) *Health Behavior: Theory, Research and Practice*. 5th ed. San Francisco, CA: Jossey-Bass. P. 95—124.

Newson R. (2002) Parameters behind “Nonparametric” Statistics: Kendall’s tau, Somers’ D and Median Differences. *Stata Journal*. Vol. 2. No. 1. P. 45—64.

O’Connell A. A. (2006) Logistic Regression Models for Ordinal Response Variables. Thousand Oaks, CA: SAGE.

Perugini M., (2005) Predictive Models of Implicit and Explicit Attitudes. *British Journal of Social Psychology*. Vol. 44. No. 1. P. 29—45. <https://doi.org/10.1348/014466604X23491>.

Perugini M, Richetin J., Zogmaister C., (2010) Prediction of Behavior. *Handbook of Implicit Social Cognition: Measurement, Theory, and Applications*. London: Guilford Press. P. 255—278.

Rogers T., Aida M. (2012) Why Bother Asking? The Limited Value of Self-Reported Vote Intention. Harvard Kennedy School of Government. *Faculty Research Working Paper Series*. URL: <http://EconPapers.repec.org/RePEc:hrv:hksfac:7779639> (accessed: 18.07.2022).

Roccatò M., Zogmaister C. (2010) Predicting the Vote through Implicit and Explicit Attitudes: A Field Research. *Political Psychology*. Vol. 31. P. 249—274.

Rosenberg M.J. (1956) Cognitive structure and attitudinal affect. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. Vol. 53. No. 3. P. 367—372. <http://dx.doi.org/10.1037/h0044579>.

Rosenberg M.J., Hovland C. I., McGuire W.J., Abelson R. P., Brehm J. W. (1960) Attitude Organization and Change: An Analysis of Consistency among Attitude Components. (Yales Studies in Attitude and Communication). Oxford: Yale University Press.

Smith, E. R., DeCoster, J. (2000) Dual-Process Models in Social and Cognitive Psychology: Conceptual Integration and Links to Underlying Memory Systems. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 4. No. 2. P. 108—131. https://doi.org/10.1207/S15327957PSPR0402_01.

Somers R. H. (1962) A New Asymmetric Measure of Association for Ordinal Variables. *American Sociological Review*. Vol. 27. No. 6. P. 799—811. <https://doi.org/10.2307/2090408>.

Strack, F., Deutsch, R. (2004) Reflective and Impulsive Determinants of Social Behavior. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 8. P. 220—247.

Tversky A., Kahneman D. (1992) Advances in Prospect Theory: Cumulative Representation of Uncertainty. *Journal of Risk and Uncertainty*. Vol. 5. No. 4. P. 297—323. <https://doi.org/10.1007/BF00122574>.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.4.2131](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2131)**Н. В. Веселкова, Е. В. Прямикова, М. Н. Вандышев****ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ФОТОМЭППИНГ:
ОБСУЖДЕНИЕ МЕТОДА****Правильная ссылка на статью:**

Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. Исследовательский фотомэппинг: обсуждение метода // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 39—61. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2131>.

For citation:

Veselkova N. V., Pryanikova E. V., Vandyshev M. N. (2022) Research Photomapping: Discussing the Method. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 39–61. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2131>. (In Russ.)

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ФОТОМЭП- ПИНГ: ОБСУЖДЕНИЕ МЕТОДА

ВЕСЕЛКОВА Наталья Вадимовна — кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: vesselkova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0855-8901>

ПРЯМИКОВА Елена Викторовна — доктор социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: pryamikova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6783-008X>

ВАНДЫШЕВ Михаил Николаевич — кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: m.n.vandyshv@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9344-4185>

Аннотация. Фотографирование часто используется в социо-гуманитарных исследованиях, но далеко не всегда подвергается последовательному обсуждению. Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы внести вклад в методическую рефлексию исследовательского фотографирования. Исследовательский фотомэппинг (ИФМ) представлен как возможность метода, исследовательская и культурная практика, предполагающая особую конвенцию, или пакт в смысле Ф. Лежёна. Свойства ИФМ раскрываются в сравнении с методами-соседями (среди которых проведено важное различие в зависимости от того, кто фотографирует): партисипатор-

RESEARCH PHOTOMAPPING: DISCUSS- ING THE METHOD

Natalya V. VESELKOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor
E-MAIL: vesselkova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0855-8901>

Elena V. PRYAMIKOVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Associate Professor
E-MAIL: pryamikova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6783-008X>

Mikhail N. VANDYSHEV¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor
E-MAIL: m.n.vandyshv@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9344-4185>

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia Boris N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Abstract. Photography is often used in socio-humanitarian research, but is not always subject to consistent discussion. The purpose of this article is to contribute to the methodological reflection of research photography. Research photomapping (RPM) is presented as a possibility of method, as well as research and a cultural practice that presupposes a special convention, or pact in the sense of Ph. Lejeune. The properties of RPM are revealed in comparison with neighboring methods, among which an important distinction is made depending on who is photographing — participatory photomapping, visual diary, and more general categories — research photography and observation in the field.

ным фотомэппингом, визуальным дневником и более общими категориями — исследовательской фотографией и наблюдением в поле. Предложено определение ИФМ через совокупность методических принципов: фотографирование, которое производит исследователь как активный участник поля, без информантов или вместе с ними, в процессе полевых работ.

Опыт использования ИФМ рассматривается с точки зрения познавательных возможностей и ограничений метода. Выделены различные форматы взаимодействия исследователя и информанта в процессе фотографирования. Показано, как информант может побудить социолога запечатлеть тот или иной объект, как место на фотографии обрастает целой историей или провоцирует создание новой. В более широком плане обсуждению подвергается практика полевой работы, взаимодействия исследователей с информантами и друг с другом. Обозначенные проблемы ИФМ показывают сложность и перспективность как самой этой исследовательской практики, так и ее методической рефлексии.

Ключевые слова: исследовательская фотография, практики визуализации, мобильное интервью, коллективная память, Абезь, Инта, Котельнич

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00418 «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)».

The definition of RPM through a set of methodological principles is proposed: photography, which is carried out by the researcher as an active participant in the field, without or together with informants, in the process of the fieldwork.

The experience of using RPM is considered from the point of view of the capabilities and limitations of the method. Various formats of interaction between the researcher and the informant in the process of photographing are highlighted. It is shown how an informant can induce a sociologist to capture a particular object, how a place in a photograph becomes overgrown with a whole story or provokes the creation of a new one. There is always a connection between photographing and storytelling, which is not always reflected. In a broader sense, the discussion deals with the practice of fieldwork, the interaction of researchers with informants and with each other. The outlined problems of the RPM show the complexity and promise of both this research practice itself and its methodological reflection.

Keywords: research photography, visualization practices, mobile interview, collective memory, Abez', Inta, Kotelnich,

Acknowledgments. The work on this article was funded by Russian Science Foundation, project No. 21-18-00418 “Small Town Museum: Multiple Cultures of Memory (Historical and Sociological Analysis)”.

Введение

На недавней конференции один из участников, историк, бурно отреагировал на упомянутый в нашем докладе исследовательский фототомэппинг: «Так вот, оказывается, чем я занимаюсь!» — не без иронии воскликнул он. Фотографирование и вправду стало настолько обыденным действием, что, даже будучи включенным в исследовательский процесс, не производит впечатления особого метода, еще и со столь мудреным названием. Мы предлагаем рассматривать исследовательский фототомэппинг (ИФМ) как конкретный метод, наиболее близкий практикам наблюдения — конечно, еще не готовый, «под ключ», скорее как абрис метода.

В более широком плане ИФМ представляет собой культурную практику, отсылающую к некоей общей социальной компетентности современного человека. Частью этой компетентности является «легкость», обыденность фотографирования с целью фиксации и коммуникации. Если лет 15 назад казалось удивительным, что ученик на уроке не стал списывать домашнее задание с доски, а просто снял его на смартфон¹, то сегодня фотографирование привычно заменяет ряд других действий. Вместо того, чтобы внести пометку в записную книжку или что-то рассказать на словах, мы можем «просто» сделать фото и переслать собеседнику. Технический уровень снимков часто уходит на второй план — они сохраняют функциональность и будучи смазанными, зернистыми и т. п. Повседневное использование (цифровых, мобильных) фотографий заслуживает отдельного обсуждения² — здесь лишь хотелось бы подчеркнуть рутинизацию фотографирования в различных областях жизни.

Фотографирование в ходе полевой работы кажется столь же «естественной» деятельностью и зачастую не выделяется в качестве отдельного метода. Думается, именно такое положение дел лежит в основе вывода о том, что в отечественной социологии применение фотографии «за редчайшим исключением», по словам А. Андреева, сводится к методу фотовыявления (или фотовопроса), когда информанту предлагается отреагировать на снимки, заготовленные для этих целей исследователем [Андреев, 2019: 88—89]. Реальное использование фотографии гораздо многообразнее, однако профессиональному обсуждению в первую очередь подвергается действительно именно фотовыявление (во вторую, условно, — фотографии информантов, уже существующие или созданные по запросу исследователя).

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы внести вклад в методическую рефлексию исследовательского фотографирования, имея в виду весь цикл от подготовки к полевым работам до использования полученного материала. В более широком плане обсуждению подвергается практика полевой работы, взаимодействия исследователей с информантами и друг с другом. Эмпирической базой служат материалы фототомэппинга, собранные в текущем исследовании

¹ Наблюдение на уроке в одной из общеобразовательных школ Екатеринбурга в середине 2000-х годов. Учительница призналась потом, что и для нее такое действие ученика стало неожиданностью. Вместе с ней двое из нас готовили тогда авторский учебно-методический комплекс по обществознанию.

² Будь то фотофиксация для себя или сообщения для других [Villi, 2007, 2012], внутри безопасного «телекокона» [Nabuchi, 2005] или на широкую аудиторию. В основном эти практики анализируются в контексте использования гаджетов и социальных медиа, в медиаисследованиях и цифровой антропологии; особо отметим обсуждение роли фотокоммуникаций, в том числе исследовательской фотографии в изучении протестов [Архипова* и др., 2018].

Здесь и далее: * 26.05.2023 внесена в реестр иностранных агентов.

малых российских городов, а также корпуса данных, собранных методом, из ранее реализованных проектов по изучению небольших уральских городов³.

Исследовательская фотография: какой пакт здесь устанавливается?

Исследовательский фотомэппинг — разновидность исследовательской фотографии, и чтобы осмыслить его как социальную и профессиональную практику, необходимо понять, какой «пакт» лежит в ее основе. Предполагается ли, что сделанные в поле снимки — это просто фиксация, документирование, пусть с использованием особого языка и технических средств, но в целом аналогичное, скажем, записям в словесном дневнике наблюдения? Или это полноценная фотография, к которой следует применять соответствующие способы визуального анализа? Уместны ли на страницах научных изданий функциональные в повседневных фотокоммуникациях, но некачественные снимки (см., напр., [Hjorth, Pink, 2014; Villi, 2012]), и если да, то распространяется ли это так же на кадры, сделанные в поле исследователем?

Подобные вопросы не рассчитаны на немедленный ответ, но побуждают задуматься о мало или вовсе не проговоренной конвенции, пакте между фотографирующим исследователем и теми, на чьей территории — а может быть и кого — он(а) фотографирует, а также между самими исследователями и интересантами их публикаций и выступлений. Понятие пакта мы заимствуем у Ф. Лежёна. Около полувека назад, рассуждая о природе автобиографических произведений, он показал, что их бытование базируется на своего рода пакте — «договоренности» с читателем, — куда входят такие вещи, как «игра в правду» и установка на документальность [Lejeune, 1973; Лежён, 2012] (см. также: Глушко, 2013)]. По сути, речь идет о конкретном наборе социальных правил, с необходимостью входящих в любую социальную практику (нерефлексируемый, само собой разумеющийся характер регуляций как раз и говорит о том, что некие действия превратились в практику в понимании П. Бурдьё).

В ИФМ совмещаются обычные «общечеловеческие» практики фотографирования (фотокоммуникации в целом) и практики полевого исследования, когда происходит производство данных, а в дальнейшем — их хранение и использование. Противопоставление документальности и фикциональности, вымысла, как бы ни был продуктивен общий посыл Лежёна, вряд ли имеет шанс из 1970-х годов просочиться в наши дни, где привычным стало воспринимать любой нон-фикшн, словесный или визуальный, как конструкцию, обладающую своим собственным языком, системой координат и контекстами. Речь скорее идет о пакте как готовности воспринимать обыденную практику фотографирования в качестве исследовательского действия. Примерно то же происходило, когда обычная беседа — спрашивание — превращалась в метод интервью.

Что такое исследовательский фотомэппинг

Чтобы понять суть метода, нужно сформулировать его собственные характеристики (методические принципы) и определить положение в методической системе

³ «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)» (2021—2023), см. также: [Веселкова, 2016, 2022; Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016; Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2016а, 2016б; Вандышев, Прямикова, Веселкова, 2022; Прямикова, 2022].

координат, соотнося с методами-соседами. С этого последнего и начнем, постепенно продвигаясь к принципам.

Среди методов-соседей терминологически наиболее близким к ИФМ является фотомэппинг, относимый к партисипаторным методам — *participatory photo mapping*. Партисипаторный фотомэппинг (ПФМ) означает деятельность информантов, которые в ходе исследования осуществляют определенным образом организованное фотографирование. Обычно ПФМ сфокусирован на местном сообществе, хорошо совмещается с нарративным интервью и прогулкой по микрорайону, прекрасно подходит для работы с молодежью и подростками [Dennis et al., 2009; Teixeira, Gardner, 2017]⁴, в том числе младших возрастных групп. Так, в недавнем ирландском исследовании ПФМ применялся для изучения пищевого поведения 11—12-летних школьниц, обеспечивая «сбор данных, демонстрирующих рациональное знание пищи детьми, разноуровневые инсайты, проникновение в сенсорный опыт и знания сообщества» [Fernández, Kitching, Horgan, 2021: 545]. Если далее углубляться в сферу образования, то ПФМ имеет хороший потенциал и в качестве учебного приема [Waity, Crowe, 2019].

Примерно в том же смысле, что и ПФМ, используется термин «партисипаторное фотоинтервью» [Kolb, 2008], но последняя формулировка акцентирует коммуникацию в форме интервью. В этих методах релевантной для нашего подхода является обычно артикулируемая привязанность к месту, конкретной территории, а также активный, «участвующий» характер фотографа. Основное отличие состоит в том, что в ПФМ и партисипаторном фотоинтервью снимает информант⁵, а в исследовательском фотомэппинге — сам исследователь.

Важный аспект — включение фотографирования в мобильные интервью. Такая потребность возникает при изучении жизни городских районов и в других сферах применения мобильного интервью. При этом снимает исследователь [Bendiner-Viani, 2005; Miaux et al., 2010] или специально приглашенный фотограф, а прогулка может изначально строиться так, чтобы информант показывал, что именно снимать [Fink, 2012] (см. подробнее [Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2017: 49]). Отличие ИФМ заключается в принципиально большей независимости исследователя. Как будет показано ниже, ИФМ может осуществляться и без информантов, а при общении с ними участники не всецело определяют, что и как снимать [там же: 50].

Более широким термином (и практикой) является исследовательская фотография — «систематическое изготовление фотографии самим исследователем в рамках исследования» [Андреев, 2019: 87]. Согласимся с оценкой А. Андреевым той значительной роли, которую сыграли в утверждении исследовательской фотографии в российской социологии сборники по визуальной антропологии под

⁴ Гораздо реже можно встретить публикации, относящиеся к исследованиям старших возрастных групп, и это не собственно ПФМ, а, скажем, *participatory community mapping workshops (PCMWs)* [Fang et al., 2016]. Здесь уже скорее говорят о фотонелле и фотовойсе (см. обзор [Benjamin-Thomas et al., 2018]).

⁵ Прослеживая историю метода «фотоинтервью» с 1957 г., когда этот термин впервые был использован Дж. Кольтером, а также актуализацию подхода Дж. Харпером через введение нового термина «фотовыявление» (*photo-elicitation*), или «фотовопрос», А. Запольская далее объединяет эту традицию, где используются подготовленные исследователем снимки, с «фотовойсом», где снимки делает информант [Запольская, 2014]. В другой статье А. Запольская выделяет виды фотоинтервью в зависимости «от того, какие фотографии предлагают комментировать информанту: снятые исследователем во время включенного наблюдения; отобранные исследователем из архивов или СМИ; предложенные к обсуждению самим исследуемым личные коллекции; снятые им специально для интервью» [Запольская, 2015: 106].

редакцией Е. Ярской-Смирновой и П. Романова (в 2007 г. также В. Круткина) (и, добавим, саратовские конференции конца 2000-х годов, на основе которых и вышли эти книги) [там же: 87—88].

По сути осуществляемой деятельности ИФМ наиболее близок к «визуальному дневнику» [Prosser, Schwartz, 2005; Форум..., 2018: 14—20; Полухина, Стрельникова, Ваньке, 2020]. Здесь уместна этнометодологическая постановка вопроса: что мы делаем, когда фотографируем? Дж. Проссер и Д. Шварц предлагают отличать визуальный дневник от визуальной записи (или регистрации, как переводит «visual record» А. Андреев (ср.: [Полухина, Стрельникова, Ваньке, 2020: 99])). Различие пролегает в эпистемологической плоскости: если регистрация обозначает позитивистски понимаемую работу камеры, то дневник акцентирует внимание на исследователе и свойствах фото как медиума в исследовательском процессе. По мнению Проссера и Шварц, визуальный дневник представляет собой «авторефлексивную и медиаграмотную хронику вхождения исследователя в поле, участия в поле и выхода из него. Созданные в рамках этой парадигмы образы предстают уникальным результатом взаимодействия конкретного исследователя с особым населением при использовании определенного медиума в конкретной точке пространства и времени» [Prosser, Schwartz, 2005: 108]⁶.

Действительно, практически в каждом изучаемом городе у нас есть фотографии, маркирующие приезд и отъезд: это мы сами на вокзале или около него, а вот таблички с расписанием автобусов или поездов, которые могли пригодиться для дальнейших передвижений, и т. п. ИФМ фиксирует не только взаимодействия исследователя с полем и изучаемыми людьми, но и между собой, и это принципиально важный момент, если признать, что полевая работа — консолидирующая профессиональная практика не только для этнографов [Щепанская, 2003: 166—167], но и для социологов.

Рис. 1. Исследователи М. Вандышев и Е. Прямикова в пос. Абезь (Республика Коми), август 2021 г. (фото Н. Веселковой)

⁶ Будем иметь в виду, что Проссер и Шварц говорят об исследовании, (целиком) основанном на визуальных образах (image-based research), тогда как в нашем случае ИФМ — один из методов, скорее вспомогательный, нежели первостепенный.

Снимок выше (рис. 1) и другие из этой серии сделаны во время ожидания поезда. Запечатлевшие дружеские отношения «временного трудового коллектива», они информативны и во многих других отношениях. Довольно теплая для лета одежда напоминает о климате приполярного Урала, капюшоны — о вездесущей мошке. Строящиеся на заднем плане покрашены в фирменном стиле «Российских железных дорог» (РЖД), однако здесь нет ни вокзала, ни даже таблички с надписью «Абезь», так как в современной структуре РЖД это не станция, а пост. Мы туда ездили, чтобы познакомиться с подразделением Интинского краеведческого музея — музейной экспозицией и мемориальным кладбищем. Абезьский историко-мемориальный комплекс посвящен истории ГУЛАГа в этих местах и производит очень сильное и тяжелое впечатление, так что улыбочное позирование было отчасти нервной реакцией на еще не отрефлексированный опыт. В то же время мы искренне радовались тому, что удалось сюда добраться (на этапе планирования это казалось слабо осуществимой задачей⁷) и что повезло с погодой (в тот день обещали продолжение дождя, заливавшего Абезь двое суток подряд).

На наш взгляд, дневниковая природа ИФМ объясняет и легитимирует определенную нарциссичность, автоэтнографичность, свойственную всем эго-документам (ср. с описанием визуального дневника и фотографирования как исследовательской практики, где на приводимых снимках, как и у нас, присутствуют сами социологи, у Е. Полухиной, А. Стрельниковой и А. Ваньке [Полухина, Стрельникова, Ваньке, 2020]. В своем учебном пособии те же авторы помещают визуальные данные в контекст метода наблюдения, подразделяя на оперативные и опосредованные. Под опосредованными понимаются заснятые «следы произошедшего», под оперативными — съемки ситуаций, развивающихся прямо сейчас, например, митинг, праздник, производственный процесс, а также передвижения в ходе мобильных интервью [Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020: 150—151] (см. также [Стрельникова, Ваньке, 2017]⁸).

ИФМ является частью пребывания в поле, но это не включенное наблюдение, а скорее увлеченное знакомство, погружение в новую реальность по типу «путешественника» в терминологии С. Квале и В. Ильина [Квале, 2003: 13—15; Ильин, 2006: 5—8]. Слово *mapping*, конечно, отдает безучастным позитивистским «картографированием», но акцентирует связь с пространством, намекая на джеймсову тотальность карты и в то же время на полноправность сколь угодно «малых» деталей, необходимых для прорисовки.

Специалисты отмечают присутствие фотографирования на разных этапах исследования, но сам набор этапов различается. У А. Андреева это подготовка, сбор фотографических материалов и анализ [Андреев, 2019]. Е. Полухина, А. Стрельникова и А. Ваньке говорят о логике исследовательской работы, когда «фотографии поэтапно репрезентируют стадии полевых проектов — от доступа к полю до презентации результатов» [Полухина, Стрельникова, Ваньке, 2020: 98].

⁷ Пользуясь случаем, хотелось бы поблагодарить всех, кто способствовал этой поездке: встретившего у поезда и познакомившего с Абезью сотрудника музея А. Д. Мерзликина, а также знакомых и незнакомых коллег: М. Ильину, Ю. Каллаур, Н. Морозова, Ф. Николаи, И. Сажина и др.

⁸ В тексте — биографических прогулок; о соотношении понятий биографической прогулки и мобильного интервью см. [Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2017; 2019: 16—17].

Т. Хинг попытался восполнить пробел в части технической грамотности фотографирования в социологическом исследовании [Heng, 2017] (некоторые шаги в этом направлении предприняты в одной из работ А. Андреева [Форум..., 2018: 14—20]). Мы считаем продуктивной детализацию этапов и проработку ИФМ на каждом из них, включая действия, связанные с хранением (оперативным сохранением в поле и последующим преобразованием в базу данных), а также не только анализ, но и различные виды использования — предъявления данных.

Обозначив свойства ИФМ в сравнении с близкими методами, подходим к формулировке определения, которая складывается из трех методических принципов: ИФМ — это фотографирование, которое

- производит исследователь как активный участник поля, без информантов или вместе с ними,
- в процессе полевых работ.

Особенности данного метода раскрываются посредством различных видов фиксации в зависимости от объекта наблюдения.

Типология ИФМ: роль ситуации и участия информантов

Исследовательский фотомэппинг как вид исследовательской фотографии является частью пребывания социолога в поле. *Фотографическое событие* в данном случае (в развитие формулировок А. Андреева) — *это событие наблюдения*, когда исследователь решает зафиксировать нечто, но не в разговоре с коллегами или информантами (или не только в разговоре), не посредством записи в дневник, а именно с помощью съемки. Каждый полученный снимок тем самым оказывается *фотографической записью наблюдения* (ср.: [Андреев, 2019: 93]).

ИФМ представляет собой не разрозненные кадры, а *серию, фиксирующую пребывание исследователя в поле как процесс, организованный во времени. ИФМ в ходе интервью соответствуют обстановке интервью, а в случае go-along — маршруту интервью.*

Мы дифференцируем ИФМ в зависимости от (1) ситуации / объекта наблюдения и (2) участия информантов. Специфика (1) ситуации и объектов наблюдения определяет разную степень избирательности фиксации, в которой четко выделяются как минимум три формата. Во-первых, в ситуации go-along интервью фиксация маршрута включает фотографии как проходных точек, например, названий улиц, так и ключевых дестинаций — мест, особенно значимых с точки зрения информанта⁹. Кроме того, в объектив могут попасть места, не указанные участником, но выделенные исследователем.

Во-вторых, фиксация может быть направлена на уникальные объекты, которые демонстрируют информанты. В ходе интервью с создателем музея фотографии в г. Котельнич нам показывали ценные экспонаты, в том числе коробки с материалами, которые сегодня хранятся в краеведческом музее из-за нерешенности вопроса с местом размещения фотомузея. Эти экспонаты недоступны обычным посетителям и в будущем, если музей фотографии не будет работать, могут осесть в запасниках или прийти в негодность из-за своей хрупкости (см. рис. 2).

⁹ О проходных местах, дестинациях и других элементах маршрута go-along интервью см. [Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2017, 2019].

Рис. 2. Коробка с фотонегативами (г. Котельнич, Кировская обл.), июль 2021 г. (фото Е. Прямиковой)

В-третьих, в ситуации специфичных социокультурных анклавов (например, школьных и корпоративных музеев) фиксация стремится к максимальному охвату: при типичном наборе (разделов, экспозиционных решений, базовых экспонатов — если продолжить пример с музеями) конкретное содержание всегда уникально, с ним можно ознакомиться только в этом конкретном месте.

В зависимости от (2) участия информантов полярными типами являются ИФМ, осуществляемые без информантов и вместе с информантами. Первый тип, без информантов, в свою очередь, подразделяется на фотографирование до встречи с участниками, когда никто из них еще ничего не показывал и не рассказывал, и после или между такими встречами, когда наше восприятие уже нагружено соответствующими настройками.

Разумеется, и до первого интервью восприятие не представляет собой чистый лист, поскольку обусловлено личным и исследовательским опытом (если их возможно разделить), включая прочитанное, прослушанное и просмотренное специально для очередной поездки. Так, физическому посещению Абези предшествовало виртуальное путешествие: от встречи на станции с сотрудником музея и до посещения мемориального кладбища — благодаря доступной в сети публикации¹⁰ — можно было ловить себя на том, что некоторые наши кадры непроизвольно «повторяют» присутствующие в лонгриде. Про Котельнич один наш коллега рассказал, что в этом городе жил его родственник, известный фотограф Николай Шилов. В первый же вечер (встречи с информантами начинались на следующий день) на стене жилого дома обнаружилась мемориальная доска в честь Шилова (что оказалось приятной неожиданностью и для того коллеги, мы отправили ему фотографию) — «настроенное» предваряющим рассказом восприятие отразилось в фотомэппинге. Впоследствии некоторые информанты упоминали Шилова и даже эту табличку, и мы уже хорошо понимали, о чем речь.

¹⁰ Прокофьева Н. А вокруг — безымянные могилы. По местам политрепрессий Республики Коми // Яндекс.Дзен. Живу в Коми. 2020. 30 октября. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5a1833d3482677a03feabf27/a-vokrug-bezymiannye-mogily-po-mestam-politrepresii-respubliki-komi-5f96b163bc35081b52a4b6f7> (дата обращения: 22.07.2022).

Второй тип ИФМ, когда «фото генерируются совместно с информантами» [Полухина, Стрельникова, Ваньке, 2020: 98], тоже внутренне различается в зависимости от степени воздействия собеседников на фотографирование: от ситуаций, когда влияние проявляется только в маршруте go-along, а сам информант, как кажется, остается безучастным к фотографическим потугам исследователя, и до моментов, когда участники прямо руководят съемкой, предлагают сфотографировать исследователя на определенном фоне, подсказывают выигрышные ракурсы и т. п. Как правило, эти указания активизируются в особо значимых местах и тем самым оказываются информативными.

Например, в Котельниче нам обязательно старались показать стоящую на берегу реки Вятки часовню «в честь Алексия человека божия», поясняя, что это покровитель города, по имени которого названа и Алексеевская ярмарка, а само место обладает особой аурой:

... Дурные и хамовитые от рождения котельничане — все мы такие, и я себя не исключаю из этого списка, вот — тем не менее, очень трепетно относятся. Другая бы, знаете, пиво пили бы, сгорела бы. Как часовню поставили — тишина-а-а! (КтМ51)¹¹.

Здесь, на 51-й минуте интервью, наш собеседник предлагает:

Фотографируйте, я вам даже нужные ракурсы подскажу <...> я бы для начала вот здесь с угла и вот так вот с нижней точки бы снял (КтМ51).

В Инте участник мобильного интервью Матвей особо выделил «один маленький памятник» («Жертвам сталинизма»), замечательным образом соединивший историю города, страны и его собственную биографию. Матвей начинает рассказывать о нем загодя, так что этот объект появляется в интервью задолго до непосредственного показа. В неброскости памятника заключена самая соль — исследователи получают привилегированный доступ к тому, что для обычных приезжих остается невидимым¹², при этом информант доверяет нам нечто лично значимое:

... Он скрыт, э-э-э, так скажем, от людского глаза, и он чаще всего... ну, я не видел ни разу, чтобы его показывали туристам. Потому что он находится во дворе дома вот. И с этим памятником именно вот у меня связана маленькая история <...> — потому что на этом памятнике впервые я начал помогать ветеранам. Людям, которые сделали очень много как для страны, так и для именно города (ИнМ30).

Создается «обогащенный» режим восприятия, свойственный хорошим экскурсиям, в данном случае дополнительно усиленный личностной вовлеченностью рассказчика. Именно в этом месте Матвей спрашивает: «Я не знаю, если фотографироваться будете... Хотите я вас сфотографирую?» (ИнМ30).

¹¹ Здесь и далее используется шифр, где первые две буквы обозначают город: Кт — Котельнич, Ин — Инта, Дб — Добрянка, далее буквами (М и Ж) и цифрами обозначены пол и возраст информантов. Имена изменены в целях обеспечения конфиденциальности.

¹² О разных вариантах соотношения рассказа и показа в мобильном интервью см. [Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2019]; о (не)видимости меморативного ландшафта — [Веселкова, 2022].

Иногда прямые указания информанта отсутствуют, но сама ситуация побуждает исследователя к фотографированию. Так, жительница Котельнича поначалу не хотела рисовать ментальную карту, объясняя, что в школе искусств неподалеку есть произведение (см. рис. 3), которое полностью отражает ее представления о городе:

Мы можем даже зайти в школу искусств — там нарисован детский городочек. Вот я себе так представляю наш город. <...> какой-то добрый, такой сказочный, родной и спокойный. Не мегаполис. Несмотря на то, что у нас много домов многоэтажных, кирпичных, вот несмотря на это, город ассоциируется с теплотой домашней, много зелени в городе (КтЖ23).

Рис. 3. Рисунок в школе искусств (г. Котельнич, Кировская обл.), июль 2021 г. (фото Е. Прямиковой)

Чтобы не идеализировать познавательные возможности ИФМ в интервью, заметим, что акцент на личную причастность довел рассказ 30-летнего Матвея до 2006 г., но не до 1990 г., когда был установлен памятник «Жертвам сталинизма» (а сам Матвей еще не родился). Из интервью, сколько ни фотографируй, не ясно, почему камень установлен именно в этом месте. О том, что это «первый памятный знак на месте массового захоронения в Инте», узнаем только из текста на официальном городском сайте¹³. Тем не менее, посредством «руководства» фотографированием памятник определен в качестве одной из ключевых дестинаций длинного насыщенного маршрута, по которому нас провел Матвей.

ИФМ и «степени свободы» исследователя

Фотоповедение информантов (термин из [Полухина, Стрельникова, Ваньке, 2020: 106]) — отдельная крайне интересная и важная тема, здесь мы ее затрагиваем лишь отчасти. На ИФМ в ходе мобильного интервью влияет не только активность информанта, но и «степени свободы» исследователя, а также взаимная ориентация собеседников, в связи с чем мы выделяем следующие три формата.

¹³ День памяти жертв политических репрессий // Официальный сайт МОГО «Инта». URL: <http://www.adminta.ru/about/arkhivnoe-delo/fotodokumenty/5313> (дата обращения: 22.07.2022).

1. В ситуации, когда один исследователь сопровождает информанта, он может быть полностью привязан к процессу интервью и фиксировать только то, на что обращает внимание информант.

2. В ситуации, когда два и более исследователей сопровождают информанта, внимание одного полностью приковано к информанту, а другие могут более активно снимать, тем самым создавая собственную фотопрезентацию городского пространства. От информанта зависит только маршрут.

3. Еще один вариант, когда исследователь и информант действуют сообща, в режиме взаимной настройки. Исследователь, фиксируя то, на что указывает информант, иногда проявляет инициативу, и здесь уже информант дает дополнительные пояснения, увидев объект внимания социолога. Далее это может привести к тому, что информант предложит какие-то подобные объекты для фотографирования, раз исследователю это интересно.

Разделение этих форматов, конечно, условно, и степень взаимной ориентации может меняться на каждом шагу в процессе интервью. Тем не менее, типология представляется полезной для анализа конкретных сюжетов. Выше мы рассмотрели, как работает прямое руководство фотографированием со стороны информанта (1). Высокая (воспринимаемая) степень свободы социолога (2) создает иллюзию полной независимости ИФМ, поскольку собеседник далеко не всегда указывает на значимые места, а исследователь стремится запечатлеть на карте памяти как можно больше, как бы признавая ограниченность памяти собственной. Думается, между фотографированием и рассказом участника существует определенная связь, которая далеко не всегда подвергается аналитическому разбору.

Эффект взаимной настройки (3) распространяется не только на фотомэппинг, но и на показ (города, музея, школы и т. д.) как представление «коллективного себя» другим. Социолог пытается уйти от вопросов информанта о том, что ему хотелось бы посмотреть, но надо учитывать, что через такие расспросы информант рассчитывает получить какие-то подсказки, зацепки по поводу того, что следует предьявлять, рассказывая о своем городе. Так с поправкой на мобильный характер интервью вырабатывается их совместная, интегральная рамка референции, необходимая для достижения коммуникативной адекватности в любых интерактивных методах¹⁴.

Взаимодействия с информантом по поводу съемки, на наш взгляд, следует рассматривать в двух контекстах, из которых более общий задают некие культурные конвенции, предположительно разделяемые обеими сторонами, по поводу фотографирования, а более конкретный — конвенции взаимодействия в ходе исследовательского интервью. Как именно складывается распределение контроля, зависит как от общеметодологических установок, вида интервью, так и от его конкретной динамики: насколько исследователь готов поделиться своей властью и сколько власти информант готов взять на себя [Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2017]. Оказывают влияние и предустановки информантов о том, что такое социологическое исследование («соцопрос», как нередко приходится слышать) и в чем суть их собственного участия в этом конкретном случае.

¹⁴ Проблематику коммуникативной адекватности одной из первых в отечественной социологии стала разрабатывать к. ф. н. Ольга Маслова, см., напр.: [Методы сбора ..., 1990]. О рамках референции см. [Kahn, Cannell, 1959; Harkess, Warren, 1993; Веселкова, 1995].

Работающим в поле социологам, антропологам, фольклористам хорошо известен феномен, когда исследователю приписывают несвойственные ему роли представителя СМИ, органов власти и др. [Оссовский, 1999; Форум..., 2006: 11, 96—97, 138—139; Архипова* и др., 2018: 21]¹⁵. Даже если «на поверхности» информант понимает, что это не журналисты и не проверяющие, на каком-то другом уровне сплошь и рядом включается модель восприятия и взаимодействия именно по такому образцу — возможно, потому что другого образца так и не сложилось. Соответствующие установки находят выражение, подчас очень яркое, и через реакции в отношении фотографирования.

Так, исследование мест памяти в молодых городах забросило нас в Красно-турьинск в 2013 г., когда на местном алюминиевом заводе закрылся последний участок по производству «крылатого металла». Один из каналов доступа в поле был предоставлен ячейкой КПРФ, выступавшей — как, впрочем, и многие красно-турьинцы — за сохранение производства. Настойчивость привлеченного через этот канал участника в попытках руководства исследовательским фотографированием имела вполне конкретное основание — зафиксировать все сложные места, демонтаж конструкций завода, закрытие детской библиотеки. Когда рушится инфраструктура города, нужно не просто говорить, а кричать об этом. Сам информант активно участвовал в протестных акциях, и для него интервью стало логичным продолжением этой деятельности — так он надеялся привлечь на свою сторону союзников.

Поскольку основным методом в наших исследованиях является интервью, мы оговаривали с информантами только запись на диктофон — фотографирование подключалось по ходу общения. Если в этот момент мы находились в помещении на территории информанта, то спрашивали разрешение на съемку, а двигаясь вместе по городу, просто снимали или просили чуть задержаться, чтобы успеть сделать фото. Обычно это воспринимается положительно — как свидетельство важности происходящего. В тех случаях, когда в кадр попадают информанты, в конце интервью отдельно оговаривается возможность использования этих снимков.

Проявления недовольства, при всей своей редкости, заслуживают внимания, поскольку оказываются весьма показательными не только в плане этики, но и коммуникативной адекватности и ролевых сценариев в полевых исследованиях. Во время первой остановки проходившего на автомобиле интервью (в формате два исследователя — один участник, наиболее благоприятном для независимой съемки), когда один из нас начал снимать, наш информант, прервав рассказ, строгим голосом поинтересовался: *«Что, и прям фотографии где-то будут выкладываться?»*. Из последовавшего обсуждения: *«Ну, надо посмотреть, какой контекст, то есть, ну, я-то вам откровенно все говорю, а как это потом все перевернут — всякое бывает. Уже сталкивался с прессой»* (ДБМЗ6)¹⁶ — очевидно, что человек воспринимает свое участие в социологическом интервью по типу общения «с прессой».

¹⁵ В иной системе координат собиратель фольклора может представлять как дальний некомпетентный родственник, которого следует приобщить к истокам [Сычёва, 2015].

¹⁶ Исследование социальной памяти поколений в городах старой и новой индустриальности, поле 2019 г., г. Добрянка (Пермский край).

Стоит признать, что столь упорные «заблуждения» информантов проистекают из действительного сродства вышеназванных социальных практик — а также не названных, как в знаменитом сравнении с инквизитором [Панченко, 2001] — в части добывания и работы с информацией. Для нашей темы хотелось бы обозначить сходство с практикой не просто фотографирующего туриста¹⁷, но и блогера, рассказывающего о своих путешествиях в сериях последовательных, прикрепленных к маршруту снимков с короткими подписями. При этом важна не столько самоидентификация исследователя, сколько воспринимаемый информантами ролевой сценарий.

Об упреждающем знакомстве с Абезью по лонгриду мы уже упоминали, но обращение к блогерским текстам эвристично и в смысле артикуляции внешнего взгляда. Фотозаметки об Инте в ЖЖ молодой пары из Москвы содержат многие дестинации и наших маршрутов go-alongs¹⁸, однако если блогерам некое сооружение показалось «очень странным памятником» и они в подписи к фото просили интинцев пояснить, чему он посвящен, то нам не пришлось спрашивать. Показывая этот памятник — «взлетающую ракету», — информант рассказал, что ее установили в честь «полета Юрия Гагарина в космос». Рассуждая о значимости этого «маленького памятника», молодой человек приходит к обобщению о знаках причастности своего города к большим свершениям:

С каждым каким-то <...>, я так думаю, важным событием в истории э-э-э и Советского Союза, и России есть как бы напоминание, что ли, об этом, в городе (ИНМЗО).

Заметим примечательный с точки зрения мультискалярного анализа момент, что первый полет в космос позиционируется в масштабах прежней и нынешней страны, но не мира.

Для непосвященных обсуждаемое сооружение остается непонятным и даже незаметным — в отличие от тех блогеров, самостоятельно мы ракету скорее всего не увидели бы, о чем свидетельствует как красноречивое уточнение интервьюера: «Это вот эта вот, серенький?», — так и тот факт, что в массив ИФМ она не попала. К слову, интернет-поиск со включенным в запрос словом «памятник» не дает результата: «ракета» проходит по ведомству фонтанов:

Фонтан «Космос», по другой версии «Полет в космос», был установлен в 1960 году на улице Кирова, между домами 13 и 15. По сведениям историков, сооружение возведено безвозмездно, силами бойцов-горноспасателей. Фонтан представляет собой семигранную чашу и стелу из бетона с венчающей металлической ракетой, устремленной ввысь¹⁹.

¹⁷ О позиции фотографирующего исследователя как туриста см. [Андреев, 2019: 100—103], о сравнении позиций полевого исследователя и туриста см. [Детярь, 2021].

¹⁸ Инта — город-оптимист // LiveJournal: pashalena. 2016. 9 августа. URL: <https://pashalena.livejournal.com/79722.html> (дата обращения: 22.07.2022).

¹⁹ История Инты: фонтан «Полет в космос» // ВКонтакте. Интинские новости. 2019. 22 июля. URL: https://vk.com/wall-41887208_35415 (дата обращения: 22.07.2022).

Ограничения ИФМ

Как и у любого метода, ограничения ИФМ обнаруживаются на всех этапах исследовательского процесса. В общем виде их можно обозначить как зависимость от фотографии, как если бы она вытесняла все остальные способы восприятия, фиксации и хранения данных.

Планируя фотографирование, мы заведомо ограничиваем свое восприятие. В поле реальность сортируется в зависимости от фотогеничности, внимание направляется на то, что сможет получиться на фотоснимке, и отвлекается от остального, как это вышло с несфотографированной ракетой. Что касается сделанных снимков, если по каким-то причинам они повредятся или потеряются, это может стать катастрофой, сопоставимой с потерей аудиозаписей интервью.

В поле исследователь сталкивается с разной доступностью изучаемой реальности для фотографирования, и не только в силу освещенности или каких-то иных технических параметров. В Алапаевске информант — верующая женщина — с пониманием, хотя и без восторга, отнеслась к нашему бесконечному щелканию даже в святых местах, по которым она нас водила. В Краснотурьинске в отсутствие каких-либо табличек, запрещающих съемку у проходной завода, куда привел маршрут одного из интервью в 2013 г., напротив, произошел неприятный инцидент с охраной (ср.: [Форум..., 2018: 17—18]).

В другом случае директор завода благосклонно отнесся к фотографированию на предприятии, но на вопрос о разрешении «выкладывать» снимки фактически ответил отказом — «только после согласования» с ним. Предприятие входит в крупное объединение и следит за тем, чтобы «предъявление себя другим» соответствовало корпоративной политике. На первый взгляд, подобные сюжеты связаны не столько с фотографиями, сколько с заботой об имидже в целом. Вместе с тем они хорошо демонстрируют особый статус визуального, как если бы слова можно было переиначить, а вот фото обладали непреодолимой силой (анонимность директора ничуть не интересовала, а вот фотографирование вызвало вопросы).

Обычно в своей практике мы анонимизируем персоналии, но не стремимся к тотальному обезличиванию мест проведения исследований, как это иногда делается для обеспечения конфиденциальности (см., напр., [Morris, 2015; Малая, 2020]), но также, думается, и для того, чтобы подкрепить претензии исследователей на обнаружение типичного. В нашем случае специфика изучаемых городов, напротив, выступает стержнем исследований и публикаций [Веселкова, 2016; Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016; Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2016а, 2016б; Вандышев, Прямикова, Веселкова, 2022]. Предприятия, как правило, тоже указываем, но даже не будучи названными, при желании они легко «вычисляются».

Здесь мы вплотную подходим к дебатам о (не)возможности обеспечения полной конфиденциальности и другим аспектам этики исследования, в том числе в связи с визуализацией [Pink, 2013: 58—69], которые в целом выходят за рамки данной статьи. Отметим только один момент. И наши согласования по поводу фотографий, и опыт, которым делятся специалисты относительно разрешения на использование собранных материалов²⁰, — показывают, что люди не против применения

²⁰ См. высказывания участников дискуссий «Этические проблемы полевых исследований» и «От поля к тексту» на страницах журнала «Антропологический форум» в 2006 и 2018 гг. [Форум..., 2006; Форум..., 2018], а также статью Галины Орловой, посвященную сложностям авторизации [Орлова, 2016].

полученной от них информации, но хотят, чтобы она была представлена надлежащим образом. Тут-то и таятся семена раздора: если для ученого «надлежащей» является аутентичность, то информанту может быть важно, чтобы устная речь была приглажена по нормам письменной, а фотографии были «красивыми»; возможны и содержательные расхождения.

Заключение

Фотографирование очень широко используется в современной исследовательской практике, но далеко не всегда подвергается методической рефлексии. В отличие от массива интервью, для которых указываются время и место проведения каждой встречи, подробно перечисляются характеристики информантов и т. п., фотографии могут просто собираться в папки, что приводит к потере данных (конечно, если рассматривать снимки как данные, а процесс их создания — как метод).

Представляя контуры метода ИФМ, мы стремились показать как эвристику, так и возникающие проблемы; и то, и другое проистекает из подразумеваемых базовых конвенций и конкретной разновидности фотомэппинга. ИФМ варьируется как в зависимости от ситуации, объекта фиксации, так и от участия информантов. При этом важна не только степень вовлеченности участника, но и его представления о допустимости обнародования тех или иных фотосвидетельств. В городских исследованиях ярко проявляется желание информантов продемонстрировать достоинства (реже — проблемы) своего поселения. В любом случае, стремление социолога зафиксировать различные места и объекты воспринимается участниками как свидетельство важности происходящего, интерес к их городу, предприятию, школе, музею и т. п.

Обозначенные — а большей частью еще ждущие обсуждения — преимущества и ограничения ИФМ показывают сложность этой практики, которая в нашем случае раскрывается в триангуляции с другими методами. В целом, выводы статьи вполне созвучны заключению других адептов фотографирования (см., напр., [Форум..., 2018: 14—20; Андреев, 2019]): как процесс и продукт исследовательская фотография обладает несомненной эвристической ценностью, способной углублять видение и открывать новые горизонты, обогащая при этом взаимодействия внутри исследовательского коллектива. При этом, как справедливо замечают коллеги, фотографирование не просто фиксирует, но и структурирует происходящее вокруг [Полухина, Стрельникова, Ваньке, 2020: 100]: реализуется селективность восприятия, выстраивается драматургия знакомства с городом (или другой дислокацией поля), выделяются основные и промежуточные дестинации внутри маршрута мобильного интервью. Типологизация различных вариантов соотношения фотографирования и рассказа позволяет лучше понять избирательность в фиксации мест как с позиции социолога, так и информанта.

Список литературы (References)

Андреев А. Н. Модель применения исследовательской фотографии при изучении социального взаимодействия // Социология: методология, методы, математи-

ческое моделирование. 2019. № 49. С. 84—130. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/soc4m/article/view/7433> (дата обращения: 22.08.2022).

Andreev A. N. (2019) The Model of Application of Research Photography in the Study of Social Interaction. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. No. 49. P. 84—130. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/soc4m/article/view/7433> (accessed: 22.08.2022). (In Russ.)

Архипова А. С.*, Радченко Д. А., Титков А. С., Козлова И. В., Югай Е. Ф., Белянин С. В., Гаврилова М. В. «Пересборка митинга»: интернет в протесте и протест в интернете // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 12—35. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.02>.

Arkhipova A. S.*, Radchenko D. A., Titkov A. S., Kozlova I. V., Yugai E. F., Belyanin S. V., Gavrilova M. V. (2018) “Rally Rebuild”: Internet in Protest and Protest on the Internet. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 12—35. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.02>. (In Russ.)

Вандышев М. Н., Прямикова Е. В., Веселкова Н. В. Индустриальная память: масштабы и множественность. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. (В печати).

Vandyshv M. N., Pryamikova E. V., Veselkova N. V. (2022) Industrial Memory: Scales and Plurality. Ekaterinburg: Ural University Press. (In Print). (In Russ.)

Ваньке А. В., Полухина Е. В., Стрельникова А. В. Как собрать данные в полевом качественном исследовании. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2020. Vanke A. V., Polukhina E. V., Strelnikova A. V. (2020) How to Collect Data in Qualitative Field Research. Moscow: HSE University Publishing House. (In Russ.)

Веселкова Н. В. Методические принципы полужормализованного интервью // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 1995. № 5—6. С. 28—47.

Veselkova N. V. (1995) Methodical Principles of Semi-Formalized Interview. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. No. 5—6. P. 28—47. (In Russ.)

Веселкова Н. В. Кто знает ваш Качканар? Труды и дни уральского моногорода // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 3—4. С. 50—61.

Veselkova N. V. (2016) Who Knows Your Kachkanar? Works and Days of Ural Monotown. *Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Research*. No. 3—4. P. 50—61. (In Russ.)

Веселкова Н. В. Меморативный ландшафт: опыт методологической рефлексии // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши: сб. науч. тр. / под ред. Л. Н. Мазур и Д. Магера. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. С. 50—61.

Veselkova N. V. (2022) Memorative Landscape: Experience of Methodological Reflection. In: Mazur L. N., Magier D. (eds.) *Memorative Landscapes of Small Towns in Russia and Poland*. Ekaterinburg: Ural University Press. P. 50—61. (In Russ.)

Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. Места памяти в молодых городах. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016.

Veselkova N. V., Pryamikova E. V., Vandyshv M. N. (2016) Sites of Memory in Young Towns. Ekaterinburg: Ural University Press. (In Russ.)

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Город юности Качканар — детище XX съезда партии // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории. М.: Политическая энциклопедия: Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2016а. С. 578—591.

Veselkova N. V., Vandyshv M. N., Pryamikova E. V. (2016a) The City of Youth Kachkanar as the Offspring of the XXth Party Congress. In: *After Stalin. Reforms of the 1950s in the Context of Soviet and Post-Soviet History*. Moscow: Political Encyclopedia; Boris N. Yeltsin Presidential Center. P. 578—591. (In Russ.)

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Дискурс природы в молодых городах // Социологическое обозрение. 2016b. Т. 15. № 1. С. 112—133. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-1-112-133>.

Veselkova N. V., Vandyshv M. N., Pryamikova E. V. (2016b) The Discourse of Nature in Young Towns. *Russian Sociological Review*. Vol. 15. No. 1. P. 112—133. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-1-112-133>. (In Russ.)

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Об основных векторах развития метода интервью // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 44—56. <https://doi.org/10.7868/S0132162517060046>.

Veselkova N. V., Vandyshv M. N., Pryamikova E. V. (2017) On the Main Developments in the Methodology of Interviewing. *Sociological Studies*. No. 6. P. 44—56. <https://doi.org/10.7868/S0132162517060046>. (In Russ.)

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Пешеходное интервью: структура и жанры // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 4—21. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.01>.

Veselkova N. V., Vandyshv M. N., Pryamikova E. V. (2019) “Go-Along” Interview: Its Structure and Genres. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 4—21. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.01>. (In Russ.)

Глушко М. О. “Автобиографический пакт” Филиппа Лежёна и проблема идентификации жанров автобиографии и дневника // Мир языков: ракурс и перспектива. Материалы IV Международной научно-практической конференции, Минск, 22 апреля 2013 г. / под отв. ред. Н. Н. Нижнева. Минск: БГУ, 2013. С. 340—343. Glushko M. O. (2013) “Autobiographical Pact” by Philippe Lejeune and the Problem of Identifying the Genres of Autobiography and Diary. In: Nizhnev N. N. (ed.) *World of Languages: Angle and Perspective. Materials of the IVth International Academic and Practical Conference, Minsk, April 22, 2013*. Minsk: Belarusian State University. P. 340—343. (In Russ.)

Дегтярь В. Антрополог и турист: мобильность образа удэгейцев в этнографическом пространстве // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 2. С. 157—184. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2021-2-157-184>.

Degtiar V. (2021) Anthropologist and Tourist: Mobility of the Udehe Image in Ethnographic Space. *Russian Sociological Review*. Vol. 20. No. 2. P. 157—184. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2021-2-157-184>. (In Russ.)

Запольская А. Б. Метод фотоинтервью в социальных исследованиях: аналитический обзор // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 39. С. 127—156.

Zapolskaya A. B. (2014) Photointerview in Social Research: Analytical Overview of the Method. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. No. 39. P. 127—157. (In Russ.)

Запольская А. Б. Метод фотоинтервью в исследовании профессионального производства визуального // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 3. С. 104—113.

Zapolskaya A. B. (2015) Photo-Elicitation Interview in the Research of Professional Production of the Visual. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 3. С. 104—113. (In Russ.)

Ильин В. И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006.

Ilyin V. I. (2006) *Dramaturgy of Qualitative Field Research*. Saint Petersburg: Intersotsis. (In Russ.)

Квале С. Исследовательское интервью / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2003. Kvale S. (2003) *InterViews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing*. Moscow: Smysl. (In Russ.)

Лежён Ф. От автобиографии к рассказу о себе, от университета к ассоциации любителей: история одного гуманитария // Неприкосновенный запас. 2012. № 3. С. 199—217.

Lejeune Ph. (2012) From an Autobiography to a Story about Oneself, From a University to an Amateur Association: The Story of a Humanist. *Neprikosnovenny zapas / Emergency Ration*. 2012. No. 3. P. 199—217. (In Russ.)

Малая Е. К. Капсула времени в постсоветском совхозе // Антропологический форум. 2020. № 47. С. 83—110.

Malaya E. K. (2020) The Time Capsule in the Post-Soviet Sovkhoz. *Forum for Anthropology and Culture*. No. 47. P. 83—110. (In Russ.)

Методы сбора информации в социологических исследованиях. В 2 кн. / Отв. ред. В. Г. Андреенков, О. М. Маслова. Кн. 1. М.: Наука, 1990.

Andreenkov V. G., Maslova O. M. (eds.) (1990) *Methods of Collecting Information in Sociological Research*. Vol. 1. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Орлова Г. А. Со-авторизация, но не соавторство: приключения транскрипта в цифровую эпоху // Шаги / Steps. 2016. Vol. 2. No. 1. С. 200—223.

Orlova G. A. (2016) Co-Authorization, Not Co-Authorship: The Adventures of Transcript in the Digital Age. *Shagi / Steps*. Vol. 2. No. 1. P. 200—223. (In Russ.)

Оссовский В. Л. Проблема идентификации общественного мнения // Социологические исследования. 1999. № 10. С. 7—16.

Ossovsky V. L. (1999) The Problem of Identifying Public Opinion. *Sociological Studies*. No. 10. P. 7—16. (In Russ.)

Панченко А. А. Инквизиторы как антропологи, антропологи как инквизиторы // Живая старина. 2001. № 1. С. 7—9.

Panchenko A. A. (2001) Inquisitors as Anthropologists, Anthropologists as Inquisitors. *Living Antiquity / Zhivaia starina*. No. 1. P. 7—9. (In Russ.)

Полухина Е. В., Стрельникова А. В., Ваньке А. В. «Визуальный дневник»: как фотоданные репрезентируют контекст полевого исследования // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 1. С. 96—117. <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.6>.

Polukhina E. V., Strelnikova A. V., Vanke A. V. (2020) Visual Diary: How Photos Represent the Context of Field Research. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 1. P. 96—117. <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.6>. (In Russ.)

Прямикова Е. В. Память в малом городе: опыт исследования полярных кейсов // Меморативные ландшафты малых городов. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. С. 61—72. (В печати).

Pryamikova E. V. (2022) Memory in a Small Town: The Cases of Inta and Kotelnich. In: *Memorative Landscapes of Small Towns*. Ekaterinburg: Ural University Press. P. 61—72. (In Print). (In Russ.)

Стрельникова А. В., Ваньке А. В. Полевое исследование индустриального района: стратегии сбора и анализа визуальных данных // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2017. № 13. С. 51—72.

Strelnikova A. V., Vanke A. V. (2017) Field Research of an Industrial Neighbourhood: The Strategies of Visual Data Collection and Analysis. *Interaction. Interview. Interpretation*. No. 13. P. 51—72. (In Russ.)

Сычёва К. Е. Собиратель и информант: встреча по-новому // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2015. № 1. С. 131—141. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2015-1-131-141>.

Sycheva K. E. (2015) The Researcher and the Informant: Different Meeting (Specific Features of Modern Field Interviews in Altai). *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*. No. 1. P. 131—141. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2015-1-131-141>. (In Russ.)

Форум: Этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 6—166.

Forum: Ethical Issues in Field Research. (2006) *Forum for Anthropology and Culture*. No. 50. P. 6—166. (In Russ.)

Форум: от поля к тексту // Антропологический форум. 2018. № 36. С. 11—114. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2018-14-36-11-114>.

Forum: From Fieldwork to Written Text. (2018) *Forum for Anthropology and Culture*. No. 36. P. 11—114. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2018-14-36-11-114>. (In Russ.)

Щепанская Т. Б. Полевик: фигура и деятельность этнографа в экспедиционном фольклоре (опыты автоэтнографии) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 2. С. 165—179. URL: http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2003_2/Shchepanskaya_2003_2.pdf (дата обращения: 22.08.2022).

Shchepanskaia T. B. (2003) Polevik: The Figure and Activity of an Ethnographer in the Expedition Folklore (Experiments of Autoethnography). *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. VI. No. 2. P. 165—179. URL: http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2003_2/Shchepanskaya_2003_2.pdf (accessed: 22.08.2022). (In Russ.)

Bendiner-Viani G. (2005) Walking, Emotion, and Dwelling: Guided Tours in Prospect Heights, Brooklyn. *Space and Culture*. Vol. 8. No. 4. P. 459—471. <https://doi.org/10.1177/1206331205280144>.

Benjamin-Thomas T.E., Corrado A. M., McGrath C., Rudman D. L., Hand C. (2018) Working towards the Promise of Participatory Action Research: Learning from Ageing Research Exemplars. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 17. No. 1. P. 1—13. <https://doi.org/10.1177/1609406918817953>.

Dennis S. F., Gaulocher S., Carpiano R. M., Brown D. (2009) Participatory Photo Mapping (PPM): Exploring an Integrated Method for Health and Place Research with Young People. *Health & Place*. Vol. 15. No. 2. P. 466—473. <https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2008.08.004>.

Fernández E., Kitching K., Horgan D. (2021) Young Girls' Experiences of 'Good' Food Imperatives in a Working Class School Community: Rethinking Food Desire? *Cambridge Journal of Education*. Vol. 51. No. 5. P. 543—561. <https://doi.org/10.1080/0305764X.2021.1877618>.

Fang M. L., Woolrych R., Sixsmith J., Canham S., Battersby L., Sixsmith A. (2016) Place-Making with Older Persons: Establishing Sense-of-Place through Participatory Community Mapping Workshops. *Social Science & Medicine*. Vol. 168. P. 223—229. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2016.07.007>.

Fink J. (2012) Walking the Neighborhood, Seeing the Small Details of Community Life: Reflections from a Photography Walking Tour. *Critical Social Policy*. Vol. 32. No. 1. P. 31—50. <https://doi.org/10.1177/0261018311425198>.

Habuchi I. (2005) Accelerating Reflexivity. In: Ito M., Matsuda M., Okabe D. (eds.) *Personal, Portable, Pedestrian: Mobile Phones in Japanese Life*. Cambridge, MA: MIT Press. P. 165—182.

Harkess Sh., Warren C. A. B. (1993) The Social Relations of Intensive Interviewing: Conditions of Strangeness and Science. *Sociological Methods and Research*. Vol. 21. No. 3. P. 317—339. <https://doi.org/10.1177/0049124193021003002>

Heng T. (2017) *Visual Methods in the Field: Photography for the Social Sciences*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315749594>.

Hjorth L., Pink S. (2014) New Visualities and the Digital Wayfarer: Reconceptualizing Camera Phone Photography and Locative Media. *Mobile Media & Communication*. Vol. 2. No. 1. P. 40—57. <https://doi.org/10.1177/2050157913505257>.

Kahn R. L., Cannell Ch.F. (1959). *The Dynamics of Interviewing. Theory, Technics & Cases*. New York, NY: John Wiley & Sons.

Kolb B. (2008) Involving, Sharing, Analysing — Potential of the Participatory Photo Interview. *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*. Vol. 9. No. 3. <https://doi.org/10.17169/fqs-9.3.1155>.

Lejeune Ph. (1973) Le Pacte Autobiographique. *Poétique*. No. 14. P. 137—162.

Miaux S., Drouin L., Morency P., Paquin S., Gauvin L., Jacquemin C. (2010) Making the Narrative Walk-in-Real-Time Methodology Relevant for Public Health Intervention: Towards an Integrative Approach. *Health & Place*. Vol. 16. No. 6. P. 1166—1173. <https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2010.08.002>.

Morris J. (2015) Notes on the “Worthless Dowry” of Soviet Industrial Modernity: Making Working-class Russia Habitable. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 7. No. 3. P. 25—48.

Pink S. (2013) *Doing Visual Ethnography: Images, Media and Representation in Research*. London: Sage.

Prosser J., Schwartz D. (2005) Photographs within the Sociological Research Process. In: Prosser J. (ed.) *Image-Based Research: A Sourcebook for Qualitative Researchers*. London: Routledge; Falmer Press. P. 101—115.

Teixeira S., Gardner R. (2017) Youth-Led Participatory Photo Mapping to Understand Urban Environments. *Children and Youth Services Review*. Vol. 82. P. 246—253. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2017.09.033>.

Villi M. (2007) Mobile Visual Communication: Photo Messages and Camera Phone Photography. *Nordicom Review*. Vol. 28. No. 1. P. 49—62.

Villi M. (2012) Visual Chitchat: The Use of Camera Phones in Visual Interpersonal Communication. *Interactions: Studies in Communication & Culture*. Vol. 3. No. 1. P. 39—54. https://doi.org/10.1386/iscc.3.1.39_1.

Waity J. F., Crowe S. (2019) The Context of Authority and Sociological Knowledge: An Experiential Learning Project. *Communications in Information Literacy*. Vol. 13. No. 1. P. 61—74. <https://doi.org/10.15760/comminfolit.2019.13.1.5>.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.4.2140](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2140)

В. Б. Гольбрайх

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В РОССИИ: ПОПЫТКА БИБЛИОМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Правильная ссылка на статью:

Гольбрайх В. Б. Исследования социальных сетей в России: попытка библиометрического анализа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 62—83. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2140>.

For citation:

Golbraikh V. B. (2022) Social Media Studies in Russia: The Attempt of Bibliometric Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 62–83. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2140>. (In Russ.)

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В РОССИИ: ПОПЫТКА БИБЛИОМЕТРИ- ЧЕСКОГО АНАЛИЗА

*ГОЛЬБРАЙХ Владимир Бенъямино-
вич — кандидат социологических наук,
научный сотрудник сектора социологии
власти и гражданского общества, Со-
циологический институт РАН, филиал
ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: vgolbraih@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2380-2666>*

Аннотация. В связи с возрастающей ролью в России социальных сетей увеличивается и обращение отечественных авторов к этой проблематике. Настоящая работа посвящена анализу исследований в России социальных сетей в Интернете. Проблематика социальных сетей в интернете занимает все большее место в исследованиях отечественных авторов, что связано с постоянно увеличивающейся ролью социальных медиа в повседневной жизни россиян. Настоящая работа посвящена библиометрическому анализу исследований социальных сетей в интернете России. Статьи о социальных медиа, опубликованные в отечественных научных журналах, были изучены нами в контексте динамики обращения изданий к проблематике социальных сетей; типов исследований; тематики публикаций, посвященных социальным медиа в интернете; объектов анализа; использования определенных методов и принадлежности авторов к тем или иным научным дисциплинам. В статье показано, что, во-первых, несмотря на относительную новизну проблематики, количество публикаций, посвященных различным аспектам использования социальных медиа, постепенно увеличивается, а одной из основных

SOCIAL MEDIA STUDIES IN RUSSIA: THE ATTEMPT OF BIBLIOMETRIC ANALYSIS

*Vladimir B. GOLBRAIKH¹ — Cand. Sci.
(Soc.), Research Fellow at the Department
of Sociology of Power and Civilian Society
E-MAIL: vgolbraih@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2380-2666>*

¹ The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Abstract. Due to the growing role of social media in Russia, the appeal of this issue for domestic scholars is also increasing. This article focuses on the bibliometric analysis of social media research in Russia. The topic of social media is becoming increasingly important in the studies of Russian scholars because of the ever-increasing role of social media in the daily life of Russians. We analyse the articles on social media published in scientific journals of Russia in the context of their dynamics, types of research, topics, objects of analysis, the use of specific methods and the belonging of authors to certain scientific disciplines. The article shows that, firstly, despite the relative novelty of the topic, the number of publications devoted to various aspects of the use of social media is gradually increasing, and one of the main topics studied by Russian scholars is the use of social media in political protests and conflicts, their role in the activities of social movements and the problematization of political and civic participation. Secondly, almost all social media in Russia became the object of analysis by domestic researchers, and content analysis was the primary method. Finally, thirdly, scholars dealing with the issue of social media

тем, изучаемых российскими авторами, выступает использование социальных сетей в ходе политических протестов и конфликтов, их роль в деятельности общественных движений и проблематизации политического и гражданского участия. Во-вторых, что практически все социальные сети, используемые в России, становились объектом анализа отечественных исследователей, а основным методом выступал анализ текста. Наконец, в-третьих, что ученые, занимающиеся проблематикой социальных сетей в интернете, относятся к различным социально-гуманитарным дисциплинам.

belong to various social and humanitarian disciplines.

Ключевые слова: социальные сети, социальные медиа, интернет, обзор российских исследований, библиометрический анализ, социально-гуманитарные дисциплины

Keywords: social networks, social media, internet, Russian studies review, bibliometric analysis, social and humanitarian disciplines

Постановка проблемы

Социальные сети в интернете — явление, существенно влияющее на социально-политические процессы. Миллионы людей в разных странах ежедневно используют социальные медиа для многочисленных целей — от развлечений и знакомств до просвещения и политического участия. П. О’Брайен пишет, что «социальные сети — это первое, что люди проверяют, когда они просыпаются утром, и последнее, что они проверяют перед тем, как пойти спать» [O’Brien, 2014: 20]. Исследователи отмечают, что «использование социальных медиа и их политика все больше и больше внедряются в нашу повседневную жизнь, работу и отношения» [Burgess, Marwick, Poell, 2017: 1]. Социальные сети уже повлияли на межличностную коммуникацию и построение повестки дня, традиционные СМИ, рекламный рынок, здравоохранение, а также политические процессы (использование социальных медиа общественными движениями в ходе социально-политических протестов, выборов и т. п.).

Поэтому закономерно, что социальные сети стали объектом внимания ученых — ежегодно по данной проблематике публикуются тысячи статей. За рубежом выпускается несколько специализированных журналов, например, «*New Media & Society*» и «*SocialMedia + Society*», выходят справочники, посвященные социальным медиа (см., например, [Burgess, Marwick, Poell, 2017; Hunsinger, Senft, 2015]), а также методам исследования социальных сетей (см. [Sloan, Quan-Haase, 2017]). С конца 1990-х годов социальные медиа стали «признанной областью изучения»

в таких сферах как интернет-исследования, медиаисследования и исследования коммуникации [Burgess et al., 2017: 1]. Кроме того, социальные сети становятся объектом интереса ученых в таких областях как политика, здравоохранение и медицина, образование [там же: 2].

Растет и количество обзоров литературы, проведенных «для изучения различных аспектов исследований социальных сетей» [Snelson, 2016: 1]. Например, В. Ван Ош и К. Курсари рассмотрели более 600 статей, посвященных анализу социальных медиа и напечатанных в научных журналах и сборниках конференций за период 2004—2011 гг. [Van Osch, Coursaris, 2014]. Авторы отмечают, что несмотря на то, что исследования социальных сетей появились недавно, «очевиден резкий рост научных публикаций», посвященных этой проблематике [там же: 300]. При этом в большинстве работ, посвященных социальным медиа, единицей анализа выступает человек, хотя «по своей природе социальные сети представляют собой интерактивные форумы и технологии для общения и построения отношений, тем самым поддерживая процессы, происходящие на надындивидуальном уровне» [там же: 301]. Существующие обзорные статьи анализируют методы, применяемые при исследовании социальных медиа [Snelson, 2016]; распространение новостей в социальных сетях [Kümpel, Karnowski, Keyling, 2015]; использование последних в области здравоохранения [Hamm et al., 2013]; а также специфику конкретных социальных сетей — Facebook*¹ [Wilson, Gosling, Graham, 2012; Rains, Brunner, 2014], Twitter [Zimmer, Proferes, 2014], YouTube [Snelson, 2011].

Отечественные исследователи также отмечают возрастающую роль социальных сетей в России. По данным «Левада-центра»**², доля тех, для кого социальные медиа выступают источником новостей о стране и мире, увеличилась с 22 % в марте 2016 г. до 42 % в январе 2021 г. Статистические данные свидетельствуют о существовании трех наиболее популярных социальных сетей в России на начало 2021 г.: «ВКонтакте» (ее посещали 43 % опрошенных), YouTube (35 %) и Instagram* (31 %)³.

В течение последних лет вышло несколько обзоров, посвященных российским исследованиям социальных сетей. Так, П. Ермолаева и соавторы отмечают, что «огромное число работ в области цифрового гражданского участия связано с исследованиями онлайн-форм политического участия, с выборами в Государственную думу в 2011 г., пожарами в Центральной России, наводнением в Крымске в 2012 г.» [Ермолаева, Ермолаева, Башева 2020: 378]. Российские и зарубежные исследования, рассматривающие проблемы влияния социальных сетей на политическую мобилизацию, сравнивают З. Кныжова и И. Суслов [2019]. Существует анализ исследований социальных сетей в контексте цифровизации СМИ [Макеев, 2018; Яковлева, 2018], а также роли социальных медиа в сфере образования [Ефимов и др., 2017].

¹ Здесь и далее * означает, что деятельность социальной сети запрещена на территории РФ.

² Здесь и далее ** означает российское юридическое лицо, признанное выполняющим функции «иностранного агента».

³ Социальные сети в России // Левада-центр. 2021. 23 февраля. URL: <https://www.levada.ru/2021/02/23/sotsialnye-seti-v-rossii> (дата обращения: 05.10.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранного агента».

В связи с тем, что социальные сети играют в России все более заметную роль, мы решили провести библиометрический анализ отечественных исследований социальных медиа. В рамках нашей работы мы предполагали выявить, в какой степени относительно новая проблематика изучения социальных сетей в интернете присутствует в работах российских авторов и становится одной из устоявшихся тем российской науки. С этой целью мы анализируем динамику обращений ученых к данной проблематике на протяжении последних лет; выявляем, какие аспекты использования социальных сетей в интернете их интересовали; каковы были объекты их исследований и какие методы применялись. Наконец, мы выделяем дисциплинарные области, в рамках которых изучались социальные сети.

В нашем исследовании мы опираемся на следующее понимание социальных медиа, распространяя его и на понятие социальных сетей в интернете:

1) Социальные медиа — это деинституционализированные онлайн-платформы. Их контент не создается и не распространяется медиакомпаниями и организациями, а основывается на децентрализованных структурах обмена в интернете;

2) Социальные сети зависят от контента, создаваемого пользователями, поэтому обычные люди (непрофессионалы в области медиа) несут ответственность за его создание и распространение;

3) Социальные сети динамичны — они способствуют двустороннему взаимодействию с аудиторией [Stoycheff et al., 2017: 3].

Хотя ряд авторов пишут о разных типах «новых медиа» — социальные сети, микроблоги, социальные медиа, — мы объединяем их все под одной категорией «социальные сети» в интернете.

В работе мы применяем метод библиометрического анализа, все чаще используемый в последние годы для изучения «тенденций академических исследований» [Qinet al., 2020: 1133]. По мнению Р. Болла, «основным параметром анализа результатов библиометрии является объем академических результатов человека, учреждения, страны или другой группы» [Ball, 2017:19], а И. В. Маршакова-Шайкевич указывает на возможность двух подходов применения библиометрического анализа: 1) простая библиометрия — «когда прослеживается динамика отдельных изучаемых объектов (публикаций, авторов, ключевых слов в публикациях, их распределение по странам, рубрикам научных журналов и пр.)»; 2) структурная библиометрия — «когда выявляются связи между объектами, их корреляция и классификация» [Маршакова-Шайкевич, 2013: 212]. Используя методы простой библиометрии, мы предполагаем осуществить поставленные в исследовании задачи — проанализировать динамику публикаций по изучаемой проблематике, объекты и методы исследований, а также их авторов.

Метод и данные

В рамках исследования мы проанализировали статьи, посвященные социальным сетям и опубликованные в период с 2010 по 2020 г. в 36 российских научных журналах, издаваемых институтами РАН, вузами и социологическими центрами.

Для поиска журналов использовалась база данных информационно-аналитического портала eLIBRARY.RU, где было отобрано 28 изданий, входящих в ядро РИНЦ (в области социологии, политических наук, исследований массовой

коммуникации, антропологии). Помимо этого, мы выбрали еще восемь журналов, не входящих в ядро РИНЦ, по следующим основаниям:

1) В этих журналах регулярно публикуются статьи по проблематике изучения социальных сетей («Медиаскоп», «МедиаАльманах», «Политическая лингвистика», «Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии», «Цифровая социология»);

2) Журналы связаны с ведущим социологическим академическим институтом России — ФСНИЦ РАН («Власть» и «Телескоп»);

3) Один из вузовских журналов, относящихся к социально-гуманитарным дисциплинам, отобранный случайным образом (журнал Белгородского университета «Научный результат. Социология. Управление»).

В качестве критерия для отбора статьей использовались термины «социальные сети» и «блогосфера» — они должны были быть либо частью названия статьи, либо автор указывал их в аннотации, либо среди ключевых слов. Одной из проблем оказалось то, что в ряде случаев ни в названии, ни в ключевых словах, ни в аннотации авторы не использовали упомянутые выше термины. При этом по названию статьи (например, название одной из социальных сетей в интернете; использование понятий «социальные медиа», «новые медиа», «сетевые сообщества», «виртуализация», «интернет-исследования», «цифровые технологии», «медиапотребление», «цифровой» молодежи и т. п.) можно было предполагать, что она посвящена исследованию социальных сетей в интернете. В таком случае статья просматривалась целиком и, если это предположение подтверждалось, она отбиралась для дальнейшего анализа. В случае, если в статье социальные сети лишь упоминались, или им уделялось незначительное место, было решено не включать ее в наше исследование. Поиск публикаций мы осуществляли на сайтах отобранных журналов, в ряде случаев — на страницах изданий в eLIBRARY.RU. Сбор данных был проведен в марте 2021 г. Категории контент-анализа представлены в Приложении.

Результаты

Среди 36 журналов, проанализированных за период 2010—2020 гг., 19 издавались вузами (например, «МедиаАльманах» и «Социологическое обозрение»); 9 — академическими институтами (например, «Политическая наука» и «Социологические исследования»); по 3 — одновременно вузами и академическими институтами (например, «Политические исследования») или социологическими центрами (например, «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены»). Два журнала издавались иными организациями (например, «Телескоп»). Всего нами было отобрано 345 статей (см. табл. 1).

Как видно из таблицы 1, чаще всего работы, посвященные социальным сетям, публиковались в журналах «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», «МедиаАльманах», «Медиаскоп» и «Вестник МГУ. Журналистика». Три последних журнала издаются факультетом журналистики МГУ. При этом в 15 журналах за 11 лет было опубликовано менее пяти статей, в которых исследовались социальные медиа. На основе рубрикаций ГРНТИ⁴ мы определили области науки, к которым относятся анализируемые журналы (см. рис. 1).

⁴ Данные на 01.09.2021.

Таблица 1. **Статьи, посвященные социальным сетям, за 2010—2020 гг.**

№	Название журнала	Количество статей
1	Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены	53
2	МедиаАльманах	34
3	Медиаскоп	32
4	Вестник МГУ. Журналистика	29
5	Политическая лингвистика	21
6	Социологические исследования. СОЦИС	18
7	Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС	15
8	Журнал социологии и социальной антропологии	12
9	Вестник Пермского университета. Политология	11
10	Власть	9
11	Вестник Российского университета дружбы народов. Социология	9
12	Вестник СПбГУ. Социология	9
13	Вестник Томского университета. Социология. Политология	9
14	Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии	8
15	Социология, методология, методы, математическое моделирование. Социология 4 М	7
16	Цифровая социология	7
17	Вестник МГУ. Политические науки	6
18	Вестник Российского университета дружбы народов. Политология	6
19	Журнал исследований социальной политики	6
20	Политические исследования. Полис	5
21	Социологический журнал	5
22	Политическая наука	4
23	Социология власти	4
24	Телескоп	4
25	Вестник Института социологии	3
26	Мир России	3
27	Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология	2
28	Вестник Томского университета	2
29	Laboratorium	2
30	Общественные науки и современность	2
31	Социологическое обозрение	2
32	Этнографическое обозрение	2
33	Антропологический форум	1
34	Научный результат. Социология и управление	1
35	Полития	1
36	Социологическая наука и социальная практика	1
Всего		345

Как правило, журнал относится сразу к нескольким рубрикам. Хотя доля изданий, принадлежащих категории «Массовая коммуникация. Журналистика. СМИ», составляла всего 8 %, доля статей в них, посвященных социальным сетям, составила 28 %.

В рамках исследования мы также рассматривали динамику выхода статей интересующей нас проблематики (см. рис. 2).

Исходя из данных, представленных на рисунке 2, видно, что количество статей, посвященных проблематике социальных медиа, постепенно увеличивается. Впервые очевидный рост произошел в 2012 г. Можно предположить, что это связано с массовыми протестами 2011—2012 гг. в России.

На основе анализа содержания статей мы выделили несколько тематических областей, в рамках которых, как правило, изучаются социальные сети (см. табл. 2).

Таблица 2. *Распределение статей в зависимости от темы исследования, n = 345*

Темы исследований	%
Протест; конфликт; общественные движения в социальных сетях; политическое, гражданское участие в социальных сетях	20
Коммуникация в социальных сетях	14
Общие проблемы развития социальных сетей	10
Социально-политические проблемы в социальных сетях	8
Потребление социальных сетей	8
Традиционные СМИ в социальных сетях	6
Выборы, политические партии и социальные сети	6
Власть и социальные сети	6
Использование социальных сетей социальными группами	3
Проблемы идентичности и социальные сети	3
Реклама и социальные сети	2
Наука и образование и социальные сети	2
Историческая память и социальные сети	1
Локальная политика и социальные сети	1
Анализ отдельных социальных сетей	1
Культура и социальные сети	1
Социализация и социальные сети	1
Медицина и социальные сети	1
Другое	6

Более трети всех анализируемых статей оказалось посвящено двум темам: 1) протест; конфликт; общественные движения в социальных сетях; политическое, гражданское участие в социальных сетях и 2) коммуникация в социальных сетях.

В большинстве публикаций, образующих первую тематическую группу, исследователи рассматривали использование социальных сетей в ходе протестов 2011—2012 гг. в России (см., например, [Радченко, Писаревская, Ксенофонтова, 2012; Олейник, 2012; Рогович, 2015; Ушкин, 2014]). Помимо этого, встречались статьи, посвященные экологическим протестам [Цепилова, Гольбрайх, 2020], конфликту вокруг Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге [Сибирев, Головин, Клебанов, 2018], антикоррупционным протестам 2017 г. [Гончаров, Нечай, 2018].

В вторую тематическую группу вошли статьи, посвященные особенностям коммуникации в социальных сетях [Гвоздикив, 2014; Опанасенко, 2015; Замков 2019], в частности, специфике используемого в них языка и дискурса [Кудрина, 2019; Ушкин, 2012; Карасик, 2018].

В ходе работы нами были выделены статьи, содержащие эмпирическое исследование, в которых авторы проводили анализ цифрового участия пользователей, текстов, размещенных в социальных сетях и т.д. Мы не включали в эту группу публикации, рассматривающие потребление социальных медиа населением.

В результате 55 % статей оказались основаны на эмпирическом исследовании. Мы также предполагали выявить, какие именно социальные сети выступали объектом анализа (см. табл. 3).

Таблица 3. **Распределение статей в зависимости от социальных медиа, являющихся объектом анализа (n = 191)**

Социальная сеть	%
ВКонтакте	57
Facebook*	35
Twitter	24
LiveJournal	21
Instagram*	15
YouTube	13
Одноклассники	12
Telegram	7
WhatsApp	2
Мой мир	1
Другие	8
Неизвестно	8

Результаты показали, что социальные сети «ВКонтакте», Facebook* и Twitter чаще других выступают объектами исследования отечественных авторов. YouTube, несмотря на популярность, анализировали только в 13 % статей, а привлекающее все меньшее внимание пользователей медиа LiveJournal — в 21 % отобранных публикаций. В категорию «другие» вошли такие социальные медиа как Foursquare, Гайдпарк⁵, WhatsApp⁶, Tinder⁷, LinkedIn, LiveInternet. В ряде публикаций авторы вообще не указали, какое именно медиа являлось объектом их эмпирического исследования. В таких статьях исследователи говорили, что был проведен анализ «социальных медиа», «блогов», «наиболее популярного социального медиа» и т. п. В некоторых работах, перечислив конкретные социальные сети («ВКонтакте», Facebook* и т. д.), являвшиеся объектом анализа, исследователи добавляли — «и иные (другие)» социальные сети.

Большинство статей (64 %) было посвящено анализу какого-либо одного социального медиа. В 14 % публикаций рассматривалось пять и более социальных сетей. В качестве примера можно привести работу А. В. Колесниченко и М. И. Давлетшиной, исследовавших освещение выборов в Московскую город-

⁵ «Гайдпарк представляет собой блог-платформу, где по различным вопросам представлен широкий спектр мнений граждан — от ультраконсервативных до крайне оппозиционных» (Константинова В. С. Блог президента как инструмент коммуникации власти и граждан // *Власть*. 2010. № 10. С. 29.).

⁶ WhatsApp отнесен к социальным сетям в статье Капустина Е. Интернет-коммуникация и транслокальная миграция: случай Дагестана // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. Т. 12 № 3. С. 33.

⁷ Tinder назван «одной из самой быстрорастущих социальных сетей онлайн-знакомств в мире» в статье: Зырянов Б. С. Позиционирование пользователя социальной сети онлайн-знакомств (на примере Tinder) // *МедиаМанах*. 2018. № 4. С. 42.

скую думу в 2019 г. Авторы изучили тексты, размещенные в 40 аккаунтах в восьми социальных медиа — «ВКонтакте»; Facebook*; «Одноклассники»; Telegram; Instagram*; Twitter; LiveJournal и YouTube [Колесниченко, Давлетшина, 2020].

В статьях, основанных на эмпирических данных, авторы с разной степенью подробности (в отдельных случаях ограничиваясь одним-двумя предложениями) излагали методику исследования. Можно выделить следующие используемые ими методы анализа социальных сетей: 1) анализ текстов; 2) анализ цифрового участия; 3) опрос и интервью пользователей; 4) анализ профилей пользователей (социально-демографические данные, интересы пользователей и т. п.); 5) наблюдение (см. табл. 4).

Таблица 4. **Распределение статей, в зависимости от использованного в них метода (n = 191)**

Метод анализа	%
Анализ текста	69
Анализ цифрового участия	33
Опрос, интервью пользователей	13
Анализ профилей пользователей	8
Включенное наблюдение, наблюдение	2
Другое	2

Исследование показало, что российские ученые использовали в своих работах преимущественно методы анализа текста — в абсолютном большинстве случаев контент-анализ, в некоторых статьях — дискурс-анализ. С помощью анализа текста исследовались тематика и модальность постов; типы контента, акторов и их действий; приписывание актору ответственности или ее отрицание и т. д. В контексте анализа цифрового участия пользователей рассматривались подписка на виртуальные сообщества; репосты, лайки и комментарии к постам; сетевой анализ; коммуникативные связи пользователей; структура коммуникативного участия; сила социальных связей в виртуальных сообществах. Более чем в четверти статей авторы применяли несколько методов, анализируя, например, тексты постов и цифровое участие пользователей.

Почти в трети работ исследователи указали, что использовали при проведении исследований специальные сайты (например, *Vk.barkov.net*) или программное обеспечение «Система Ниппель»⁸), *FanpageKarma*, *MAXQDA*, *ATLAS.ti* и др.).

Далее, мы ставили задачу выявить принадлежность авторов, изучавших социальные сети, к тем или иным научным дисциплинам. Для этого, во-первых, было проанализировано, по каким специальностям им были присвоены научные степени, а во-вторых, в каких научных областях они работали в период написания соответствующих работ. Из анализа были исключены зарубежные исследователи, а также студенты. В итоге авторами 345 статей оказались 351 человек. 229 (65%)

⁸ Использование данных сервиса «Система Ниппель» описано в работе: Дьяченко О. В. Методика исследования сообществ российских СМИ в социальной сети «ВКонтакте» // Медиаальманах. 2013. № 4. С. 16—23.

из них имели ученые степени или, будучи аспирантами, получили ученые степени в ближайшее время после публикации статьи (см. табл. 5).

Таблица 5. **Распределение авторов статей в зависимости от дисциплины, по которой были получены научные степени (n = 229)**

Кандидат/доктор	%
Социологических наук	27
Филологических наук	24
Политических наук	21
Философских наук	9
Психологических наук	4
Экономических наук	3
Исторических наук	3
Педагогических наук	2
Других наук	7

Как мы видим, основная часть авторов имела степень по одной из трех научных дисциплин — социологические, филологические или политические науки. Предметные области, в которых работали авторы анализируемых статей в период их написания, отражены в табл. 6.

Таблица 6. **Распределение авторов в зависимости от их принадлежности к определенной предметной области (n = 351)**

Предметные области науки	%
Исследования СМИ, интернета, коммуникаций, информационных технологий, PR	38
Социология	24
Политология	17
Фольклор, антропология, этнография	4
Филология	4
Психология	3
Культурология	2
Философия	2
Право	1
Социальные науки в целом	1
Педагогика	1
Экономика	1
Другое	9
Неизвестно	3

Было выявлено, что существенная доля авторов работ, изучавших социальные сети, связана с предметными областями коммуникаций, информационных технологий и PR. В качестве примеров можно привести кафедру социальной коммуникации Томского политехнического университета; лабораторию математиче-

ского моделирования социальных процессов Института гуманитарных технологий в сфере социального компьютеринга МГГУ им. М. А. Шолохова; кафедру новых медиа и теории коммуникации факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова; кафедру риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета; Центр изучения интернета и общества при Российской Экономической Школе и др. Необходимо отметить, что ряд кафедр относилось одновременно к нескольким научным дисциплинам (например, кафедра истории, политологии и социологии Саратовской государственной юридической академии или кафедра философии и политологии Академии труда и социальных отношений).

Абсолютное большинство исследователей (87 %) было аффилировано с тем или иным вузом (НИУ «Высшая школа экономики»; Бурятский государственный университет; Тюменский государственный университет; Санкт-Петербургский государственный университет и др.). Лишь 9 % ученых были сотрудниками академических институтов (Институт социологии ФНИСЦ РАН; Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; Институт психологии РАН и др.). При этом 3 % авторов относилось к различным социологическим центрам («Левада-центр»**, ЦИРКОН, «Центр независимых социологических исследований»**, ВЦИОМ, «Лаборатория Крыштановской», Фонд ИНДЕМ).

Полученные результаты подтверждают тезис, что «исследования интернета — междисциплинарное и мультидисциплинарное поле фундаментальных и прикладных исследований, объединяющее различные научные дисциплины» [Рыков, Нагорный, 2017], такие как социология, политология, антропология, экономика, культурология, лингвистика, право и др. Впрочем, как можно полагать, этим исследования социальных медиа не отличаются от исследований традиционных СМИ.

В рамках работы на основе данных, представленных в eLIBRARY, мы выявили наиболее цитируемые статьи, посвященные исследованию социальных медиа (см. табл. 7).

Таблица 7. Наиболее цитируемые статьи, посвященные социальным медиа за 2010—2020 гг.

Автор	Статья	Журнал	Год	Число ссылок
А.С. Дужникова	Социальные сети: современные тенденции и типы пользования	Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены	2010	62
Е.В. Морозова, И. В. Мирошниченко	Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: новые возможности для граждан и для власти	Политические исследования. Полис	2011	61
Л.В. Сморгунов	Сетевые политические партии	Политические исследования. Полис	2014	54
О.Н. Морозова	Политическая интернет-коммуникация: ее роль, функции и формы	Политическая лингвистика	2011	48
С.В. Доука	Практики использования онлайн-социальных сетей	Социологические исследования. СОЦИС	2014	41

Автор	Статья	Журнал	Год	Число ссылок
Ю.А. Антонова	Коммуникативные стратегии в текстах, репрезентирующих идеологию childfree: на грани экстремизма	Политическая лингвистика	2013	36
И.А. Быков	Интернет-технологии в избирательной кампании Барака Обамы	Вестник Пермского университета. Политология	2010	35
И.В. Ксенофонтова	Роль интернета в развитии протестного движения	Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены	2012	33
О.А. Гуркина, Д. В. Мальцева	Мотивы использования виртуальных социальных сетей подростками	Социологические исследования. СОЦИС	2015	33
Е.В. Реутов, Т.В. Тришина	Интернет-практики и информационные предпочтения населения	Социологические исследования. СОЦИС	2015	33

Среди представленных в таблице семи работ, пять посвящены использованию социальных медиа в ходе того или иного типа политического участия, три исследования посвящены проблеме потребления социальных сетей, в одной публикации рассматриваются общие проблемы развития последних. Качество — лишь один из факторов, влияющих на частоту обращения ученых к тому или иному опубликованному исследованию. Среди других причин можно назвать популярность журнала, а также научной проблематики среди исследователей.

Заключение

Настоящая статья посвящена библиометрическому анализу научных работ, изучающих социальные сети в России. Прежде чем перейти к выводам, необходимо сказать о некоторых ограничениях, связанных с проведением исследования и касающихся сбора данных. Отбор журналов и статей проводился нами вручную, без использования специальных программ — часть работ, посвященных социальным сетям в интернете, могла не попасть в базу данных для дальнейшего анализа. Другое ограничение связано с тем, что в нашем исследовании мы использовали простой, а не структурный библиометрический анализ.

Полученные нами результаты свидетельствуют о постепенном увеличении количества работ, посвященных различным аспектам использования социальных сетей в интернете. Можно констатировать, что за последнее десятилетие исследования социальных медиа стали одной из устоявшихся тем для российских авторов, а одной из основных проблем, привлекающих внимание отечественных исследователей, оказалось задействование социальных сетей в ходе протестов или конфликтов, их использование общественными движениями, а также различные аспекты политического и гражданского участия в социальных сетях в интернете.

Практически все социальные медиа, присутствующие в России, становились объектом анализа отечественных исследователей, однако в большей мере авторы

обращались к трем социальным сетям — «ВКонтакте», Facebook* и Twitter. Помимо того, что «ВКонтакте» является самой популярной социальной сетью в нашей стране, частое обращение к анализу этого социального медиа можно объяснить существующими сборами данных, облегчающими работу ученых.

Наше исследование показало, что для отечественных авторов методы анализа текста стали основными методами при исследовании социальных сетей. При этом в большинстве случаев использовался метод контент-анализа.

Если сравнивать российские исследования социальных сетей с работами зарубежных авторов, то можно выделить несколько особенностей, касающихся динамики и тематики публикаций, применяемых методов анализа и научных дисциплин, в рамках которых проводились исследования. Как за рубежом, так и в России наблюдается рост числа статей, посвященных социальным медиа. В отношении тематики исследований можно отметить, что в нашей стране публикуется существенно меньше работ, изучающих роль социальных сетей в обсуждении медицинских проблем, чем за рубежом. Это же можно сказать и о статьях, анализирующих роль социальных сетей в образовании. Возможно, это обусловлено нашей выборкой журналов. Дело в том, что за рубежом статьи, исследующие социальные сети в контексте проблем медицины и образования, публикуются преимущественно в профессиональных журналах (медицинских и педагогических). В выборку для нашего исследования не были включены ни медицинские, ни педагогические журналы.

При сравнении использования различных методов анализа социальных сетей не было замечено существенных различий между российскими и зарубежными исследованиями. И в тех, и в других случаях использовались как количественные (например, количественный контент-анализ), так качественные методы (например, интервью). Однако можно отметить, что в статьях отечественных авторов, в отличие от их зарубежных коллег, не встречалось использование метода фокус-групп. Если сравнивать предметные области, то что в нашем случае существенно меньше число исследований, проводившихся в рамках дисциплины «компьютерные науки» (*computer science*).

В целом мы видим, что характер отечественных исследований социальных сетей в интернете не отличается от мирового опыта. В связи с увеличивающейся ролью социальных сетей в России можно предполагать рост числа статей, посвященным им, и расширение тематики исследований и разнообразия методов анализа социальных медиа.

Список литературы (References)

- Гвоздиков Д. С. Под влиянием сети: антропологический подход к анализу формирования online-связей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. 2014. № 2. С. 152—158.
- Gvozdikov D. S. (2014) Under Network Influence: Anthropological Approach to Analysis of Online Ties Formation. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology, Sociology, Pedagogy*. No. 2. P. 152—158. (In Russ.)

Гончаров Д. В., Нечай В. В. Антикоррупционные протесты 2017: отражение в Твиттере // *Полития*. 2018. № 1. С. 65—81. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-88-1-65-81>.

Goncharov D. V., Nechay V. V. (2018) Anti-Corruption Protests 2017: Reflection in Twitter. *Politeia*. No. 1. P. 65—81. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-88-1-65-81>. (In Russ.)

Ермолаева П., Ермолаева Ю., Башева О. Цифровой экологический активизм как новая форма экологического участия населения // *Социологическое обозрение*. 2020. Т. 19. № 3. С. 376—408. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-376-408>.
Ermolaeva P., Ermolaeva Y., Basheva O. (2020) Digital Environmental Activism as the New Form of Environmental Participation. *Russian Sociological Review*. Vol. 19. No. 3. P. 376—408. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-376-408>. (In Russ.)

Ефимов Е. Г., Ануфриева Е. В., Небыков И. А., Дулина Н. В. Научное сообщество об использовании социальных интернет-сетей в образовании (контент-анализ РИНЦ) // *Актуальные вопросы профессионального образования*. 2017. № 1. С. 35—38.

Efimov E., Anufrieva E., Nebykov I., Dulina N. (2017) Scientific Community about Use of Social Internet Networks in Formation (Content Analysis ELIBRARY). *Aktual'nye Voprosy Professional'nogo Obrazovaniya*. No. 1. P. 35—38. (In Russ.)

Замков А. В. Эффект эхо-камеры как проявление принципа самоподобия в социальных сетях // *Медиаскоп*. 2019. № 2. <https://doi.org/10.30547/mediascope.2.2019.7>.
Zamkov A. V. (2019) The Echo Chamber Effect as a Manifestation of the Principle of Self-Similarity on Social Networks. *Mediascope*. No. 2. <https://doi.org/10.30547/mediascope.2.2019.7>. (In Russ.)

Карасик В. И. Репортативы в сетевом дискурсе // *Политическая лингвистика*. 2018. № 6. С. 20—27. URL: <https://politlingvistika.ru/archive/186504/6/reportativy-v-setevom-diskurse> (дата обращения: 11.08.2022).

Karasik V. I. (2018) Reportatives in Network Discourse. *Political Linguistics*. No. 6. P. 20—27. URL: <https://politlingvistika.ru/archive/186504/6/reportativy-v-setevom-diskurse> (accessed: 11.08.2022). (In Russ.)

Кныжова З. З., Суслов И. В. Потенциал и перспективы политической мобилизации в интернет-пространстве: обзор эмпирических исследований в мировом и российском контексте // *Власть*. 2019. Т. 27. № 5. С. 59—66. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6720>.

Knyzhova Z. Z., Suslov I. V. (2019) The Potential and Prospects of Political Mobilization in the Internet Space: A Review of Empirical Research in the Global and Russian Context. *Vlast' (The Authority)*. Vol. 27. No. 5. P. 59—66. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6720>. (In Russ.)

Колесниченко А. В., Давлетшина М. И. Освещение выборов в Московскую городскую думу-2019 в социальных медиа // *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2020. № 4. С. 3—27. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2020.327>.

Kolesnichenko A. V., Davletshina M. I. (2020) Coverage of the 2019 Moscow City Duma Election in Social Media. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. No. 4. P. 3—27. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2020.327>. (In Russ.)

Кудрина Л. В. Речевые особенности комментария в новостных текстах интернет-изданий // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2019. № 6. С. 176—194. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.6.2019.176194>.

Kudrina L. V. (2019) Speech Characteristics of the Comment in the Internet Media News Texts. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. No. 6. P. 176—194. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.6.2019.176194>. (In Russ.)

Макеенко М. И. Направления трансформации теоретических подходов в российских исследованиях влияния цифровизации на медиа // Медиаскоп. 2018. № 3. <https://doi.org/10.30547/mediascope.3.2018.1>.

Makeenko M. I. (2018) Transformations of Theoretical Approaches to the Impact of Digitalization on Media in Modern Russian Media Research. *Mediaskop*. No. 3. <https://doi.org/10.30547/mediascope.3.2018.1>. (In Russ.)

Маршакова-Шайкевич И. В. Роль библиометрии в оценке исследовательской активности науки // Управление большими системами. 2013. № 44. С. 210—247. Marshakova-Shaikevich I. V. (2013) Bibliometrics — What and How We Can Evaluate in Science. *Large-Scale Systems Control*. No. 44. P. 210—247. (In Russ.)

Олейник А. Кто эти мужчины и женщины на фотографии? Контент-анализ фотографий массовых протестов // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2012. № 2. С. 87—102.

Oleinik A. (2012) Who are These (Wo)Men in the Picture? On Content Analysis of Images of Mass Protests. *The Russian Public Opinion Herald: Data. Analysis. Discussions*. No. 2. P. 87—102. (In Russ.)

Опанасенко Н. В. Измерения коммуникативных связей современных политических коммуникаций в пространстве сети Интернет // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. № 3. С. 82—85. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2015-3-82-85>.

Opanasenko N. V. (2015) Measurements of Communication Links of Modern Political Communication in Internet. *RUDN Journal of Political Science*. No. 3. P. 82—85. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2015-3-82-85>. (In Russ.)

Радченко Д., Писаревская Д., Ксенофонтова И. Логика виртуального протеста: неделя после выборов — 2011 // Антропологический форум. 2012. № 16. Online. С. 108—126. URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/07/16online> (дата обращения: 11.08.2022).

Radchenko D., Pisarevskaya D., Ksenofontova I. (2012) The Logic of Virtual Protest: The Week After the 2011 Elections. *Anthropologicheskii Forum*. No. 16. Online. URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/07/16online> (accessed: 11.08.2022). P. 108—126. (In Russ.)

Рогович Т. В. «Антиязык» как социальная форма языка на примере российского протестного дискурса 2011—2012 годов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 4. С. 199—208.

Rogovich T. V. (2015) Anti-Language as a Social Form of Language on the Example of Russian Protest Discourse (2011—2012). *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 4. P. 199—208. (In Russ.)

Рыков Ю., Нагорный О. Область интернет-исследований в социальных науках // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 366—394. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-3-366-394>.

Rykov Y., Nagornyy O. (2017) Internet Studies in Social Sciences. *Russian Sociological Review*. Vol. 16. No. 3. P. 366—394. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-3-366-394>. (In Russ.)

Сибирев В. А., Головин Н. А., Клебанов А. А. Сетевые сообщества в борьбе вокруг решения передать Исаакиевский собор Русской православной церкви (январь—июнь 2017 года) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 296—317. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.15>.

Sibirev V. A., Golovin N. A., Klebanov A. A. (2018) Social Media Communities on the Controversial Decision to Hand over St. Isaac's Cathedral to the Russian Orthodox Church (January through June 2017 Analysis). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 296—317. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.15>. (In Russ.)

Ушкин С. Г. Пользовательские комментарии к протестным акциям в русскоязычном сегменте YouTube // Социологические исследования. 2014. № 6. С. 127—133. URL: <http://socis.isras.ru/article/5701> (дата обращения: 10.08.2022).

Ushkin S. G. (2014) Consumers' Comments on Protest Actions in the Russian-Language YouTube Segment. *Sociological Studies*. No. 6. P. 127—133. URL: <http://socis.isras.ru/article/5701> (accessed: 11.08.2022). (In Russ.)

Ушкин С. Г. Визуальные образы пользователей социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 5. С. 159—169.

Ushkin S. G. (2012) Visual Images of the VKontakte Social Network Users. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 159—169. (In Russ.)

Цепилова О. Д.; Гольбрайх В. Б. Экологический активизм: мобилизация ресурсов «мусорных» протестов в России в 2018—2020 гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. No. 4. С. 136—162. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.5>.

Tsepilova O. D., Golbraikh V. B. (2020) Environmental Activism: Resource Mobilisation for “Garbage” Protests in Russia in 2018—2020. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 23. No. 4. P. 136—162. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.5>. (In Russ.)

Яковлева Т. В. Газета в условиях цифровизации: компаративный анализ российских и зарубежных исследований // МедиаАльманах. 2018. № 6. С. 14—23. <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.6.2018.1423>.

- Yakovleva T. V. (2018) Newspapers under Digitalization: A Comparative Analysis of Russian and Foreign Research Papers. *MediaAlmanah*. No. 6. P. 14—23. <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.6.2018.1423>. (In Russ.)
- Ball R. (2017) *An Introduction to Bibliometrics: New Development and Trends*. Cambridge, MA: Chandos Publishing, an Imprint of Elsevier.
- Burgess J., Marwick A., Poell T. (eds.) (2017) *The SAGE Handbook of Social Media*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Hamm M., Chisholm A., Shulhan J., Milne A., Scott S., Klassen T., Hartling L. (2013) Social Media Use by Health Care Professionals and Trainees: A Scoping Review. *Academic Medicine*. Vol. 88. No. 9. P. 1376—1383. <https://doi.org/10.1097/ACM.0b013e31829eb91c>.
- Hunsinger J., Senft T. (eds.) (2015) *The Social Media Handbook*. New York, NY: Routledge.
- Kümpel A., Karnowski V., Keyling T. (2015) News Sharing in Social Media: A Review of Current Research on News Sharing Users, Content, and Networks. *Social Media + Society*. Vol. 1. No. 2. <https://doi.org/10.1177/2056305115610141>.
- O'Brien P. (2014) Advertising and Marketing. In: Harvey K. (eds.) *Encyclopedia of Social Media and Politics*. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 20—25.
- Qin H., Prasetyo Y., Bass M., Sanders C., Prentice E., Nguyen Q. (2020) Seeing the Forest for the Trees: A Bibliometric Analysis of Environmental and Resource Sociology. *Society & Natural Resources*. Vol. 33. No. 9. P. 1131—1148. <https://doi.org/10.1080/08941920.2019.1620900>.
- Rains S., Brunner S. (2014) What Can We Learn about Social Network Sites by Studying Facebook? A Call and Recommendations for Research on Social Network Sites. *New Media & Society*. Vol. 17. No. 1. P. 114—131. <https://doi.org/10.1177/1461444814546481>.
- Sloan L., Quan-Haase A. (eds.) (2017) *The Sage Handbook of Social Media Research Methods*. Thousand Oaks, CA: Sage. <https://dx.doi.org/10.4135/9781473983847>.
- Snelson C. (2016) Qualitative and Mixed Methods Social Media Research: A Review of the Literature. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 15. No. 1. <https://doi.org/10.1177/1609406915624574>.
- Snelson C. (2011) YouTube Across the Disciplines: A Review of the Literature. *MERLOT Journal of Online Learning and Teaching*. Vol. 7. No. 1. P. 159—169.
- Stoycheff E., Liu J., Wibowo K., Nanni D. (2017) What Have We Learned about Social Media by Studying Facebook? A Decade in Review. *New Media & Society*. Vol. 19. No. 6. P. 968—980. <https://doi.org/10.1177/1461444817695745>.
- Van Osch W., Coursaris C. (2014) Social Media Research: An Assessment of the Domain's Productivity and Intellectual Evolution. *Communication Monographs*. Vol. 81. No. 3. P. 285—309. <https://doi.org/10.1080/03637751.2014.921720>.

Wilson R., Gosling S., Graham L. (2012) A Review of Facebook* Research in the Social Sciences. *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 7. No. 3. P. 203—220. <https://doi.org/10.1177/1745691612442904>.

Zimmer M., Proferes N. (2014) A Topology of Twitter Research: Disciplines, Methods, and Ethics. *Aslib Journal of Information Management*. Vol. 66. No. 3. P. 250—261. <https://doi.org/10.1108/AJIM-09-2013-0083>.

Приложение

Таблица 1. Категории тематического анализа публикаций, посвященных исследованию социальных сетей в интернете, и их интерпретация

Категории тематики статей	Интерпретация
Протест, конфликт, общественные движения в социальных сетях, политическое, гражданское участие в социальных сетях	Автор исследует использование социальных сетей в ходе социально-политических конфликтов, использование социальных сетей общественными движениями, проблемы использования социальных сетей в ходе различного политического или гражданского участия
Коммуникация в социальных сетях	Автор исследует особенности коммуникации в социальных сетях (языковая особенность комментариев; тональность твитов и т. п.)
Общие проблемы развития социальных сетей	Автор исследует общие проблемы развития социальных сетей (виртуализация политического процесса; влияние социальных медиа на сферу общественного и политического сознания и т. д.)
Социально-политические проблемы в социальных сетях	Автор исследует обсуждение социально-политических проблем в социальных сетях (пандемический кризис; потребление алкоголя и т. д.)
Потребление социальных сетей	Автор исследует динамику потребления социальных сетей населением, сравнивает потребление в различных социально-демографических группах
Традиционные СМИ в социальных сетях	Автор исследует использование социальных сетей традиционными СМИ (каналами ТВ; радиостанциями)
Выборы, политические партии и социальные сети	Автор исследует использование социальных сетей в ходе выборов, использование социальных сетей политическими партиями
Власть и социальные сети	Автор исследует использование социальных сетей представителями власти (личные блоги представителей российской власти и пр.)
Использование социальных сетей социальными группами	Автор исследует использование социальных сетей различными социальными группами (молодежью; религиозными общинами и т. д.)
Проблемы идентичности и социальные сети	Автор изучает проблемы идентичности в социальных сетях (негативного «другого»; государственной идентичности и т. д.)
Реклама и социальные сети	Автор изучает использование социальных сетей для размещения рекламы
Наука и образование и социальные сети	Автор изучает использование социальных сетей для научных и образовательных целей (онлайн-сообщества ученых, использование социальных сетей вузами)
Историческая память и социальные сети	Автор исследует использование социальных сетей для конструирования исторической памяти (исторических событий, историй отдельных городов)
Локальная политика и социальные сети	Автор исследует использование социальных сетей в локальной политике (роль социальных сетей в коммуникации между властью и обществом в локальной политике; сетевые ресурсы развития локальной политики)
Анализ отдельных социальных сетей	Автор исследует особенности той или иной социальной сети или медиа

Категории тематики статей	Интерпретация
Культура и социальные сети	Автор исследует использование социальных сетей в области культуры (например, создание музыкального контента)
Социализация и социальные сети	Автор исследует социальные сети как ресурс для социализации (политическая социализация молодежи и др.)
Медицина и социальные сети	Автор исследует обсуждение медицинских проблем в социальных сетях, использование социальных сетей определенными категориями больных
Другое	Автор исследует другие темы, связанные с использованием социальных сетей

DOI: [10.14515/monitoring.2022.4.2201](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2201)

К. А. Мошкова, Т. Ю. Черкашина

«МОИ, ТВОИ, НАШИ ДОМА»: ЖИЛИЩНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ СУПРУГОВ ИЗ СЕМЕЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИКОВ

Правильная ссылка на статью:

Мошкова К. А., Черкашина Т. Ю. «Мои, твои, наши дома»: жилищная собственность супругов из семей региональных политиков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 84—109. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2201>.

For citation:

Moshkova K. A., Cherkashina T. Yu. (2022) «My, Your, Our Houses»: The Housing Property of the Spouses from the Families of the Regional Political Elite. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 84–109. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2201>. (In Russ.)

«МОИ, ТВОИ, НАШИ ДОМА»: ЖИЛИЩНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ СУПРУГОВ ИЗ СЕМЕЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИКОВ

МОШКОВА Кристина Андреевна — студентка магистратуры, Новосибирский государственный национальный исследовательский университет, Новосибирск, Россия

E-MAIL: k.moshkova@gsu.nsu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0994-4388>

ЧЕРКАШИНА Татьяна Юрьевна — кандидат социологических наук, зав. кафедрой общей социологии, Новосибирский государственный национальный исследовательский университет, Новосибирск, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск, Россия

E-MAIL: touch@nsu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0994-4388>

Аннотация. Цель исследования — выявить дифференциацию жилищной собственности в зависимости от социально-демографических факторов (пола, брачного статуса), а также внутрисемейные различия жилищной собственности супругов. Исследование выполнено на административных данных — сведениях о доходах и имуществе депутатов законодательных органов власти субъектов РФ за 2019 г., собираемых в рамках антикоррупционной деятельности. В отличие от имеющихся обследований домохозяйств, эти данные позволяют зафиксировать собственность (недвижимость, земельные участки, транспортные средства) каждого из супругов. Недвижимость (квартиры и жилые дома) выбрана для анализа как самый распространенный

«MY, YOUR, OUR HOUSES»: THE HOUSING PROPERTY OF THE SPOUSES FROM THE FAMILIES OF THE REGIONAL POLITICAL ELITE

*Kristina A. MOSHKOVA*¹ — Master student
E-MAIL: k.moshkova@gsu.nsu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0994-4388>

Tatyana Yu. CHERKASHINA^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Head of the Department of General Sociology; Leading Researcher
E-MAIL: touch@nsu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0994-4388>

¹ Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

² Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk, Russia

Abstract. The purpose of the study is to identify the differentiation of housing property depending on socio-demographic factors (gender, marital status), as well as intra-family differences in the housing property of spouses. The study uses administrative data — information on the income and property of deputies of the legislative authorities of the constituent entities of the Russian Federation for 2019, collected as part of anti-corruption activities. In contrast to the available household surveys, these data capture the property (real estate, land, vehicles) of each spouse. Housing (apartments and residential buildings) was selected for analysis as the most common property. Compared to the samples of mass household surveys, the empirical base of the study represents predominantly

тип собственности. Эмпирический объект представляет более высокие слои экономической стратификации по сравнению с выборками массовых обследований домохозяйств, что выступает ограничением для распространения полученных результатов на все российские домохозяйства.

Исследование позволяет сместить фокус с домохозяйства как единицы анализа к внутрисемейным экономическим отношениям. В рассматриваемом эмпирическом объекте 92% пар проживают в жилье, принадлежащем кому-либо из супругов, но лишь в 63% случаев собственниками жилья выступают оба супруга. В распределении жилищного богатства наблюдается тенденция к индивидуализации: 70% квартир и жилых домов, принадлежащих мужчинам, и 64% из принадлежащих женщинам находятся в индивидуальной собственности. По усредненным данным о жилье среди разных социально-демографических групп сложно говорить о разрыве по жилищному богатству в пользу мужчин или женщин, но в 37% пар мужчины имеют в собственности больше квартир или жилых домов, чем их супруги, в 30% обратное соотношение. Независимо от пола супруг, обладающий статусом депутата регионального парламента, с большей вероятностью будет более «богат» в жилищном плане, чем партнер, однако за этой закономерностью стоят более высокие личные доходы депутатов. Результаты исследования акцентируют внимание на семье как пространстве воспроизводства статусных различий.

Ключевые слова: нефинансовое богатство, богатство домохозяйств,

higher groups of economic stratification, which is the limitation for extending the results to a broader population.

The study allows to shift the focus from the household as a unit of analysis to intra-family economic relations. According to available data, 92% of couples live in housing owned by one of the spouses, but only in 63% of cases both spouses are homeowners. There is a trend towards individualization in the distribution of housing wealth: 70% of apartments and houses owned by men and two thirds of those owned by women are in individual ownership. Based on average data on housing for different socio-demographic groups, it is difficult to capture a gap in housing wealth in favor of men or women. However, in 37% of the couples, men own more apartments or houses than their spouses, and in 30% of the couples the ratio is opposite. Regardless of gender, a spouse who has the status of a member of a regional parliament is more likely to be richer in terms of housing than his/her partner. This pattern is explained by higher personal incomes of deputies. The study highlights the problem of the reproduction of status differences within the family.

Keywords: non-financial wealth, household wealth, home ownership, gender

собственность на жилье, гендерный разрыв, индивидуализация, индивидуализация собственности, административные данные

gap, individualization, individualization of property, administrative data

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания ИЭОПП СО РАН, № НИОКТР 121040100280-1. Статья включает материалы дипломного исследования К. Мошковой — призера IX Всероссийского конкурса дипломных работ в области социологии на премию ВЦИОМ (номинация «Лучшая дипломная работа бакалавра»), 2021.

Acknowledgments. The article was written based on the IEIE SB RAS state assignment research program, Project № 121040100280-1. The article includes the materials of bachelor thesis by Kristina Moshkova, one of the winners of the IX Russian Sociology Graduation Work competition organized by VCIOM (in the category «Best Bachelor's degree graduation work»), 2021.

Исследования экономического благосостояния населения балансируют между рядом методических дилемм и допущений. Одна из дилемм — выбор индивидов или семей (домохозяйств) в качестве единиц анализа [Bennett, 2013; Deaton, 2019], и для разных составляющих экономического благосостояния решение может быть разным. Собственность, накопленное имущество рассматриваются преимущественно как принадлежащие всему домохозяйству. И даже если в анкетах обследований домохозяйств в формулировках вопросов об объектах собственности звучит «принадлежащие кому-либо из членов семьи», далее практически никогда не следует уточнение, кто именно юридически владеет ими¹. Как и в случае доходов, в исследованиях собственности семья оказывается «черным ящиком», в котором скрыто внутрисемейное распределение имущества. И не каждый исследователь рискнет его приоткрыть, полагая, что эта тема сенситивна для респондентов [Андреенкова, 2017]. Но экономические ресурсы в виде доходов или собственности придают «переговорную силу» каждому из супругов в решении семейных вопросов [Lee, Росоок, 2007; Donni, Chiappori, 2011; Himmelweit et al., 2013], и уже в силу этого достойны исследовательского интереса.

Возможная недооценка экономического неравенства из-за исключения из анализа этапа внутрисемейного распределения благ усугубляется другой проблемой — непредставленностью в выборках массовых социально-экономических обследований семей из высших слоев в системе экономической стратификации. Современные решения этой проблемы предполагают комбинирование опросных данных с данными из других источников — списков самых богатых граждан стран (например, по версии журнала Forbes или других изданий) [Novokmet et al., 2018;

¹ Можно привести в качестве примера анкеты наиболее известных всероссийских обследований домохозяйств, в которых фиксируются сведения о собственности на жилую и нежилую недвижимость, земельные участки, транспортные средства: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (<https://www.hse.ru/rims>), Комплексное наблюдение условий жизни населения (https://rosstat.gov.ru/itog_inspect) и Выборочное обследование бюджетов домашних хозяйств (<https://obdx.gks.ru>), проводимые Росстатом.

Bach et al., 2019] или административными данными, как правило, налоговыми. Именно с помощью налоговых данных достраивают «верхний хвост» распределения в оценках неравенства по богатству [Bricker et al., 2016; Chakraborty et al., 2019]. В целом с появлением административных данных стал возможен новый уровень исследований элит, прежде всего экономических [Cousin et al., 2018].

В своей работе мы также обращаемся к административным данным — сведениям о доходах и имуществе депутатов законодательных органов власти субъектов Российской Федерации за 2019 г., собираемым в рамках антикоррупционной деятельности. Сведения за отчетный год предоставляются в начале каждого следующего года и размещаются в открытом доступе на сайтах региональных парламентов. Административные сведения включают информацию о годовом доходе и имуществе декларантов, а также членов их нуклеарных семей (супругов, с которыми они состоят в зарегистрированном браке, и несовершеннолетних детей). О каждом имущественном объекте сообщают, находится ли он в собственности или в пользовании, а если в собственности, то в какой — индивидуальной, совместной или долевой. Для недвижимости также указывают площадь или протяженность объектов, а для транспортных средств — вид, марку и модель. В открытом доступе размещаются сведения об объектах, которые принято относить к нефинансовому богатству: жилая и нежилая недвижимость, земельные участки, транспортные средства; тогда как сведения о финансовом богатстве (ценных бумагах, банковских счетах и т. п.) остаются публично закрытыми. Содержательное ограничение данного источника — отсутствие в сведениях стоимостных оценок объектов собственности, но плюс и уникальность в том, что, во-первых, он содержит информацию о видах собственности на недвижимость и транспортные средства, давая возможность оценить, индивидуальная она или находится в совместном владении супругов. Во-вторых, как показало сравнение доходов супружеских пар, в которых один из партнеров — депутат региональных законодательных органов власти, и доходов супружеских домохозяйств из «Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах» Росстата, эти административные данные частично репрезентируют верхние экономические слои, недоступные в массовых обследованиях [Черкашина, 2021].

Из объектов собственности в имущественных портфелях российских домохозяйств самый распространенный — жилая недвижимость [Богомолова, Черкашина, 2021], при этом жилье и субъективно первый из объектов, которые ассоциируются у россиян с частной собственностью [Волков, Колесников, 2018]. По этой причине мы сосредоточимся в исследовании на недвижимости в виде квартир и жилых домов. Данные позволяют осуществить две линии сравнений характеристик жилой собственности: а) одиночек и супружеских пар и б) между супругами. Таким образом, цель исследования — выявить влияние социально-демографических факторов (пола, брачного статуса) на дифференциацию жилищной собственности мужчин и женщин на примере семей региональных политиков, представляющих верхний сегмент экономической стратификации.

В первой части статьи мы представим результаты исследований гендерного разрыва по богатству в целом, в отношении жилой собственности и тенденций единоличного или совместного владения жильем. Во втором, методическом, раз-

деле подробнее опишем данные, обнаруженные в них ошибки и возможные смещения, вызванные вменением пропущенных значений переменных. Третья часть посвящена эмпирическим результатам исследования.

Эмпирические исследования собственности мужчин и женщин: методология и результаты

Исследования богатства домохозяйств и его распределение между супругами, пожалуй, даже более явно, чем исследования семейных бюджетов и денежных доходов, проявляют значение семьи как экономической единицы.

В структуре богатства домохозяйств (wealth) выделяют финансовые активы (ценные бумаги, банковские вклады, капитал, вложенный в предприятия, пенсионные накопления и др.), нефинансовые активы (жилая и нежилая недвижимость, земельные участки, транспортные средства, предметы искусства, драгоценности и др.) и долговые обязательства [OECD, 2013]. Поэтому возможна отрицательная величина чистого богатства, определяемая как разница стоимостных оценок финансовых и нефинансовых активов и долгов. В исследованиях внутрисемейного гендерного разрыва по богатству (gender wealth gap) в зависимости от данных можно рассматривать как все эти элементы, так и часть из них, но измерение неравенства возможно лишь при наличии денежной оценки стоимости активов. Однако не столько «дефицит» отдельных измерений богатства, сколько в целом малочисленность обследований домохозяйств, в которых собственность фиксируется на индивидуальном уровне [Deere, Doss, 2006], определяет дизайн исследований. Оценка различий в богатстве мужчин и женщин может осуществляться на подвыборках домохозяйств только с одним взрослым [Ravazzini, Chesters, 2018; Schneebaum et al., 2018] либо через сравнение домохозяйств разного состава, в том числе одиночек и с супружеской парой [Sierminska et al., 2010; Meriküll et al., 2021]. Международные сравнения показывают, что в среднем размер чистого богатства домохозяйств женщин-одиночек ниже, чем одиноких мужчин, но разрыв существенно варьируется по странам [Schneebaum et al., 2018].

На данных Немецкой социально-экономической панели (SOEP) начала 2000-х годов определили, что средний размер чистого богатства выше у мужчин из всех групп по семейному положению, и максимальный для состоящих в браке и вдовцов, тогда как среди женщин в среднем вдовы обладают наибольшим богатством. Дифференциация средних показателей богатства мужчин и женщин наблюдаются еще до вступления в брак, а затем только усиливается [Sierminska et al., 2010]. В отношении пар выяснили, что в 19% из них богатство каждого из партнеров примерно равное, в 29% пар стоимостная оценка богатства женщины выше, чем богатство мужчины, остальные 52% — пары, в которых более богат мужчина. При этом средний размер общего чистого богатства минимальный в парах партнеров, равных по богатству, прежде всего из-за того, что это равенство «нулевого» богатства (его нет у 9% пар). В целом наименьший разрыв в уровне богатства в малообеспеченных семьях [Grabka et al., 2015].

Продолжение исследования на лонгитюдной составляющей SOEP с включением в аналитическую выборку тех, кто впервые вступил в брак в 2002—2017 гг., показало, что до брака и в течение его первых лет богатство как мужчин, так

и женщин растет небольшими темпами, но уровень личного богатства женщин неизменно ниже, чем мужчин. Примерно после пяти лет брака рост богатства мужчин заметно ускоряется; богатство женщин продолжает расти, но гораздо более низкими темпами, то есть за время брака гендерный разрыв по богатству партнеров увеличивается [Kapelle, Lersch, 2020].

Вывод, что в среднем менее обеспечены домохозяйства одиночек, а наиболее обеспечены домохозяйства состоящих в официальном браке, подтверждается в других исследованиях богатства домохозяйств [Ruel, Hauser, 2013; Frémeaux, Leturcq, 2020], в том числе выполненных на административных данных (сведениях из различных регистров) [Meriküll et al., 2021]. То, что высокий уровень нефинансового богатства во многом определяется наличием и устойчивостью брака, показано и на данных о российских домохозяйствах [Богомолова, Черкашина, 2020]. То есть можно говорить о брачной премии на богатство [Lersch, 2017] и, по-видимому, разных механизмах, способствующих накоплению богатства и гендерному разрыву в парах и среди одиночек [Ravazzini, Chesters, 2018].

Другие важные для нас результаты этих исследований заключаются еще в двух аспектах. Во-первых, гендерный разрыв по богатству в пользу мужчин наиболее выражен в верхней части распределения [Schneebaum et al., 2018; Meriküll et al., 2021]. Во-вторых, в супружеских парах различия в стоимости чистого богатства отчасти определяются структурой «мужских» и «женских» активов, при этом мужчины чаще обладают бизнес-активами с более высокой стоимостью. Наименьший гендерный разрыв наблюдается при сравнении стоимости жилой недвижимости [Sierminska et al., 2010; Joseph, Rowlingson, 2012; Grabka et al., 2015; Meriküll et al., 2021].

Владение активами становится более индивидуализированным [Joseph, Rowlingson, 2012; Kan, Laurie, 2014; Frémeaux, Leturcq, 2020]. Так, во Франции с 1998 по 2015 г. доля богатства, принадлежащего одиноким, увеличилась с 21 % до 27,2%; у супружеских пар доля богатства, существующего в виде индивидуальных активов, выросла с 18 % до 27 %. Основной вклад в индивидуализацию богатства вносят решения пар о разделении активов. Доминирующие причины таких изменений исследователи видят в росте доходов. Особенно это заметно в том, что более высокие доходы в паре имеют мужчины, а также в трансформации брачных отношений: повышение возраста вступления в брак приводит к тому, что к моменту создания семьи будущие партнеры уже имеют активы в индивидуальной собственности. Распространенность незарегистрированных браков также может сдерживать совместное накопление собственности [Frémeaux, Leturcq, 2020].

Как отмечено выше, жилье — особый актив в структуре богатства домохозяйств. Из элементов нефинансового богатства оно самое распространенное, а межстрановые сравнения на макроуровне показывают, что жилье — тот актив, который сглаживает общее неравенство по богатству, так как распределяется более равномерно, чем другие активы. Страны с низким уровнем распространения собственности на жилье демонстрируют высокое неравенство по богатству даже при низком неравенстве доходов [OECD, 2021: 97—98]. Также «единоличное владение домом и единоличное владение другими активами в супружеских парах может быть не только результатом демографического поведения, но и может вли-

ять на это поведение» [Lersch, Vidal, 2016: 142]: риск расторжения брака выше для тех семей, которые арендуют жилье, а не владеют им [Krapf, Wagner, 2020], и когда единоличным собственником жилья является женщина [Coulter, Thomas, 2019]. Совместное владение жильем можно рассматривать как специфический для данного партнерства капитал.

На данных Британского панельного обследования домашних хозяйств за 1992—2011 гг. показано, что 85 % из тех, кто жил в домах, принадлежащих хотя бы одному из партнеров, владели своими домами совместно с супругами, только 8 % в 2011 г. имели занимаемое жилье в индивидуальной собственности. В 1992—2011 гг. доля партнеров, которые были единственными домовладельцами, варьировалась незначительно без четкой тенденции, но Ф. Лерш и С. Видаль предостерегают распространять эти выводы на всю совокупность, так как использовали данные панельной выборки без ротации. Индивидуальную собственность на жилье детерминируют такие факторы, как наличие бывших союзов, длительность партнерства и экономическое «превосходство»: супруги, имеющие более высокий доход и вкладывающие свои деньги в приобретение имущества, склонны выбирать индивидуальный вид собственности для снижения рисков и сохранения в своем «портфеле» активов, которые не зависят от других лиц [Lersch, Vidal, 2016].

Административные данные в сравнении с опросными способны преподнести сюрпризы. Д. Шиффер-Себба и Д. Берман выстроили логику анализа не «от индивидов», а «от объектов собственности», обратившись к налоговым данным со сведениями о жилье в Филадельфии и Детройте [Shiffer-Sebba, Behrman, 2021]. Оказалось, что в обоих городах наиболее распространенный тип владения — единоличная собственность женщины: 49 % жилой собственности в Детройте и 36 % собственности в Филадельфии попадают в эту категорию. Совместное владение парой мужчин и женщин значительно ниже: 12 % жилой собственности в Детройте и 33 % — в Филадельфии. Для Детройта была возможность сравнить эти результаты с данными регулярного репрезентативного городского опроса Detroit Metro Area Communities Study (DMACS). В отличие от налоговых сведений, DMACS показывает, что самой распространенной была жилая собственность, принадлежащая парам из мужчин и женщин — 40 %, что на 28 процентных пунктов больше, чем определено по налоговым данным. Такое расхождение между оценками может означать значительное завышение совместного супругами владения жильем, если определять его по опросам.

Недвижимость, принадлежащая исключительно женщинам, в среднем имеет более низкую текущую стоимость и меньше по размеру. Напротив, в обоих городах жилье в собственности пар имеет самую высокую среднюю текущую стоимость, а в Филадельфии в среднем больше и по площади [Shiffer-Sebba, Behrman, 2021].

В качестве примера оценки распространенности разных видов собственности на жилье в России можно привести результаты онлайн-опроса, посвященного участию в управлении многоквартирным домом, проведенного по доступной выборке совершеннолетних собственников жилья в г. Новосибирске. По виду собственности на квартиру респонденты распределились следующим образом: 50,1 % владеют квартирой индивидуально, у 29,2 % опрошенных квартира находится в долевой собственности, у 20,7 % респондентов — в общей совместной

[Литвинцев, 2021]. Но отсутствие данных о семейной структуре выборки данного опроса не позволяет оценить, какой вклад в численность индивидуальных владельцев квартир вносят одиночки и состоящие в браке.

Как показывают международные сравнения, доля домохозяйств, среди членов которых есть собственники занимаемого жилья, существенно варьируется — в странах ОЭСР она максимальна для бывших социалистических стран, реализовавших масштабную преимущественно бесплатную приватизацию жилья в 1990-е годы. Так, в Болгарии, Венгрии, Литве, Румынии, Хорватии доля домохозяйств — собственников жилья находится в диапазоне 85—95 % при среднем значении для стран ОЭСР 68 % (включая домохозяйства, имеющие долговые (ипотечные) обязательства по занимаемому жилью)². В России, по данным Комплексного наблюдения условий жизни населения (Росстат, 2020 г.), 90,1 % домохозяйств занимают жилье, принадлежащее кому-либо из его членов³. При разнообразии институциональных устройств и наследия в отношении собственности именно в жилищном богатстве наблюдается наименьший гендерный разрыв, а различия доли собственников среди домохозяйств-одиночек разного пола несущественны по сравнению с уровнем домовладения среди одиночек и более сложных по составу домохозяйств [Goodman, Mayer, 2018; Schneebaum et al., 2018]. Результаты исследований, проведенных в разных странах и представленных в обзоре, более согласованы в отношении гендерного разрыва и различий собственности одиночек и супружеских пар, тогда как данные в отношении индивидуальной и совместной собственности, тенденций к индивидуализации богатства более фрагментарны, но именно эти тенденции чаще пытаются выявить с использованием административных данных.

Анализ сведений о доходах и имуществе политиков: особенности данных и методика исследования

Ежегодно с 2014 г. сотрудники федеральных министерств и агентств, государственные служащие в федеральных и территориальных органах власти, занятые в органах местного самоуправления, руководители государственных и муниципальных организаций и другие лица предоставляют сведения о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, как своих, так и супругов и несовершеннолетних детей. Полнота и юридическая достоверность этих сведений обеспечиваются законодательными нормами, проверкой, которую проводят уполномоченные подразделения в организациях и органах власти (как правило, кадровые).

По сравнению с данными выборочных обследований населения и домохозяйств эти административные данные обладают рядом особенностей:

1) «единица наблюдения», подразумеваемая в сведениях, — супружеская пара или отдельный индивид с детьми или без несовершеннолетних детей, а в социально-экономических обследованиях — домохозяйство, которое может состоять из одного человека или включать других членов, не только супругов и несовершеннолетних детей;

² OECD Housing project. OECD Affordable Housing Database. Housing market: HM1.3 Housing tenures. <https://www.oecd.org/housing/data/affordable-housing-database/housing-market.htm> (дата обращения 22.06.2022).

³ Росстат. Комплексное наблюдение условий жизни населения. Итоги наблюдения. Статистические таблицы. Таблица 75. Распределение домохозяйств по видам занимаемых жилых помещений. https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (дата обращения 22.06.2022).

2) в большинстве обследований населения фиксируется ежемесячный доход или полученный в течение 30 дней перед обследованием. Нам известно только одно всероссийское обследование — Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах, проводимое Росстатом⁴, — в котором, как и в декларациях, собирают данные о доходе, полученном в течение года;

3) в обследованиях, как правило, фиксируют данные о располагаемом доходе, в декларационных сведениях — о доходе до вычета налогов.

Для исследования выбраны сведения о доходах и имуществе депутатов законодательных органов власти субъектов федерации за 2019 г. Хотя мы стремились к формированию сплошной выборки, при должной совокупной численности этого депутатского корпуса 3983 человека выборка включает 3896 наблюдений (97,8% от ожидаемого количества). В качестве источников *ошибок репрезентации* можно назвать:

1) отсутствие единиц наблюдения из-за нормативных ограничений — в одном из регионов (Нижегородская область) размещаются сведения о доходах и имуществе только депутатов, исполняющих свои обязанности на постоянной основе, поэтому в открытых источниках опубликованы сведения о 15 членах Законодательного собрания из 50;

2) депутаты могут по тем или иным причинам досрочно выбывать из депутатского корпуса, поэтому на отчетную дату количество декларантов может быть меньше законодательно определенной численности. Только для 37 регионов из 85 численность депутатов, сведения о доходах и имуществе которых размещены, совпадает с нормативным размером депутатского корпуса, но разница фактической и нормативной численности для отдельных регионов не превышает четырех человек, за исключением Нижегородской области.

Содержание предоставляемых сведений определяется Методическими рекомендациями Минтруда⁵. В отношении недвижимости в собственности полным будет описание с указанием для каждого объекта вида собственности (индивидуальная, совместная или долевая), размера доли декларанта в праве долевой собственности, размера объекта (площадь, протяженность; или указание, что определение площади не предусмотрено), страны расположение недвижимости. В 2019 г. полное описание параметров собственности на объекты недвижимости представлено в сведениях депутатов 52 региональных законодательных органов власти. В ситуации, когда для объекта недвижимости не указан вид собственности и размер доли (а указание доли трактуется нами как долевая собственность), мы вменяли значение «индивидуальная». Сравнение двух частей данных, отличающихся полнотой сведений о параметрах собственности (52-х регионов с описанием жилой собственности по всем измерениям и 33-х регионов, для которых из-за неполноты сведений осуществлялось вменение вида собственности), показывает, что реализованная процедура вменения пропущенных данных может снижать оценки распространенности объектов жилой недвижимости в совместной

⁴ Итоги выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах // Росстат. Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 23.06.2022).

⁵ Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Противодействие коррупции. Методические материалы. <https://mintrud.gov.ru/ministry/anticorruption/Methods> (дата обращения: 23.06.2022).

собственности (см. приложение, табл. П1), хотя в целом соотношение в распространённости разных видов собственности не меняется.

Рекомендации о предоставлении сведений о доходе и имуществе также подразумевают, что жилье, в котором проживает декларант, отражается как объект либо собственности, либо пользования. При отсутствии собственности невключение в декларации характеристик жилья в пользовании приводит к ошибке неответа, причем чаще отсутствуют сведения о жилом имуществе супругов (1,3 % наблюдений), чем самих депутатов (0,9 %). Другие ошибки измерения и более подробная оценка качества этих данных представлены в работе [Черкашина, 2021].

Опираясь на исследования, представленные в обзоре литературы, считаем важным при анализе жилищной собственности сравнивать имущество мужчин и женщин в группах, различающихся брачным статусом (состоят или нет в зарегистрированном браке). Статус депутата будет еще одним критерием выделения сравниваемых групп. При анализе данных эти индивидуальные характеристики мы дополним сведениями о величине личного годового дохода (до вычета налогов). В то же время мы акцентируем внутрисемейные отличия в жилищной собственности в зависимости от политического и экономического статуса партнеров.

Основные переменные, характеризующие жилищное богатство, это: наличие и количество квартир (жилых домов) в собственности и пользовании, вид собственности на жилые объекты. На данном этапе анализа мы ограничились именно этими объектами и не учитывали дачи, садовые домики, объекты незавершенного жилищного строительства и т. п., а также пока оставили вне поля зрения площадь жилья. К сожалению, мы не можем суммировать количество всех объектов жилой собственности членов одной пары, так как данные не позволяют во всех случаях однозначно идентифицировать, с кем именно кто-либо из супругов совместно владеет квартирой или домом. Один из супругов может пользоваться жилым имуществом, принадлежащим партнеру; также оба могут проживать в жилье, не принадлежащем членам семьи, арендуемом или служебном.

Накопленный опыт исследований гендерного разрыва по жилищному богатству, отраженный выше, и содержание данных задают рамки для возможных исследовательских задач. Они будут направлены на проверку гипотез о том, что 1) во внутрисемейном распределении объектов жилой собственности наблюдается тот же дисбаланс, что и в денежных доходах — у мужчин больше объектов собственности; 2) в собственности на жилье будет преобладать индивидуальная; 3) жилищное богатство и доходы связаны между собой: чем выше доходы депутатов или их супругов, тем больше у них имущества в собственности.

Эмпирический объект исследования: демографические и экономические характеристики депутатов региональных законодательных органов власти

В нашей выборке из 3896 депутатов региональных парламентов 3269 (83,9 %) — мужчины, 627 (16,1 %) — женщины; 76,0 % депутатов состоят в зарегистрированном браке, но среди мужчин и женщин эта доля разная: 80,2 % и 54,1 % соответственно. Кроме 2961 супружеской пары в наборе данных 648 наблюдений (16,6 %) — это не состоящие в официальном браке мужчины-депутаты, 288

(7,4%) — не состоящие в браке женщины-депутаты. В большей части супружеских пар (88,6%) депутатом является мужчина, в 11,4% — женщина.

По величине личных годовых доходов из сравниваемых групп наиболее обеспеченные — мужчины-депутаты (см. табл. 1). Хотя распределение доходов мужчин, не состоящих в браке, сдвинуто влево по сравнению с женатыми, все равно это две самые высокодоходные группы из сравниваемых. Совокупность жен депутатов — самая неоднородная по величинам личных доходов: среди них 8,7% практически не имели дохода в 2019 г. (если он и был, то не превышал 20 тыс. рублей за весь год), в целом у 45,4% годовой доход был не выше 400 тыс. рублей. В то же время в эту группу входят обладательницы максимальных доходов из полученных женщинами из нашей выборки.

Женщины-депутаты, не состоящие в зарегистрированном браке, в среднем оказались самой обеспеченной из «женских» сравниваемых групп: среди них нет никого, у кого бы не было в 2019 г. личного дохода, 6,6% получили доход свыше 10 млн рублей. Именно более явная представленность получательниц высоких доходов отличает их от группы женщин-депутатов, состоящих в браке, которые вместе с супругами оказались наименее обеспеченными по усредненным характеристикам годовых доходов (см. табл. 1).

Таблица 1. Характеристики личного дохода депутатов региональных законодательных органов власти и их супругов, 2019 г.

Характеристики личного дохода	Супружеские пары				Не состоящие в браке	
	Депутаты-мужчины	Супруги мужчин-депутатов	Депутаты-женщины	Супруги депутатов-женщин	Мужчины	Женщины
<i>Распределение по величине личного годового дохода (в рублях), %</i>						
До 19,9 тыс.	0,7	8,7	0,6	3,8	1,5	
20—399,9 тыс.	3,9	36,7	5,6	26,8	7,7	5,2
400—999,9 тыс.	11,0	23,0	18,6	26,5	15,5	19,1
1—2,999 млн	35,9	17,4	44,2	29,5	33,5	44,4
3—9,999 млн	28,8	7,8	26,5	9,7	23,2	24,7
10—19,999 млн	7,8	2,8	2,9	1,5	7,9	3,1
20—49,999 млн	6,4	2,1	1,5	1,8	5,7	0,7
50—99,999 млн	2,8	0,9		0,3	2,5	1,4
100 млн и выше	2,7	0,7			2,5	1,4
<i>Характеристики распределения величины личного годового дохода, руб.</i>						
Медиана	2906 044,8	481 003,0	1980 306,5	780 888,7	2504 569,2	1947 038,5
Среднее значение	21 001 618,8	5 800 106,4	3 033 931,7	2 217 072,6	16 880 395,4	6 087 132,6
Стандартное отклонение	183 695 565,0	75 012 793,0	4 214 670,4	5 974 804,8	103 893 034,6	20 608 587,4

Эти данные о доходах депутатов региональных законодательных органов власти можно соотнести с показателями доходов населения по версии Росстата. Если среднемесячные величины умножить на 12, то в 2019 г. медиана среднедушевого дохода составляла 316 363 руб. в год, среднее значение — 424 051 руб., номинальная начисленная заработная плата работников в целом по экономи-

ке — 574 368 руб.⁶ Даже при вычете подоходного налога и внутрисемейном распределении совокупных доходов супругов с учетом наличия детей большинство представителей региональной политической элиты оказываются в более высоких слоях экономической стратификации, чем основная часть населения.

Жилищная собственность семей региональных политиков: проявления индивидуализации и дифференциация

Жилищное богатство мужчин и женщин: индивидуальное и совместное владение

В пользовании у мужчин из всей рассматриваемой совокупности супружеских пар и одиночек 1379 квартир и 709 жилых домов, в пользовании у женщин — 1173 квартиры и 794 дома; в различных видах собственности у мужчин 3446 квартир и 2134 дома, в собственности женщин 3426 квартир и 1252 дома. В среднем в собственности одного мужчины 1,55 объекта жилой недвижимости, у одной женщины — 1,44. Две трети квартир, принадлежащих мужчинам или женщинам, находятся в индивидуальной собственности, каждая десятая — в совместной собственности, немного более четверти квартир — в долевом владении (см. табл. 2). Жилые дома чаще оказываются в индивидуальной собственности, чем квартиры, причем доля принадлежащих единолично мужчинам (80,7%), выше, чем принадлежащих только женщинам (70,0%).

82,2% квартир и домов в индивидуальной собственности принадлежат находящимся в браке (депутатам и их супругам), остальные — не состоящим в зарегистрированном браке депутатам. Анализируемые данные демонстрируют явное преобладание объектов жилой недвижимости, находящихся в индивидуальной собственности; совместная собственность на жилье — миноритарная с точки зрения распространения, то есть при общем владении жилым имуществом, скорее, определяют доли каждого собственника, чем владеют объектом в «неделимом» формате.

Таблица 2. Распределение жилых объектов, находящихся в собственности мужчин и женщин из семей депутатов региональных законодательных органов власти, по видам собственности, в % от объектов

Собственники	Вид собственности			Всего*
	Индивидуальная	Совместная	Долевая	
<i>Квартиры</i>				
Мужчины	64,0	9,7	26,2	100,0
Женщины	62,0	9,5	28,5	100,0
<i>Жилые дома</i>				
Мужчины	80,7	4,9	14,4	100,0
Женщины	70,0	8,4	21,6	100,0
<i>Квартиры и жилые дома</i>				
Мужчины	70,4	7,9	21,7	100,0
Женщины	64,1	9,2	26,6	100,0

* Из-за погрешности округления не все значения равны 100.

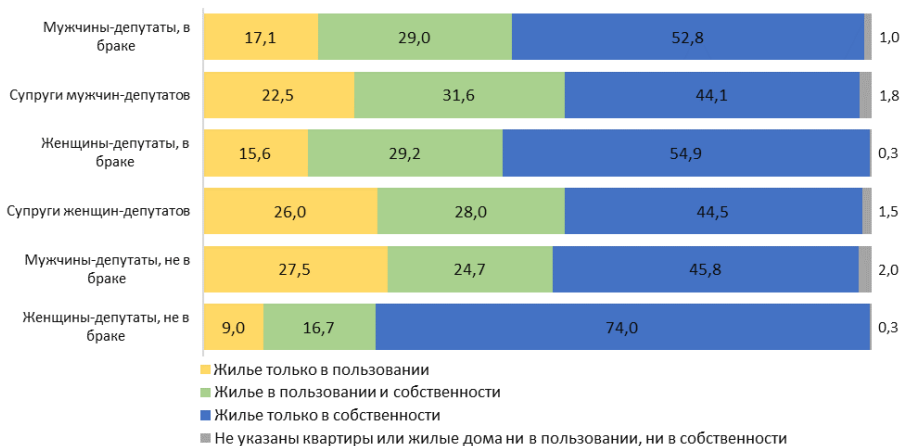
⁶ Рассчитано по данным о средних и медианных значениях среднедушевого денежного дохода населения России (<https://rosstat.gov.ru/folder/13723>) и среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в целом по экономике Российской Федерации (https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries).

Но как эти квартиры и дома распределены внутри разных социально-демографических групп, составляющих эмпирический объект исследования? Из «женских» групп максимальная доля не имеющих жилья в собственности — среди супруг депутатов (22,5%, об 1,8% нет сведений) (см. рис. 1). Впрочем, зеркальная ситуация наблюдается в совокупности пар, в которых депутат — женщина: их супруги-мужчины также отличаются сравнительно высокой долей только пользующихся жильем (26,0%). Группа женщин-депутатов, не состоящих в зарегистрированном браке, отличается минимальной долей (9,0%) не имеющих собственного жилья.

При смещении фокуса от жилых объектов к их владельцам и детализации количества квартир и жилых домов, находящихся в собственности депутатов и их супругов (см. табл. 3), воспроизводится ситуация, отраженная на рисунке 1. Во-первых, во всех социально-демографических группах больше всего владельцев жилой недвижимости, находящейся в индивидуальной собственности. Во-вторых, модальное количество жилых объектов в собственности — 1, однако средние варьируются: оно максимально для группы женщин-депутатов, не состоящих в браке (1,90), а минимально — для мужей депутатов (1,18); и в целом сами депутаты — и мужчины, и женщины — более «богаты» жилой собственностью, чем их супруги.

Эти данные позволяют заглянуть в «черный ящик» внутрисемейных отношений вокруг собственности: если бы супружеские пары из нашей выборки попали в массовое социально-экономическое обследование домохозяйств, на вопрос анкеты, проживают ли они в жилье, принадлежащем кому-либо из супругов, 91,9% ответили бы утвердительно, но пар, в которых собственниками жилых объектов являются оба супруга, меньше — 63,4%⁷. В 28,5% один из них — только пользователь жилья, для 2,5% пар нет однозначных сведений о жилой недвижимости кого-либо из супругов.

Рис. 1. Численность пользователей и собственников жилья среди мужчин и женщин из семей депутатов региональных законодательных органов власти, в %

⁷ Наши данные не позволяют точно определить долю пар, владеющих совместно именно занимаемым жильем, о котором спрашивают в обследованиях, поэтому 63,4% — верхняя оценка гипотетической ситуации, когда пара живет в помещении, принадлежащем обоим супругам; в реальности она ниже, так как в собственности одного из супругов может находиться «второе», а не основное жилье.

Демографические и экономические факторы дифференциации жилищного богатства

Если допустить, что сравниваемые социально-демографические группы — независимые и несвязанные выборки, возможна статистическая оценка различий в количестве объектов жилой недвижимости в собственности (см. табл. П2, П3). Отметим, во-первых, что в наибольшей степени в зависимости от гендерных, статусных и брачных характеристик различается количество квартир и домов, которыми владеют *индивидуально*, но эти различия сглаживаются, если сравнивать владение объектами всех видов собственности. Во-вторых, по сравнению с демографическими переменными политический статус индивида (является ли он или она депутатом регионального парламента) сильнее определяет различия в количестве жилой недвижимости в собственности. Лишь для количества жилых объектов в менее распространенном совместном или долевом владении статистически более значимо, состоит ли индивид в браке, что вполне логично и ожидаемо. В-третьих, распределения переменных, отражающих количество квартир и домов в собственности незамужних женщин-депутатов, близки к распределению в подвыборке мужчин-депутатов, состоящих в браке, то есть гендерный разрыв по жилищному богатству не столь очевиден на фоне депутатского статуса.

Таблица 3. Численность депутатов региональных законодательных органов власти и их супругов, имеющих в пользовании и собственности жилую недвижимость, в %

Количество квартир и жилых домов	Супружеские пары				Не состоящие в браке	
	Депутаты-мужчины	Супруги мужчин-депутатов	Депутаты-женщины	Супруги депутатов-женщин	Мужчины	Женщины
<i>В пользовании</i>						
Нет квартир или жилых домов в пользовании	53,8	45,9	55,2	46,0	47,8	74,3
1	37,7	44,8	37,8	45,4	46,1	23,3
2 и более	8,4	9,2	7,1	8,6	6,0	2,4
Среднее значение	0,57	0,65	0,53	0,64	0,60	0,28
<i>В индивидуальной собственности</i>						
Нет квартир или жилых домов в индивидуальной собственности	38,1	48,1	42,2	55,2	40,4	20,8
1	35,2	32,2	36,0	32,2	31,5	39,9
2	16,9	13,0	15,3	7,7	15,4	23,3
3 и более	9,8	6,6	6,5	5,0	12,8	15,7
Среднее значение	1,12	0,90	0,85	0,65	1,21	1,57
<i>В совместной собственности</i>						
Нет квартир или жилых домов в совместной собственности	88,8	88,8	88,2	88,8	97,4	98,6
1	9,3	9,3	9,1	9,1	2,5	1,0
2 и более	1,9	1,8	2,7	2,1	0,2	0,3
Среднее значение	0,14	0,14	0,15	0,14	0,03	0,02

Количество квартир и жилых домов	Супружеские пары				Не состоящие в браке	
	Депутаты-мужчины	Супруги мужчин-депутатов	Депутаты-женщины	Супруги депутатов-женщин	Мужчины	Женщины
<i>В долевой собственности</i>						
Нет квартир или жилых домов в долевой собственности	72,1	68,8	64,0	68,7	80,1	73,3
1	23,5	25,9	29,5	26,5	17,1	22,6
2 и более	4,3	5,4	6,5	4,7	2,9	4,1
Среднее значение	0,35	0,38	0,44	0,38	0,26	0,31
<i>Всего квартир и жилых домов в собственности</i>						
Нет квартир или жилых домов в собственности	18,1	24,3	15,9	27,4	29,5	9,4
1	40,2	39,0	39,8	44,2	35,8	42,0
2	24,9	23,5	30,7	18,9	17,7	25,3
3 и более	16,7	13,1	13,5	9,5	17,1	23,2
Среднее значение	1,61	1,38	1,49	1,18	1,50	1,90

В рассматриваемом эмпирическом объекте наблюдается ситуация, когда гендерный разрыв в обладании жилой собственностью перемещается в семьи, в которых он становится не столько гендерным, сколько статусным: независимо от пола большинство депутатов обладают большим количеством жилых объектов, чем их супруги (см. табл. 4). Так, в совокупности супружеских пар, в которых депутатом является мужчина, в 18,3% он будет собственником жилья, которым его супруга только пользуется. Среди семей, в которых депутат женщина, этот тип сочетания отношений собственности и пользования встречается в два раза реже (10,3%), но 21,8% демонстрируют обратную ситуацию: женщина — собственник жилья, мужчина — пользователь. Если оба супруга — собственники квартир или домов, то и для мужчин, и для женщин, избранных в региональные парламенты, выше вероятность обладать большим количеством объектов по сравнению с собственностью супругов.

Воспроизводят ли различия в жилищной собственности супругов не только их политический статус, но и экономический (доходный)? Сопоставление доходов и имущества сравниваемых социально-демографических групп (см. табл. 1 и 3) демонстрирует, что группы с более высоким доходом отличаются большим жилищным богатством. Например, среди мужчин, чей годовой доход до 400 тыс. рублей, 43,2% — пользователи жилья, а собственников трех и более квартир или домов — только 4,9%. Но при годовом доходе свыше 20 млн рублей соотношение обратное: пользователей жилья — 9,5%, а имеющих в собственности три и более жилых объекта — 37,3%. Похожая ситуация и для женщин, с той разницей, что шкала их годовых доходов сдвинута влево: среди получивших за 2019 г. до 20 тыс. рублей 35,7% пользуются жильем, 41,7% имеют в собственности только одну квартиру или дом, а три или более — 3,9%. Среди женщин, чей годовой доход превышал 10 млн только 12,7% — пользователи жилья, а 39,2% — собственники трех или более жилых объектов.

Таблица 4. Оценка различий в количестве жилых объектов в собственности супругов из семей депутатов региональных законодательных органов власти в зависимости от пола депутатов

Соотношение количества жилых объектов в собственности у мужчин и женщин в супружеских парах		Пол депутата		Вся совокупность
		Мужчины	Женщины	
Оба супруга — пользователи жилья	%	6,0	5,6	5,9
	скорректированный остаток	0,3	-0,3	
Мужчина — собственник жилья, женщина — пользователь	%	18,3	10,3	17,4
	скорректированный остаток	3,6	-3,6	
Женщина — собственник жилья, мужчина — пользователь	%	12,1	21,8	13,2
	скорректированный остаток	-5,0	5,0	
Мужчина и женщина владеют по одному жилому объекту	%	17,1	18,9	17,3
	скорректированный остаток	-0,8	0,8	
Мужчина и женщина — собственники, у мужчины больше жилых объектов в собственности	%	20,5	14,2	19,8
	скорректированный остаток	2,8	-2,8	
Мужчина и женщина — собственники, у них равное количество объектов собственности (2 и более)	%	9,5	8,0	9,3
	скорректированный остаток	0,9	-0,9	
Мужчина и женщина — собственники, у женщины больше жилых объектов в собственности	%	16,5	21,2	17,1
	скорректированный остаток	-2,2	2,2	
Всего		100,0	100,0	100,0

Примечание: $\chi^2 = 43,664$ (df = 6; Asymp. Sig. (2-tailed) = 0,000); V Крамера = 0,121 (Sig. = 0,000).

Для внутрисемейных сравнений была определена доля доходов мужчин и женщин в суммарных личных доходах супругов. В 15,2% пар бюджет формировался за счет доходов мужчины, в 60,7% личные доходы есть у обоих, но доля доходов мужчины составляет более 55%. Зеркальное соотношение вкладов — 55% и более обеспечивает женщина — наблюдалось для 18,6% пар (в том числе в 1,4% браков это был исключительно доход женщины). В бюджетах 5,5% пар доли доходов мужчин и женщин примерно равны (в диапазоне 45%—55%). Сравнительно более высокие доходы женщины повышают вероятность того, что ее жилищное богатство окажется выше, чем у супруга, и муж будет, скорее, пользоваться жильем, чем владеть им (см. табл. 5), и снижают вероятность ситуации, когда у партнера будет в собственности больше жилых объектов, чем у женщины. В группе с более высокими доходами мужчин наблюдаются меньшие различия в жилищной собственности супругов, тем не менее более вероятно, что у мужчины окажется в собственности больше жилых объектов, чем у его супруги.

Таблица 5. Оценка различий в количестве жилых объектов в собственности супругов из семей депутатов региональных законодательных органов власти в зависимости от соотношения доходов супругов

Соотношение количества жилых объектов в собственности у мужчин и женщин в супружеских парах		Доля доходов мужчины и женщины в сумме личных доходов супругов				Вся совокупность
		Доход мужчины 98—100 %	Доход женщины 55—98 %	Доходы супругов примерно равны	Доход женщины 55 % и более	
Оба супруга — пользователи жилья	%	7,8	5,9	3,7	5,3	5,9
	скорректированный остаток	1,8	-0,1	-1,3	-0,7	
Мужчина — собственник жилья, женщина — пользователь	%	19,8	18,6	12,9	12,7	17,4
	скорректированный остаток	1,5	2,2	-1,6	-3,2	
Женщина — собственник жилья, мужчина — пользователь	%	10,2	10,6	16,6	23,2	13,2
	скорректированный остаток	-2,0	-5,2	1,3	7,7	
Мужчина и женщина владеют по одному жилому объекту	%	15,4	18,0	19,0	16,3	17,3
	скорректированный остаток	-1,2	1,1	0,6	-0,7	
Мужчина и женщина — собственники, у мужчины больше жилых объектов в собственности	%	26,7	21,2	16,0	10,3	19,8
	скорректированный остаток	4,0	2,5	-1,3	-6,2	
Мужчина и женщина — собственники, у них равное количество объектов собственности (2 и более)	%	7,8	9,8	9,8	8,5	9,3
	скорректированный остаток	-1,2	1,3	0,2	-0,7	
Мужчина и женщина — собственники, у женщины больше жилых объектов в собственности	%	12,2	15,8	22,1	23,6	17,1
	скорректированный остаток	-2,9	-2,3	1,8	4,5	
Всего		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание: $\chi^2 = 138,662$ (df = 18; Asymp. Sig. (2-tailed) = 0,000); V Крамера = 0,125 (Sig. = 0,000).

Хотя доход и статус депутата регионального парламента — изменчивые во времени индивидуальные характеристики, а из составляющих материального благосостояния нефинансовое богатство (собственность) в целом и жилье как его часть более стабильны, чем доходы, даже в годовом исчислении, текущие доходы и накопленное жилищное богатство связаны напрямую: чем выше личный доход

одного из супругов, тем вероятнее, что у него в собственности будет больше квартир или домов, чем у партнера.

Заключение

Тридцать лет частной собственности на жилье и другие активы увеличили сложность функционирования семьи как экономической единицы: стало необходимо договариваться не только о финансовых ролях и распределении доходов, но и формировании и расходовании сбережений, кредитах, собственности. Для изучения внутрисемейных экономических отношений мы привлекаем не опросные, а административные данные. Если судить по личным доходам супругов и одиночек, составляющих эмпирический объект исследования, они представляют не исключительно, но преимущественно верхние слои экономической стратификации, и неправомерно переносить полученные результаты на все российские домохозяйства. Одновременно мы не можем по имеющимся данным реконструировать, какие фрагменты верхней части экономической стратификации репрезентирует наша выборка. Несмотря на эти ограничения, в условиях дефицита данных о внутрисемейных экономических отношениях «фрагментарный» анализ лучше, чем отсутствие какого-либо анализа вообще, и, возвращаясь к гипотезам, можно сделать следующие обобщения.

В распределении жилищного богатства наблюдается тенденция к индивидуализации. Конечно, данные позволяют видеть только юридическое отражение внутрисемейных отношений собственности в конкретный момент, мы не знаем историю жилищной собственности в этих семьях, когда и при каких обстоятельствах супруги приватизировали или приобретали имущество, которое в сведениях обозначено как обладаемое индивидуально, — до заключения или во время брака. Тем не менее 70 % жилых объектов, принадлежащих мужчинам, и две трети из принадлежащих женщинам находятся в индивидуальной собственности. И хотя у состоящих в браке в среднем больше жилья, которым они владеют совместно или в доле с кем-то, чем у одиночек, четыре из пяти квартир и домов в индивидуальной собственности принадлежат состоящим в браке.

Если сравнивать усредненные данные о жилье разных социально-демографических групп, невозможно сделать однозначный вывод о разрыве по жилищному богатству в пользу мужчин или женщин. В этом плане российская ситуация близка к фиксируемой зарубежными социологами: жилье распределяется относительно равномерно. Но при смещении фокуса на внутрисемейные отношения видим, что в 37 % пар мужчины имеют в собственности больше квартир или жилых домов, чем их супруги, в 30 % обратное соотношение. Общая закономерность за этими цифрами: независимо от пола супруг, обладающий статусом депутата, более «богат» в жилищном плане. Российское государство через разные программы и политики стимулирует семьи быть собственниками жилья. Подразумевается, что семья — единый субъект, но фактическая сложность внутрисемейных экономических отношений уходит из поля зрения, в том числе исследователей. Методическая «оптика» большинства социально-экономических обследований позволила бы увидеть, что в рассматриваемом эмпирическом объекте 92 % пар проживают в жилье, принадлежащем кому-либо из супругов. Но если сменить «оптику», при которой

супруги — не «фон» для семьи [Солодников, 2018], а отдельные участники отношений собственности, не более чем в 63 % пар собственниками жилья были бы оба супруга. Семья оказывается пространством воспроизводства статусных преимуществ супругов, полученных в других сферах — экономической и политической.

Мы не беремся опровергать или подтверждать предположения, нередко звучащие в отношении сведений об имуществе политиков и чиновников: об их недостоверности, о юридическом оформлении части реальной собственности на других членов семьи, не попадающих под декларирование. Если есть стратегии «минимизации» публично демонстрируемой собственности, то в каждой социальной группе свои представления и нормы, что приемлемо, «прилично» продемонстрировать. В массмедиа попадают истории отдельных политиков или чиновников, пытавшихся в декларационную кампанию скрыть что-то из своего имущества или фиктивно разводящихся с супругами, которые перед разводом становятся владельцами собственности этих политиков или чиновников. Но данные о группе политиков, позволяющие фиксировать статистические закономерности, свидетельствуют, что депутаты региональных законодательных органов власти в среднем обладают более высокими доходами и большим жилищным богатством, чем их супруги, и не скрывают этих различий. Скорее, наблюдаемая индивидуализация собственности, наоборот, есть способ ее защиты в условиях потенциальной нестабильности брачных отношений. Распределение жилищной собственности демонстрирует, что кооперативные стратегии накопления собственности не доминируют; как текущий доход, так и политический статус оказались составляющими «переговорной силы» в распределении собственности между супругами.

Для оценки устойчивости обнаруженных закономерностей возможно продолжение исследования на аналогичных данных, например, на сведениях о доходах и имуществе семей депутатов региональных органов власти за другой календарный год. В этом случае мы имеем дело с «естественной» панелью с ротацией, когда ежегодно корпус депутатов обновляется после выборов в нескольких регионах из-за выбытия и довыборов отдельных депутатов, то есть это не полностью идентичная по составу совокупность. Также можно обратиться к данным о других эмпирических объектах, например, «спустившись вниз» по вертикали представительной власти, — о семьях депутатов городских округов или муниципальных образований отдельных регионов, полагая, что такая совокупность по экономическим характеристикам будет ближе к массовым слоям российских домохозяйств. Или использовать данные деклараций сотрудников российских министерств⁸, учитывая «должностные» и «географические» ограничения этого набора данных: в нем наиболее полно представлены сведения о чиновниках, занимающих руководящие позиции в структуре министерств, то есть проживающих в столице. И, конечно же, исследование может развиваться через расширение набора объектов собственности и пользования, включенных в анализ. В любом случае такие административные данные позволяют давать ответы на исследовательские вопросы из области

⁸ Доходы и имущество госслужащих: объединенные сведения из антикоррупционных деклараций сотрудников российских министерств // Официальные сайты федеральных министерств РФ; обработка: Зиндер К. М., Гизатуллина Э. Г. Инфраструктура научно-исследовательских данных, АНО «ЦПУР», 2020. Доступ: Лицензия CC BY-SA. Размещено: 23.06.2022. (Ссылка на набор данных: <http://www.data-in.ru/data-catalog/datasets/150>).

социологии собственности, гендерной социологии, на которые проблематично ответить с помощью других доступных данных.

Список литературы (References)

Андреевкова А. В. (2017) Щепетильные вопросы в межстрановых сравнительных опросах // Социологические исследования. № 12. С. 55—64. <https://doi.org/10.7868/S0132162517120066>.

Andreenkova A. V. (2017) Sensitive Questions in Cross-National Comparative Surveys. *Sociological Studies*. No. 12. P. 55—64. <https://doi.org/10.7868/S0132162517120066>. (In Russ.)

Богомолова Т. Ю., Черкашина Т. Ю. Нефинансовое богатство российских домохозяйств: собственность и налоги // Мир России. Социология. Этнология. 2021. Т. 30. № 3. С. 51—77. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-3-51-77>.

Bogomolova T. Yu., Cherkashina T. Yu. (2021) Non-Financial Wealth of Russian Households: Property and Taxes. *Mir Rossii*. Vol. 30. No. 3. P. 51—77. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-3-51-77>. (In Russ.)

Богомолова Т. Ю., Черкашина Т. Ю. Стратификация по нефинансовому богатству российских домохозяйств: высота, профиль, детерминанты // Мир России. 2020. Т. 29. № 4. С. 6—33. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-4-6-33>.

Bogomolova T. Yu., Cherkashina T. Yu. (2020) The Stratification of Russian Households by Non-financial Wealth: Volume, Structure and Correlates. *Mir Rossii*. Vol. 29. No. 4. P. 6—33. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-4-6-33>. (In Russ.)

Волков Д., Колесников А. Новая русская мечта: частная собственность для детей // Московский Центр Карнеги. 2018. URL: https://carnegieendowment.org/files/Kolesnikov_Volkov_Rus_web_final.pdf (дата обращения: 23.06.2022).

Volkov D., Kolesnikov A. (2018) New Russian Dream: Private Property for Children. *Carnegie Moscow Center*. URL: https://carnegieendowment.org/files/Kolesnikov_Volkov_Rus_web_final.pdf (accessed: 23.06.2022). (In Russ.)

Литвинцев Д. Б. 30 лет приватизации жилья в России: удалось ли воспитать ответственных собственников? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 186—212. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1273>.

Litvintsev D. B. (2021) 30 Years of Housing Privatization in Russia: Have We Managed to Bring Up Responsible Owners? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 186—212. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1273>. (In Russ.)

Солодников В. В. Российские социологические и психологические исследования семьи в XXI веке: мета-анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 269—332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.14>.

Solodnikov V. V. (2018) Russian Sociological and Psychological Studies of the Family in the 21st Century: A Meta-Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social*

Changes. No. 6. P. 269—332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.14>. (In Russ.)

Черкашина Т. Ю. Сведения о доходах и имуществе российских региональных политиков: пилотаж и оценка качества административных данных // Социологический журнал. 2021. Том 27. № 3. С. 8—34. <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.3.8422>.

Cherkashina, T. Yu. (2021) Russian Regional Politicians' Income and Property Declarations: a Pilot Study and Quality Assessment of Administrative Data. *Sotsiologicheskii Zhurnal*. Vol. 27. No. 3. P. 8—34. <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.3.8422>. (In Russ.)

Bach S., Thiemann A., Zucco A. (2019) Looking for the Missing Rich: Tracing the Top Tail of the Wealth Distribution. *International Tax and Public Finance*. Vol. 26. No. 6. P. 1234—1258. <https://doi.org/10.1007/s10797-019-09578-1>.

Bennett F. (2013) Researching Within-Household Distribution: Overview, Developments, Debates, and Methodological Challenges. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 75. No. 3. P. 582—597. <https://doi.org/10.1111/jomf.12020>.

Bricker J., Krimmel J., Henriques A., Sabelhaus J. (2016) Measuring Income and Wealth at the Top Using Administrative and Survey Data. *Brookings Papers on Economic Activity*. No. 1. P. 261—331. <https://doi.org/10.1353/eca.2016.0016>.

Chakraborty R., Kavonius I., Pérez-Duarte S., Vermeulen P. (2019) Is the Top Tail of the Wealth Distribution the Missing Link between the Household Finance and Consumption Survey and National Accounts? *Journal of Official Statistics*. Vol. 35. No. 1. P. 31—65. <https://doi.org/10.2478/jos-2019-0003>.

Coulter R., Thomas M. (2019) A New Look at the Housing Antecedents of Separation. *Demographic Research*. Vol. 40. Article 26. P. 725—760. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2019.40.26>.

Cousin B., Khan S., Mears A. (2018) Theoretical and Methodological Pathways for Research on Elites. *Socio-Economic Review*. Vol. 16. No. 2. P. 225—249. <https://doi.org/10.1093/ser/mwy019>.

Deaton A. (2019) *The Analysis of Household Surveys: A Microeconometric Approach to Development Policy*. Washington, DC: World Bank. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/30394> (accessed: 19.11.2021).

Deere C. D., Doss C. R. (2006) The Gender Asset Gap: What Do We Know and Why Does It Matter? *Feminist Economics*. Vol. 12. No. 1—2. P. 1—50. <https://doi.org/10.1080/13545700500508056>.

Donni O., Chiappori P. A. (2011) Nonunitary Models of Household Behavior: A Survey of the Literature. In: Molina J. (ed.) *Household Economic Behaviors. International Series on Consumer Science*. New York, NY: Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-9431-8_1.

Frémeaux N., Leturcq M. (2020) Inequalities and the Individualization of Wealth. *Journal of Public Economics*. Vol. 184. April. Article 104145. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2020.104145>.

Goodman L. S., Mayer C. (2018) Homeownership and the American Dream. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 32. No. 1. P. 31—58. <https://doi.org/10.1257/jep.32.1.31>.

Grabka M. M., Marcus J., Sierminska E. (2015) Wealth Distribution within Couples. *Review of Economics of the Household*. Vol. 13. No. 3. P. 459—486. <https://doi.org/10.1007/s11150-013-9229-2>.

Himmelweit S., Santos C., Sevilla A., Sofer C. (2013) Sharing of Resources within the Family and the Economics of Household Decision Making. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 75. No. 3. P. 625—639. <https://doi.org/10.1111/jomf.12032>.

Joseph R., Rowlingson K. (2012) Her House, His Pension? The Division of Assets among (Ex-) Couples and the Role of Policy. *Social Policy and Society*. Vol. 11. No. 1. P. 69—80. <https://doi.org/10.1017/S147474641100042X>.

Kan M. Y., Laurie H. (2014) Changing Patterns in the Allocation of Savings, Investments and Debts within Couple Relationships. *The Sociological Review*. Vol. 62. No. 2. P. 335—358. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12120>.

Kapelle N., Lersch P. M. (2020) The Accumulation of Wealth in Marriage: Over-Time Change and Within-Couple Inequalities. *European Sociological Review*. Vol. 36. No. 4. P. 580—593 <https://doi.org/10.1093/esr/jcaa006>.

Krapf S., Wagner M. (2020) Housing Affordability, Housing Tenure Status and Household Density: Are Housing Characteristics Associated with Union Dissolution? *European Journal of Population*. Vol. 36. No. 4. P. 735—764. <https://doi.org/10.1007/s10680-019-09549-6>.

Lee J., Pocock M. L. (2007) Intrahousehold Allocation of Financial Resources: Evidence from South Korean Individual Bank Accounts. *Review of Economics of the Household*. Vol. 5. No. 1. P. 41—58. <https://doi.org/10.1007/s11150-007-9004-3>.

Lersch P. M. (2017) The Marriage Wealth Premium Revisited Gender Disparities and Within-Individual Changes in Personal Wealth in Germany. *Demography*. Vol. 54. No. 3. P. 961—983. <https://doi.org/10.1007/s13524-017-0572-4>.

Lersch P. M. (2016) Vidal S. My House or Our Home? Transitions into Sole Home Ownership in British Couples. *Demographic Research*. Vol. 35. No. 1. P. 139—166. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2016.35.6>.

Meriküll J., Kukk M., Rõõm T. (2021) What Explains the Gender Gap in Wealth? Evidence from Administrative Data. *Review of Economics of the Household*. Vol. 19. No. 2. P. 501—547. <https://doi.org/10.1007/s11150-020-09522-x>.

Novokmet F., Piketty T., Zucman G. (2018) From Soviets to oligarchs: Inequality and property in Russia, 1905—2016. *Journal of Economic Inequality*. Vol. 16. No. 2. P. 189—223. <https://doi.org/10.1007/s10888-018-9383-0>.

- OECD (2013). OECD Guidelines for Micro Statistics on Household Wealth. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/9789264194878-en> (accessed: 23.06.2022).
- OECD (2021). Brick by Brick: Building Better Housing Policies. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/b453b043-en> (accessed: 23.06.2022).
- Ravazzini L., Chesters J. (2018) Inequality and Wealth: Comparing the Gender Wealth Gap in Switzerland and Australia. *Feminist Economics*. Vol. 24. No. 4. P. 83—107. <https://doi.org/10.1080/13545701.2018.1458202>.
- Ruel E., Hauser R. (2013) Explaining the Gender Wealth Gap. *Demography*. Vol. 50. No. 4. P. 1155—1176. <https://doi.org/10.1007/s13524-012-0182-0>.
- Schneebaum A., Rehm M., Mader K., Hollan K. (2018) The Gender Wealth Gap Across European Countries. *Review of Income and Wealth*. Vol. 64. No. 2. P. 295—331. <https://doi.org/10.1111/roiw.12281>.
- Shiffer-Sebba D., Behrman J. (2021) Gender and Wealth in Demographic Research: A Research Brief on a New Method and Application. *Population Research and Policy Review*. Vol. 40. No. 4. P. 643—659. <https://doi.org/10.1007/s11113-020-09603-w>.
- Sierminska E. M., Frick J. R., Grabka M. M. (2010) Examining the Gender Wealth Gap. *Oxford Economic Papers*. Vol. 62. No. 4. P. 669—690. <https://doi.org/10.1093/oep/gpq007>.

Приложение

Таблица П1. Распространенность объектов жилой недвижимости разных видов собственности у депутатов региональных законодательных органов власти из групп регионов, отличающихся полнотой сведений о жилье

Объекты жилой недвижимости в собственности	Все депутаты региональных законодательных органов власти	Депутаты 52-х законодательных органов власти, в сведениях которых содержится полное описание объектов недвижимости	Депутаты 33-х законодательных органов власти, в сведениях которых неполное описание объектов недвижимости
<i>Количество депутатов, имеющих объекты в собственности (множественный выбор), %</i>			
Квартиры в собственности индивидуальной	44,2	44,2	44,2
совместной	7,5	9,5	4,5
долевой	21,7	21,2	22,3
Жилые дома в собственности индивидуальной	33,4	33,1	33,8
совместной	2,3	2,8	1,6
долевой	7,2	7,5	6,8
<i>Количество объектов, находящихся в собственности депутатов, %</i>			
Квартиры в собственности индивидуальной	66,5	64,5	69,4
совместной	8,7	11,4	4,7
долевой	24,8	24,1	25,9
Всего	100,0	100,0	100,0
Жилые дома в собственности индивидуальной	80,6	80,1	81,5
совместной	4,5	5,5	3,0
долевой	14,8	14,4	15,5
Всего	100,0	100,0	100,0

Таблица П2. Статистическая оценка различий количества объектов жилой недвижимости в собственности депутатов региональных законодательных органов власти и их супругов

Количество квартир и жилых домов		Супружеские пары				Не состоящие в браке		Вся совокупность
		депутаты-мужчины	супруги мужчин-депутатов	депутаты-женщины	супруги депутатов-женщин	мужчины	женщины	
0	%	18,1	24,3	15,9	27,4	29,5	9,4	21,5
	скорректированный остаток	-5,4	4,4	-2,6	2,7	5,2	-5,1	
1	%	40,2	39,0	39,8	44,2	35,9	42,0	39,6
	скорректированный остаток	0,8	-0,8	0,1	1,8	-2,0	0,9	
2	%	24,9	23,5	30,7	18,9	17,6	25,3	23,7
	скорректированный остаток	1,9	-0,3	3,1	-2,1	-3,8	0,7	
3 и более	%	16,8	13,2	13,6	9,4	17,0	23,3	15,2
	скорректированный остаток	2,9	-3,6	-0,9	-3,0	1,3	3,9	
Всего		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание: $\chi^2 = 133,381$ (df = 15; Asymp. Sig. (2-tailed) = 0,000); V Крамера = 0,081 (Sig. = 0,000).

Таблица П3. Статистическая оценка различий количества жилых объектов в собственности в зависимости от индивидуальных характеристик

Независимые переменные	Зависимые переменные и критерии оценки статистической связи	
	Ранговая переменная «Количество квартир и жилых домов...». Значения переменной: 0; 1; 2; 3 и более. Критерий: χ^2	Переменная «Количество квартир и жилых домов...», абсолютные значения. Критерий Манна-Уитни
... в индивидуальной собственности		
Пол	$\chi^2 = 24,780$ (0,000)	$Z = -4,872$ (0,000)
Является депутатом или нет	$\chi^2 = 109,429$ (0,000)	$Z = -10,470$ (0,000)
Состоит в браке или нет	$\chi^2 = 52,197$ (0,000)	$Z = -6,763$ (0,000)
... в совместной или долевой собственности		
Пол	$\chi^2 = 18,537$ (0,000)	$Z = -4,112$ (0,000)
Является депутатом или нет	$\chi^2 = 20,909$ (0,000)	$Z = -4,497$ (0,000)
Состоит в браке или нет	$\chi^2 = 80,487$ (0,000)	$Z = -8,929$ (0,000)
... в собственности		
Пол	$\chi^2 = 6,974$ (0,073)	$Z = -1,488$ (0,137)
Является депутатом или нет	$\chi^2 = 44,849$ (0,000)	$Z = -6,358$ (0,000)
Состоит в браке или нет	$\chi^2 = 18,635$ (0,000)	$Z = -0,288$ (0,774)

Примечание: для всех значений критериев в скобках указана двусторонняя наблюдаемая значимость (Asymp. Sig. (2-tailed); для χ^2 df = 3.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.4.2224](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2224)

П. В. Белопашенцева

ЧТО ГОВОРИТ О РОССИЙСКОЙ БЕДНОСТИ ДЕПРИВАЦИОННЫЙ ПОДХОД?

Правильная ссылка на статью:

Белопашенцева П. В. Что говорит о российской бедности депривационный подход? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 110—129. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2224>.

For citation:

Belopashentseva P.V. (2022) What Does the Deprivation Approach Say About Russian Poverty?. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 110–129. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2224>. (In Russ.)

ЧТО ГОВОРИТ О РОССИЙСКОЙ БЕДНОСТИ ДЕПРИВАЦИОННЫЙ ПОДХОД?

БЕЛОПАШЕНЦЕВА Полина Владимировна — стажер-исследователь Центра стратификационных исследований Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

*E-MAIL: pvbelopashentseva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-3812-3957>*

Аннотация. Относительный депривационный подход способен сказать о специфике жизненных реалий россиян больше, чем остальные измерения бедности. Однако используемые в нем депривации должны быть релевантны социально-экономической ситуации конкретного общества. В статье приводится систематизация деприваций, использовавшихся в исследованиях бедности в постсоветской России. Предложен авторский индекс деприваций, который учитывает «классические» для российского общества лишения, а также депривацию в доступе к информационно-компьютерным технологиям, которая ранее рассматривалась в стратификационных исследованиях, но не включалась в индекс депривационной бедности. Продемонстрирован масштаб относительной бедности по депривациям на фоне абсолютной и субъективной бедности. Для выявления качественной специфики российской бедности депривации рассмотрены в группах абсолютно, субъективно и относительно бедных. Показано, что бедные по абсолютному критерию характеризуются депривациями в условиях жилья, но относительно более благополучным положением в отноше-

WHAT DOES THE DEPRIVATION APPROACH SAY ABOUT RUSSIAN POVERTY?

*Polina V. BELOPASHENTSEVA¹ — Research Assistant at the Centre for Stratification Studies, Institute for Social Policy
E-MAIL: pvbelopashentseva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-3812-3957>*

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The relative deprivation approach is more appropriate for accurate description of the life realities of Russians than other measures of poverty. However, the deprivations used in this methodology should be relevant to the socio-economic situation of a particular society. This article provides a systematization of deprivations used in studies of poverty in post-Soviet Russia. The author proposes an index of deprivation, which accounts for “classic” deprivations for Russian society, as well as deprivation in access to information and computer technologies, which was previously considered in stratification studies, but was not included in the deprivation poverty index. The scale of relative poverty in terms of deprivations is analyzed together with absolute and subjective poverty. To identify the qualitative specifics of Russian poverty, deprivations are considered in groups of absolutely, subjectively, and relatively poor people. The study shows that absolute poverty is characterized by deficit of housing and a relatively more prosperous situation in relation to other deprivations, while subjective poverty is characterized by deprivations in consumption with relatively better situation in the housing aspect. The results highlight the continuing divergence of differ-

нии других лишений, в то время как для бедных по субъективной оценке характерны депривации в потреблении при относительном благополучии в жилищном аспекте. Полученные результаты подчеркивают сохраняющееся расхождение в российском обществе разных измерений бедности, что говорит о ее многомерном характере.

Ключевые слова: индекс лишений, относительная бедность, немонетарное измерение бедности, депривации в абсолютной и субъективной бедности, динамика деприваций, монетарная бедность

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г.

Введение

При определении официального уровня бедности в России используется абсолютный подход, согласно которому в число бедных попадают домохозяйства, характеризующиеся доходами ниже экспертно установленного прожиточного минимума. Этот подход позволяет проследить динамику бедности и определить нуждающееся население, что необходимо при осуществлении социально-экономической политики. Измеренный таким образом уровень бедности в России последние 6 лет сокращается, и по данным официальной статистики за 2020 г., доля бедного населения в стране составила 12,1% (17,8 млн человек)¹.

Помимо абсолютного, существуют и другие подходы к бедности — в частности, относительный и субъективный. В рамках относительного, критерием бедности выступает отклонение в худшую сторону от социальной «нормы» жизни в определенном обществе (которое можно измерить через испытываемые депривации), а в рамках субъективной концепции — самоидентификация себя с бедными или низкая самооценка своего дохода / положения. Важно, что каждый из трех подходов подсвечивает определенные особенности бедности, не учитываемые другими.

ent dimensions of poverty in Russian society, which indicates its multidimensional nature.

Keywords: deprivation index, relative poverty, non-monetary poverty measurement, deprivations in absolute and subjective poverty, dynamics of deprivations, monetary poverty

Acknowledgments. This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

¹ Российский статистический ежегодник. 2021: Статистический сборник / Ред. колл.: Баранов Э. Ф., Безбородова Т. С., Бобылев С. Н. и др. М.: Росстат. С. 162. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegovodnik_2021.pdf (дата обращения: 20.08.2022).

В фокусе внимания в данной статье находится относительный депривационный подход к измерению бедности. Он учитывает конкретные особенности повседневности, что дает возможность увидеть реальные условия жизни населения. Методика измерения депривационной бедности предполагает определение списка лишений/деприваций (то есть жизненных условий или возможностей, характерных для общества в целом, и их отсутствие или недоступность выступают отклонением от нормы, указывая на состояние бедности) и установление порога бедности, то есть количества испытываемых деприваций, при котором домохозяйство может считаться бедным.

Депривационный подход к бедности не имеет единой универсальной методики — включение тех или иных деприваций в расчет становится методологической задачей для каждого исследования. Важно, что используемые депривации должны быть релевантны для социально-экономической ситуации в конкретном обществе на определенном этапе его развития, поэтому список деприваций должен пересматриваться по мере изменения социально-экономического ландшафта.

Данная статья продолжает и развивает депривационный подход к бедности применительно к современной России. Мы систематизируем существующие подходы к депривационной бедности, а также предлагаем авторский подход к построению индекса деприваций, учитывающий современные реалии жизни российского общества. При помощи авторского индекса на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ² мы определяем масштабы депривационной бедности, оцениваем ее соотношение с абсолютной и субъективной бедностью в предкризисных социально-экономических условиях. Для более глубокого понимания специфики деприваций мы дополнительно рассматриваем, как проявляются те или иные депривации в трех группах бедности. Предложенные результаты анализа позволяют не только лучше понять специфику бедности как многомерного феномена, но и особенности деприваций как инструмента ее анализа.

Подходы к измерению бедности

В научном сообществе устоялось три основных направления измерения бедности, каждое из которых имеет отличающиеся основания. Основной принцип **абсолютного подхода** заключается в сравнении материального положения домохозяйств/индивидов с расчетной абсолютной величиной, чаще всего выраженной в денежном эквиваленте (например, прожиточный минимум). В современной практике под абсолютной бедностью чаще всего понимается нехватка средств для обеспечения уровня жизни, достаточного для удовлетворения первичных нужд. Абсолютным подходом при определении бедности пользуется Россия (до 2021 г.), США, большинство стран СНГ. Подсчет величины прожиточного минимума в России осуществляется экспертным путем при помощи оценки стоимости потребительской корзины и обязательных платежей с учетом половозрастного состава домо-

² Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS HSE: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> и <http://www.hse.ru/rlms>).

хозяйства и региона проживания. Бедным считается то домохозяйство, которое обладает доходами ниже прожиточного минимума [Овчарова, 2009].

Субъективный подход, исходя из названия, основывается на субъективных оценках респондентов. Субъективная бедность может измеряться при помощи идентификации респондентами собственного положения в общественной иерархии (отнесение себя к бедным), оценок минимально необходимого дохода и соотношения его с фактическим и т. д. Масштаб субъективной бедности может служить мерой согласия населения с проводимой социальной политикой, степени соответствия официальных данных социальному самочувствию граждан, показателем социальной напряженности, и в целом индикатором общественного развития, который, в соответствии с относительно новым его пониманием, должен отражаться не только в социально-экономических показателях, но и в оценках гражданами собственного положения [Стинглиц, Сен, Фитусси, 2016].

Британский ученый-социолог Питер Таунсенд признается основателем **относительной немонетарной (депривационной)** методологии — именно он ввел депривации в поле изучения бедности. Согласно этому подходу, бедным может быть признано домохозяйство, испытывающее лишения, нехарактерные для населения в целом. Таунсенд предложил список из 77 деприваций, по которому определялась принадлежность домохозяйства к группе бедных [Townsend, 1979]³.

В дальнейшем эта методология в ее преобразованном виде стала применяться европейскими странами для отслеживания динамики депривационной бедности в дополнение к монетарным методикам, либо в составе многомерных индексов бедности, которые сочетают депривации и монетарные метрики в едином показателе. Список деприваций, входящих в индекс, чаще всего формируется экспертным путем, но может также быть составлен на основе опросных данных [Корчагина, Прокофьева, Тер-Акопов, 2019]. Каждый набор деприваций должен быть актуален для ситуации в определенном обществе в определенное время, поэтому разница культур и социально-экономического уровня государств не позволяет использовать какой-либо универсальный индекс — это возможно только для группы стран, находящихся на схожем этапе развития в сопоставимых социально-экономических условиях и схожем образе жизни их населения. Развитие общества в экономическом и социальном плане приводит к запросу на своевременное изменение пунктов в списке.

Для стран Европы существует единый индекс деприваций, разработанный Институтом статистики Франции, который содержит в себе девять пунктов, при этом «порогом» относительной бедности выступает одновременное наличие трех и более деприваций⁴. С 2011 г. Евростат ведет ежегодную статистику депривационной бедности, благодаря которой существует возможность проводить межстрановые сопоставления и отслеживать динамику качества жизни граждан стран

³ Депривации Таунсенда можно разделить на две крупных группы: социальные (такие как доступ к образованию, ограничение прав на работе, включенность в сообщества и др.) и материальные (еда, одежда, товары длительного пользования, жилище и др.).

⁴ В индекс входят следующие 9 пунктов: оплата аренды или счетов за коммунальные услуги, отопление, возможность нести непредвиденные расходы, есть мясо, рыбу или белковый эквивалент через день, недельный отпуск вдали от дома, автомобиль в домохозяйстве, стиральная машина, цветной телевизор, телефон.

ЕС⁵. Российская наука также накопила достаточно обширный опыт исследований депривационной бедности, однако европейского эквивалента, который бы отслеживал динамику бедности «по депривациям» на официальном уровне, пока не представлено.

Для разработки теоретико-методологической рамки собственного исследования мы провели систематизацию исследований депривационной бедности в работах российских авторов с 1998 по 2019 г. Российские исследования относительной бедности не ограничиваются данным набором — выбранные нами публикации были взяты в качестве ключевых исследований, в которых были предложены различные версии индексов депривации. Для расширения горизонта сравнения мы также берем в рассмотрение Европейский индекс, заранее предполагая, что только часть пунктов может быть релевантна для российских реалий. Систематизация деприваций, используемых в российских работах и Европейском индексе деприваций представлена в таблице 1.

Таблица 1. **Депривации, использующиеся для анализа бедности в российских исследованиях и Европейском индексе**

Депривации	Овчарова, Прокофьева, 1998	Давыдова, 2003	Тихонова, 2014	Слободенюк, 2014	Корчагина и др, 2015	Корчагина, Прокофьева, Тер-Акопов, 2019	Европейский индекс деприваций — Severely Materially Deprived People
Еда	+	+	+	+	+	+	+
Самое необходимое (долги, ЖКУ, свести концы с концами)	+	+	+	+	+	+	+
Одежда, обувь	+	+	+	+	+	+	
Товары длительного пользования	+	+	+	+	+		+
Медицина	+	+	+	+	+	+	
Ритуальные услуги	+	+					
Образование	+		+	+		+	
Поддержание социальных контактов		+			+	+	
Жилье (наличие собственного жилья, жилищные условия)			+	+	+	+	+
Самоощущение			+	+		+	
Досуг и отдых			+		+		+

Систематизация использующихся деприваций показывает, что «классическими» можно назвать депривации в еде, самом необходимом (оплата долгов и ЖКУ, возможность свести концы с концами), одежде, товарах длительного пользования (ТДП), медицине. Остановимся на этих депривациях чуть подробнее.

⁵ Severely Materially Deprived People: Eurostat, the Statistical Office of the European Union. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/cache/metadata/en/sdg_01_30_esmsip2.htm (дата обращения: 19.08.2022).

Депривации в еде чаще всего операционализируются через возможность при желании потреблять белковую пищу несколько раз в неделю, а также через возможность покупать сладкое и фрукты для детей. К кластеру деприваций в самом необходимом относятся наличие задолженностей (по оплате ЖКУ, иных долгов или невозможности прожить без долговой нагрузки), оценка возможности «свести концы с концами», а некоторые авторы включают в рассмотрение покупку непродовольственных предметов первой необходимости. Под депривациями в одежде и обуви может пониматься отсутствие возможности сезонного их обновления, покупки одежды для детей. В качестве деприваций в товарах длительного пользования (ТДП) рассматривается отсутствие тех из них, которые входят в базовый список (чаще всего это ключевые бытовые товары, такие как холодильник, плита, телевизор; в европейском индексе в этот список включается также автомобиль).

Говоря о других депривациях, отметим, что современные российские исследования достаточно подробно рассматривают также лишения, касающиеся условий проживания: наличие жилой площади в собственности или проживание в долевом / съемном жилье / общежитии, обеспеченность площадью в расчете на человека, наличие или отсутствие коммуникаций (центрального отопления, водопровода, горячей воды, газопровода, электричества).

В списке деприваций оказывается и невозможность поддержания социальных контактов, которая трактуется как невозможность пригласить гостей домой или провести семейный праздник дома (данная депривация может иметь тесную связь с депривациями в условиях жилья). Некоторые исследователи также включают в индекс депривации в образовании для детей, условиях труда, а также субъективных оценках собственного положения в обществе / дохода семьи (что еще раз подчеркивает растущую важность субъективных аспектов в оценке объективных социально-экономических явлений). Возможность обеспечения ритуальными услугами, некогда рассматриваемая российскими исследователями, в современных работах уже не используется.

Помимо вышесказанного, стоит отметить, что список деприваций в Европе оказывается шире за счет таких пунктов, как отдых вне дома и наличие автомобиля в домохозяйстве. Эти различия наглядно демонстрируют отличающуюся социальную норму жизни в разных обществах и подчеркивают необходимость использования деприваций, релевантных текущим социально-экономическим условиям в России при оценке масштабов и специфики относительной бедности по лишениям.

Наконец, стоит отметить, что элементы депривационного подхода можно встретить и в более широких исследованиях социальной структуры общества в целом, а не только бедности. Так, например, рассмотренные выше депривации во многом соотносятся с индикаторами негативной привилегированности в рамках методики построения социальной структуры общества по жизненным шансам и рискам [Аникин, 2018; Тихонова, 2018; Тихонова и др., 2022], которая также разрабатывалась на основании идеи отклонений от социальной нормы конкретного общества — однако не только в «минус», но и в «плюс». При этом депривационный подход отличается от методики жизненных шансов уклоном в более «простые», базовые жизненные условия, связанные в первую очередь с потреблением. Они

(например, пищевые депривации) частично учитываются в модели жизненных шансов, которая предполагает более широкий охват, включающий, например, занятость, условия труда и т. п.

Частично созвучна с депривационной бедностью и концепция социальной эксклюзии [Тихонова, 2003] — меры исключенности из сообщества, характеризующейся, с одной стороны, депривированностью, с другой — дискриминацией. Эта концепция включает в себя не только обозначенные в таблице 1 пункты депривации, но также рассматривает возможности получения стабильной оплачиваемой работы, включенности в сообщество, доступа к социальным сетям, перераспределения ресурсов и другие характеристики положения в обществе. Таким образом, депривационный анализ может быть использован не только для исследований бедности, но и для более широкого круга стратификационных исследований.

Методология построения индекса деприваций

Подробное рассмотрение деприваций, использующихся в исследованиях, дает нам понимание того, какие из деприваций можно назвать «классическими», какие из них уже не включаются в современные индексы, а какие относятся к депривациям более высокого порядка. При формировании авторского индекса мы можем ориентироваться на данную теоретико-методологическую основу. С другой стороны, наши возможности несколько ограничены особенностями используемой базы данных.

Для проведения исследования нами была выбрана хорошо известная база лонгитюдного обследования российских домохозяйств РМЭЗ НИУ ВШЭ. Данный массив включает множество переменных, описывающих условия жизни домохозяйств и оценки материальной обеспеченности, поэтому дает возможности расчета всех трех метрик бедности. Мы используем данные 2019 г. (выборка 18 тыс. респондентов), привлекая данные более ранних волн исследования для оценки динамики.

Далее обратимся к депривациям, которые были включены в авторский индекс, приводя обоснование сделанного выбора и оценки распространенности тех или иных деприваций⁶. Ключевым параметром при выборе деприваций для включения их в индекс являлось отклонение от «социальной нормы», релевантной для российского общества. Как норму мы принимаем жизненные условия, которые характерны как минимум для половины населения.

В ситуациях, когда включение того или иного показателя в индекс было под вопросом, он дополнительно рассматривался в срезе групп бедных и небедных, выделенных на основании абсолютного и субъективного критериев⁷ для оценки степени отличий между группами. Если депривация оказывалась более характерна для группы бедных, то она включалась в индекс как свидетельствующая о неблагополучии.

Депривации в еде

Данное лишение является классическим пунктом для исследований депривационной бедности. Наиболее подходящий показатель РМЭЗ НИУ ВШЭ — воз-

⁶ Описание переменных из массива РМЭЗ НИУ ВШЭ, соответствующих рассматриваемым депривациям, представлены в приложении 1.

⁷ Методология выделения бедных по абсолютному и субъективному критериям на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ описана ниже.

возможность при желании потреблять белковую пищу через день. Как показывают данные, этого не могут позволить себе 6,6% россиян.

Депривации в одежде

Данное лишение также встречается во всех ключевых исследованиях депривационной бедности. РМЭЗ НИУ ВШЭ позволяет замерить данную депривацию через невозможность сезонного обновления одежды. Почти четверть россиян (24,1%) принадлежат к домохозяйствам, в которых не обновлялись предметы гардероба за последние три месяца.

Депривации в условиях жилья

Используя включенные в инструментарий РМЭЗ НИУ ВШЭ вопросы, описывающие различные характеристики жилищных условий, мы сконструировали единый индекс деприваций в условиях жилья, в который вошли показатели наличия центрального отопления, водоснабжения, газа или электроплиты и канализации⁸. Мы относим к депривированным тех индивидов, которые не обладают как минимум двумя из четырех перечисленных условий в домохозяйстве. Испытывают данную депривацию 30,5%.

Депривации в обеспеченности жилой площадью

Еще одним показателем жилищных условий выступает площадь жилого помещения в расчете на одного члена семьи. Для определения депривации в жилой площади мы будем пользоваться стандартом — в соответствии со статьей 50 Жилищного кодекса РФ⁹, санитарная норма жилой площади равна 6 квадратным метрам в расчете на одного человека. Россиян, живущих в условиях ниже этой нормы, 10,4%.

Депривации в наличии собственного жилья

Отсутствие собственного жилья может накладывать дополнительные обязательства по неэластичным расходам на съем жилой площади. Кроме того, оно определяет общую неустойчивость положения индивида или домохозяйства. Доля людей, которые проживают в общежитии или съемном жилье, составляет 8%.

Депривации в наличии товаров длительного пользования

В данный показатель вошли три переменные, отражающие отсутствие следующих товаров длительного пользования:

- цветного телевизора;
- холодильника No Frost¹⁰;
- стиральной машины-автомата;

⁸ Мы осознаем ограничение использования данного признака: в случае проживания в загородных домах / коттеджах с автономными условиями он вряд ли говорит о жилищных трудностях, но может все же накладывать дополнительные траты на домохозяйство. Это ограничение несколько нивелируется необходимостью набрать как минимум два признака из четырех для попадания в группу депривированных в условиях жилья.

⁹ ЖК РФ Статья 50. Норма предоставления и учетная норма площади жилого помещения // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/8ee8fdbac7a0891b1da140bccadaf9da69aea369/ (дата обращения: 05.05.2019).

¹⁰ Использование признака отсутствия холодильника no-frost в качестве возможной депривации связано с ограниченными возможностями базы РМЭЗ НИУ ВШЭ (вопрос задается именно о таком типе холодильника). Однако только 27% россиян в 2019 г. не имели холодильника no-frost в своих д/х, что позволяет рассматривать его отсутствие как отклонение от социальной нормы. Кроме того, отсутствие в домохозяйстве только холодильника данного типа по нашей методике еще не является депривацией — для того, чтобы считаться депривированным, д/х нужно не иметь как минимум два ТДП из трех перечисленных.

Депривированными в наличии товаров длительного пользования мы признаем тех индивидов, которые не обладают как минимум двумя товарами из трех в своем домохозяйстве. Отсутствие только одного из них может быть личным выбором, предпочтением и не иметь заметного влияния на качество жизни. Дважды ТДП из трех не обладают 6,1 % опрошенных.

Депривации в медицине

В исследованиях прошлых лет присутствует несколько показателей, связанных с отсутствием доступа к медицине: отказ от похода к доктору из-за нехватки денег, отсутствие возможности посетить стоматолога и купить необходимые лекарства. Мы выделили три показателя деприваций, относящихся к медицине, каждый из которых мы рассматриваем отдельно. Депривированными, согласно нашему подходу, являются граждане, которые на момент опроса столкнулись со следующими ситуациями:

- отсутствие возможности получить амбулаторное, поликлиническое или стационарное лечение из-за нехватки денег — 3,4 % опрошенных;
- отсутствие возможности получить стоматологическую помощь из-за нехватки денег — 6,9 %;
- отсутствие возможности купить необходимые лекарства из-за нехватки денег — 4,9 % опрошенных.

Депривации в образовании для детей

Наличие ребенка подразумевает дополнительные траты, а невозможность обеспечения необходимых трат на детей может выступать лишением и отклонением от «социальной нормы» общества. Мы рассматриваем в качестве депривации отсутствие возможности при желании оплачивать дополнительные занятия для детей. В такой ситуации, по их самооценкам, находились 27,9 % россиян.

Депривации в доступе к информационно-компьютерным технологиям (ИКТ)

На сегодняшний день важность данного фактора в повседневности граждан осознается на государственном уровне. Свидетельством этому являются планы по подключению высокоскоростного интернета в школах, планы создания универсальной сети, покрывающей мелкие населенные пункты в рамках исполнения федерального закона «О связи», действующего в целях сокращения цифрового неравенства в стране¹¹. В российских стратификационных исследованиях отсутствие доступа к ИКТ уже рассматривается в качестве признака негативной привилегированности, и, так как список деприваций должен соответствовать современным общественным нормам, мы полагаем, что включение данного параметра в текущих условиях является обязательным. Необходимость стала особенно отчетливой в связи с распространением режима удаленной работы и учебы, предполагающих доступ к интернету, под влиянием пандемии.

В базе РМЭЗ НИУ ВШЭ доступ к ИКТ может быть замерен через наличие высокоскоростного или низкоскоростного интернета. Кроме этого, для пользования интернетом необходимо хотя бы одно устройство, способное его поддерживать — компьютер, ноутбук, смартфон, планшет. По состоянию на 2019 г. доля респондентов, не имеющих доступ к ИКТ, составляет 21,2 %.

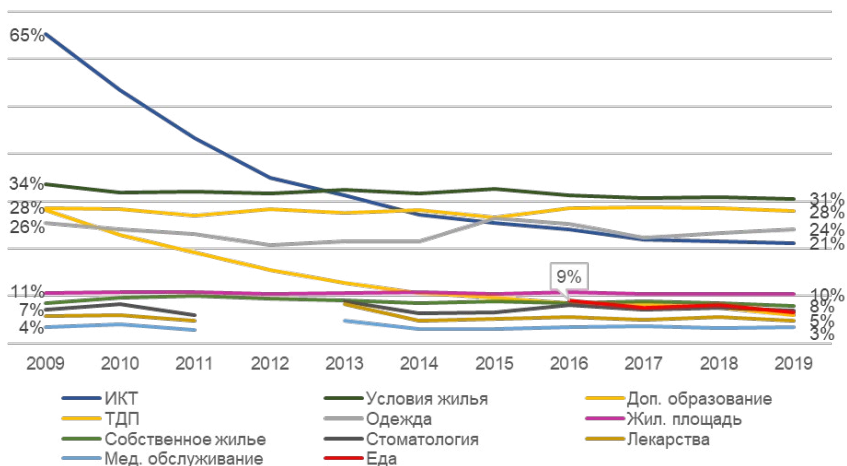
¹¹ Федеральный закон «О связи» от 07.07.2003 N126-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (дата обращения: 01.05.2020).

Кратко обратимся также к тем депривациям, которые не были включены нами в индекс:

- депривации в отдыхе — не были включены в силу широкой распространенности такой ситуации среди россиян. Отсутствие возможности отдохнуть на российском курорте / за границей характерно для более чем половины домохозяйств. Более того, новые ограничения, связанные с распространением коронавирусной инфекции, также вносят свои коррективы в образ жизни россиян, ограничивая их рекреационные возможности;
- наличие кредитных обязательств — редко рассматривается в российских исследованиях и далеко не всегда говорит о тяжелой жизненной ситуации — например, наличие ипотеки может быть рациональным выбором для улучшения жилищной ситуации;
- наличие задолженностей по оплате ЖКХ — эмпирическая проверка показала, что в этом отношении группы бедных и небедных по абсолютному и субъективному критерию не отличаются;
- отсутствие трат на предметы личной гигиены за последние 30 дней — показатель не включался в индексы исследований последних лет и также не продемонстрировал качественных отличий в распространенности среди бедных и небедных;
- депривации в ритуальных услугах — не используется в современных российских исследованиях;
- самоощущение себя бедным — рассматривается нами в качестве отдельного индикатора субъективной бедности.

Выше мы уже охарактеризовали степень распространенности тех или иных деприваций, включенных нами в индекс. Для оценки степени их устойчивости в современном российском обществе, мы оценили их динамику в последние 11 лет (см. рис. 1).

Рис. 1. Степень распространенности деприваций в 2009—2019 гг., % населения¹²

¹² В базе РМЭЗ отсутствуют данные для переменных наличия доступа к медицине, стоматологии и покупке необходимых лекарств за 2012 г. Переменная потребления белковой пищи появляется в базе РМЭЗ-ВШЭ с 2016 г.

Значительное снижение доли населения, испытывающего те или иные депривации, заметно только по двум показателям — депривациям в товарах длительного пользования и доступе к ИКТ. Относительно деприваций в товарах длительного пользования наблюдается продолжительная положительная динамика: население констатирует сокращение таких деприваций еще с начала 2000-х годов [Горшков, Тихонова, 2013]. Это является одной из характерных черт российского общества — по мере улучшения материального благосостояния, россияне отмечают изменения, касающиеся в первую очередь улучшения жилищных условий и крупных приобретений, а не, например, приращения человеческого капитала. Наличие базовых товаров длительного пользования и доступа к интернету с течением времени становятся нормой жизни, говоря о социально-экономическом и технологическом развитии общества. Наше предположение о необходимости включения доступа к ИКТ в индекс деприваций подтверждается: если в 2009 г. отсутствие интернета являлось нормой (так как более половины населения не имели доступа к нему), то к 2019 г. эта доля снизилась до 21 %, и ситуация изменилась — отсутствие доступа к интернету сегодня означает отклонение от социального стандарта, депривацию.

Остальные депривации не демонстрируют явного тренда к уменьшению или увеличению доли испытывающих их россиян, и это может означать, что в последние 10 лет типичное качество жизни населения не изменилось. Стабильные доли испытывающих те или иные депривации говорят об их устойчивом характере в российском обществе. На данный момент, самыми распространенными депривациями являются депривации в условиях жилья, сезонном обновлении одежды и обеспечении детей дополнительными образовательными курсами.

На основе составленного списка из 11 деприваций мы выделяем группу относительно бедных. Ни одной депривации не испытывает 21 % опрошенных, при этом максимальное число одновременно испытываемых деприваций оказывается равным 7. Для оценки доли бедных нами было установлено пороговое значение в три депривации, которое разграничивает пребывание в относительной бедности и относительное благополучие. При пороговом значении в четыре и более депривации в относительную бедность попадает 6 % населения, что, по нашим оценкам, является заниженным значением — ее доля традиционно выше доли абсолютной бедности. Две и более депривации испытывает 43 % опрошенных — данный показатель довольно близок к половине населения, то есть к социальной норме. При пороге в три депривации доля относительной бедности составляет 18 %.

Соотношение относительной, абсолютной и субъективной бедности

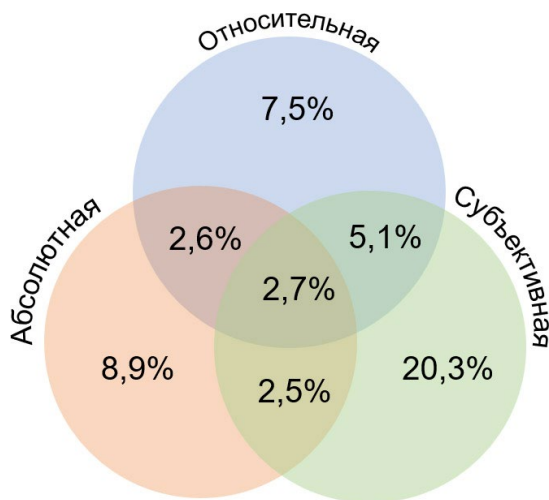
Оценка абсолютной бедности в данном исследовании была осуществлена при помощи сравнения располагаемого семейного дохода с прожиточными минимумом, релевантным для данного домохозяйства (учитывая регион проживания, демографический состав и количество проживающих в домохозяйстве). Наш расчет масштабов бедности по абсолютному подходу показал оценку в 16 % бедных «по доходам». Это выше официального уровня бедности (12 % в 2019 г.), однако ситуация «переоценки» абсолютного уровня бедности является нормой для выбо-

рочных социологических обследований в силу переоценки доходного распределения Росстатом¹³.

Группа субъективно бедных была определена нами при помощи вопроса-«лестницы»¹⁴, в котором респонденты должны определить свое положение в общественной иерархии от бедных до богатых, где на низшей ступени находятся самые бедные, а на высшей, девятой, — самые богатые. В качестве порогового значения субъективной бедности была выбрана третья ступень включительно (на четвертую ступень «помещают» себя большинство опрошенных, поэтому ее можно расценивать в качестве нормы самоопределения; вторая ступень, по нашим оценкам, дает заниженный показатель субъективной бедности). Согласно этому критерию, как бедных определяют себя 31 % опрошенных. Это неудивительно, поскольку субъективная бедность традиционно показывает более высокий процент бедных в сравнении с другими подходами [Овчарова, 2009].

При подсчете корреляций между тремя измерениями бедности было выявлено, что абсолютная бедность не имеет значимой связи с субъективной бедностью, при этом относительная бедность связана как с субъективной, так и с абсолютной. Это приводит к выводу, что при активной работе с абсолютной бедностью социальное самочувствие населения может не меняться — мера согласия нечувствительна к изменениям абсолютной бедности, и, если конечной целью является помощь нуждающимся в широком ее понимании и социальное благополучие в обществе в целом, то при работе с относительной бедностью добиться этих целей представляется более вероятным.

Рис. 2. Соотношение групп бедного населения, выделенных в соответствии с абсолютным, относительным и субъективным подходом

¹³ Методологические положения по расчету показателей денежных доходов и расходов населения / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 21.08.2022).

¹⁴ Анкетный вопрос: Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой, — богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?

Соотношение выделенных групп показывает, что наибольшая доля бедного населения приходится на субъективную бедность, не охваченную другими измерениями (см. рис. 2). Примечательно также, что вторая по численности группа — это группа абсолютно бедных, также не охваченная другими измерениями бедности. Предполагается, что данная группа может обладать официальным доходом ниже прожиточного минимума, но по факту иметь более высокий достаток (например, дополнительный или неофициальный доход, не учтенный в данных опроса), либо иметь достаточно накопленных благ или других ресурсов (например, социального капитала, который дает возможность неденежного решения ряда проблем) и поэтому ни входить в относительную бедность, ни причислять себя к группе бедных. Также представители данной группы могут характеризоваться временным попаданием в абсолютную бедность в связи с ситуационным снижением уровня доходов, но при этом не иметь множества деприваций и не чувствовать себя бедными.

В целом же наши результаты подтверждают выводы, полученные в более ранних исследованиях, о заметном расхождении зон абсолютной, относительной и субъективной бедности. Даже при различиях в используемых разными исследователями методологии, очевидно, что зона их расхождения остается шире, чем зона пересечения. Таким образом, эти измерения не просто показывают разные стороны единого феномена бедности, но позволяют увидеть группы, которые бедны «по-разному».

Поскольку фокус нашей статьи направлен на депривационный подход и специфику его проявления в российском обществе, далее мы обратимся к анализу распространенности тех или иных деприваций в разных группах бедных (см. табл. 2).

Таблица 2. Доля россиян, испытывающих лишения, в различных группах бедных, %

	Бедные по депривациям	Абсолютно бедные	Субъективно бедные	Население в целом
Депривации в еде — мясо и рыба через день	26,3	13,2	14,3	6,6
Не покупали одежду за 3 месяца	54,6	21,2	32,9	24,1
Депривации в условиях жилья	55,0	49,3	25,2	31,1
Жилая площадь менее 6 м ² на человека	18,7	22,4	8,9	10,4
Нет собственного жилья	16,8	11,6	8,3	8,0
Депривации в товарах длительного пользования	26,8	12,1	9,5	6,1
Не хватает на медицинское обслуживание	14,4	3,9	6,0	3,4
Не хватает на необходимые лекарства	20,0	6,7	8,7	4,9
Не хватает на стоматологию	22,4	8,1	10,7	6,9
Депривации в образовании для детей	27,9	24,8	24,5	27,9
Нет доступа к ИКТ	61,7	27,0	29,5	21,2

Наибольшая доля людей, испытывающая то или иное лишение, приходится на группу бедных по депривациям. Относительно бедные чаще испытывают депривации как в сравнении с населением в целом, так и в сравнении с другими группами бедных. Это является следствием используемой методики для выделения этой группы. Однако проявления тех или иных деприваций в группах бедных, выделенных по другим критериям, также позволяют сделать важные выводы.

Так, для абсолютной бедности характерен наиболее высокий показатель представителей, депривированных по обеспеченности жилой площади, а половина испытывает депривации в условиях жилища. Это означает, что низкие доходы не позволяют решать проблемы, требующие заметных и долгосрочных вложений (например, расширение жилой площади или ремонт), и дальнейшее их положение в этом отношении может только усугубляться. В остальном же данная группа выглядит достаточно благополучной относительно как депривационной, так и субъективной бедности: показатели испытывающих лишения в сферах медицины, потребления, доступа к ИКТ и образованию для детей среди абсолютно бедных ниже, чем среди представителей двух других групп бедных, а иногда оказывается на уровне средних показателей для населения России в целом. Такая специфика испытываемых деприваций представителями абсолютной бедности соотносится и с особенностями ее портрета, хорошо задокументированного в российских исследованиях [Тихонова, 2014; Слободенюк, 2014] и отличающемся, в том числе, количеством детей в домохозяйстве. При рождении каждого последующего ребенка жилая площадь на члена семьи сокращается, молодые семьи с детьми при текущих низких доходах не могут решить жилищный вопрос, требующий заметных вложений, однако при этом способны поддерживать приемлемый уровень потребления, на что, однако, может уходить практически весь доход.

Анализ корреляций различных деприваций с абсолютной бедностью подтверждает, что наиболее значимыми депривациями в этой группе являются условия жилья и метраж жилого помещения¹⁵, в то время как собственность жилья не является ключевым фактором. Видимо, в силу специфики процессов приватизации в стране бедные семьи чаще имеют возможность проживать в собственном жилье, и бедность характеризуется не фактом его наличия, а его качеством. Корреляции остальных деприваций с абсолютной бедностью оказываются низкими или отсутствуют вовсе — это относится как к депривациям в потреблении, так и связанным с накоплением человеческого капитала (доступ к образованию для детей, ИКТ, медицине).

Для субъективной бедности проблема обеспеченности жилой площадью или плохих жилищных условий скорее не характерна — эти показатели находятся на уровне средних по стране. Согласно проведенному анализу, с ней в наибольшей степени коррелируют депривации, связанные с возможностями текущего потребления (еда и одежда)¹⁶. По всей видимости, именно ограничения в таких базовых потребностях в первую очередь заставляют россиян относить себя к бедным. Это согласуется с уже известными представлениями россиян о признаках

¹⁵ Коэффициент корреляции ~0,3. Корреляция значима на уровне доверительной вероятности 95%.

¹⁶ Коэффициент корреляции ~0,3. Корреляция значима на уровне доверительной вероятности 95%.

бедности: наиболее явными из них считаются характер питания и качество (возможность приобретения) одежды и обуви, причем данные выводы релевантны как для начала 2000-х, так и для периода 2010-х годов [Тихонова, 2014].

Если сравнивать распространенность деприваций в группах бедных, выделенных по различным критериям, с общероссийскими показателями, то для всех трех зон российской бедности более характерны экономия на товарах длительного пользования (от 27 % до 10 % в группах бедных против 6 % во всей совокупности), а также белковых продуктах питания, доступе к ИКТ, необходимых лекарствах, стоматологии. Эти депривации могут считаться универсальными для бедности во всех ее проявлениях и должны выступать объектом первоочередного внимания при разработке мер по ее снижению. Депривации в обновлении одежды, дополнительном образовании для детей, жилой площади на человека являются более «точечными» и оказываются более свойственны той или иной подгруппе бедных.

Основные выводы

Подведем итоги. В рамках индекса лишений нами были рассмотрены депривации, влияющие на качество жизни населения в условиях современного российского общества. Некоторые из них (например, депривации в потреблении пищи, обновлении одежды, доступе к необходимым медицинским услугам) можно назвать классическими для российского общества. Другие депривации (например, товары длительного пользования) могут оставаться релевантными, но менять свое конкретное наполнение в разные моменты времени, в то время как иные (например, отдых за границей / на курорте или доступ к ИКТ) можно расценивать как новые элементы в рамках индекса депривации. Существуют и депривации, которые со временем утрачивают свою актуальность (примером этого для современного российского общества может служить депривация в возможности обеспечения ритуальных услуг).

В работе был предложен авторский индекс деприваций, включающий как традиционные для подобных исследований пункты, так и относительно новую депривацию — доступ к ИКТ. Как показал анализ, практически все депривации достаточно устойчивы во времени — за последние 11 лет заметно снизился только масштаб депривации в наличии базовых товаров длительного пользования, а отсутствие доступа к ИКТ стало выступать отклонением от «социальной нормы». Наиболее распространенными в российском обществе, согласно эмпирическим данным, являются депривации в обеспечении детей дополнительным образованием, депривации в условиях жилья (такие как отсутствие газа/электроплиты, канализации, водопровода и центрального отопления), депривации в сезонном обновлении одежды. Последняя депривация, однако, нуждается в более эффективной операционализации — требуется оценка не только наличия или отсутствия такой возможности, но и ее необходимости.

Сравнительные масштабы трех видов бедности в данном исследовании соответствуют результатам предыдущих исследований: наибольшей численностью характеризуется субъективная бедность (31 %), а наименьшей — абсолютная бедность (16 %). В относительной бедности, согласно предложенной в статье авторской методологии ее расчета, находятся 18 % опрошенных. Относительная

бедность показывает корреляцию с абсолютной и субъективной бедностью, тогда как абсолютная и субъективная бедность не коррелируют между собой, что еще раз подчеркивает важность рассмотрения не только формальных уровней дохода, но и реальных условий жизни населения. Пересечения данных групп невелики, что говорит о сохраняющейся несогласованности и многообразии ликов бедности в современном российском обществе даже в условиях наблюдавшегося в последние годы снижения ее официального показателя.

Анализ деприваций в группах абсолютно и субъективно бедных показал разные ограничения в качестве жизни, с которыми сталкиваются представители этих групп. Для абсолютно бедных характерно испытывать депривации в площади и условиях жилья (при этом в других сферах жизни их положение далеко не так критично), в то время как группе субъективно бедных присущи ограничения в базовых аспектах потребления.

Полученные результаты относительно расхождения зон бедности, выделенных по различным основаниям, и о специфичных проявлениях деприваций в них, еще раз подчеркивают необходимость анализа бедности как комплексного феномена, не ограничивающегося нехваткой текущих доходов. Более того — низкий уровень текущих доходов не всегда означает значительные ограничения в качестве жизни. И наоборот, доходы, формально превышающие прожиточный минимум, могут сопровождаться заметными депривациями в разных сферах и приводить к субъективному ощущению бедности. В этом отношении депривационный подход к выделению бедности и анализу ее разных подгрупп дает возможность увидеть важные аспекты бедности как многомерного социального явления, а также предположить ограниченную эффективность мер по борьбе с ней только лишь монетарными методами.

Список литературы

Аникин В. А. Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 39—67. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.03>.

Anikin V. A. (2018) Social Stratification Based on Life Chances: Operationalization for Mass Surveys. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 39—67. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.03>. (In Russ.)

Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Социокультурные факторы консолидации российского общества // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии Российской академии наук. 2013. № 1. URL: https://www.isras.ru/files/File/INAB/inab_2013_01.pdf (дата обращения: 18.08.2022).

Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. (2013) Sociocultural Factors of the Consolidation of Russian Society // *Newsletter of the Russian Academy of Sciences*. No. 1. URL: https://www.isras.ru/files/File/INAB/inab_2013_01.pdf (accessed: 18.08.2022). (In Russ.)

Давыдова Н. М. Депривационный подход в оценках бедности // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 88—96. URL: [https://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-06/012-Davydova_N.M\[1\].pdf](https://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-06/012-Davydova_N.M[1].pdf) (дата обращения: 18.08.2022).

Davydova N. M. (2003) Deprivation Approach to Poverty Assessment. *Sociological Studies*. No. 6. P. 88—96. URL: [https://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-06/012-Davydova_N.M\[1\].pdf](https://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-06/012-Davydova_N.M[1].pdf) (accessed: 18.08.2022). (In Russ.)

Корчагина И. И., Прокофьева Л. М., Попова П. И., Филоненко Ю. В., Фурса Е. В. Немонетарное измерение бедности и социальной уязвимости населения России // *Народонаселение*. 2015. № 1. С. 82—94. URL: http://www.isesp-ras.ru/images/narodonaselenie/2015_1.pdf (дата обращения: 18.08.2022).

Korchagina I. I., Prokofieva L. M., Popova P. I., Filonenko Yu. V., Fursa E. V. (2015) Non-Monetary Measure of Poverty and Social Vulnerability of the Russian Population. *Population*. No. 1. P. 82—94. URL: http://www.isesp-ras.ru/images/narodonaselenie/2015_1.pdf (accessed: 18.08.2022). (In Russ.)

Корчагина И. И., Прокофьева Л. М., Тер-Акопов С. А. Материальные депривации в оценках бедности // *Народонаселение*. 2019. Т. 22. № 2. С. 51—63. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00015>.

Korchagina I. I., Prokofieva L. M., Ter-Akopov S. A. (2019) Material Deprivations in Poverty Estimations. *Population*. Vol. 22. No. 2. P. 51—63. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00015>. (In Russ.)

Овчарова Л. Н., Прокофьева Л. М. Альтернативные подходы к определению бедности // *Куда идет Россия: трансформация социальной сферы и социальная политика*. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 209—218.

Ovcharova L. N., Prokofieva L. M. (1998) Alternative Approaches to the Definition of Poverty. *Where Russia is Going: Transformation of the Social Sphere and Social Policy*. Moscow: Aspect Press. P. 209—218.

Овчарова Л. Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: М-Студио, 2009. С. 227—251. URL: http://www.isesp-ras.ru/images/monograph/2009_teor_i_pract_podhodi_k_ocenke_urovnya_bednosti.pdf (дата обращения: 18.08.2022).

Ovcharova L. N. (2009) Theoretical and Practical Approaches to Assessing the Level, Profile and Factors of Poverty: Russian and International Experience. Moscow: M-Studio. P. 227—251. URL: http://www.isesp-ras.ru/images/monograph/2009_teor_i_pract_podhodi_k_ocenke_urovnya_bednosti.pdf (accessed: 18.08.2022). (In Russ.)

Слободенюк Е. Д. Особенности и структура социальной группы бедных в современной России // *Terra Economicus*. 2014. Т. 12. № 4. С. 114—129. URL: <https://te.sfedu.ru/arkhiv-nomerov/2014/59-nomer-4/508-osobennosti-i-struktura-sotsialnoj-gruppy-bednykh-v-sovremennoj-rossii.html#> (дата обращения: 18.08.2022).

Slobodenyuk E. D. (2014) The Structure of Social Group of the Poor in Modern Russia. *Terra Economicus*. Vol. 12. No. 4. P. 114—129. URL: <https://te.sfedu.ru/arkhiv-nomerov/2014/59-nomer-4/508-osobennosti-i-struktura-sotsialnoj-gruppy-bednykh-v-sovremennoj-rossii.html#> (accessed: 18.08.2022). (In Russ.)

Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж. П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла. Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / пер. с англ. И. Кушнаревой; науч. ред. перевода Т. Дробышевская. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.

Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J. P. (2015) *Mismeasuring Our Lives. Why GDP Doesn't Add Up. The Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress*. Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy.

Тихонова Н. Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. Социология. Этнология. 2003. Т. 12. № 1. С. 36—84. URL: https://www.isras.ru/files/File/Publication/Magazines/Tihonova_2003_n1_p36-84.pdf (дата обращения: 18.08.2022).

Tikhonova N. (2003) The Phenomenon of Social Exclusion in Russia. *Mir Rossii*. Vol. 12. No. 1. P. 36—84. URL: https://www.isras.ru/files/File/Publication/Magazines/Tihonova_2003_n1_p36-84.pdf (accessed: 18.08.2022). (In Russ.)

Тихонова Н. Е. Гетерогенность бедности в современной России // Бедность и бедные в современной России / под ред. Горшкова М. К., Тихоновой Н. Е. М.: Весь Мир, 2014. С. 13—36.

Tikhonova N. (2014) Heterogeneity of Poverty in Modern Russia. In: Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. (eds.) *Poverty and Poor in Contemporary Russia*. Moscow: Ves' Mir. P. 13—36. (In Russ.)

Тихонова Н. Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 53—65. <https://doi.org/10.7868/S0132162518060053>.

Tikhonova N. E. (2018) Stratification by Life Chances in Modern Russian Society. *Sociological Studies*. No. 6. P. 53—65. <https://doi.org/10.7868/S0132162518060053>. (In Russ.)

Тихонова Н. Е., Мареева С. В., Аникин В. А., Лежнина Ю. П., Каравай А. В., Слободенюк Е. Д. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / под ред. Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2022. <https://doi.org/10.55604/9785777708731>.

Tikhonova N., Mareeva S., Anikin V., Lezhnina U., Karavai A., Slobodenyuk E. (2022) *Society of Unequal Opportunities: The Social Structure of Modern Russia*. Moscow: Ves' Mir. <https://doi.org/10.55604/9785777708731>. (In Russ)

Townsend P. (1979) *Poverty in the United Kingdom: A Survey of Household Resources and Standards of Living*. Los Angeles, CA: University of California Press. URL: <https://www.poverty.ac.uk/system/files/townsend-book-pdfs/PIUK/piuk-whole.pdf> (accessed: 18.08.2022).

Severely Materially Deprived People: Eurostat, the Statistical Office of the European Union. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/cache/metadata/en/sdg_01_30_esmsjp2.htm (accessed: 17.08.2022).

Приложение 1

Формулировки анкетных вопросов в массиве РМЭЗ НИУ ВШЭ
для показателей деприваций и их распространенность в российском обществе, 2019 г., %

Депривации	Показатель РМЭЗ НИУ ВШЭ (анкетный вопрос)	Доля
Депривации в еде	Имеете ли Вы или Ваша семья возможность при желании через день употреблять в пищу мясо, курицу или рыбу?	6,6 %
Депривации в одежде	Покупали Вы или другие члены Вашей семьи в течение последних 3-х месяцев что-либо из одежды или обуви для членов домохозяйства?	24,1 %
Депривации в условиях жилья	У Вас в доме есть центральное отопление от ТЭЦ, котельной?; У Вас в доме есть централизованное водоснабжение?; У Вас в доме есть магистральный, не баллонный газ, или напольная электроплита?; У Вас в доме есть централизованная канализация?	30,5 %
Депривации в обеспеченности жилой площадью	Какую жилую площадь занимает Ваша семья? Сколько квадратных метров составляет площадь только жилых комнат?	10,4 %.
Депривации в наличии собственного жилья	Жилье, в котором Ваша семья живет в настоящее время, это общежитие, Вы его снимаете или это Ваше жилье?	8 %
Депривации в наличии товаров длительного пользования	У Вас есть холодильник, не требующий разморозки (No Frost)? У Вас есть стиральная машина-автомат? У Вас есть цветной телевизор?	6,1 %
Депривации в медицине	В течение последних 12 месяцев случалось ли так, что кто-то из членов Вашей семьи не смог получить амбулаторное, поликлиническое лечение только из-за нехватки денег? В течение последних 12 месяцев случалось ли так, что кто-то из членов Вашей семьи не смог получить стационарного лечения: в больнице, госпитале, клинике только из-за нехватки денег?	3,4 %
	В течение последних 12 месяцев случалось ли так, что кто-то из членов Вашей семьи не смог получить стоматологическую помощь только из-за нехватки денег?	6,9 %
	В течение последних 12 месяцев случалось ли так, что кто-то из членов Вашей семьи не смог купить необходимые лекарства только из-за нехватки денег?	4,9 %
Депривации в образовании для детей	Имеете ли Вы или Ваша семья возможность при желании оплачивать дополнительные занятия детей: музыкальную школу, иностранные языки, спортивные секции, кружки и т.п.?	27,9 %
Депривации в доступе к информационно-компьютерным технологиям (ИКТ)	У Вас есть низкоскоростной выход в Интернет через обычную телефонную линию, через мобильный телефон, модем по технологии GPRS? У Вас есть высокоскоростной выход в Интернет: через кабель, телефонную линию по технологии DSL, например, <Стрим>, через спутник, через мобильный телефон по технологии 3G, UMTS, через Wi-Fi, WiMax?	21,2 %

DOI: [10.14515/monitoring.2022.4.2172](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2172)

К. В. Харченко, Л. А. Щукин

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ НАУКОГРАДОВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА)

Правильная ссылка на статью:

Харченко К. В., Щукин Л. А. Социально-экономическое положение, территориальная идентичность и социальная активность жителей наукоградов (по результатам экспертного опроса) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 130—149. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2172>.

For citation:

Kharchenko K. V., Shchukin L. A. (2022) Science Cities as Small Towns in Russia: Does the Status of a City Affect Public Engagement? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 130–149. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2172>. (In Russ.)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ НАУКОГРАДОВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА)

ХАРЧЕНКО Константин Владимирович — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление», Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия
E-MAIL: geszak@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3329-7755>

ЩУКИН Лев Анатольевич — соискатель, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия
E-MAIL: 271176@list.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5518-8715>

Аннотация. В статье представлен социологический подход к изучению наукоградов, который позволяет обозначить место и роль индивидов и социальных групп в городском пространстве в широком его понимании, включающем пространство социальных отношений и субъективных смыслов. Цель исследования — социологическое осмысление феномена наукограда посредством раскрытия закономерностей между восприятием социально-экономического положения города, уровнем гражданской активности населения и территориальной идентичностью. Анализируется дуальная природа наукограда, включающая концепты «город» и «наука». Концепт «город» позволяет рассматривать наукоград как малый город, моногород, сравнивать его статус со статусом закрытого административно-территориального образования, а также утопическими моделями

SCIENCE CITIES AS SMALL TOWNS IN RUSSIA: DOES THE STATUS OF A CITY AFFECT PUBLIC ENGAGEMENT?

*Konstantin V. KHARCHENKO*¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Associated Professor at the Department of State and Municipal Management*
E-MAIL: geszak@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3329-7755>

*Lev A. SHCHUKIN*² — *Fellow Applicant*
E-MAIL: 271176@list.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5518-8715>

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

² Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article presents a sociological approach to the study of science cities, which allows defining the place and role of individuals and social groups in the urban space in its broadest sense, including the space of social relations and subjective meanings. The purpose of the study is a sociological understanding of the science city phenomenon by revealing patterns between the perception of the socio-economic situation of the city, the level of civic engagement of the population, and territorial identity. The author analyses the dual nature of the science city, which embraces the concepts of “city” and “science”. The concept of “city” allows attributing science cities to small cities or a single-industry cities and comparing its status with the status of a closed administrative-territorial entities, as well as utopian models of a social city and a garden city. As science

соцгорода и города-сада. Поскольку наука становится основой экономики наукограда, этот тип города сопоставим с так называемыми территориями развития. При этом показано, что внимание государства сосредоточено на развитии иннополисов, а наукограды воспринимаются как наследие прошлой эпохи.

В целях анализа восприятия статуса наукоградов с позиции представителей власти, бизнеса и общественности в мае-июне 2021 г. в городах Протвино и Пушкино Московской области был проведен экспертный опрос. Результаты исследования позволили выявить низкую экспертную оценку социально-экономического положения городов и его динамики. Несмотря на констатацию развитости социальной инфраструктуры, отрицательно оцениваются перспективы трудоустройства молодежи, что ведет к разрыву научных династий и поиску работы в более крупных городах. В результате наукоград превращается в спальный район без характерной «научной» идентичности, развивать которую не стремятся ни власть, ни бизнес. По данным исследования, уровень социальной активности жителей наукоградов остается низким, при этом ученые, по мнению представителей других целевых групп, не играют особой роли в поддержании специфики социокультурного пространства города и не влияют на общественное мнение. На основании проведенного анализа представлены три сценария развития наукоградов с учетом их внутренних ресурсов и потенциала конкурентоспособности.

Ключевые слова: наукограды, целевые группы, территории развития, пространственная идентичность, социальная активность

becomes the backbone of the science city economy, this type of city is comparable to the so-called development areas. At the same time, the study shows that the attention of the state is focused on the development of innopolises, and science cities are perceived as a legacy of a past era.

To analyze the perception of the status of science cities from the perspective of representatives of government, business, and the public, the author conducted an expert survey in the cities of Protvino and Pushchino, Moscow Region (May—June 2021). The study revealed a low expert assessment of the socio-economic situation of their cities and its dynamics. Despite they recognize the relatively high level of the development of social infrastructure, the prospects for employment of young people are assessed negatively, which leads to the break of scientific dynasties and the search for work in larger cities. As a result, the science city is turning into a sleeping quarter without a characteristic “scientific” identity, which neither the authorities nor business seek to develop. According to the study, the level of social activity among the science cities residents remains low, while scientists, according to representatives of other target groups, do not play a special role in maintaining the specifics of the socio-cultural space of the city and do not influence public opinion. In conclusion, the author proposes three scenarios for the development of science cities, considering their internal resources and competitiveness potential.

Keywords: science cities, target groups, development areas, spatial identity, public engagement

Введение

Среди множества городов России наукограды выделяются как населенные пункты с градообразующим научно-производственным комплексом особой специализации. Важно, что научная специализация была задана изначально при строительстве этих городов (либо при преобразовании из поселков) и определяла характер их планировки и заселения.

Изучая наукограды, исследователи чаще всего сосредотачиваются на их социально-экономическом положении [Котихина, 2015; Кутепова, 2015; Емелин, Володина, Рябов, 2019]. Социологический подход предполагает акцентирование взаимосвязи объективных социальных процессов и явлений с результатами «социального конструирования реальности» [Бергер, Лукман, 1995], в связи с чем в фокус внимания исследователей попадают: осознаваемая роль человека (социальных групп) в территориально-производственной системе наукограда, связь жизненных стратегий людей с заданной научной специализацией города, влияние факта проживания в наукограде на социальную идентичность и социальную активность населения.

Цель исследования — социологически осмыслить феномен наукограда посредством раскрытия закономерностей между восприятием социально-экономического положения города и оценками состояния городской среды, территориальной идентичностью и уровнем гражданской активности населения.

Гипотезы исследования:

1) оценки социально-экономического положения наукограда как неблагоприятного предопределяют снижение его значимости как комфортного места проживания населения в целом и ученых в частности;

2) реализация мероприятий по благоустройству наукоградов не сопровождается форсированной цифровизацией, что препятствует формированию территориальной идентичности наукограда как «умного города»;

3) во внешней атрибутике наукоградов недостаточно выражена репрезентация науки, которая изначально была основой территориальной идентичности;

4) в наукоградах, характеризующихся нестабильным социально-экономическим положением, наблюдается достаточно низкий уровень социальной активности населения. Ученые, как правило, замкнуты в рамках своих организаций и не играют важной роли в поддержании особого социокультурного пространства наукоградов.

В исследовании реализован алгоритм социологической оценки социально-экономического положения города, имеющего статус наукограда, в увязке с факторами восприятия цифровизации городской среды, территориальной идентичности и социальной активности ключевых целевых групп. В плане подхода к оценке социологических параметров авторским вкладом заключается в разработке и использовании метода индексов в отношении вопросов анкеты с четырехэлементной шкалой, который позволяет сравнивать между собой ответы на различные вопросы и ответы на один и тот же вопрос определенных подгрупп респондентов.

Концептуальные и правовые основы феномена наукоградов

Понятие наукограда можно рассматривать в более узком (правовом) и более широком (социально-территориальном) смыслах. Согласно Федеральному закону «О статусе наукограда Российской Федерации» от 07.04.1999 № 70-ФЗ, официаль-

ный статус наукограда присваивается муниципальному образованию на 15-летний срок (либо продлевается) при его соответствии ряду критериев, среди которых не менее чем 20-процентная численность научных работников, а также не менее чем 50-процентное производство наукоемкой продукции. К тому же формальный подход предполагает, что наукоград представляет собой самостоятельное муниципальное образование — городской округ. Исходя из этого, по состоянию на 1 января 2022 г. наукоградом в строгом смысле являются 12 городских округов и одна внутригородская территория города федерального значения (Троицк в составе Москвы). В их число включен Петергоф, статус которого, однако, по истечении установленного в 2005 г. пятилетнего срока не продлевался.

В более широком ключе к наукоградом можно отнести также иные населенные пункты и части более крупных административно-территориальных образований, характеризующиеся доминирующей ролью научного сектора. Это, например, Зеленоград в составе Москвы, Оболенск в составе городского округа Серпухов, новосибирский Академгородок, целый ряд ЗАТО (закрытых административно-территориальных образований).

Термин «наукоград» состоит из двух концептуальных сегментов «наука» и «город», чем во многом определяется «дуальный» феномен данного территориального образования. Сегмент «наука» означает наличие научно-исследовательского либо научно-производственного комплекса как ведущего сектора локальной экономики, сегмент «город» отсылает к градостроительному контексту. Научная специализация призвана давать городу дополнительные преимущества (за счет ее значимости для страны, особой социальной структуры и «духа города»), но в то же время она ограничивает возможности развития города в иных направлениях.

Второй сегмент понятия наукограда — город — предполагает осмысление феномена наукограда через понятия-аналоги административно-управленческого и градостроительного плана.

Наукограды — это прежде всего малые города со всеми вытекающими из этого факта особенностями их положения. В современной России большинство малых городов сталкиваются с острыми социально-экономическими проблемами [Маркин, Воронов, 2019; Маркин, Воронов, Пешкова, 2019; Маркин, Малышев, Землянский, 2019]. Трансформация общественно-политического строя показала, что малые города менее приспособлены к условиям рыночной экономики, чем мегаполисы: закрытие промышленных предприятий в условиях ограниченности рынка труда привело к снижению уровня доходов населения, ухудшению криминогенной обстановки и сокращению численности работающих в экономике за счет смены места жительства и маятниковой миграции (при условии близости крупного города). По сравнению с иными малыми городами положение наукоградов оказалось не лучше вследствие резкого сокращения финансирования научных исследований.

Наукограды не только малые города, но и, за небольшим исключением, моногорода. В условиях рыночной экономики монопрофильность обостряет социально-экономические проблемы, не позволяя быстро адаптироваться к изменяющейся конъюнктуре рынка.

К понятию наукограда как города близок по смыслу феномен закрытого административно-территориального образования (ЗАТО), статус которого регулируется

особым Законом РФ «О закрытом административно-территориальном образовании» от 14.07.1992 № 3297—1 [Зверев, Карачков, 2021; Евграфова, 2019]. По состоянию на 1 января 2022 г. в Российской Федерации насчитывается 39 ЗАТО¹. Ни одно ЗАТО не имеет статуса наукограда и наоборот, соответственно, законодательное регулирование данных населенных пунктов не пересекается. Доминирующим разделяющим признаком выступает открытость либо закрытость научно-исследовательской работы, а не наличие либо отсутствие градообразующей научной организации. Отсюда по факту многие ЗАТО можно отнести к наукоградом, тем более что в современных условиях производственная деятельность в сфере обороны страны является наукоёмкой.

Практически полный аналог наукограда — иннополис. Данным термином можно обозначить города либо территории, не имеющие статуса наукограда, но регулируемые специальным законодательством для каждого конкретного случая отдельно: инновационный центр «Сколково»², федеральная территория «Сириус»³, город Иннополис в Республике Татарстан. Иннополисы от наукоградов отличает период их возникновения — последние 10—15 лет. Иннополисы создавались с чистого листа под потребности нынешней власти, тогда как наукограды остаются наследием советской эпохи. Поэтому социально-экономическое положение иннополисов намного стабильнее, чем наукоградов.

В градостроительном ключе наукограда — продукт практического воплощения градостроительных теорий, а не естественно сложившееся городское пространство. В этом плане концепт наукограда близок к феноменам города-сада и соцгорода. Идея города-сада возникла на рубеже XIX—XX веков, а в СССР стала популярной в 1920-х годах как архитектурно-планировочное выражение нового социалистического уклада [Котова, 2014]. Классический город-сад должен был представлять собой круговую застройку, которую пересекают бульвары. Предполагалось, что в таком городе будет исключена плотная застройка, много места должно отводиться паркам, а производства рекомендуется вынести за городскую черту. При этом город должен быть окружен сельскохозяйственным поясом, ограничивающим разрастание урбанизированной территории. Вместе с тем полноценный город-сад, в полной мере удовлетворяющий потребностям государства и общества, ни в одной стране построить не удалось, а сама идея была признана утопичной. Бум строительства так называемых соцгородов, большей частью ставших отдельными микрорайонами больших городов, пришелся на 1930-е годы и был связан с необходимостью расселять рабочих — вчерашних сельских жителей — вблизи промышленных предприятий. Соцгород представлял собой концептуально целостное пространство с жилыми домами и необходимой социальной инфраструктурой, доминантой в которой выступал производственный объект [Меерович, 2014]. Соцгорода были вполне удобными территориальными сегментами для решения задач социалистического расселения, актуальных на тот момент, однако при проектировании не учитывалось возможное изменение их специализации.

¹ Перечень закрытых административно-территориальных образований и расположенных на их территориях населенных пунктов: Утв. постановлением Правительства РФ от 05.07.2001 № 508.

² Об инновационном центре «Сколково»: Федеральный закон от 28.09.2010 № 244-ФЗ.

³ О федеральной территории «Сириус»: Федеральный закон от 22.12.2020 № 437-ФЗ.

При осмыслении феномена наукограда аналогии моногорода и соцгорода приводятся неслучайно. Для оптимального функционирования такого искусственно созданного городского пространства, по аналогии с искусственными водоемами, требуется постоянное активное вмешательство со стороны заинтересованного субъекта управления, при этом не создаются условия для самоорганизации населения.

В рамках советской модели экономики, предусматривавшей гарантированную занятость, распределительную систему, приоритетность и элитарность науки, наукоград как малый город, моногород и особый тип социалистического пространства был достаточно удобным местом для работы и проживания. Ослабление же государственного регулирования в современный период активизировало негативные социально-экономические процессы, результатом которых стала утрата ценности науки и депопуляция населения.

Сегодня государство декларирует меры федеральной поддержки наукоградов. Бюджетам субъектов Российской Федерации, на территориях которых располагаются наукограды, предоставляются межбюджетные трансферты из федерального бюджета для предоставления их соответствующим местным бюджетам. Законодательно определены три направления финансирования наукоградов из федеральных источников:

- 1) развитие научно-производственного комплекса, в том числе малых и средних предприятий;
- 2) реализация инновационных проектов;
- 3) сохранение и развитие инфраструктуры наукограда.

Также в Законе о наукоградах особое внимание уделено наличию стратегии социально-экономического развития муниципального образования и плана мероприятий по ее реализации, которые согласовываются в Минобрнауки России. Содержательный анализ стратегий наукоградов Дубна и Черноголовка представлен в работе [Лукьянова, Милькина, 2018].

Итак, наукограды в России обладают особым статусом, пользуются вниманием федеральных органов власти и государственной финансовой поддержкой, но при этом продолжают сталкиваться с социально-экономическими проблемами.

Объект и методы исследования

Объект нашего исследования — социально-экономические условия жизнедеятельности населения в российских наукоградах в восприятии представителей ключевых целевых групп, репрезентирующих власть, науку и бизнес.

Для решения поставленных задач были использованы принципы многомерности, системный, структурно-функциональный и личностно-ориентированный подходы, методы сравнительного и математико-статистического анализа. Сбор первичной социологической информации о состоянии и перспективах развития наукоградов осуществлялся путем экспертного опроса, проведенного на основе стратифицированной выборки (доверительный интервал — 95% с погрешностью в 5%).

В качестве экспертов выступили отдельные категории жителей наукоградов Протвино и Пущино: депутаты законодательных собраний и муниципальные служащие местных администраций (17,0%); работники научных, образовательных и иных бюджетных организаций (44,9%); работники коммерческих организаций

(17,0 %); местные предприниматели (19,0 %); иные категории (2,1 %) ($N = 147$). Опрос проводился в мае-июне 2021 г. путем заполнения электронной анкеты, включающей 35 вопросов.

Города Протвино (34,3 тыс. жителей) и Пущино (20,4 тыс. жителей) были выбраны для исследования как локации со сходными социально-экономическими характеристиками, репрезентирующими ситуацию в целом ряде наукоградов с советским наследием, до конца не адаптированных к новым социально-экономическим условиям. В таких населенных пунктах практически отсутствуют позитивные внешние влияния (такие как значимые инвестиции в науку или в высокотехнологичное опытное производство), они существуют преимущественно за счет внутренних резервов, которых явно недостаточно для стабильного развития.

Большинство тематических параметров предполагало четырехчастную порядковую шкалу вариантов ответа по существу (например: *да; скорее, да; скорее, нет; нет*), а также позицию *затрудняюсь ответить*. Такой подход обеспечивает сопоставимость данных при проведении корреляционного анализа, а также большую определенность высказываемых респондентами позиций.

Использование единой шкалы позволило на основе простого распределения ответов по выборке в целом и по подвыборкам рассчитывать обобщенные индексы. Для этого была использована следующая формула, обоснованная нами ранее [Харченко, 2011]:

$$\frac{A + 0,75 \times B - 0,75 \times C - D}{100},$$

где А, В, С и D — варианты ответа: первые два положительные (например, «однозначно да» и «скорее, да»; «очень часто» и «чаще обычного»), вторые два отрицательные. Диапазон данного индекса составляет $\{-1; 1\}$, соответственно, его положительные и отрицательные значения свидетельствуют о доминировании тех или иных жизненных позиций, а близкие к нулю — о наличии примерно равных групп субъектов с противоположными мнениями. Значение индекса состоит в том, чтобы сравнивать значения искомой переменной с факторными переменными, учитывая весь расклад позиций.

Количественные данные проанализированы при помощи пакета прикладных программ SPSS, что позволило реализовать процедуры частного анализа, анализа таблиц сопряженности и корреляционного анализа. Анализ ответов на открытые и полуоткрытые вопросы позволил уточнить и дополнить выводы, сделанные на основе количественных данных.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Оценка социально-экономического положения наукоградов

Респондентам было предложено оценить социально-экономическое положение своего города. Простое распределение ответов показывает, что благоприятной ситуацию в городе считают 2,7 % участников опроса, недостаточно благоприятной с отдельными признаками улучшения — 21,1 %, неблагоприятной, но с определенным потенциалом развития — 40,8 % и депрессивной без явных перспектив — 29 % при 6,1 % затруднившихся с ответом. Значение индекса оценки социально-

экономической ситуации составило $-0,41$, что достаточно низкий показатель. Оценка социально-экономической ситуации жителями города Протвино оказалась заметно менее негативной (индекс равен $-0,37$), чем Пущино ($-0,55$). Среди профессиональных групп наименее негативную оценку ситуации дают депутаты ($-0,24$), наиболее негативную — предприниматели ($-0,62$).

Что касается элементов социальной инфраструктуры, респонденты положительно оценивают ситуацию в отношении детских садов ($+0,66$), спортивных объектов ($+0,39$) и школ ($+0,34$). Большинство негативных оценок дается состоянием культурно-досуговых ($-0,10$) и медицинских ($-0,50$) учреждений (см. табл. 1).

Таблица 1. Оценка развитости элементов социальной инфраструктуры наукограда, индексы в подгруппах респондентов

Вопрос «В какой мере на сегодняшний день развита социальная инфраструктура наукограда?»	Средний индекс	Протвино	Пущино	Депутаты	Ученые	Предприниматели
Детские сады	+0,66	+0,60	+0,75	+0,60	+0,60	+0,70
Школы, обеспечивающие достаточное качество образования для подготовки к научно-исследовательской работе	+0,34	+0,33	+0,36	+0,46	+0,21	+0,22
Спортивные учреждения	+0,39	+0,28	+0,58	+0,40	+0,52	+0,51
Культурно-досуговые учреждения	-0,10	-0,40	+0,41	+0,24	+0,10	-0,33
Учреждения здравоохранения	-0,50	-0,35	-0,76	-0,40	-0,43	-0,65

Результаты исследования обнаруживают, что оценки развитости системы дошкольного образования существенно выше в Пущино ($+0,75$), чем в Протвино ($+0,60$). Точно так же Пущино лидирует по критерию развитости спортивных ($+0,58$) и культурно-досуговых ($+0,41$) учреждений. Качество среднего общего образования оценивается примерно одинаково. По части здравоохранения, напротив, оба индекса отрицательны, при этом менее негативно ситуация оценивается в Пущино ($-0,35$), нежели в Протвино ($-0,76$).

На вопрос, улучшилось ли положение науки в городе за последние пять лет, всего 2,0 % респондентов ответили утвердительно, а 19,7 % дали условно положительные оценки («скорее, да»). Условно отрицательно оценивают 32,0 % опрошенных, категорически отрицательно — 10,9 %. Индекс восприятия динамики статуса науки в городе составляет $-0,42$, то есть он фактически совпадает с индексом восприятия социально-экономического положения. Оценки динамики, как и оценки текущего положения, существенно выше в Протвино ($-0,41$), чем в Пущино ($-0,36$). Динамику статуса науки депутаты ($-0,32$) и предприниматели ($-0,33$) оценивают позитивнее, чем работники научных организаций ($-0,40$).

На вопрос о перспективах трудоустройства молодежи в наукограде однозначно положительный ответ дали всего 1,4 % участников опроса. 13,6 % респондентов считают, что перспективы есть, но не всегда очевидны для молодежи; 51,0 % — что

рынок труда узкий и сокращается, и чуть более трети (34,0%) — что перспектив для молодежи в принципе нет.

Индекс перспектив трудоустройства молодежи составил $-0,61$, что свидетельствует о более низкой оценке экспертами емкости рынка труда по сравнению с социально-экономическим положением города. В данном случае также существенны различия в оценках рынка труда в Протвино ($-0,69$) и Пущино ($-0,47$). Среди целевых групп более высокую оценку перспектив трудоустройства молодежи дают работники научных организаций ($-0,42$), чем депутаты ($-0,57$) и предприниматели ($-0,69$).

На вопрос о том, какие отрасли следует развивать в их городе, чтобы создавались рабочие места, привлекательные для молодых людей, респонденты особо отметили наукоемкие и высокотехнологичные производства, информационные технологии, домостроение, туризм. При этом, по мнению части респондентов, важно развивать любые отрасли. Данная позиция — свидетельство того, что для жителей наукоградов уже не важна научная специализация их города, а речь идет прежде всего о преодолении стагнации.

Из-за нестабильного социально-экономического положения наукограда и отсутствия перспектив трудоустройства молодые люди выбирают жизненные стратегии, не связанные с профессией родителей, что ведет к утрате научных династий, а значит, изначально созданные градостроительные условия лишаются содержательной компоненты. На вопрос, типичны ли ситуации, когда дети работников научных организаций идут по стопам родителей, утвердительный ответ дали всего 2,7% участников опроса, еще 18,4% дали вероятностно положительный ответ. При этом более половины респондентов (57,8%) считают, что профессиональные династии сохраняются лишь в отдельных случаях, а 7,5% — что они не имеют продолжения никогда или почти никогда.

Расклад ответов на вопрос о профессиональных научных династиях диаметрально противоположен ситуации, сложившейся в советский период. По данным, которые приводит В. Н. Петелина, 85% детей научных работников наукограда Протвино в 1980-х годах выбрали науку своей профессиональной деятельностью, причем их научная специализация не всегда совпадала с родительской [Петелина, 2011]. Из этого можно предположить, что на профессиональный выбор молодых людей того времени влияло не столько стабильное социально-экономическое положение наукоградов, сколько особое социокультурное пространство, формирующее возвышенное отношение к науке как к терминальной ценности.

В нашем случае индекс потенциала формирования научных династий в наукограде составил $-0,34$, причем положение в Протвино ($-0,36$) примерно совпадает с положением в Пущино ($-0,32$) в пределах статистической погрешности (0,05). Анализ ответов в разрезе целевых групп в данном случае обнаруживает совпадение позиций депутатов, предпринимателей и научных работников.

2. Оценка факторов территориальной идентичности

Для социальной идентификации атрибутов среды наукограда, в особенности со стороны молодежной его части, важно восприятие процессов цифровизации. Деятельность по цифровизации городской среды представляет собой воплощение

концепции «умного города», которая «отражает идею эффективной социально-экономической организации на основе цифровых технологий» [Попов, Семячков, 2019: 54]. Понятие «умный город» подразумевает совокупность элементов городской среды, функционирующих на основе высоких технологий: систем обеспечения безопасности жизнедеятельности, контроля движения общественного транспорта, контроля состояния инженерных сетей и т. д. В данном случае, в отличие от концептов соцгорода и города-сада, отсутствует привязка к пространственному контексту.

В концепте умного города можно выделить внутреннюю и внешнюю составляющие. С одной стороны, невидимые, но четко работающие на основе цифровых технологий системы жизнеобеспечения, а с другой — общедоступные сервисы, делающие городскую жизнь более удобной, которые представлены не только в виртуальном, но и в физическом пространстве, что создает ощущение города, идущего в ногу со временем. Форма и содержание умного города несут в себе идею о том, что наука должна не просто быть точкой приложения труда ученых внутри определенных учреждений, но должна работать на повышение качества городской среды и в конечном счете — на улучшение качества жизни населения.

Наукоград по определению располагает к тому, чтобы быть умным городом, однако если иннополисы к этому стремятся, то ситуация в наукоградах оставляет желать лучшего. Опрос показал, что, по мнению порядка трети респондентов (36,7%), об особой цифровой среде наукограда говорить не приходится. Еще треть (34,7%) считают, что процесс цифровизации городской среды идет медленно. Лишь 18% участников опроса полагают, что цифровая среда города, соответствующая его статусу наукограда, вполне развита либо находится в активной фазе развития.

Низкий индекс восприятия цифровизации городской среды (–0,48) когерентен индексу социально-экономического положения (–0,41). Как и по многим представленным ранее позициям, степень цифровизации городской среды в Пушкино (–0,54) оценивается ниже, чем в Протвино (–0,45). Среди целевых групп степень цифровизации городской среды несколько менее негативно оценивают работники научных организаций (–0,33), чем депутаты (–0,54) и предприниматели (–0,70).

«Материальным фактором» территориальной идентичности служит внешняя атрибутика города как наукограда, которая хотя и не может компенсировать недостатки социально-экономического развития, но в то же время призвана создавать определенный антураж, который в дополнение к другим факторам мог бы влиять на миграционные устремления молодежи и другие социальные процессы.

Результаты опроса показали, что респонденты скорее отрицательно оценивают выраженность внешней атрибутики наукограда в разрезе таких ее элементов, как социальная реклама, малые архитектурные формы и интенсивность коммерческого использования «научной» тематики (например, в названиях и стилистическом оформлении кафе, торговых и деловых центров). Это говорит о том, что такая атрибутика либо вовсе не представлена, либо невыразительна. При этом наиболее низкое значение индекса (–0,68) демонстрирует ее использование в коммерческом секторе по сравнению с социальной рекламой (–0,56) и малыми архитектурными формами (–0,33).

На основании различий в значениях индексов можно заключить, что социальная реклама с атрибутикой наукограда в большей мере представлена в Протвино

(–0,49), чем в Пушкино (–0,68). Интересно, что атрибутику наукограда в социальной рекламе чаще замечают работники научных организаций (–0,41), чем предприниматели (–0,66) и депутаты (–0,67).

В малых архитектурных формах респонденты видят воплощение атрибутики наукограда в большей мере, чем в социальной рекламе, о чем говорит более высокий порядок индексов. По данному параметру различия между Протвино (–0,30) и Пушкино (–0,39) менее существенны. Среди целевых групп в пользу атрибутики наукограда в большей мере говорит позиция депутатов (индекс равен 0), чем работников научных организаций (–0,16) и предпринимателей (–0,39).

В коммерческом секторе атрибутика наукограда фактически не представлена, о чем свидетельствуют крайне низкие индексы (–0,68 ... –0,75) практически по всем подвыборкам.

Итак, слабая выраженность внешней атрибутики наукограда, в особенности в коммерческом секторе, который в целях привлечения клиентов обычно оперативно подхватывает малейшие движения в общественных настроениях, свидетельствует об относительно небольшой значимости для жителей городов Протвино и Пушкино того, что они живут в городе науки. Местная администрация также не культивирует имидж города как наукограда, даже мероприятия по благоустройству и озеленению осуществляются так же, как и в обычном малом городе.

На вопрос о том, проводятся ли в их городе культурно-досуговые мероприятия, подчеркивающие статус наукограда, положительные ответы дали суммарно около трети респондентов (31,3%). Наибольшая доля опрошенных (40,1%) указала на то, что культурные мероприятия проводятся, но в них не отражается специфика наукограда. Наконец, чуть более четверти участников опроса (27,2%) отметили, что культурная жизнь в их городе представлена очень слабо.

Сравнительный анализ индексов по различным группам респондентов обнаруживает, что в Пушкино специфика наукограда в культурных мероприятиях (–0,13) более выражена, чем в Протвино (–0,45). Важно, что по данному параметру положительный индекс в подгруппе работников научных организаций (+0,20), в отличие от депутатов (–0,26) и предпринимателей (–0,55).

Представляется, и это подтверждает предыдущий параметр, что представители науки в большей мере способны разглядеть специфику наукограда в окружающем пространстве. При этом для других групп населения тот факт, что они живут в наукограде, незначим, это не формирует их особого отношения к своему городу. Депутаты особую идентичность жителя наукограда также не поддерживают.

С позиции социального конструкционизма П. Бергера и Т. Лукмана, индивиду требуется постоянное подтверждение идентичности — как имплицитное, то есть фоновое, со стороны среды, так и эксплицитное, со стороны значимых других [Бергер, Лукман, 1995]. В этом плане отсутствие выраженных усилий субъекта управления по поддержанию имиджа города в городской среде приводит к размыванию «духа наукограда» на ментальном уровне.

На вопрос, ощущается ли в городе дух наукограда, утвердительно ответили всего 5,4% респондентов, еще 35,4% дали вероятностно утвердительный ответ. Вместе с тем и противоположную позицию о том, что наукоград по факту является всего лишь обычным городом, разделяют не так много респондентов — 18,4%.

Первое место (40,8 %) занимает ответ, что дух наукограда «скорее, не ощущается». Представляется, что эта группа имеет потенциал для развития профессионально-пространственной идентичности, если для этого будут созданы достаточные условия в городской среде.

В целом индекс выраженности духа наукограда (−0,17), хотя и отрицательный, существенно превышает значение индексов представленности соответствующей атрибутики во внешней среде.

Интересно, что дух наукограда в большей степени ощущается в Пущино (+0,11), чем в Протвино (−0,34), хотя, как мы видели ранее, Пущино уступает и по социально-экономическим характеристикам, и по перспективам для молодежи, и по внешней атрибутике наукограда. Важно наличие положительных индексов в подгруппах работников научных организаций (+0,24) и депутатов (+0,17), в отличие от предпринимателей (−0,30).

Как видим, в рассмотренных локациях особая идентичность наукограда не подерживается ни за счет достаточного уровня цифровизации городской среды, ни за счет внешней атрибутики, в результате чего для большинства населения проживание в городе науки не создает дополнительной ценности.

3. Оценка социальной активности жителей наукограда

Изучение субъективного восприятия социально-экономической ситуации в городе и выраженности особой территориальной идентичности наукограда, связанной с антуражем науки, важно постольку, поскольку все это влияет на уровень социальной активности жителей.

Одним из методологических оснований исследований социальной активности может служить теория деятельности Г. П. Щедровицкого, в рамках которой центральная категория понимается как «поток», рассматриваемый поверх субъект-объектных отношений. На основе данной методологии была разработана практико-ориентированная методология воспроизводства деятельности посредством коллективного проектирования [Щедровицкий, 1997]. По существу Г. П. Щедровицкий предложил новую форму социального диалога, понимающего социального общения, за которым последовало развитие практик понимающего социального проектирования [Дахин, Щетинина, Солонченко, 2018]. Вместе с тем, говоря о преобразующей социальной активности, следует учитывать ее привязку как к объективным условиям, так и к субъективным факторам. Согласно социально-психологическим исследованиям, социальная активность «проявляется в той мере и в той области, которые определяются самой личностью как необходимые ей для полноценной жизни и самореализации в социальном пространстве». Иными словами, в социальной активности проявляется отношение личности к объектам окружающей социальной действительности [Шамионов, 2018].

В нашем исследовании на вопрос, активны ли жители в решении вопросов развития города, утвердительно ответили 9,5 % респондентов, вероятностный положительный ответ дали 34,0 %. Почти половина участников опроса (46,3 %), утверждают, что жители редко проявляют активность, и 7,5 % — что жители совсем неактивны. Индекс социальной активности жителей имеет отрицательное значение (−0,07), но близок к нулю в отличие от целого ряда представленных выше

индексов, характеризующих социально-экономическую ситуацию, перспективы для молодежи и территориальную идентичность.

Средний «нулевой» индекс складывается из отрицательного индекса (-0,19), характерного для Протвино и положительного (+0,13) в отношении Пушкино. Интересно, что в Пушкино объективно хуже социально-экономическая ситуация, но более выражен дух наукограда, что, возможно, и создает дополнительный потенциал для роста социальной активности.

Безусловно, дух наукограда складывается из особой роли ученых, которую они призваны играть не только в научных организациях, но и в городской среде. В идеале ученые, безотносительно их специализации, должны поддерживать социокультурное пространство города, основанное на высоких духовных ценностях, задавать эталон культуры человеческих отношений, формировать спрос на цифровизацию городской среды. Не менее важны и инструментальные умения, такие как составление заявок на научные гранты, которые могут пригодиться и в сфере социальных грантов. Без социальной активности ученых, если они не выступают в роли лидеров общественного мнения, наукоград теряет свою научную специфику и превращается в сегментированный малый город, население которого держится лишь за место работы или только за жилье.

На вопрос о том, активны ли научные работники в решении вопросов развития города, утвердительно ответили 4,8% респондентов, «скорее, да» — 18,4%, «скорее, нет» — 35,4% и 23,1% дали отрицательный ответ при 18,4% затруднившихся. Прежде всего обращает на себя внимание, что значение индекса социальной активности научных работников (-0,31) заметно ниже индекса, характеризующего активность населения в целом (-0,07). Активность научных работников несколько выше оценивается в Пушкино (-0,20), чем в Протвино (-0,38).

Открытый вопрос, в чем выражается активность научных работников в решении проблем города, позволил увидеть пеструю картину мнений с преобладанием ответов негативного характера.

Позитивные моменты активности ученых в жизни наукограда являются были названы следующие: *«участвуют в создании заявок на гранты по развитию города»; «Создан Экологический совет, проводятся образовательные мероприятия со школьниками», «участие в судах, чтобы избежать экологической катастрофы наукограда»; «экспертиза в сфере наукоемкого производства, экологии, участия города в мероприятиях, направленных на развитие инновационной инфраструктуры».*

Некоторые респонденты указали, что участвуют в жизни города лишь отдельные ученые либо что социальная активность научных работников проявляется редко и не оказывает заметного влияния на жизнь города: *«редкие встречи со школьниками и студентами», «ведут блоги», «пишут коллективные письма в органы власти и руководству института»; «написание жалоб в Добродел или на портал губернатора».*

Даже если научные работники активно участвуют в обсуждении городских проблем, то, как правило, все ограничивается обсуждением: *«в редких обсуждениях малого значения, не ведущих к дальнейшим действиям».* Либо власть попросту не слышит ученых: *«В тщетных попытках предлагаются инновации в различных направлениях городской жизни, которые разбиваются о дежурное „любой каприз за ваши деньги“».*

Часть опрошенных указали на прямо противоположный, негативный эффект от участия научных работников в жизни города: «участие во встречах с главой города и критика работы», «блокировка новых перспективных технологий», «в большом рвении, попытке навязывания своих нереализованных идей»; «возрастные люди чаще „вставляют палки в колеса“, против любых изменений. Ретрограды».

Как видим, в кризисной социально-экономической ситуации растет недоверие социальных групп друг к другу, а наукоград утрачивает роль целостного социального организма и превращается в «общезитие поневоле».

Респондентам было предложено оценить влияние представителей науки на общественное мнение. Результаты опроса показывают, что это влияние имеет место (его отрицают всего лишь 15,6% опрошенных), но оно достаточно слабое. Индекс влияния научных работников на общественное мнение в городе составил $-0,21$ — это хотя и отрицательное, но небольшое по сравнению с другими индексами значение. Потенциал такого влияния даже опережает потенциал социальной активности.

Как и социальная активность научных работников, их влияние на общественное мнение больше выражено в Пущино (индекс равен 0), чем в Протвино ($-0,34$). Сами научные работники оценивают свою влиятельность более позитивно ($+0,08$), чем их оценивают депутаты ($-0,10$) и предприниматели ($-0,17$), однако, как видим, недостаточно уверенно — индекс хотя и положительный, но близок к нулевой отметке, то есть число тех, кто считает, что такое влияние имеется, примерно равно числу отрицающих его.

Уровень социальной самоорганизации населения определяется как измерением общего уровня социальной активности, так и возможностями решения конкретных проблем по месту жительства. В связи с этим респондентам было предложено дать оценки, какие вопросы могли бы решать активные жители города путем самоорганизации.

Судя по ответам респондентов, среди направлений социальной активности на первое место выходят участие в благоустройстве дворовых территорий (индекс равен $+0,69$), поддержание чистоты и порядка во дворах ($+0,66$). На средних позициях находятся содействие в проведении культурных и спортивных мероприятий ($+0,59$) и участие в оказании благотворительной помощи нуждающимся ($+0,56$). Наконец, в меньшей степени респонденты видят возможную направленность социальной активности граждан на воспитание молодежи ($+0,48$) и на содействие общественной безопасности ($+0,37$).

Научные работники в меньшей степени, чем респонденты в целом, видят возможность реализации таких направлений активности, как поддержание чистоты и порядка во дворах, участие в благоустройстве, содействие общественной безопасности, благотворительность. Вместе с тем они в большей мере указывают на потенциал общественного участия в проведении культурных и спортивных мероприятий, а также в воспитании молодежи.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что социально-экономическую ситуацию в рассмотренных наукоградах Протвино и Пущино в целом можно характе-

ризовать как неблагоприятную. Социальная сфера в наукоградах развивается в рамках национальных проектов по тем же направлениям, что и в иных городах, о чем говорят более высокие оценки развитости сети детских садов, школ и спортивных организаций по сравнению с учреждениями культуры и здравоохранения.

Одна из главных проблем наукоградов — узость рынка труда, характерная и для иных малых городов. В условиях повышения пенсионного возраста проблема нехватки рабочих мест для молодых специалистов приобретает особо острый характер. Если в советский период преимуществом наукограда было обеспечение непрерывного воспроизводства научных кадров, то теперь наука финансируется явно недостаточно, в результате чего прерываются научные династии: дети ученых либо выбирают другую профессию в своем городе, либо уезжают работать в мегаполисы. Фактически наукограды повторяют судьбу моногородов: даже если градообразующие научные организации не закрываются, они не обеспечивают необходимого количества рабочих мест и достаточной для молодых людей заработной платы.

Проведенное исследование позволило выявить отсутствие выраженных усилий научных работников, а следом за ними и остальных групп населения, по части социального конструирования реальности с заделом на будущее. Возможно, по причине неблагоприятной социально-экономической ситуации не «подтверждается» (в терминологии П. Бергера и Т. Лукмана) особая идентичность жителя наукограда, которая, таким образом, перестает играть роль инструмента обеспечения солидарности всех социальных групп во главе с учеными — лидерами общественного мнения. Эту идентичность не поддерживает ни власть (в виде социальной рекламы, элементов городской среды в формате умного города, специальных городских мероприятий), ни бизнес (в виде наименований магазинов, кафе, гостиниц, дизайнерских решений и т. п.).

И если в среде научных работников «дух наукограда» еще изредка напоминает о себе, то для остальных социальных групп проживание и работа в наукограде вовсе перестали быть ценностью. На смену единой социокультурной среде пришла разобщенность жителей, что выражается в довольно низком уровне их социальной активности.

Одна из причин упадка наукоградов советского образца заключается в то, что они создавались как искусственные территориальные единицы, а не в результате социальной самоорганизации. Изначально было определено, сколько научных и иных работников необходимо для решения конкретных государственных задач, рассчитана и реализована социальная инфраструктура соответствующей мощности. В искусственно созданной городской среде целевые группы выполняли определенные социальные роли, исходя из своего статуса (например, воспитание детей в соседских сообществах), пока не сложилась кризисная ситуация. В результате оказалось, что наукограды в полной мере жизнеспособны лишь в условиях четкого и постоянного государственного задания на НИР, системы распределения и гарантированного трудоустройства выпускников, а также централизованного снабжения материальными благами. Очевидно, что при нынешней общественно-политической ситуации воссоздать данные условия невозможно.

Вместе с тем интересен факт, что наукограды в правовом смысле этого слова остаются детищем советской эпохи с соответствующим фактическим отношением

к ним действующей власти, тогда как созданные в нашу эпоху их аналоги — иннополисы — как нельзя лучше приспособлены к нынешним условиям и пользуются заметно большей государственной поддержкой. К тому же они в большей мере соответствуют сложившимся мировым аналогам наукоградов, включая такие признаки, как наличие университетских комплексов, высокая концентрация исследователей, внешнее венчурное финансирование [Anttiroiko, 2004].

Анализ феномена наукоградов в контексте смежных понятий, связанных, с одной стороны, с их научной компонентой, а с другой — с территориальными особенностями, позволил обнаружить возможные сценарии их развития:

1) дальнейшее стирание научной специфики депрессивных наукоградов и превращение их в обычные малые города, подкласс моногородов;

2) обретение новой идентичности за счет реализации инвестиционных проектов — возможно, несвязанных со сферой науки; диверсификация видов экономической деятельности (по этому пути пошел город Черногловка);

3) превращение наукоградов в ведущие научные центры в своих отраслях (вплоть до «центров превосходства» на основе умной специализации) путем достройки необходимой организационно-правовой (ОЭЗ, ТОСЭР) и научно-внедренческой (бизнес-инкубаторы, технопарки, иннополисы [Кулешова, 2020; Туарменский и др., 2020], кластеры, индустриальные парки, центры компетенций, центры трансфера технологий) инфраструктуры.

Наукограды будущего могут стать конкурентоспособными за счет встраивания своих компетенций в цепочки добавленной стоимости при производстве отечественной наукоемкой продукции, обеспечения полного инновационного цикла деятельности. Налаживание конструктивного взаимодействия власти, науки и производства, с одной стороны, и гражданского общества — с другой позитивно повлияет на качество социальной среды, включая отношения между целевыми группами, что в конечном счете обеспечит повышение качества жизни населения.

Список литературы

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Academia-Центр: Медиум, 1995.

Berger P. L., Luckmann T. (1995) *The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge*. Moscow: Academia-Center; Medium. (In Russ.)

Дахин А. В., Щетинина О. В., Солонченко Е. И. Социальная стабильность, социальная активность и развитие России в свете методологии и теории деятельности // Вестник Нижегородского института управления. 2018. № 3. С. 47—52.

Dakhin A. V., Shhetinina O. V., Solonchenko E. I. (2018) Social Stability, Public Activity and Social Development in the Light of Methodology and Theory of Actions. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Institute of Management*. No. 3. P. 47—52. (In Russ.)

Евграфова В. А. Особенности местного самоуправления в ЗАТО // Вестник современных исследований. 2019. № 1.4. С. 29—31.

Evgrafova V. A. (2019) Features of Local Self-Government in Closed Cities. *Bulletin of Modern Studies*. No. 1.4. P. 29—31. (In Russ.)

Емелин Н. М., Володина Е. Д., Рябов П. А. Мониторинг и оценка рейтинга наукоградов // Мониторинг. Наука и технологии. 2019. № 4. С. 99—103.

Emelin N. M., Volodina E. D., Ryabov P. A. (2019) Monitoring and Evaluation of the Rating of Science Cities. *Monitoring. Science and Technologies*. No. 4. P. 99—103. (In Russ.)

Зверев А. И., Карачков С. М. Атомный ЗАТО как особый тип моногорода: перспективы и проблемы развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21. № 2. С. 156—161.

Zverev A. I., Karachkov S. M. (2021) Atomic CATF as a Special Type of Monotown: Prospects and Problems of Development. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. Vol. 21. No. 2. P. 156—161. (In Russ.)

Котихина А. А. Социально-экономические проблемы развития наукоградов России (на примере г. Жуковский) // Вестник РУДН, серия Государственное и муниципальное управление. 2015. № 1. С. 109—113.

Kotikhina A. A. (2015) Social and Economic Problems of Russian Science Cities (By the Example of Zhukovsky Science City). *RUDN Journal of Public Administration*. No. 1. P. 109—113. (In Russ.)

Котова Е. С. Город-сад: альтернативная концепция формирования городской среды // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 3. С. 32—39.

Kotova E. S. (2014) Garden City: An Alternative Concept of Urban Environment Formation. *Labirint. Journal of Social and Humanitarian Studies*. No. 3. P. 32—39. (In Russ.)

Кулешова Г. И. Кластерные основы урбанистического развития инновационных центров на базе наукоградов и городов-научных центров // Градостроительство и архитектура. 2020. Т. 10. № 3 <https://www.doi.org/10.17673/Vestnik.2020.03.19>.

Kuleshova G. I. (2020) Cluster Bases of Urban Development of Innovation Centers Based on Science Cities and Research Centers. *Urban Construction and Architecture*. Vol. 10. No. 3. <https://www.doi.org/10.17673/Vestnik.2020.03.19>. (In Russ.)

Кутепова Н. И. Социальные проблемы наукоградов и подходы к их решению // Экономика. Налоги. Право. 2015. № 6. С. 15—22.

Kuterova N. I. (2015) Social Problems of Science Cities and Solution Approaches. *Economy. Taxes. Law*. No. 6. P. 15—22. (In Russ.)

Лукьянова М. Н., Милькина И. В. Организация взаимодействия государственных и муниципальных органов власти в процессе развития инновационной деятельности на примере наукоградов // Муниципальная академия. 2018. № 2. С. 115—119.

Lukyanova M. N., Milkina I. V. (2018) Organization of Interaction between State and Municipal Authorities in the Process of Innovation Activity Development on the Example of Science Cities. *Municipal Academy*. No. 2. P. 115—119. (In Russ.)

Маркин В. В., Воронов В. В. Малые города России: экспертное измерение государственной политики // Власть. 2019. Т. 27. № 6. С. 103—108.

Markin V. V., Voronov V. V. (2019) Small Towns of Russia: Expert Dimension of State Policy. *Vlast'*. Vol. 27. No. 6. P. 103—108. (In Russ.)

Маркин В. В., Малышев М. Л., Землянский Д. Ю. Малые города России: комплексный мониторинг развития. Часть 1 // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4. С. 46—55.

Markin V. V., Malyshev M. L., Zemlyansky D. Yu. (2019) Small Cities of Russia: An Integrative Monitoring of Development. Part 1. *Monitoring of Law Enforcement*. No. 4. P. 46—55. (In Russ.)

Маркин В. В., Воронов В. В., Пешкова В. М. Малые города в государственной политике пространственного развития России: к методологии социального моделирования региональных стратегий и практик // Россия реформирующаяся. 2019. № 17. С. 271—286.

Markin V. V., Voronov V. V., Peshkova V. M. (2019) Small Cities in the State Policy of Spatial Development of Russia: On the Methodology of Social Modeling of Regional Strategies and Practices. *Russia in Reform*. No. 17. P. 271—286. (In Russ.)

Меерович М. Г. Градостроительная политика в СССР: от рабочего поселка к соцгороду (середина 1920-х — начало 1930-х гг.) // Региональные архитектурно-художественные школы. Материалы международной научно-практической конференции, 29—30 января 2014 г., г. Новосибирск. 2014. С. 260—266.

Meerovich M. G. (2014) Urban Planning Policy in the USSR: From a Workers' Settlement to a Socialist City (Mid-1920s — Early 1930s). In: *Regional Architectural and Art Schools. Materials of the International Scientific and Practical Conference, January 29—30, 2014, Novosibirsk*. P. 260—266. (In Russ.)

Петелина В. Н. Социальная среда наукограда как фактор профессионального выбора наукоемких профессий // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. 2011. № 3. С. 146—153.

Petelina V. N. (2011) The Social Environment of the Science City as a Factor in the Professional Choice of Science-Intensive Professions. *Bulletin of the MSRU. Series: Psychology*. No. 3. P. 146—153. (In Russ.)

Попов Е. В., Семьячков К. А. Оптимизация процессов цифровизации городской среды // Проблемы развития территории. 2019. № 5. С. 53—63.

Popov E. V., Semyachkov K. A. (2019) Optimization of the Urban Environment Digitalization Processes. *Problems of Territory's Development*. No. 5. P. 53—63. (In Russ.)

Туарменский В. В., Барановский А. В., Ляшук Ю. О., Сальникова И. В., Шибаршина О. Ю. От наукограда к технополису: история трансформации // Человеческий капитал. 2020. № 1. С. 100—107. <https://doi.org/10.25629/HC.2020.01.11>.

Tuarmensky V. V., Baranovsky A. V., Lyashchuk Yu. O., Salnikova I. V., Shibarshina O. Yu. (2020) From Science City to Technopolis: History of Transformation. *Chelovecheskij kapital*. No. 1. P. 100—107. <https://doi.org/10.25629/HC.2020.01.11>. (In Russ.)

Харченко К. В. Удовлетворенность: методология и опыт муниципальных исследований. М.: Альперия, 2011.

Kharchenko K. V. (2011) Satisfaction: Methodology and Experience of Municipal Studies. Moscow: Alperia. (In Russ.)

Шамионов Р. М. Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 4. С. 379—394.

Shamionov R. M. (2018) Social Activity of Personality and Groups: Definition, Structure and Mechanisms *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. Vol. 15. No 4. P. 379—394. (In Russ.)

Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология / Ред.-сост.: Пископпель А. А., Рокитянский В. Р., Щедровицкий Л. П. М.: Шк. культ. политики. 1997.

Shhedrovickij G. P. (1997) Philosophy. Science. Methodology. Ed. by Piskoppel' A.A., Rokitjanskij V. R., Shhedrovickij L. P. Moscow: Shk. kul't. politiki. (In Russ.)

Anttiroiko A.-V. (2004) Science Cities: Their Characteristics and Future Challenges. *International Journal of Technology Management*. Vol. 28. No. 3—6. <https://doi.org/10.1504/IJTM.2004.005295>.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.4.2157](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2157)

Z. T. Myshbayeva, T. S. Sokira, Z. Zh. Belgibayeva, A. M. Dzhulaeva

EMPLOYMENT POLICY FOR PERSONS WITH DISABILITIES: SYSTEMATIC LITERATURE REVIEW WITH BIBLIOMETRIC ANALYSIS

For citation:

Myshbayeva Z. T., Sokira T. S., Belgibayeva Z. Z., Dzhulaeva A. M. (2022) Employment Policy for Persons with Disabilities: Systematic Literature Review with Bibliometric Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 150–171. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2157>.

Правильная ссылка на статью:

Мышбаева З. Т., Сокира Т. С., Бельгибаева Ж. Ж., Джулаева А. М. Модель политики занятости людей с инвалидностью: результаты систематического обзора литературы с библиометрическим анализом // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 150—171. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2157>. (In Eng.)

EMPLOYMENT POLICY FOR PERSONS WITH DISABILITIES: SYSTEMATIC LITERATURE REVIEW WITH BIBLIOMETRIC ANALYSIS

*Zemfira T. MYSHBAYEVA*¹ — PhD Student, Department of Management
E-MAIL: zemfira.myshbayeva@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2407-6790>

*Tatyana S. SOKIRA*¹ — Cand. Sci. (Econ.), Acting Professor, Department of Management
E-MAIL: t_sokira@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4825-1189>

*Zhanat Zh. BELGIBAYEVA*¹ — Doc. Sci. (Econ.), Professor, Department of Management
E-MAIL: zhanat58@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3506-1770>

*Almazhan M. DZHULAEVA*¹ — Cand. Sci. (Econ.), Acting Associate Professor, Department of Management
E-MAIL: danone0303@list.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1533-7979>

¹ Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Abstract. The study aims to form a conceptual model for researchers engaged in analyzing and further improving current employment policy of specific states concerning persons with special needs, based on a review, analysis and systematization of the main conclusions and trends in the literature. The article pre-

МОДЕЛЬ ПОЛИТИКИ ЗАНЯТОСТИ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ: РЕЗУЛЬТАТЫ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО ОБЗОРА ЛИТЕРАТУРЫ С БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИМ АНАЛИЗОМ

МЫШБАЕВА Земфира Толегеновна — докторант кафедры менеджмента, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан
E-MAIL: zemfira.myshbayeva@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2407-6790>

СОКИРА Татьяна Сергеевна — кандидат экономических наук, и.о. профессора кафедры менеджмента, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан
E-MAIL: t_sokira@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4825-1189>

БЕЛЬГИБАЕВА Жанат Жакуповна — доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан
E-MAIL: zhanat58@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3506-1770>

ДЖУЛАЕВА Алмажан Мударисовна — кандидат экономических наук, и.о. доцента кафедры менеджмента, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан
E-MAIL: danone0303@list.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1533-7979>

Аннотация. Статья представляет концептуальную модель развития политики занятости людей с инвалидностью, разработанную на основе обзора, анализа и систематизации основных выводов и трендов, существующих в научной литературе. В статье приведены результаты исследования динамики публика-

sents the results of studies of temporal changes in publications over time and by topic, identifies trends in the change of used keywords, and establishes trends in the distribution of articles in the studied areas, which allows describing a conceptual model that reflects the essence and forms the basis of disability employment policy. The conceptual model was the result of studying global trends in the formation of disability employment policy through a review of 1,284 publications obtained from the Scopus database from 1918 to 2021 and their analysis based on various methodological approaches of bibliometric analysis. The results first revealed an increase from 31 articles in 2005 to 101 articles in 2018. Second, we found that 68% of the authors are from the United States. The article also identifies that disability is presented as a global problem and lists the reasons for the philosophical shift in the field of disability employment. The authors substantiate a new paradigm of disability employment policy and explain the growth of publications after adopting the Convention on the Rights of Persons with Disabilities. Finally, the article points out that the role of leadership and participation of persons with disabilities is established in building an inclusive, accessible and sustainable world. Temporal changes in the used keywords of publications showed an expansion of topics related to disability employment policy. Trends in the distribution of publications in the studied areas have shown social sciences and medicine as the main subject areas of policy in the field of disability employment.

Keywords: literature review, conceptual model, well-being of persons with disabilities, employment of persons with disabilities, employment policy, disability, persons with disabilities

ций во времени и по темам, выявлены тренды в изменении используемых ключевых слов, установлены тенденции в распределении статей по предметным областям. Проведенный обзор литературы включает 1 284 публикации из базы данных Scopus с 1918 по 2021 г., изученных с помощью методов библиометрического анализа. Результаты темпорального измерения количества публикаций выявили скачок их роста с 31 статьи в 2005 г. до 101 статьи в 2018 г., а также обнаружили, что 68% от общего числа издателей публикаций на данную тему находятся в США. По результатам анализа публикаций по темам были выявлены пять глобальных тенденций: инвалидность представлена как глобальная проблема; определены причины философского сдвига в области занятости лиц с инвалидностью; обоснована новая парадигма политики занятости лиц с инвалидностью; объяснен рост публикаций после принятия Конвенции о правах лиц с инвалидностью; установлена роль лидерства и участия лиц с инвалидностью в построении инклюзивного, доступного и устойчивого мира. Темпоральные изменения используемых ключевых слов показали расширение тем, связанных с политикой трудоустройства лиц с инвалидностью. Тенденции в распределении публикаций по научным областям свидетельствуют о том, что социальные науки и медицина выступают основными предметными областями, где исследуется политика занятости лиц с особыми потребностями.

Ключевые слова: обзор литературы, концептуальная модель, благополучие лиц с инвалидностью, занятость лиц с инвалидностью, политика занятости, инвалидность, лица с инвалидностью

Introduction

Employment is an important source of socialisation for persons with disabilities. Moreover, employment affords advantages including social integration, improved well-being, financial independence, and societal contribution. Employment also influences the growth rate of a country's GDP through participation in the social production for this group of citizens. Social and economic reasons exist to promote the employment of persons with disabilities in each country, and identifying these reasons for decision-making is a key priority for each government [Regan, Stanley, 2003]. The disability employment policy is aimed not at solving structural problems in the labour market but at removing barriers to the employment of persons with disabilities. Internal and external barriers to the employment of persons with disabilities exist. Internal barriers involve the underdevelopment of professional skills of persons with disabilities, laziness, and weakly expressed subjectivity. Conversely, external barriers include a lack of vacancies for people with disabilities and employers' negative attitudes [Smoleva, 2018]. To overcome these and other barriers, states have developed legislation and applied policy approaches (e.g., quotas, subsidies, and anti-discrimination laws) to promote the employment of persons with disabilities. Each country has its own approach to improving the situation of persons with disabilities in the labour market and selects its own employment policies for this group of citizens. However, despite countries' efforts to improve the situation of persons with disabilities, inequality in the employment of persons with disabilities and persons without disabilities continues to this day [Bruyère, 2000].

Currently, enough studies have been published with literature reviews on certain topics of employment for persons with disabilities. Reviews included topics such as entrepreneurship of persons with disabilities, barriers to employment, factors contributing to the improvement of employment of persons with disabilities, and active policies for the development of the labour market for persons with disabilities. Thus, according to the results of a literature review on the study of barriers to hiring people with disabilities at the macro and meso levels, we identified the following: mesobarriers (negative attitudes of society, colleagues, and employers; lack of knowledge among employers about the abilities of persons with disabilities and their insufficient awareness of disability when hiring and retaining employees) and macrobarriers arising in the absence of integration of services [Shaw et al., 2014].

According to the results of a literature review of the active policies of countries in the labour market, for persons with disabilities receiving state benefits, regardless of the social security regime, no state provides the full package of measures promised by politicians, leading to long-term success in the employment of persons with disabilities [Lahey et al., 2019].

Results of a literature review on the employment of persons with intellectual and developmental disabilities have highlighted the need to improve the employment of this group of persons by expanding the use of supported employment [Almalky, 2019].

Simultaneously, in the process of analysing the literature, we found that no literature review has been published covering the field of disability employment policy. This literature gap incited us to combine qualitative and quantitative methods to analyse

and provides a roadmap for future researchers in this field. Our study is the first systematic literature review with a bibliometric analysis of disability employment policy for subsequent holistic studies of this area.

This study attempts to form, based on the systematisation of global trends and main conclusions provided in the literature related to the disability employment policy, a model of a conceptual framework for researchers engaged in analysing the current policies of specific states and its further improvement by answering the following research questions:

RQ1: What are the current trends in publications on disability employment policy in various research areas in temporal changes, changes in topics, and keywords used in the publications?

RQ2: What is the intellectual structure of disability employment policy research?

Methodology

We collected data from Scopus database in November 2021 to obtain information on disability employment. Scopus covers a large number of journals and occupies a prominent place in the formation of potential research areas in science [Aghaei Chadegani et al., 2013]. In this study, we applied a combination of systematic literature review and bibliometric analysis, which have been used by many authors, particularly in the research by Goyal and Kumar [2021].

A systematic literature review is a key technique in academic research that can significantly improve the quality, reproducibility, and reliability of reviews [Xiao, Watson, 2019]. The bibliometric analysis reflects the utility of scientific data processing, has a high research impact, and helps decipher and map scientific knowledge through careful comprehension of large volumes of unstructured information data. Bibliometric analysis helps scientists cover a universal literature review and can form a solid basis for the development of the field using the latest and most important methods [Donthu et al., 2021].

The search for literature sources was conducted by name, abstract, and keywords such as “Employment of people with disab*” OR “disability employment*” OR “employment of disab” OR “disab* policy*” and not limited by years. Hence, we obtained 1,425 initial sources. We refined the search further by filtering for documents in English only and obtained 1,348 results. Further, after reading abstracts of the selected articles, assessing the quality and compliance of publications with the requirements, for further in-depth and detailed study and analysis of sources, we selected 1,284 publications. Studying their content and data in the context of thematic clusters led us to decide on further in-depth analysis of publications according to the plan outlined above.

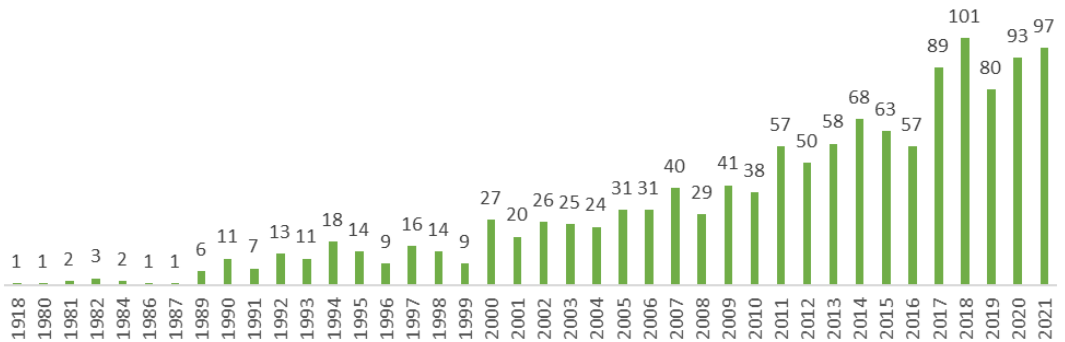
Following the plan, in the next stage, we will determine the temporal changes in publications over time and analyse the geography of research on this topic. Next, using bibliometric network analysis, we determine temporal changes in the use of keywords in publications and then identify publication trends in subject areas. Finally, with the help of content analysis of the selected literature, we present a holistic picture of the issues of disability employment policy through a conceptual model.

Research results

Temporal changes in publications in time

We examined literature sources available in Scopus database on disability employment policy from 1918 to 2021. Figure 1 shows the trend of publishing 1,284 articles over time.

Fig. 1. Trend of annual publications of 1,284 articles obtained from Scopus database (1918–2021)

According to the “time” criterion (Figure 1), an unstable (strange) publication trend can be observed. The first publication was published in 1918. However, we see a continuation of the list of publications in 1980. Meanwhile, in Scopus database, we found articles on our topic relating to the period from 1952 to 1964. However, their analysis was not possible because the authors and full-text articles were missing from Scopus and had to be skipped.

From 1980 to 1987, the number of articles related to our topic ranged from one to a maximum of three per year. Since 1989, the number of publications associated with the declaration by the United Nations (UN) of the Decade of Persons with Disabilities (1983–1992) has increased. The reason for the growth was also the more active implementation of activities recommended by the World Program of Action by governments and organisations and the adoption of the UN General Assembly of the Tallinn Guidelines for the Development of Human Resources in the Field of Disability, which equalised opportunities for persons with disabilities to participate in the development of national policies (in 1989) at all levels.

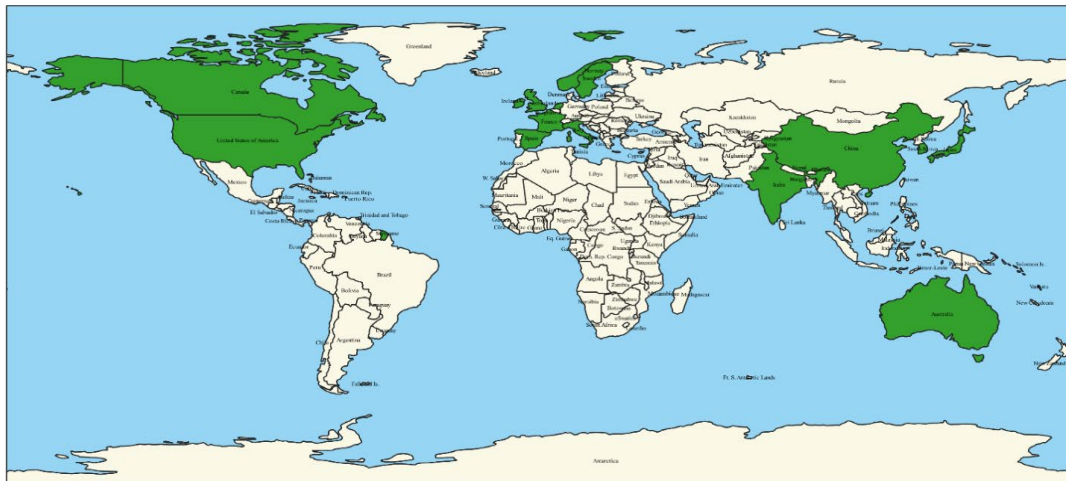
The next increase in the growth of publications occurred in 2005, which we associated with the preparation and adoption by the UN General Assembly of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities, adopted in 2006, and with an increase in the total number of publications and publications that began being indexed in the constantly updated Scopus database. Scopus database was introduced in November 2004. By 2006, this database covered more than 14,000 publishers, of which 4,000 publishers had offered access to publications dating back to the mid-1960s [Boyle, Sherman, 2006]. For example, journals such as *Disability and Rehabilitation*, *Assistive Technology*, *Alter*, *Intellectual*, and *Developmental Disabilities*, which published articles on this topic, have been indexed in Scopus database since 2007.

The highest number of publications was observed in 2018 (101 documents), the year the United Nations presented the UN Flagship Report on Disability and Development. This report provides a basic methodological framework that helps in formulating, implementing, monitoring, and evaluating a comprehensive, accessible, sustainable global development agenda that considers the interests of persons with disabilities.

Moreover, the interest of researchers in the problem of “Disability Employment Policy” has remained stable over the past 5 years, as evidenced by the availability of fairly large volume of publications (at least 80 in 2018 and a maximum of 101 in 2019).

Guided by the criterion of “geography,” we have compiled the top 15 leading countries that have made significant contributions to the research activities of disability employment policy. Figure 2 shows the total number of publications in each country and the percentage of total publications.

Fig. 2. Top 15 countries in the field of disability employment policy research

Rate	Country	Total publications	%
1	United States of America	873	67.9%
2	Australia	307	23.9%
3	United Kingdom	228	17.7%
4	Canada	169	13.1%
5	Sweden	68	5.3%
6	Netherlands	53	4.1%
7	Norway	51	3.9%
8	Italy	45	3.5%
9	Spain	44	3.4%
10	China	41	3.1%
11	South Korea	38	2.9%
12	France	31	2.4%
13	India	29	2.2%
14	Ireland	28	2.1%
15	Japan	27	2.1%

Figure 2 shows that the USA makes a major contribution to the development of the field of disability employment policy research and is rightfully recognised as the leading country in this aspect of research. The volume of its publications is 68% of the global production of publications. After the USA, Australia, Great Britain, and Canada occupy second, third, and fourth places, respectively. The list is continued by European coun-

tries, such as Sweden, the Netherlands, Norway, Italy, and Spain, with a small number of publications on this topic. The list concludes with China, South Korea, France, India, Ireland, and Japan. These data indicate growing interest in disability employment policies in leading countries.

The idea of employment of persons with disabilities comes from the USA, which arose here when considering the employment of soldiers with disabilities after their return to their homeland [Keough, 1918]. Subsequently, this idea emerged in the UK, where we considered opportunities for the employment of persons with disabilities [Curtis, 1981] and the attitude of employers toward the employment of persons with disabilities. Researchers have attempted to identify the reasons employers are unwilling to employ persons with disabilities in Israel [Florian, 1981] and in the UK [Espir, Semence, Floyd, 1987]. Researchers in Switzerland have studied new approaches and concepts aimed at creating employment opportunities for persons with disabilities [Cooper, 1984].

Next, we will consider temporal changes in publications by topic.

Temporal changes in publications by topic

Initially, disability was an object of charity and was considered, as a rule, within the framework of “medical model,” wherein persons with disabilities are assigned the role of dependent and inferior persons. Disability was also considered in “model of tragedies,” wherein persons with disabilities were assigned the role of persons deserving pity and care from people without disabilities. Unfortunately, governments have been building their policies by exclusively relying on these two models [Goss, Goss, Adam-Smith, 2000]. The medical model was established between 1900 and 1970. Since 1970, disability has been viewed from a new perspective as a social phenomenon and as a socially constructed model for categories of people dependent on society [Holler, 2017]. The new model differs from the medical model in many ways. The articles began raising questions about the inability of the social environment to adapt to the existing needs of persons with disabilities. Moreover, work ethics began to be considered as a condition for the economic survival of persons with disabilities [Jongbloed, Crichton, 1990].

We carefully studied and analysed 1,284 published documents to identify temporal changes. We have identified five publication time intervals for a more thorough analysis: (1) 1980–1989, (2) 1990–1999, (3) 2000–2006, (4) 2007–2017, and (5) 2018–2021. Each of these time intervals has its own theme. The division of these publications into several time intervals allowed us to determine how the trends of the keywords used changed over time and the trends in the distribution of publications by the studied areas. We also analysed and drew a parallel between publications and historical events that preceded the surge in publication activity.

Next, we consider events in the time intervals indicated in more detail.

Disability as a global problem (1980–1989)

Having studied published articles for the period 1980–1989, we found that the reason for the relevance of this topic for this period was unfavourable difficulties for the economy, such as an increase in the number of people receiving income from the state

for disability, a significantly high unemployment rate, and the deterioration of labour market conditions in many countries since 1980. Owing to these difficulties, countries have begun searching for various reactions to such economic pressures. The UN legally declared 1981 as the International Year of Persons with Disabilities. Thus, disability is ranked as a global problem. Individual countries are responsible for taking effective measures to ensure full participation in the rehabilitation of people with disabilities.

The scope and direction of changes in disability programs in the United States in the 1970s and the 1980s were considered by the authors in the context of European experience. We assessed the success of the disability policy under the pressure of the growing unemployment rate in achieving the stated goals in three countries: the USA, Sweden, and West Germany. Economic pressure in these countries has led to different policies toward workers with disabilities, including those with temporary or partial disabilities. Hence, the Swedish program was aimed at providing rehabilitation or subsidising jobs. West Germans relied on income support, early retirement, and work quotas, providing social benefits, and encouraging the return of persons with disabilities to the labour market [Burkhauser, Hirvonen, 1989].

Philosophical shift in the field of employment of persons with disabilities (1990–1999)

Globalisation of economic markets, growth of healthcare costs, and increased attention to human rights have prompted all countries to take measures to preserve jobs and, among other things, develop comprehensive employment programs for persons with disabilities. Publications written during this period were mainly devoted to the analysis of state policies regarding disabilities. In the two decades from 1970 to 1990, remarkable progress and significant changes in the field of disability employment opportunities were found. Authors of the publications of this period note that a significant philosophical shift in the field of employment happened. This manifested in the shift of attention of state policy, social professionals, and persons with special needs themselves to the high unemployment rate among persons with disabilities [Brooke et al., 1998]. This is not accidental because in 1989, serious social transformations occurred in the states of Central, Eastern, and Western Europe. They have led to changes in both the existing social policy in general and, accordingly, in the field of policy regarding persons with disabilities and their social status. The changed political and social situation in these countries has caused high unemployment, unfavourable demographic trends towards the elderly, poverty, and growing demand for social and medical services. Therefore, a social policy crisis was found in these countries [Uršič, 1996].

In 1990, the Americans with Disabilities Act was passed. This law served as an incentive not only for the United States but also for many other countries, prompting them to create anti-discrimination laws. Scientists have explored prospects for the implementation of the American Disabilities Act and, based on comparisons with other legislative acts, made a forecast in publication form regarding the future implementation of the American Disabilities Act [Watson, 1994].

The disability employment policy of the 20th century generated scientific interest in many countries. Since then, there have been major changes in the policies of states in the field of disability. Particularly, there has been a shift in the disability employment

policy toward creating equal opportunities for the traditional group of citizens and category of citizens with special needs.

New paradigm of disability employment policy (2000–2006)

Since 2000, the range of issues related to disability has expanded significantly. Many studies have analysed politicians' perspectives, the experience of employers and other stakeholders, results of the adoption and implementation of laws, opportunities for psychologists to promote disability policy, and population ageing in developed countries as a source of disability [Cook, Burke, 2002]. Owing to the complexities in the indicated issues, a sufficiently effective approach to solving the problems of persons with disabilities has developed — a “new paradigm” in the field of economics, public policy, and healthcare about persons with disabilities.

Since 2001, according to the International Classification of Functioning published by the World Health Organization (WHO), disability has been considered a set of factors related to individual conditions and health status and contextual factors. This made it possible to present disability through an interactive model consisting of structural parts, including (1) body functions and structure, (2) activity and participation, and (3) contextual factors. Contextual factors are understood as a combination of two factors: environmental factors (physical, social, and behavioural environment of the population, wherein the lives of persons with disabilities are easier or more difficult) and personal factors (not dependent on individual human health conditions but affect lives of persons with disabilities, including gender, age, education, and other factors)¹. Legal factors include norms and regulations governing the employment of persons with disabilities through legislation [Burkhauser, Daly, 1994].

In 2004, the International Labor Organization (ILO) changed its recommendations for human resource development. The recommendations call for increasing the role of employers in providing employment and increasing attention to the role of local authorities and other stakeholders in the implementation of programs that include persons with disabilities. These recommendations call for recognising the role of social partners in professional development. Since 2004, the employment of persons with disabilities has been considered an important key issue in many countries, which is characterised by strategies and action plans aimed at citizens with special needs.

Publications after the adoption

of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities (2007–2017)

In 2006, the Convention on the Rights of Persons with Disabilities was adopted, which included 50 articles containing the right to promote and protect all persons with disabilities, including children with disabilities. After countries ratified the Convention on the Rights of Persons with Disabilities, the interest of scientists in this topic has increased, as there have been significant developments in the policies of countries regarding persons with disabilities, requiring study and generalisation. Hence, there has been a shift towards respect for human rights in all countries. Politicians have

¹ World Health Organization. (2011) World Report on Disability 2011. December 14. URL: <https://www.who.int/teams/noncommunicable-diseases/sensory-functions-disability-and-rehabilitation/world-report-on-disability#:~:text=World%20Report%20on%20Disability%202011,a%20figure%20of%20around%2010%25> (accessed: 25.08.2022).

begun prioritising the socioeconomic integration of persons with disabilities, and measures are being taken in states to increase the level of employment of persons with disabilities. In this connection, during 2007–2017, a huge number of publications from 62 countries appeared in Scopus database, whose disability policies were actively researched and analysed by scientists. Research by scientists in developed countries has focused on the introduction of evidence-based employment support for solving the problem of improving the socioeconomic situation of persons with disabilities, establishing a reasonable partnership between various stakeholders in the field of employment of persons with disabilities and defining the role of municipalities as institutions that solve issues of support and organisation of services for persons with disabilities. Special attention is paid to the socioeconomic integration of people with mental illnesses, disorders, and learning disabilities.

Scientists who have studied policies of developing countries have systematised barriers to improving the socioeconomic situation of persons with disabilities and their integration into society, including the lack of basic and vocational education for persons with disabilities; incorrect perception in society of persons with disabilities; difficulties with transport and insufficient funding of social and sports facilities; lack of legal remedies and clear concrete steps and solutions to promote political statements; low level of rehabilitation services; stigmatisation; insufficiently correct formulation of the basic administrative principles; and complexity of the state system of organisation and accessibility of employment services for persons with disabilities.

In the mentioned group of countries, there has been a shift in the field of human rights. Politicians are prioritising the socioeconomic integration of persons with disabilities and are considering the issues of increasing their employment level.

In 2011, the first World Health Organization (WHO) World Report on Disability was published. It provides a statistical overview of the actual data on persons with disabilities. Most importantly, there is a tendency to globalise the prevalence of disability in the world in comparison with previous data from 1970. Reasons for the increase in disability were an increase in chronic diseases and population aging².

Studies establishing and disclosing the factors affecting the provision of persons with disabilities are interesting to researchers. Contextual factors include insufficient education, excessive guardianship of family members, and discrepancies between the available and required skills of persons with disabilities [Bualar, 2015].

Therapeutic and preventive factors reflect the level of inpatient and outpatient services, medical care, and state of rehabilitation [Gettens, Henry, 2015].

Social security factors include curriculum counselling, career guidance, forms of provision of educational services, and the development of infrastructure for the mobility of consumers of educational services [Agovino, Rapposelli, 2016].

Researchers have especially prioritised the stimulation of employers to increase the employment of persons with disabilities. In this regard, the importance and effectiveness of allocating subsidies and tax incentives to encourage employers to hire and retain persons with disabilities in the workplace is emphasised [Samoy, Waterplas, 2012].

² World Health Organization. (2011) World Report on Disability 2011. December 14. URL: <https://www.who.int/teams/noncommunicable-diseases/sensory-functions-disability-and-rehabilitation/world-report-on-disability#:~:text=World%20Report%20on%20Disability%202011,a%20figure%20of%20around%2010%25> (accessed: 25.08.2022).

Other tools for stimulating employers were also provided. These include compensation for adaptation to work, financial support for employment coaches, monetary compensation, support from all competent parties, encouraging employers to hire persons with disabilities [Holler, 2017; Bualar, 2015], supported employment, flexible workplaces, and accessibility of infrastructure [Bualar, 2015].

*Leadership and participation of persons with disabilities
in building an inclusive, accessible, and sustainable world (2018–2021).*

On 3 December 1992 Resolution 47/3 of the United Nations General Assembly proclaimed the International Day of Persons with Disabilities. The theme “Leadership and participation of persons with disabilities in creating an inclusive, accessible and sustainable world after COVID-19” was named for the consideration of the International Day of Persons with Disabilities in 2021. This topic linked publications from 2018 to 2021 into common content for the study. In publications of this period, scientists can observe the problem of integrating persons with disabilities into society as a key factor in sustainable development.

The disability employment policy is based on two legal approaches: anti-discrimination legislation (social model) and a system of employment quotas (medical model). In many countries, employment policy uses both approaches. However, in other countries, anti-discrimination legislation often does not make significant changes to disability employment policy owing to the lack of definitions of “disability” and “discrimination” in the legal framework. Therefore, we do not find effective mechanisms for their enforcement [Hao, Li, 2020].

The result of the disability employment policy is a reduction in direct, indirect, and additional costs. Direct expenses include private expenses for the care of these citizens and health care costs. Indirect costs include those related to taxes and reduced productivity. Additional costs include costs for persons with disabilities and their families to maintain a decent standard of living, and costs associated with the disability itself [Ipek, 2020].

Access to information and communication technologies (ICTs) and their use by persons with disabilities has attracted the attention of politicians since the 1970s. For example, China’s transformative disability policy focuses on inclusive education, rehabilitation, and e-commerce plus disability policies. China has moved towards inclusive growth aimed at benefiting persons with disabilities. Disability is central to social integration policies in Australia and China. The government’s role is important in the development and subsequent implementation of the digital disability policy. Agencies and support groups for people with disabilities also play key roles [Goggin et al., 2019].

The consequences of the COVID-19 pandemic directly affect persons with disabilities, as there is a significant risk of its occurrence and negative consequences. In this regard, scientists emphasise the need for integrated, systemic, and joint medical care systems [Okyere et al., 2021] and the need for coherence and purposefulness of efforts on the part of services and the need to develop broader public policies and programs for further inclusion of persons with disabilities in the labour market [Olney et al., 2022]. Services of rehabilitation consultants need to be doubled, and service providers for persons with disabilities need to be organised to establish contact with

employers [Chan et al., 2021], and, also as the importance of creating inclusive employment opportunities for persons with disabilities [Gignac et al., 2021].

One of the positive consequences of the COVID-19 pandemic for people with disabilities has been working at home with the help of new technologies. Beginning with remote work, people with disabilities in middle class and poor countries can benefit by reducing the number of barriers [Morris, 2021].

The COVID-19 pandemic has created an unfavourable trend not only for persons with disabilities but also for all people in the world. During this period, awareness of the importance of remote work for persons with disabilities increased, which has its advantages. However, governments still face a huge challenge in improving the conditions for the continued well-being of people with disabilities.

Trends in the use of keywords in publications

Keyword networks help researchers understand research trends, and visual and structured analyses help determine the evolution of keywords [Duvvuru et al., 2013]. To establish trends in temporal changes in the use of keywords in publications on the topic “Disability Employment Policy,” we will use the same five time periods (see Figure 2) and the VOSviewer software tool.

From 1980 to 1989, most publications lacked keywords. The most popular interrelated topics are organisational management and humans. The organisational management network diagram includes keywords such as “disability,” and “human” includes vocational rehabilitation, employment, therapy, persons with disabilities and others as keywords.

In 1990–1999, research topics comparing with the previously reviewed period expanded. Research has gained new focus owing to keywords such as “supported employment” and “assistive technologies.” Three interrelated main topics are viewed here, such as “human”, “disability” and “health insurance.” In the network diagram, “human” is closely associated with the following keywords: persons with disabilities, rehabilitation, vocational training, legal aspects, adults, and others. The chart “disability” is associated with the keywords law, policy, supported employment, disability policy, social security, and assistive technologies. We explain the presence of these keywords in publications by adopting the Civil Rights Law prohibiting discrimination against persons with disabilities in many countries.

In 2000–2006, the following three important areas were observed: “employment” (related keywords: disability policy, ability to work, employee, labour productivity, employer, health policy and others), “adult” (related keywords: quality of life, economic aspect, men, women, comparative research, and others) and “disability” (related keywords: social security, education, public policy, social aspect, law, mental health, policy development, and others). This diagram confirms our earlier statement about the birth of a new paradigm of disability policy during this period.

In 2007–2017, there was a period when researchers analysed the processes of respect for human rights and employment. The most significant areas included four different topics: “human resources,” “employment,” “organisation and management,” and “professional rehabilitation.” Therefore, during this period, the analysis of disability employment policies conducted in many countries was aimed at, from a legal perspective, identifying obstacles to the socioeconomic integration of persons with disabilities.

Trends in the distribution of publications by research areas

We examined temporal changes in the subject areas of publications by time intervals, considering publication trends for 1980–1989, 1990–1999, 2000–2006, 2007–2017, and 2018–2021.

Publications for 1980–1989 were mainly written in five subject areas wherein medicine (61.9%) had more advantages compared to other subject areas. Only 14% of publications were written on social sciences. During this period, the topic of disability employment policy was considered in a narrow context in such subject areas as medicine, social sciences, psychology, health professions, economics, econometrics, and finance.

In the period 1990–1999, social sciences (34.4%) had better advantages than medicine (23.6%). Social sciences, medicine, and health professions were also included in the top three areas of research on the topic under consideration.

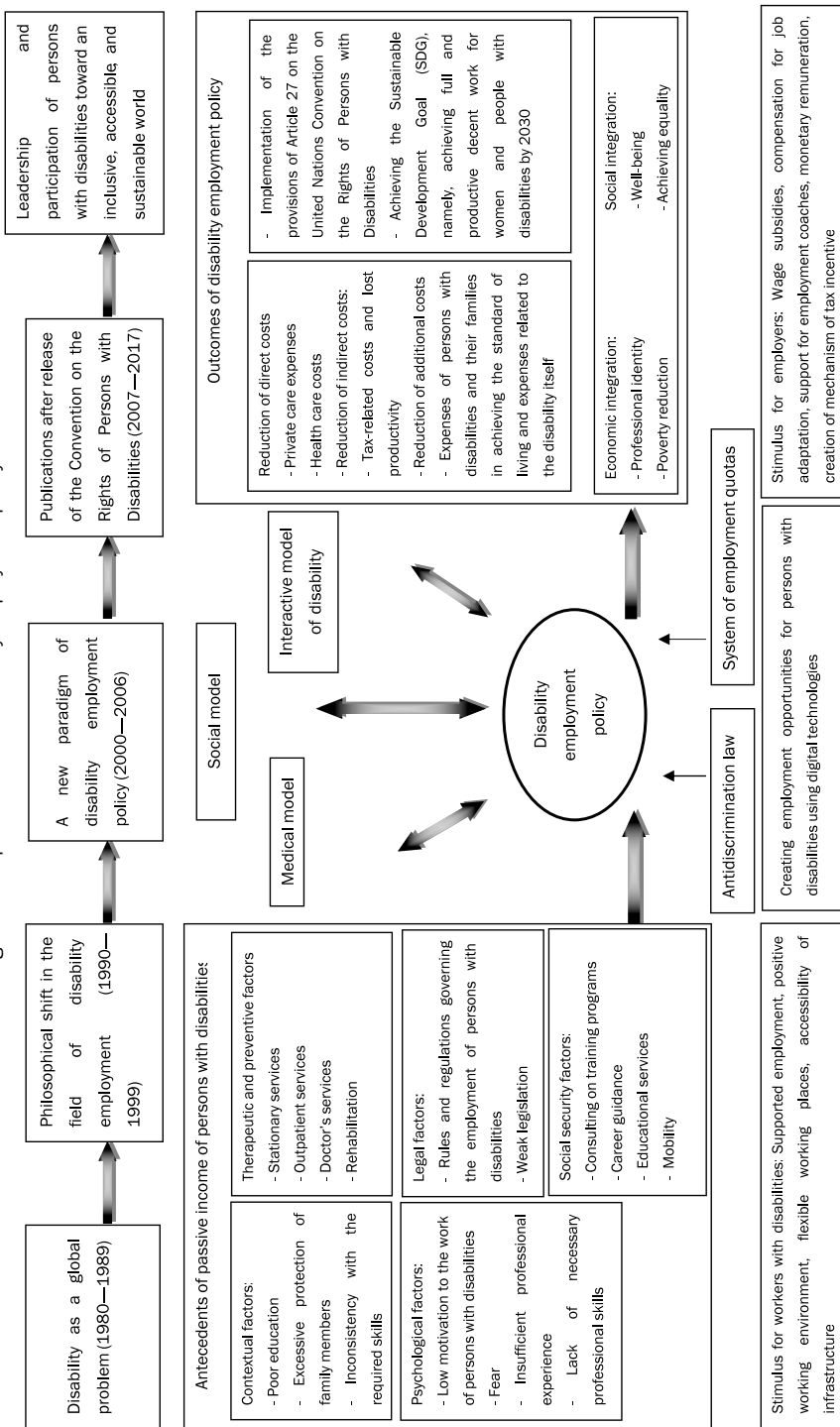
In the period 2000–2006, the top five subject areas were social sciences, medicine, health professions, business, management and accounting, and psychology.

An interdisciplinary subject area was added to the publications for the period 2007–2017. An increase in the number of thematic areas of publications from 1980 to 2021 (40 years). If publications for the period 1990–1999 were written in 15 subject areas, then publications for the period 2000–2006 were considered in 18 subject areas. Publications for the period 2007–2017 and publications for the period 2018–2021 were expanded in 19 subject areas. Analysis by year shows that social sciences increased their share of publications from 14.2% to 37% with a small difference in the periods 2007–2017 and 2018–2021, while medicine steadily declined with a small difference in the period 2007–2017 (38.7% reduction in publications). In fact, psychology increased its share from 4.7% to 6.6% between 1980 and 2017. The trend in the distribution of publications by subject area indicates a high interest of scientists from different subject areas on this topic.

Conceptual model

In summary, we present a conceptual model for developers of government programs (Figure 4). A conceptual model contains descriptions of an event, object, or process, and is its logical conclusion [Meredith, 1993], provides support for research components, and clarifies research context for the reader [Crawford, 2019]. The conceptual model illustrates publication trends divided into five time intervals, from 1980 to 2021. The model also illustrates the causes of the passive income of persons with disabilities and summarises the results of the disability employment policies. The reasons for the passive income of persons with disabilities include contextual (therapeutic and preventive), psychological, and social security factors. Results of the disability employment policy are expressed as the reduction of direct, indirect, and additional costs. The model includes the provisions of article 27 “work and employment” of the United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities; the achievement of the Sustainable Development Goals (SDGs), namely, ensuring productive decent work for women and persons with disabilities by 2030 and socioeconomic integration of persons with disabilities.

Fig. 4. Conceptual model of disability employment policy

Understanding the significance of disability in the planned and implemented aspects of disability employment policy is very important. Therefore, we identified three disability models. Historically, disability was considered in the “medical model,” and then, due to content filling, disability began to be considered in the structure of the “social model.” Since 2001, disability has been considered as a set of factors related to individual conditions and health status and contextual factors. The disability employment policy is based on two legal approaches: anti-discrimination legislation (social model) and a system of employment quotas (medical model). However, in some countries, anti-discrimination legislation often does not make significant changes to disability employment policy. In many countries, the quota system does not produce fruitful results as employers prefer paying fines rather than hiring persons with disabilities [Liao, 2020: 329]. In this regard, in the management of this process, creating a regulatory mechanism for monitoring the implementation of quotas by the public and private sectors is important.

The existence of such a mechanism will contribute to the effective application of laws and regulations [ibidem]. Governments in all countries face difficult tasks, which, with the right approach, can increase the employment rate of persons with disabilities. After analysing the number of publications in Scopus database, we identified three approaches that scientists have determined to increase the level of employment of these citizens. These approaches include stimulating employees with disabilities and employers and creating employment opportunities for persons with disabilities using digital technologies. To motivate persons with disabilities, maintaining employment, a favourable working environment, flexible workplaces, and accessibility to infrastructure are necessary. Digital technologies are an effective tool for overcoming barriers (e.g., accessible environment, negative attitude of employers, accessibility of the labour market, creation of virtual jobs) and in the development of an electronic labour exchange. In this regard, training persons with disabilities in digital competence as well as social and political support from governments are necessary.

Discussion and conclusion

Considering that persons with disabilities negatively assess their life in general compared with people without disabilities [Korzuk, 2016], this systematic scientific review of global trends in disability employment policy, supplemented by bibliometric analysis, attempts to create a general picture of changes in the nuances of disability employment policy. Since 1980, the number of publications in this field have increased, and this area of research is expanding, including in a geographical sense. The number of countries implementing policies to improve the lives and working conditions of people with disabilities is increasing. Simultaneously, the USA made the greatest contribution to the total number of publications in the field of disability employment policy research, accounting for 68% of the total number of publications.

According to the results, the following publication trends were determined by the time intervals: disability as a global problem (1980–1989), philosophical shift in the field of employment of persons with disabilities (1990–1999), a new paradigm of disability employment policy (2000–2006), publications after the Convention on the Rights of Persons with Disabilities (2007–2017), and leadership and participation of

persons with disabilities in building an inclusive, accessible, and sustainable world (2018–2021). Keywords used in publications over the past 40 years show the expansion of topics were related to disability employment policy and confirm the trends of publications examined in five publication time intervals for 1980–2021 in the Scopus database. The study of trends in the distribution of articles by subject area allowed us to establish that social sciences and medicine are the main subject areas of disability employment policy.

Summarising the main conclusions of the publications, we presented a conceptual model for developers of state programs, revealing the content of the identified trends in publications in five time intervals. The analysis of publications helped identify approaches to increase the level of disability employment, stimulate employees with disabilities and their employers, and create employment opportunities for persons with disabilities based on the use of digital technologies.

Our study contains the following limitations. First, the authors attempted to cover all publications in this field, but some studies could not be covered due to the lack of keywords and terms in the search engine. Second, this study was limited by the inclusion of publications in Scopus database. Researchers interested in this problem could use other databases in the future to obtain additional results. Third, this study analyses the general picture of disability employment policy; we did not consider specific aspects (a certain type of disability, certain employment policy tools, etc.). Therefore, scientists interested in this topic could supplement and refine the conceptual model.

This study can help policymakers, regulators, and academic researchers understand the intricacies of disability employment policy and identify areas and aspects for further study. The disability employment policy aims to solve the problems of vulnerable groups of the population, involving society in solving the employment problems existing in this area. Therefore, the policy is designed to help persons with disabilities contribute to the development of the country's economy and improve the well-being of their families.

References

Aghaei Chadegani A., Salehi H., Md Yunus M., Farhadi H., Fooladi M., Farhadi M., Ale Ebrahim N. (2013) A Comparison between Two Main Academic Literature Collections: Web of Science and Scopus Databases. *Asian Social Science*. Vol. 9. No. 5. P. 18—26. <https://doi.org/10.5539/ass.v9n5p18>.

Agovino M., Rapposelli A. (2016) Disability and Work: A Two-Stage Empirical Analysis of Italian Evidence at Provincial Level in Providing Employment for Disabled Workers. *Social Indicators Research*. Vol. 125. No. 2. P. 635—648. <https://doi.org/10.1007/s11205-014-0851-z>.

Almalky H. A. (2019) Employment Outcomes for Individuals with Intellectual and Developmental Disabilities: A Literature Review. *Children and Youth Services Review*. Vol. 109. 104656. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2019.104656>.

Boyle F., Sherman D. (2006) Scopus™: The Product and Its Development. *The Serials Librarian*. Vol. 49. No. 3. P. 147—153. https://doi:10.1300/j123v49n03_12.

Brooke V., Green H., Kregel J., Barcus M., Selvy G., Bunting K., Wehman P., Sedillo M. (1998) Findings from a National Disability Business Summit: Implications for the Field. *Journal of Vocational Rehabilitation*. Vol. 10. No. 1. P. 31—38. <https://doi.org/10.3233/jvr-1998-10106>.

Bruyère S. M. (2000) Civil Rights and Employment Issues of Disability Policy. *Journal of Disability Policy Studies*. Vol. 11. No. 1. P. 18—28. <https://doi.org/10.1177/104420730001100108>.

Bualar T. (2015) Employer Dilemma over Disability Employment Policy in Thailand. *Journal of Public Affairs*. Vol. 15. No. 3. P. 231—236. <https://doi.org/10.1002/pa.1508>.

Burkhauser R. V., Daly M. C. (1994) The Economic Consequences of Disability: A Comparison of German and American People with Disabilities. *Journal of Disability Policy Studies*. Vol. 5. No. 1. P. 25—52. <https://doi.org/10.1177/104420739400500102>.

Burkhauser R. V., Hirvonen P. (1989) United States Disability Policy in a Time of Economic Crisis: A Comparison with Sweden and the Federal Republic of Germany. *The Milbank Quarterly*. Vol. 67. P. 166—194. <https://doi.org/10.2307/3350239>.

Chan F., Tansey T. N., Iwanaga K., Bezyak J., Wehman P., Phillips B. N., Strauser D. R., Anderson C. (2021) Company Characteristics, Disability Inclusion Practices, and Employment of People with Disabilities in the Post COVID-19 Job Economy: A Cross Sectional Survey Study. *Journal of Occupational Rehabilitation*. Vol. 31. No. 3. P. 463—473. <https://doi.org/10.1007/s10926-020-09941-8>.

Cook J. A., Burke J. (2002) Public Policy and Employment of People with Disabilities: Exploring New Paradigms. *Behavioral Sciences and the Law*. Vol. 20. No. 6. P. 541—557. <https://doi.org/10.1002/bsl.515>.

Crawford L. M. (2019) Conceptual and Theoretical Frameworks in Research. In: Burkholder G. J., Cox K. A., Crawford L. M., Hitchcock J. H. (eds.) *Research Design and Methods: An Applied Guide for the Scholar-Practitioner*. Los Angeles, CA: SAGE Publications. P. 35—48.

Cooper N. (1984) New Trends in Vocational Rehabilitation and Employment of Disabled Persons. *Giornale Italiano di Medicina del Lavoro*. Vol. 6. No. 1—2. P. 5—9.

Curtis J. (1981) Employment of Disabled People. *Royal Society of Health journal*. Vol. 100. No. 6. P. 218—223. <https://doi.org/10.1177/146642408010000605>.

Donthu N., Kumar S., Mukherjee D., Pandey N., Lim W. M. (2021) How to Conduct a Bibliometric Analysis: An Overview and Guidelines. *Journal of Business Research*. Vol. 133. P. 285—296. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.04.070>.

Duvvuru A., Radhakrishnan S., More D., Kamarthi S., Sultornsanee S. (2013) Analyzing Structural & Temporal Characteristics of Keyword System in Academic Research Articles. *Procedia Computer Science*. Vol. 20. P. 439—445. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2013.09.300>.

- Espir M., Semmence A., Floyd M. (1987) The Recruitment to the Civil Service of People with Epilepsy. *Occupational Medicine*. Vol. 37. No. 1. P. 16—8. <https://doi.org/10.1093/occmmed/37.1.16>.
- Florian V. (1981) Objective Obstacles in Hiring Disabled Persons. *International Journal of Rehabilitation Research*. Vol. 4. No. 2. P. 167—174. <https://doi.org/10.1097/00004356-198106000-00003>.
- Gettens J., Henry A. D. (2015) Employment-Related Health Insurance and Service Delivery Needs of Persons with Disabilities. *Journal of Disability Policy Studies*. Vol. 26. No. 3. P. 164—172. <https://doi.org/10.1177/1044207314539010>.
- Gignac M. A. M., Shahidi F. V., Jetha A., Kristman V., Bowring J., Cameron J. I., Tonima S., Ibrahim S. (2021) Impacts of the COVID-19 Pandemic on Health, Financial Worries, and Perceived Organizational Support among People Living with Disabilities in Canada. *Disability and Health Journal*. Vol. 14. No. 4. P. 101161. <https://doi.org/10.1016/j.dhjo.2021.101161>.
- Goggin G., Yu H., Fisher K. R., Li B. (2019) Disability, Technology Innovation and Social Development in China and Australia. *Journal of Asian Public Policy*. Vol. 12. No. 1. P. 34—50. <https://doi.org/10.1080/17516234.2018.1492067>.
- Goss D., Goss F., Adam-Smith D. (2000) Disability and Employment: A Comparative Critique of UK Legislation. *International Journal of Human Resource Management*. Vol. 11. No. 4. P. 807—821. <https://doi.org/10.1080/09585190050075132>.
- Goyal K., Kumar S. (2021) Financial Literacy: A Systematic Review and Bibliometric Analysis. *International Journal of Consumer Studies*. Vol. 45. No. 1. P. 80—105. <https://doi.org/10.1111/ijcs.12605>.
- Hao Y., Li P. (2020) Employment Legal Framework for Persons with Disabilities in China: Effectiveness and Reasons. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 17. No. 14. P. 4976. <https://doi.org/10.3390/ijerph17144976>.
- Holler R. (2017) Disabling Ideas — Disabling Policies: The Case of Disability Employment Policy in the Newly Established Israeli State. *Social Policy and Administration*. Vol. 51. No. 3. P. 424—441. <https://doi.org/10.1111/spol.12188>.
- Ipek E. (2020) The Costs of Disability in Turkey. *Journal of Family and Economic Issues*. Vol. 41. No. 2. P. 229—237. <https://doi.org/10.1007/s10834-019-09642-2>.
- Jongbloed L., Crichton A. (1990) A New Definition of Disability: Implications for Rehabilitation Practice and Social Policy. *Canadian Journal of Occupational Therapy*. Vol. 57. No. 1. P. 32—38. <https://doi.org/10.1177/000841749005700107>.
- Keough F. W. (1918) The Employment of Disabled Service Men. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 80. No. 1. P. 84—94. <https://doi.org/https://doi.org/10.1177/000271621808000113>.
- Korzhuik S. V. (2016) The Social Exclusion of People with Disabilities: The Reproduction of Imparity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 134—146. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.07>. (In Russ.)

Коржук С. В. Эксклюзия людей с инвалидностью: воспроизводство неравенства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 134—146. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.07>.

Lahey P. M., Kirsch B., MacDermid J., Tompa E., Gewurtz R. E. (2019). Active Labour Market Policies for People with Disabilities in Receipt of Public Income Benefits: A Scoping Review. *Work*. Vol. 64. No. 2. P. 229—247. <https://doi.org/10.3233/WOR-192989>.

Liao J. (2020) The Quota System for Employment of People with Disabilities in China: Policy, Practice, Barriers, and Ways Forward. *Disability & Society*. Vol. 36. No. 2. P. 326—331. <https://doi.org/10.1080/09687599.2020.1833311>.

Meredith J. (1993) Theory Building through Conceptual Methods. *International Journal of Operations & Production Management*. Vol. 13. No. 5. P. 3—11. <https://doi.org/10.1108/01443579310028120>.

Morris F. (2021) Prospects for Employment of Persons with Disabilities in the Post-COVID-19 Era in Developing Countries. *Disability and Society*. P. 1—20. <https://doi.org/10.1080/09687599.2021.1932757>.

Okyere C., Sung C., Fisher M. H., Kammes R. R., Park J. (2021) The Impacts and Experiences of COVID-19 on Employment for Individuals with Disabilities. *Journal of Rehabilitation*. Vol. 87. No. 1. P. 25—32.

Olney S., Devine A., Karanikolas P., Dimov S., Malbon J., Katsikis G. (2022) Disability and Work in a Health and Economic Crisis: Mitigating the Risk of Long-Term Labour Market Exclusion for Australians with Disability through Policy Coordination. *Australian Journal of Public Administration*. Vol. 81. P. 163—180. <https://doi.org/10.1111/1467-8500.12500>.

Regan S., Stanley K. (2003) Work for Disabled People. *New Economy*. Vol. 10. No. 1. P. 56—61. <https://doi.org/10.1111/1468-0041.00290>.

Samoy E., Waterplas L. (2012) Designing Wage Subsidies for People with Disabilities, as Exemplified by the Case of Flanders (Belgium). *Alter*. Vol. 6. No. 2. P. 94—109. <https://doi.org/10.1016/j.alter.2012.02.014>.

Shaw L., Daraz L., Bezzina M. B., Patel A., Gorfine G. (2014) Examining Macro and Meso Level Barriers to Hiring Persons with Disabilities: A Scoping Review. In: Altman B. M., Barnartt S. N. (eds.) *Environmental Contexts and Disability (Research in Social Science and Disability. Vol. 8)*. Bingley: Emerald Group Publishing Limited. P. 185—210. <https://doi.org/10.1108/S1479-35472014000008011>.

Smoleva E. O. (2018) Barriers to Labor Market Inclusion Viewed by Socially Vulnerable Populations (Evidence from Northwestern Federal District). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 351—368. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.18>. (In Russ.)

Смолева Е. О. Барьеры инклюзии на рынке труда в восприятии социально уязвимых категорий населения (на примере Северо-Западного федерального округа)

// Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.
2018. № 4. С. 351—368. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.18>.

Uršič C. (1996) Social (and Disability) Policy in the New Democracies of Europe (Slovenia by Way of Example). *Disability & Society*. Vol. 11. No. 1. P. 91—107. <https://doi.org/10.1080/09687599650023353>.

Watson S. D. (1994) Applying Theory to Practice: A Prospective and Prescriptive Analysis of the Implementation of the Americans with Disabilities Act. *Journal of Disability Policy Studies*. Vol. 5. No. 1. P. 1—24. <https://doi.org/10.1177/104420739400500101>.

Xiao Y., Watson M. (2019) Guidance on Conducting a Systematic Literature Review. *Journal of Planning Education and Research*. Vol. 39. No. 1. P. 93—112. <https://doi.org/10.1177/0739456X17723971>.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.4.2223](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2223)

В. К. Антонова, М. Ю. Александрова, Д. И. Присяжнюк, Т. А. Рябиченко

ИНКЛЮЗИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК АНОМАЛИЯ: ВЗАИМОСВЯЗЬ РАЗМЕРА КОМПАНИИ И ПРОЯВЛЕНИЯ В НЕЙ ИНКЛЮЗИВНЫХ НОРМ И ПРАКТИК

Правильная ссылка на статью:

Антонова В. К., Александрова М. Ю., Присяжнюк Д. И., Рябиченко Т. А. Инклюзивная организационная культура как аномалия: взаимосвязь размера компании и проявления в ней инклюзивных норм и практик // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 172—198. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2223>.

For citation:

Antonova V. K., Aleksandrova M. Y., Prisyazhniuk D. I., Ryabichenko T. A. (2022) Inclusive Organizational Culture as an Anomaly: The Impact of Company Size on the Manifestation of Inclusive Norms and Practices. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 172–198. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2223>. (In Russ.)

ИНКЛЮЗИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК АНОМАЛИЯ: ВЗАИМОСВЯЗЬ РАЗМЕРА КОМПАНИИ И ПРОЯВЛЕНИЯ В НЕЙ ИНКЛЮЗИВНЫХ НОРМ И ПРАКТИК

INCLUSIVE ORGANIZATIONAL CULTURE AS AN ANOMALY: THE IMPACT OF COMPANY SIZE ON THE MANIFESTATION OF INCLUSIVE NORMS AND PRACTICES

АНТОНОВА Виктория Константиновна — доктор социологических наук, PhD, профессор кафедры общей социологии департамента социологии, старший научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: vantonova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2907-1561>

Viktoria K. ANTONOVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), PhD, Professor at the Department of General Sociology, School of Sociology; Senior Research Fellow at the International Laboratory for Social Integration Research
E-MAIL: vantonova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2907-1561>

АЛЕКСАНДРОВА Марина Юрьевна — преподаватель, аспирант кафедры методов сбора и анализа социологической информации департамента социологии, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: myaleksandrova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7683-7750>

Marina Yu. ALEKSANDROVA¹ — Lecturer and Doctoral Student at the Department of Sociological Research Methods, School of Sociology; Research Assistant at the International Laboratory for Social Integration Research
E-MAIL: myaleksandrova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7683-7750>

ПРИСЯЖНЮК Дарья Игоревна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры общей социологии департамента социологии, старший научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: dprisyazhnyuk@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8224-2174>

Daria I. PRISYAZHNIUK¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Lecturer at the Department of General Sociology, School of Sociology; Senior Research Fellow at the International Laboratory for Social Integration Research
E-MAIL: dprisyazhnyuk@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8224-2174>

¹ HSE University, Moscow, Russia

РЯБИЧЕНКО Татьяна Анатольевна — кандидат психологических наук, доцент департамента психологии, старший научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: tryabichenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4518-5769>

Tatiana A. RYABICHENKO¹ — *Cand. Sci. (Psych.), Associate Professor at the School of Psychology; Senior Research Fellow at the International Laboratory for Social Integration Research*
E-MAIL: tryabichenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4518-5769>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. На результатах всероссийского опроса «Перспективы инклюзивного трудоустройства в российских компаниях и факторы, влияющие на управление многообразием в контексте глобальных вызовов» (2021 г.) в статье показывается, как размер компании влияет на формирование организационной инклюзивной культуры. Рассматривается соответствие национальным нормам наличия инфраструктурных условий для работы сотрудников с ограниченными возможностями здоровья (СсОВЗ), а также собственные инклюзивные нормы и практики в отношении СсОВЗ. Для проверки связи между категориальными переменными — размером компании и параметрами, отражающими инклюзивную организационную культуру, — использовался критерий хи-квадрат. Итоговые профили компаний, сформированные на основании показателей наличия условий для трудоустройства и работы для СсОВЗ, выделялись с помощью методов, используемых для поиска аномалий.

Результаты анализа показали, что крупные компании с большей вероятностью будут поддерживать инклюзивные нормы и практики — обеспечивать организационные условия для работы СсОВЗ, доступную среду в офисе, отслеживать показатели найма и раз-

Abstract. Based on the results of a nationwide survey “Prospects for Inclusive Employment in Russian Companies and Factors Affecting Diversity Management in the Context of Global Challenges” (2021), the article shows how company size affects the formation of an organizational inclusive culture. The authors consider compliance with national norms of availability of infrastructural conditions for the work of employees with disabilities (EwDs) (equipment of workplaces and common areas) and internal inclusive standards and practices (formal rules and organization of recruitment, training and adaptation; recruitment and career development indicators for employees with various disabilities). Chi-square test was used to test the relationship between categorical variables — company size and various dimensions reflecting inclusive organizational culture. The final profiles of companies based on the presence of employment and work environment for EwDs were defined using the methods for finding anomalies.

The study shows that large companies are more likely to support inclusive norms and practices and provide an organizational environment for EwDs, an accessible office environment, and track EwDs recruitment and career develop-

вития их карьеры. Кроме того, с большей вероятностью в крупной компании будут присутствовать СсОВЗ.

Малые компании поддерживают инклюзивные практики неформально, за счет более тесных связей между сотрудниками и толерантного отношения к СсОВЗ. Это также демонстрирует потенциальное формирование инклюзивной культуры именно в малых компаниях. Компании среднего размера в меньшей степени реализуют меры инклюзивного трудоустройства и в то же время не готовы реализовывать их неформально. То есть в компаниях среднего размера предпосылок для развития инклюзивной организационной культуры меньше, чем в крупных и малых.

Общий уровень поддержки инклюзивных практик остается достаточно низким, из-за чего наиболее инклюзивные из них, которые мы отнесли к аномальным, незаметны на общем фоне. Такие компании также имеют тенденцию считать приоритетным формальное выполнение нормативных требований по трудоустройству людей с инвалидностью и потому не становятся драйверами распространения инклюзивной организационной культуры.

Ключевые слова: инклюзивное трудоустройство, люди с инвалидностью, сотрудники с ограниченными возможностями здоровья, инклюзивные практики, организационная культура

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).

ment rates. In addition, a large company is more likely to employ EwDs.

Smaller companies support inclusive practices informally, through closer ties between employees and tolerant attitudes towards EwDs. This also demonstrates the potential for an inclusive culture in smaller companies. Medium-sized companies are less likely to implement inclusive employment practices and at the same time, are not willing to implement them informally. That is, medium-sized companies have fewer prerequisites for developing inclusive organizational culture than large or small companies.

The overall level of support for inclusive practices remains quite low, making the most inclusive companies, which the authors have categorized as anomalous, “invisible” against the general background. Such companies also tend to prioritize the formal fulfillment of regulatory requirements for the employment of people with disabilities (PwDs), and therefore they do not become drivers of disseminating inclusive organizational culture.

Keywords: inclusive employment, people with disabilities, employees with disabilities, inclusive practices, organizational culture

Acknowledgments. The study was carried out within a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant agreement No. 075-15-2022-325).

Авторы выражают искреннюю признательность Кристиану Фрëлиху за значимый вклад в подготовку данной статьи.

The authors would like to express their sincere gratitude to Christian Fröhlich for his significant contribution to this article.

Введение

Активное включение в трудовую деятельность людей с инвалидностью (ЛСИ)¹ приводит к многочисленным положительным эффектам, таким как более высокие доходы, улучшение качества жизни и повышение социальной интеграции [Patrini, Ahrendt, 2021: 3]. Более инклюзивный рынок труда позволяет эффективнее и рациональнее использовать часто упускаемые из фокуса внимания таланты и способности [Антонова, Присяжнюк, Рябиченко, 2021]. Общество выигрывает от инклюзии ЛСИ не только в плане улучшения экономических показателей, но и в русле развития у его членов способностей к эмпатии, соучастию и взаимопомощи [Дудко, 2016], а также от лучшей интеграции и сплоченности [Rohwerder, 2015].

Начиная с 2000-х годов по результатам опросов работодателей было принято приписывать основные сложности в трудоустройстве ЛСИ стороне предложения: компании сходились во мнении, что они испытывают значительные трудности с поиском квалифицированных кандидатов и что ЛСИ не обладают необходимыми навыками, опытом, образованием и потенциалом для продвижения по службе. Также была распространена позиция, согласно которой характер работы компании не предполагает, что в ней может эффективно работать человек с инвалидностью, а расходы на оборудование специальных рабочих мест неоправданно велики. Однако последние исследования показывают, что организационная культура и практики связаны с неравенством в трудоустройстве ЛСИ [Erickson et al., 2014].

Широкомасштабная серия кейс-стади влияния корпоративной культуры на опыт трудоустройства людей с ограниченными возможностями выявила убедительные статистические доказательства того, что менеджеры играют важную роль в интеграции ЛСИ, а публичная, видимая приверженность организации проблемам инвалидности также оказывается значимой [Disability Case Study Research Consortium, 2008]. Практики работодателей, такие как активный прием ЛСИ на работу, создание инклюзивной среды для ЛСИ, а также учет инвалидности в политике управления многообразия, рассматриваются как важнейшие факторы, способствующие комфортному раскрытию инвалидности, то есть позволяют ЛСИ чувствовать себя менее уязвимыми и не скрывать инвалидность [von Schrader et al., 2011].

¹ Здесь и далее понятие «люди с инвалидностью» (ЛСИ) используется для обозначения лиц с «устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими» (Конвенция о правах инвалидов, 2006 // ООН. Конвенция и соглашения. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 27.08.2022)). К ЛСИ мы также относим тех, кто имеет так называемую невидимую инвалидность, причинами которой могут быть хронические заболевания (например, заболевания эндокринной системы, кровообращения, эхокачественные новообразования) [Колыбашкина и др., 2021]. Понятие «сотрудники с ограниченными возможностями здоровья» (СсОВЗ) было использовано в опросе в отношении ЛСИ, которые прошли процедуру трудоустройства и работают в компании. В этом же смысле понятие СсОВЗ использовано в данной публикации — прежде всего, для анализа и интерпретации результатов опроса. В ходе опроса СсОВЗ в компаниях были разделены на четыре категории: слабослышащие и глухие; слабовидящие и слепые; люди с нарушениями опорно-двигательного аппарата; люди с ментальными расстройствами (расстройства аутистического спектра, синдром Дауна и т.п.).

В отчете Всемирного банка за 2021 г. отмечаются следующие барьеры, связанные со спросом на труд ЛСИ [Жолыбашкина и др., 2021: 26—27]:

- прямая и косвенная дискриминация ЛСИ на рынке труда, в том числе вызванная преобладающим покровительственным отношением к ЛСИ;
- ограниченные возможности карьерного роста для ЛСИ;
- недостаточность у работодателей информации о трудоустройстве ЛСИ, страх юридической ответственности, беспокойство о невозможности адаптации рабочих мест;
- проблема согласования требований к работе и потребностей ЛСИ.

В дополнение к этому отчет Европейского фонда улучшения условий жизни и труда за 2021 г. фиксирует следующие факторы, тормозящие трудоустройство ЛСИ [Patrini, Ahrendt, 2021: 13]:

- неблагоприятные методы работы с персоналом, графики работы, интенсивность труда и давление со стороны руководства;
- неэффективная коммуникация между соискателями и работодателями;
- принятие подходов, основанных на соблюдении формальных требований вместо создания подлинно инклюзивной организационной культуры.

Как можно видеть, формальный подход к выполнению нормативного регулирования процесса трудоустройства ЛСИ не считается оптимальным. Он не способствует распространению инклюзивных ценностей и не нацелен на формирование инклюзивной культуры организаций, так как последняя требует явно больше усилий, времени, профессионализма, чем, например, добросовестное выполнение квот.

Все отмеченные выше и некоторые другие барьеры, мешающие компаниям практиковать инклюзивное трудоустройство, могут быть преодолены различными способами, с применением разных инклюзивных практик, при лидерстве и активном участии разнообразных акторов.

Бизнес и НКО как акторы в сфере инклюзивного трудоустройства

Примеры значимых усилий по продвижению инклюзивного трудоустройства самими работодателями — при понимании субъектности ЛСИ, их активной роли в собственной социализации, прежде всего через трудоустройство — существуют в России и не ограничиваются только теми, кто принимает ЛСИ на работу. Так, серьезным актором на поле поддержки инклюзивного трудоустройства является компания HeadHunter (hh.ru) — одна из крупнейших электронных платформ по поиску работы и сотрудников в России и мире. В 2013 г. на hh.ru была введена специальная маркировка вакансий, доступных для ЛСИ. Согласно данным HeadHunter, с 2017 по 2021 г. наблюдался неуклонный рост маркируемых для ЛСИ вакансий, что, на наш взгляд, демонстрирует мотивацию работодателей приобщаться к инклюзивному трудоустройству, снижать уровень патернализма, способствовать повышению субъектности соискателей с инвалидностью и снижению дискриминации ЛСИ при трудоустройстве².

² Сахарова Ю. Открытый рынок труда для соискателей с ОВЗ. Презентация на вебинаре «Всё получится!» Совета работодателей «Инклюзивное трудоустройство: как не бояться нанимать» (3 февраля 2022 г.). URL: https://drive.google.com/file/d/1hB2sB5YPADiu8NjX4BXeW9l_Y9KAAqQ/view (дата обращения: 27.08.2022).

Можно сказать, что в России развиваются более тонко настраиваемые под каждого работодателя и соискателя с инвалидностью способы инклюзивного трудоустройства, чем те, что задаются государственными нормативными рамками. Это происходит именно потому, что часть компаний видит преимущества наличия СсОВЗ в компании и пытается развивать собственные инклюзивные практики.

На этом фоне все более востребованным становится такой вид поддержки бизнеса в отношении трудоустройства ЛСИ, как сопровождаемое трудоустройство [Vlachou, Roka, Stavroussi, 2021]. Это метод работы с ЛСИ и другими уязвимыми группами, а также их окружением для доступа и закрепления на оплачиваемой работе на открытом рынке труда. Реализовываться сопровождаемое трудоустройство может по разным схемам, одной из которых является средовой подход, подразумевающий, среди прочего, построение профессиональной среды на рабочем месте и взаимодействие с коллективом работодателя и наставником³. Ключевым моментом в сопровождаемом трудоустройстве является поддержка работодателя на всех этапах работы с соискателями.

Кроме бизнес- и некоммерческих структур, одним из заметных акторов в сфере трудоустройства ЛСИ является государство. Роль его главным образом проявляется в создании законодательных рамок регулирования этого процесса, мониторинге ситуации с инклюзивным трудоустройством. Поскольку в 2022 г. законодательство, регулирующее трудоустройство ЛСИ, в значительной мере меняется, кратко охарактеризуем эти изменения.

Нормативные новеллы в регулировании трудоустройства ЛСИ

С 1 марта 2022 г. трудоустройство ЛСИ вместо ФЗ «О социальной защите инвалидов» регулируется ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» (219-ФЗ). Это создает предпосылки для отношения к ЛСИ как к трудовому ресурсу наравне с другими гражданами, а также формирует основу для агентности ЛСИ, которые для реализации равного права на трудоустройство должны проявлять мотивацию и активность, чтобы занять место на открытом рынке труда согласно своей квалификации, навыкам и индивидуальным предпочтениям.

Обновленный закон в явном виде (1) указывает, что выполнением квоты является именно трудоустройство ЛСИ на все организованные рабочие места, а не только формальная подготовка квотированных рабочих мест для ЛСИ, пусть даже без их заполнения; (2) закрепляет два способа выполнения квоты — трудоустройство ЛСИ к себе или к другому работодателю по соглашению в счет своей квоты; (3) объясняет, что филиалы выполняют квоту исходя из своей среднесписочной численности согласно законодательству региона присутствия.

Таким образом, нормативные новеллы в регулировании трудоустройства ЛСИ должны сформировать менее дискриминационную и более равноправную среду для инклюзивного трудоустройства, снижая патерналистское, снисходительное отношение общества и работодателей к ЛСИ и активизируя потенциал и собственные ресурсы ЛСИ для поиска работы на открытом рынке труда.

³ Сметанин И. Сопровождаемое трудоустройство. Презентация на вебинаре «Всё получится!» Совета работодателей «Инклюзивное трудоустройство: как не бояться нанимать» (03 февраля 2022 г.). URL: <https://drive.google.com/file/d/1Ltmmy6aD0B0109wrbWNlqNwJu0CGJd5/view> (дата обращения: 27.08.2022).

Уже сегодня в России есть регионы — лидеры в инклюзивном трудоустройстве. Так, в Санкт-Петербурге закон, подобный только что принятому на федеральном уровне, применяется с 2018 г. Согласно ему существуют такие способы выполнить квоту по трудоустройству ЛСИ, как нанять человека к себе в компанию, заключить соглашение с другой компанией в счет своей квоты, заключить договор с частным агентством занятости (ЧАЗ), создать совместные с другой компанией рабочие места.

Как можно видеть, такие варианты выполнения квот предполагают реальное сотрудничество компании, желающей трудоустроить человека с инвалидностью, с партнерами на рынке труда и с НКО, а также с частными компаниями, обеспечивающими трудоустройство ЛСИ. Новшества в федеральном законодательстве также должны мотивировать работодателей всех форм собственности и размеров участвовать в инклюзивном трудоустройстве не формально, для галочки, а с целью улучшения положения ЛСИ на рынке труда, снижения прямой и косвенной дискриминации, успешной социализации ЛСИ.

Некоторые эксперты из бизнеса и некоммерческого сектора считают, что «квоты работают, но социальная ответственность работает лучше», приводя в пример международные компании, которые не только выполняют требования законодательства, но и создают программы по трудоустройству, системы наставничества, самостоятельно «выращивают» сотрудников из студентов, принимая их сначала как стажеров и создавая условия для карьерного развития в будущем, закрепляя их в компании на долгий срок⁴. Однако, несмотря на уже сформировавшийся, пусть и немногочисленный, пул компаний, известных успешными практиками инклюзивного трудоустройства ЛСИ (ИКЕА, Philip Morris, Coca-Cola, Яндекс, SAP, МТС и др.), этот опыт до сих пор разрознен. Системного стратегического подхода к распространению практик инклюзии на российской почве нет, а обсуждение неудач и извлеченных из них уроков носит по большей части кулуарный характер.

В целом повестка управления разнообразием инклюзивного трудоустройства не в приоритете у компаний любого размера, работающих в России, за исключением, пожалуй, иностранных, которые более или менее удерживают эти вопросы в поле зрения [Антонова, Присяжнюк, Рябиченко, 2021]. Осведомленность компаний о том, с кем, кроме служб занятости и центров «Моя карьера», можно сотрудничать для повышения своей компетентности в вопросах инклюзивного трудоустройства ЛСИ, также нельзя назвать высокой.

В подтверждение актуальности описанных проблем можно упомянуть состоявшийся 8 апреля 2022 г. круглый стол «Занятость и трудоустройство людей с особыми потребностями. Возможен ли единый системный подход?», организованный Альянсом «Ценность каждого» и проектом «Всё получится!». Представители профильных НКО, профессиональных сообществ и научно-исследовательских центров, а также общественные деятели были приглашены для обсуждения сложных вопросов нормализации жизни особых детей и подростков на разных этапах социального и образовательного пути в процессе взросления. Подобные встречи показывают важность трудоустройства и занятости ЛСИ для их социальной адаптации и интеграции.

⁴ Назарова А., Филиппова А. Работает ли закон о квотах на рабочие места для инвалидов // Дело Модульбанка. 2021. 18 февраля. URL: <https://delo.modulbank.ru/all/inclusiveness> (дата обращения: 28.08.2022).

Вместе с тем не менее важными (а в российском случае — уникальными) можно назвать эмпирические исследования применяемых в компаниях инклюзивных практик, начиная с наличия специально оборудованных мест для СсОВЗ, отслеживания показателей, связанных с их наймом и развитием карьеры, и вплоть до создания специальных инструментов планирования их карьеры и профессионального роста. Несмотря на то что в настоящее время компании не оценивают эффективность практик, связанных с трудоустройством ЛСИ, когда такая потребность возникает, организации, собирающие эти и смежные показатели, оказываются лучше осведомлены о состоянии инклюзии для проведения подобной оценки [Erickson et al., 2014: 197]. Поскольку проведенное нами исследование для российского контекста пионерское, его результаты могут заложить основу мониторинга инклюзивности российских компаний и тем самым послужить формированию системного подхода к применению и распространению инклюзивных практик на уровне организаций.

Есть основания предположить, что у компаний, расположенных в разных федеральных округах России и различающихся по размеру, форме собственности, присутствию иностранного капитала, отраслевой принадлежности, условия для реализации нового законодательства по трудоустройству ЛСИ также не будут одинаковыми. Различаться будут также факторы внутреннего характера, влияющие на участие компаний в инклюзивном трудоустройстве, относящиеся к организационной культуре компаний.

К постановке исследовательской проблемы

Инклюзивная организационная культура — определяющий фактор для реализации инклюзивного трудоустройства. Эта культура, проявляющаяся в целом спектре инклюзивных практик в организации, формируется также в рамках регулирующих норм (таких, например, как законодательные документы на уровне государства), определяющих некий минимум требований к организациям по приему ЛСИ на работу и закрепляющих пути реализации этих норм.

У работодателя есть несколько возможностей для трудоустройства ЛСИ, если брать во внимание следующие параметры:

- количество квотируемых для ЛСИ рабочих мест;
- наличие специально оборудованных рабочих мест и мест общего пользования для ЛСИ.

Это нормативные параметры, заданные законодательством и фактически определяющие государственную социальную политику в отношении ЛСИ. Они демонстрируют усилия государства в выравнивании положения ЛСИ с позиции возможностей трудоустройства и формальных условий труда, связанных главным образом с подготовленной к принятию ЛСИ инфраструктурой организации.

Вместе с тем прием ЛСИ на работу ставит организацию перед более серьезными вызовами: адаптация в коллективе, настройка привычных бизнес-процессов под учет особенностей ЛСИ, обучение сотрудников компаний толерантному отношению к ЛСИ и т. д. То есть необходимым становится создание инклюзивной организационной культуры, определяющей контекст для формирования и реализации инклюзивных практик, связанных с трудоустройством и последующей деятельностью ЛСИ в компании.

Соответственно, важно понять, каким образом в организации соотносятся нормативные параметры инклюзивного трудоустройства как набор неких формальных требований к организации, и более разнообразные неформальные инклюзивные параметры (практики), формирующие настоящую инклюзивную организационную культуру. Кроме того, мы предположили, что в зависимости от размера компании будут иметь разные возможности для инклюзии ЛСИ, а следовательно, и разные инклюзивные практики на местах.

Наше предположение может подтвердить, например, мнение одного из экспертов, который на заседании Комитета по корпоративной социальной ответственности и устойчивому развитию Ассоциации менеджеров, прошедшем 22 июля 2021 г. на тему «Трудоустройство людей с ограниченными возможностями здоровья: опыт, вызовы и практические рекомендации», в явном виде обозначил взаимосвязь между готовностью трудоустроить ЛСИ и размером компании, подчеркнув, что «если в компании работает более 250 человек, то она готова взять человека с инвалидностью в штат. Малый и средний бизнес пока подвержен сомнениям, страхам и мифам. Надо учитывать, что у разных людей разные возможности, и это вопрос планирования»⁵.

Мы задавались следующим исследовательским вопросом: каким образом компании, в зависимости от размера, формируют организационную инклюзивную культуру с позиции соответствия национальным и глобальным нормам (инфраструктура, рабочие места, квоты) и с точки зрения разработки собственных инклюзивных практик? Дополнительный исследовательский вопрос звучал следующим образом: каковы значимые отличия в реализуемых инклюзивных практиках компаний в зависимости от их размера?

Социальная инклюзия ЛСИ на рынке труда и организационная культура: подходы к изучению и примеры эмпирических исследований

Во многих странах управление разнообразием и социальная инклюзия на рынке труда прочно укоренились в повестке и стали отдельной областью знаний и практики. Организации по всему миру теперь рассматривают инклюзию как важный вызов, требующий создания справедливых и равных рабочих мест для различных категорий работников, в том числе и ЛСИ. Курс на инклюзию на рынке труда предопределен как минимум двумя обстоятельствами. Во-первых, принятием во многих странах ключевых международных (в первую очередь Конвенции ООН о правах инвалидов) и национальных документов, требующих создания дружественной к ЛСИ культуры и их интеграции во все сферы общества. Во-вторых, создание инклюзивных рабочих мест становится выгодным для работодателя: современные исследования показывают, что социальная интеграция ЛСИ положительно сказывается не только на благополучии этих сотрудников, но и имеет позитивные эффекты для самой организации — повышаются производительность труда и лояльность к компании среди всех категорий сотрудников, а также улучшается микроклимат в коллективе [Meacham et al., 2017].

⁵ Право каждого человека — трудоустройство // Ассоциация менеджеров. 2021. 29 июля. URL: <https://amr.ru/press/news/kso/pravo-kazhdogo-cheloveka-trudoustroystvo/> (дата обращения: 27.08.2022).

Социальная инклюзия ЛСИ на рынке труда требует развития организационной культуры и инфраструктуры, обеспечивающих адаптацию ЛСИ к работе. Организационная культура, находящая отражение на уровне артефактов, базовых ценностей и общих предположений коллектива [Schein, 2009], подвергается трансформации через новый способ организации работы и действий, чему как раз и способствует опыт трудоустройства ЛСИ. Инклюзивная организационная культура проявляется в следующих индикаторах:

- обеспечение рабочей среды, основанной на уважении чести и достоинства всех сотрудников, вне зависимости от физических, этнических, гендерных и других характеристик;
- возможность выражать разные точки зрения и позиции, их уважение, учет мнения сотрудников в принятии решений;
- обеспечение равных возможностей для продвижения по карьерной лестнице и признания;
- обеспечение равной, справедливой и сбалансированной рабочей нагрузки для всех категорий сотрудников [Crouch, 2015].

Формирование организационной культуры подвержено влиянию как внешних факторов (таких как законодательные инициативы, проекты и программы, а также социокультурные паттерны конкретного общества), так и внутренних, обеспечивающих изменения за счет усилий самой организации [Kwiatkowska-Ciotucha et al., 2022]. Немаловажную роль в поддержании крепкой и цельной инклюзивной организационной культуры изнутри, в которой различия позиционируются как ценность, а работники объединяются вокруг миссии организации, играет высшее руководство. С помощью лексики, стиля общения и своего поведения руководители организаций устанавливают нормы и ценности, которые, в свою очередь, распространяются на другие уровни организационной иерархии — к руководителям отдельных подразделений и рядовым сотрудникам [Kuklenski, 2021: 103—112]. Одновременно с этим в западной исследовательской литературе и управленческих моделях, реализуемых на практике, менеджеры по персоналу обычно занимают ведущее место в развитии организационной культуры, а также обеспечении разнообразия и инклюзии на рабочих местах [Kaye, Jans, Jones, 2011], в том числе и по отношению к ЛСИ. Исследования демонстрируют, что именно менеджеры по персоналу, обладая корпусом знаний в области методов адаптации ЛСИ на рабочих местах, а также эффективных методов их найма и удержания в организации, несут инновационный потенциал с точки зрения развития инклюзии, социальной сплоченности и выстраивания сетей взаимодействия между сотрудниками компании [Meacham et al., 2017].

С другой стороны, некоторые зарубежные исследования показывают, что принятые у менеджеров по персоналу практики управления разнообразием не столь эффективно работают на адаптацию ЛСИ на рынке труда. К примеру, норвежское исследование демонстрирует, что за фасадом дискурса о приверженности компаний ценностям инклюзии и солидарности, поддерживаемого и транслируемого менеджерами по персоналу, оказываются реальные практики, которые далеко не всегда инклюзивны. Как показывает одно из исследований, несмотря на озвученный и прописанный в стратегиях компаний курс на инклюзию, инициативы ме-

неджеров по персоналу имели слабые эффекты: реальное количество сотрудников и стажеров с инвалидностью не выросло, а уровень вовлеченности работников в инклюзивные практики по отношению к ЛСИ был невысоким [Kuznetsova, 2016].

Изучение ценностей, знаний, мотивации и стратегий менеджеров по персоналу, безусловно, важно для понимания перспектив инклюзивного трудоустройства и управления разнообразием на рабочих местах в любой стране. Однако, учитывая зависимость интерпретации и реализации в компаниях инклюзивных мер от культурного и социального контекста, можно предположить, что роль HR-менеджеров в России может быть совершенно иной, и вопрос об агентности можно поставить иначе. Одновременно с этим вопросам социальной интеграции и разнообразия на рабочем месте в отечественном контексте пока уделяется недостаточно внимания. Эмпирических исследований всего несколько, они основаны на полуструктурированных интервью с менеджерами по персоналу и не претендуют на репрезентативность полученных данных. Исследователи приходят к выводу, что политика инклюзивной занятости и управления разнообразием слабо реализуется в бизнес-компаниях и мыслится HR-менеджерами как западное ноу-хау, которое слабо приживается на российской почве [Colgan et al., 2014, Kokovikhin, 2017].

Не хватает и отечественных исследований о представленности ЛСИ на рынке труда. Отчасти это можно объяснить лакунами в официальной государственной статистике, отчасти — отсутствием мониторинговых обследований по вопросу трудоустройства ЛСИ. Анализ доступных данных официальной статистики, проведенный Анной Демьяновой, демонстрирует слабую представленность ЛСИ на рынке труда в России. Показано, что только каждый четвертый человек с инвалидностью имеет работу, а занятость сосредоточена в основном в специфических секторах экономики (таких как рыболовство, лесное и сельское хозяйство) или вообще в неформальном секторе. Сама работа ЛСИ по большей части сопряжена с низкоквалифицированным трудом. Такое положение вещей объясняется А. Демьяновой через более низкий человеческий капитал ЛСИ, невысокий уровень образования и нехватку цифровых компетенций [Demianova, 2018].

Немногочисленные российские исследования в области трудоустройства ЛСИ фокусируются на социальной политике отдельных компаний, барьерах инклюзивной занятости и компетенциях менеджеров по персоналу в сфере инклюзии. Так, Зузана Дворжакова, Алена Федорова и Илона Полентс провели онлайн-опрос 29 HR-специалистов в различных компаниях для выяснения политики в отношении трудоустройства ЛСИ [Dvořáková, Fedorova, Polents, 2020]. Несмотря на интересные исследовательские находки и рассуждения об общей готовности представителей компаний создавать специальные условия для СсОВЗ, вопросы вызывает генерализация выводов о ситуации на рынке труда в России, а особенно — в сравнительной с Чехией перспективе. Вероятно, такие выводы требуют большей эмпирической верификации.

Отдельные исследования трудоустройства ЛСИ в России акцентируют внимание только на определенном регионе. Например, в исследовании Александры Шабуновой и Лейлы Фахрадовой занятость ЛСИ рассматривается на примере Вологодской области [Шабунова, Фахрадова, 2016]. Авторы отмечают, что организации выразили готовность нанять ЛСИ в соответствии с квотой, однако сами

потенциальные сотрудники не стремятся занимать рабочие места. В результате серии интервью с ЛСИ удалось выявить следующие барьеры инклюзивного трудоустройства: несоответствие рабочего графика потребностям и возможностям работников, высокая нагрузка, необходимость адаптации рабочего места под особенности разных категорий сотрудников с инвалидностью. Таким образом, выяснилось, что крупные компании в Вологодской области воспринимают инклюзивную занятость ЛСИ только как готовность принимать на работу эти категории кандидатов, однако не готовы инвестировать в создание доступной среды, специальных условий на рабочих местах, а также слабо развивают программы адаптации сотрудников.

К похожим выводам пришли авторы другого исследования, проведенного в Омской области с использованием количественной методологии. Работники организаций из числа ЛСИ отметили типичные проблемы инклюзивной занятости, такие как отсутствие доступной среды на рабочих местах и нехватка компетенций в области инклюзивного трудоустройства у персонала HR-служб. При этом ЛСИ, работающие в небольших компаниях (35—100 сотрудников), отмечают меньше барьеров для трудоустройства, чем ЛСИ, трудоустроенные в крупных компаниях (более 100 сотрудников). Единственное исключение, как показывает исследование, связано с финансовыми возможностями для создания инклюзивных рабочих мест, которых у крупных организаций больше, чем у небольших [Арбуз, 2019].

Таким образом, зарубежные исследования демонстрируют, что HR-менеджеры и высшее руководство компаний, отстраивающие организационную культуру, могут оказаться мощными драйверами создания инклюзивных рабочих мест для всех категорий работников, в том числе и для ЛСИ. С другой стороны, российские исследования в большей степени фокусируются на проблемах со стороны предложения — на недостатке образования, компетенций и мотиваций у ЛСИ, а также на дополнительном финансовом бремени для компании в случае найма такого сотрудника. Исследований же, посвященных анализу готовности самих компаний принимать ЛСИ и развивать инклюзивную организационную культуру, в российском поле явно недостаточно.

После краткого анализа «state of the art» в исследованиях инклюзивной организационной культуры в российских и зарубежных источниках обратимся к детализации методологии нашего исследования и описанию выборки.

Методология

Эмпирической базой исследования стали данные репрезентативного общероссийского опроса, направленного на изучение восприятия и реализации HR-менеджерами практик, связанных с многообразием и инклюзивностью, в процессе найма на работу и на рабочем месте в их организациях. В основу создания опросника легли индикаторы, выделенные в ходе интервью с HR-менеджерами российских и транснациональных бизнес-компаний в проведенном ранее качественном исследовании установок HR-менеджеров в отношении инклюзивного трудоустройства [Антонова, Присяжнюк, Рябиченко, 2021]. Эти индикаторы представлены на трех уровнях: *индивидуальном* — характеристики HR-менеджеров, их личный опыт и индивидуальные установки; *организационном* — характеристики

компаний и используемые в них практики инклюзивного трудоустройства, оценка роли формальных институтов компании в реализации этих практик; *международном* — оценка применимости и имплементация международных норм и практик в области развития инклюзии.

В российских регионах показатель занятости инвалидов существенно различается и колеблется от 7,2% до 29,2% [Кучмаева, 2020]. Фиксируются также различия в зависимости от сфер деятельности⁶ и размера компании⁷. Поэтому в качестве характеристик компании мы использовали объективные показатели, такие как федеральный округ, в котором находится компания или ее подразделение; тип населенного пункта; размер компании, оцениваемый по количеству сотрудников; тип компании — российская или транснациональная; отрасль экономики по основному виду деятельности.

Как было подчеркнуто, организационная культура и практики реализации компаниями принципов разнообразия и инклюзии (*diversity & inclusion*) на рабочем месте являются важными факторами, связанными с наблюдаемым неравенством для ЛСИ на рынке труда (см., например, [Erickson et al., 2014; Антонова, Присяжнюк, Рябиченко, 2021]), поэтому они оказались в фокусе настоящего исследования. Мы рассматриваем такие аспекты, как наличие физических условий для работы ЛСИ — оборудование рабочих мест и мест общего пользования; наличие организационных условий — формальные правила и организация найма, обучения и адаптации; наличие отслеживаемых показателей, связанных с наймом и развитием карьеры сотрудников с разными возможностями здоровья.

Выборка и процедура

Опрос проводился по формализованной анкете комбинированным методом — респондентам предлагалось на выбор пройти личное, телефонное интервью или онлайн-анкетирование (средняя продолжительность интервью составила 20 минут). Сбор данных проводился в течение ноября-декабря 2021 г.

Объем выборки составил 2050 респондентов, среди которых были представители крупного (200 интервью, включая филиалы в регионах), среднего (650 интервью) и малого бизнеса (1200 интервью). К крупному бизнесу мы относим компании, в которых число сотрудников составляло более 250 человек на момент проведения опроса, к среднему — компании со штатом в 101—250 сотрудников, и к малому — компании численностью до 100 сотрудников включительно. По типу собственности в выборку были включены иностранные, российские с госучастием и российские частные компании.

География исследования охватывает все федеральные округа РФ, в том числе по 350 интервью в ЦФО, ПФО, УрФО, ЮФО, СибФО и по 100 интервью в СЗФО, СКФО, ДВФО.

Показатели, демонстрирующие характеристики найма, карьеры и организационной культуры в компаниях, отбирались таким образом, чтобы получить ответ

⁶ Сфера деятельности работающих инвалидов в соответствии с ОКВЭД // Пенсионный фонд Российской Федерации. 2021. URL: <https://sfr.ru/analitika/zanyatost/sfera-deyatelnosti> (дата обращения: 27.08.2022).

⁷ Право каждого человека — трудоустройство // Ассоциация менеджеров. 2021. 29 июля. URL: <https://amr.ru/press/news/kso/pravo-kazhdogo-cheloveka-trudoustroystvo/> (дата обращения: 27.08.2022).

на исследовательские вопросы и проверить гипотезу о взаимосвязи размера компании и инклюзивности ее организационной культуры.

Для проверки наличия связи между категориальными переменными — размером компании и различными параметрами относительно СсОВЗ — использовался критерий хи-квадрат. При обнаружении статистически значимой связи проводился анализ стандартизованных остатков для получения содержательных выводов о характере выявленных взаимосвязей между переменными.

Итоговые профили компаний, сформированные на основе показателей наличия условий для трудоустройства и работы СсОВЗ, выделялись с помощью методов, используемых для поиска аномалий (изоляция лес, метод k-ближайших соседей и локального уровня выброса).

Рассмотрим теперь полученные в ходе опроса результаты, позволяющие ответить на сформулированные исследовательские вопросы.

Результаты исследования

Взаимосвязь размера организации и различных характеристик, связанных с трудоустройством и работой ЛСИ

В таблицах 1—3⁸ представлены результаты проверки наличия связи между размером организации и такими параметрами, как наличие условий для работы, отслеживаемые показатели, определяющие наем и развитие карьеры, а также организационные условия для работы СсОВЗ.

Таблица 1. *Связь между размером организации и наличием условий для СсОВЗ*

Имеющиеся условия для СсОВЗ	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
Наличие в компании СсОВЗ	-3,4 (да); +2,0 (нет)	+0,8 (да)	+6,8 (да)
Специально оборудованные места общего пользования (кухни, туалеты)	-1,7 (есть)	+1,7 (есть)	+1,1 (есть)
Специально оборудованные рабочие места	-2,0 (есть)	+0,1 (есть)	+4,6 (есть)
Передвижение по офису компании / пользование оборудованием для слепых сотрудников	+1,7 (да, но для удобства может потребоваться помощь другого человека / сопровождающего)	-1,6 (да, но для удобства может потребоваться помощь другого человека / сопровождающего)	+2,1 (да, сможет самостоятельно без дополнительной помощи)

⁸ В Таблицах 1—3 в строках перечислены характеристики, выражающие те или иные стороны инклюзивности, показавшие статистически значимую взаимосвязь с размером организации на уровне ошибки $p < 0,05$. В ячейках даны наибольшие по модулю стандартизованные остатки. Положительный стандартизованный остаток говорит о том, что для соответствующего типа организации данная характеристика будет представлена с большей вероятностью, отрицательный стандартизованный остаток — о том, что соответствующая характеристика будет представлена с меньшей вероятностью. Закрашенные ячейки показывают статистически значимые закономерности, а в скобках дается расшифровка того, как проявляется для соответствующего размера организации та или иная характеристика. В качестве значимых стандартизованных остатков мы рассматриваем те, которые по модулю превышают значение 1,96 (критическое значение для $\alpha = 5\%$). В некоторых случаях мы рассматриваем стандартизованные остатки на уровне критического значения 1,6 (по модулю) (при $\alpha = 10\%$), так как считаем некоторые из таких результатов содержательно ценными для исследования. Надежность таких выводов ниже, но мы полагаем, что данное решение допустимо с учетом большого объема наблюдений, доступных для анализа (2050).

Представленные в таблице 1 результаты показывают, что в крупных организациях с большей вероятностью будут как СсОВЗ, так и условия для их работы (например, специально оборудованные рабочие места, +4,6). В то же время в малых организациях со значимо меньшей вероятностью присутствуют СсОВЗ или специально оборудованные рабочие места для людей с ограниченными возможностями (–2,0).

Крупный бизнес со значимо большей вероятностью располагает офисами, по которым слепые сотрудники могут передвигаться самостоятельно без дополнительной помощи. С большей вероятностью в малых компаниях отмечают наличие возможностей для слепых сотрудников передвигаться с помощью другого человека / сопровождающего, в то время как в средних компаниях эта вероятность, наоборот, снижается — здесь не отмечаются наличие условий для самостоятельного перемещения по офису либо готовность помогать слепым сотрудникам⁹. При этом не было обнаружено статистически значимой взаимосвязи между размером компании и наличием возможности попасть в офис компании на инвалидной коляске (на уровне ошибки $p = 0,128$).

Анализ взаимосвязи размера организации и показателей, связанных с наймом и развитием карьеры СсОВЗ, продемонстрировал (см. табл. 2), что со значимо большей вероятностью какие-либо показатели отслеживают крупные организации. Малые организации со значимо меньшей вероятностью отслеживают показатели, связанные с удержанием и продвижением СсОВЗ (–2,7), а организации среднего размера хотя и демонстрируют тенденцию к отслеживанию подобных показателей, тем не менее пока не показывают статистической значимости.

Таблица 2. **Связь между размером организации и отслеживаемыми показателями, связанными с наймом и развитием карьеры СсОВЗ**

Показатели	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
Отражающие равенство оплаты труда для СсОВЗ	–1,6 (да)	+0,2 (да)	+3,7 (да)
Отражающие удержание и продвижение СсОВЗ	–2,7 (да)	+1,5 (да)	+4,0 (да)
Отражающие количество соискателей с ОВЗ	–1,7 (да)	+0,7 (да)	+2,9 (да)
Отражающие количество нанятых соискателей с ОВЗ	–1,3 (да)	–0,1 (да)	+3,4 (да)
Отражающие количество СсОВЗ	–1,8 (да)	+0,4 (да)	+3,8 (да)

Результаты проверки наличия взаимосвязи размера организации с организационными условиями для работы СсОВЗ показали (см. табл. 3), что крупный бизнес со значимо большей вероятностью имеет формально закрепленный процесс предоставления особых условий работы / особого оборудования (+2,7), специальные программы адаптации (+4,5), инструменты планирования карьеры и развития для СсОВЗ (+3,7), сотрудничает с негосударственными общественными организациями, способствующие трудоустройству соискателей с инвалидностью (+4,4),

⁹ Результат значим при снижении надежности статистического вывода (при $\alpha = 10\%$).

прописанные требования для своих поставщиков/подрядчиков о соблюдении принципов инклюзии и разнообразия (+2,5). Средний бизнес также с большей вероятностью предъявляет требования для поставщиков/подрядчиков о соблюдении принципов инклюзии и разнообразия, но больше неформально (+2,6), в то время как для малого бизнеса не свойственно предъявлять какие-либо требования к своим поставщикам/подрядчикам в данных вопросах (−1,9)¹⁰. Малый бизнес также со значимо меньшей вероятностью имеет специальные программы адаптации для СсОВЗ (−1,9)¹¹. Хотя мы получили подтверждение статистически значимой взаимосвязи между наличием формально закрепленного процесса предоставления особых условий работы/особого оборудования и размером компании (статистически значимо на уровне ошибки $p < 0,003$), тем не менее статистически значимые стандартизированные остатки отсутствуют.

Таблица 3. **Связь между размером организации и организационными условиями для работы СсОВЗ**

Организационные условия для работы СсОВЗ	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
Формально закрепленный процесс предоставления особых условий работы/оборудования для СсОВЗ	−0,8 (да)	−0,9 (да)	+2,7 (да)
Наличие отдела/лица, назначенного ответственным для решения вопросов о предоставлении особых условий работы/оборудования для СсОВЗ	−1,5 (да)	+1,4 (да)	+0,7 (да)
Специальные программы адаптации для СсОВЗ	−1,9 (да)	0,0 (да)	+4,5 (да)
Специальные инструменты планирования карьеры и развития для СсОВЗ	−0,7 (да)	−1,0 (да)	+3,7 (да)
Сотрудничество с негосударственными общественными организациями, которые способствуют трудоустройству СсОВЗ	−1,8 (раньше сотрудничали, а теперь нет)	+1,7 (раньше сотрудничали, а теперь нет)	+4,4 (сотрудничает)
Требования для поставщиков/подрядчиков о соблюдении принципов инклюзии и разнообразия	−1,9 (да, но неформально)	+2,6 (да, но неформально)	+2,5 (да, существует формальный кодекс)

Относительно поставленных основного и дополнительного исследовательских вопросов полученные результаты демонстрируют следующее. Крупные компании ожидаемо с большей вероятностью будут иметь офисы со специально оборудованными для ЛСИ местами общего пользования, рабочие места, удовлетворяющие нормам законодательства для найма ЛСИ, включая инфраструктуру, делающую возможным передвижение незрячих сотрудников по офису. Это связано в том числе с тем, что крупные компании чаще арендуют дорогостоящие офисы класса

¹⁰ Результат значим при снижении надежности статистического вывода (при $\alpha = 10\%$).

¹¹ Результат значим при снижении надежности статистического вывода (при $\alpha = 10\%$).

А или владеют ими — они по определению архитектурно приближены к универсальному (инклюзивному) дизайну.

Вместе с тем зафиксирована большая вероятность возможности для незрячих сотрудников передвигаться в малой компании с помощью другого человека (сопровождающего), что говорит в пользу более тесной коммуникации, выражения поддержки и социальных связей сотрудников малых фирм. Подобное отношение сотрудников малых компаний к ЛСИ как раз служит проявлением инклюзивной организационной культуры, которая формируется за счет понимания необходимости помочь преодолеть определенные инфраструктурные барьеры, большего участия коллег в создании благоприятной для СсОВЗ среды в организации.

Результаты, отражающие характер взаимосвязи размера организации и показателей, связанных с наймом и развитием карьеры СсОВЗ, демонстрируют, что сбор таких данных со значимо большей вероятностью практикуют крупные компании. Они фиксируют показатели равенства оплаты труда для СсОВЗ, удержание и продвижение таких сотрудников по карьерной лестнице, а также собирают статистику по сотрудникам, группируя их в соответствии с проблемами со здоровьем. Можно предположить, что происходит это не только вследствие того, что крупные компании отчитываются перед государственными органами за выполнение квот, но и в результате более стратегического подхода к наличию в штате таких сотрудников, используя данные по ним для мониторинга ситуации с наймом и продвижением СсОВЗ, а также планирования адаптационных мероприятий. Сбор указанной информации дает компании возможность чувствовать себя увереннее при построении перспективных планов взаимодействия с СсОВЗ, а значит, и в целом переводит компанию в плоскость инклюзивной организации, гибко реагирующей на вызовы рынка труда, изменения в социальной политике и т. п.

Малые же компании за счет незначительного количества СсОВЗ со значимо меньшей вероятностью будут обращать внимание на то, сколько таких сотрудников у них в штате, и тем более не озаботятся вопросами их карьерного развития и продвижения. Напомним, что для компаний численностью до 100 человек квотирование рабочих мест для ЛСИ не предусмотрено российским законодательством. Таким образом, малые компании значимо реже будут проявлять инициативу по созданию системы показателей, сообщающих о положении в них СсОВЗ, и в принципе задумываться о преимуществах инклюзии ЛСИ для своего бизнеса¹².

Наконец, с точки зрения наличия взаимосвязи размера организации с организационными условиями для работы СсОВЗ наши результаты показали, что крупный бизнес, в отличие от средних и малых компаний, со значимо большей вероятностью (в порядке убывания статистической значимости):

- имеет специальные программы адаптации для СсОВЗ;
- сотрудничает с негосударственными общественными организациями для трудоустройства соискателей с инвалидностью;

¹² Зарубежный опыт демонстрирует явные преимущества малого бизнеса для переориентации его на рельсы инклюзивной культуры. В Великобритании коучи и тренеры по инклюзивному развитию подчеркивают, что малые предприятия более проворны и с гораздо большей вероятностью связаны с местными сообществами, что позволяет им лучше понимать их и учиться друг у друга ценностям инклюзии. См.: Chowdhury T. (2021) What Small Businesses Can Do Around Diversity and Inclusion // LinkedIn. 2021. March 21. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/what-small-businesses-can-do-around-diversity-chowdhury-he-him-> (дата обращения: 27.08.2022).

- имеет инструменты планирования и развития карьеры для СсОВЗ;
- имеет формально закрепленный процесс предоставления особых условий работы / особого оборудования, а также прописанные требования (в виде кодекса и т. п.) для своих поставщиков/подрядчиков о соблюдении принципов инклюзии и разнообразия.

Крупный бизнес демонстрирует явные элементы инклюзивной организационной культуры. Создание программ адаптации СсОВЗ и разработка для них инструментов планирования карьеры и развития — это реализация индивидуального подхода к СсОВЗ и проявление недискриминационной политики в отношении Лс И. Более того, ориентирование поставщиков и подрядчиков на поддержку принципов инклюзии и разнообразия говорит о желании и возможности крупных компаний стать проводниками инклюзивных ценностей и инклюзивной политики в бизнес-сообществе. Сотрудничество же крупных компаний с негосударственными общественными организациями в части трудоустройства соискателей с инвалидностью также свидетельствует в пользу их инклюзивной корпоративной культуры, так как требует дополнительных усилий по поиску такой организации и установлению эффективной коммуникации с ней, выделения времени на формирование и обсуждение пула кандидатов с инвалидностью на вакансии компании. Также такое сотрудничество может говорить о том, что компания достаточно осведомлена, к кому можно обратиться за поддержкой в поиске ЛсИ для последующего трудоустройства и насколько взаимовыгодным может быть такое сотрудничество.

Иными словами, крупная компания в принципе имеет большой арсенал ресурсов найма и трудоустройства ЛсИ. Тем самым, с одной стороны, трудоустройство ЛсИ продолжает институционализироваться: создаются и распространяются среди работодателей варианты взаимодействия между собой и с другими институтами — государством, НКО, коммерческими цифровыми проектами (например, Everland), корпоративными волонтерами; образуется пул организаций, наиболее активно предлагающих помощь компаниям в трудоустройстве ЛсИ. С другой стороны, формируются социальные сети и сообщества, поддерживающие актуальность инклюзивного трудоустройства и обменивающиеся опытом лучших практик или сложностей, встреченных на этом пути. В процессе коммуникации компании, развивающие инклюзивную организационную культуру, становятся носителями некоего «нового» знания, которое другие организации на рынке пытаются «примерять» на себя или хотя бы начинают задумываться о возможности более стратегических подходов к инклюзии ЛсИ в своих коллективах.

Итак, на первом этапе работы с данными опроса с помощью критерия хи-квадрат и анализа стандартизованных остатков мы решили задачу поиска инклюзивных практик, связанных с размером компаний, а именно — тех практик, которые будут заметнее всего различаться в компаниях разного размера.

На втором этапе, после того как все инклюзивные практики по отдельности были проверены на наличие связи с размером компаний, мы сфокусировались на построении профилей компаний разного размера на основе показавших себя значимыми инклюзивных практик.

Определение профилей компаний

Использованный на первом шаге кластерный анализ дал неконтрастные профили компаний, которые не позволяли ни увидеть заметные различия между ними, ни обнаружить закономерности в распределении компаний разного размера по кластерам (в примерно равной степени в каждый из кластеров попадали компании разного размера). Поэтому на втором шаге мы прибегли к методу поиска аномалий (см. сноску 13) и с его помощью на фоне основной массы опрошенных компаний выделили небольшую группу, в которой наблюдалось большее средоточие и разнообразие показателей инклюзивной организационной культуры. При этом следует отметить, что обнаруженные значимые различия в выраженности инклюзивных практик в компаниях разного размера не позволяют говорить о сложившихся различиях в инклюзивности при сравнении компаний. Многомерный анализ инклюзивных практик в совокупности показывает, что их распространенность на общем фоне опрошенных компаний слишком мала.

В таблице 4 представлено описание профилей типичных и аномальных компаний в виде долей компаний для каждого из профилей, у которых представлена та или иная характеристика, связанная с предоставлением специальных условий СсОВЗ и различными инклюзивными практиками в отношении СсОВЗ. В аномальном профиле оказались две крупные, две средние и три малые компании¹³.

Аномальные компании в целом чаще обеспечивают условия для работы СсОВЗ в офисе (специально оборудованные места общего пользования отмечают 71 % среди аномальных и 48 % среди типичных компаний), а также отслеживают различные показатели, связанные с наймом и развитием карьеры СсОВЗ: отражают удержание и продвижение СсОВЗ (71 % среди аномальных против 11 % среди типичных), количество СсОВЗ (57 % против 22 %), количество соискателей с ОВЗ (57 % против 13 %), количество нанятых соискателей с ОВЗ (57 % против 16 %), равенство оплаты труда для СсОВЗ (29 % против 16 %). Среди аномальных компаний также выше оказалась доля обеспечивающих организационные условия для работы СсОВЗ: они сотрудничают с негосударственными общественными организациями, которые способствуют трудоустройству людей с ОВЗ (42 % против 29 %), имеют формально закрепленный процесс предоставления особых условий работы и/или оборудования для СсОВЗ (43 % против 36 %). В аномальных компаниях чаще есть специальный отдел или позиция/функционал, связанный с решением вопросов инклюзии СсОВЗ в организации (57 % против 32 %).

¹³ Профили компаний получились следующие (обозначения для цифр в скобках см. табл. 4):

Компания 1: крупная, есть (1), (2), (3), (6), (8), (10), (11), нет (4), (5), (7), (9), (12)
Компания 2: крупная, есть (1), (3), (6), (7), (9), (11), (12), нет (2), (4), (5), (8), (10)
Компания 3: малая, есть (2), (3), (4), (7), (9), (10), нет (1), (5), (6), (8), (11), (12)
Компания 4: малая, есть (2), (3), (4), (10), (11), (12), нет (1), (5), (6), (7), (8), (9)
Компания 5: средняя, есть (2), (3), (4), (5), (9), (12), нет (1), (6), (7), (8), (10), (11)
Компания 6: средняя, есть (3), (5), (7), (8), (9), (12), нет (1), (2), (4), (6), (10), (11)
Компания 7: малая, есть (1), (2), (3), (6), (7), (9), (10), (11), нет (4), (5), (8), (12).

У типичных организаций выше только доля компаний, поддерживающих специальные программы адаптации для СсОВЗ (36 % против 28 %), а также доля компаний, в которых есть СсОВЗ (66 % против 43 %). Первый показатель превосходит по значению соответствующий показатель в аномальных компаниях, скорее всего, именно потому, что в них, согласно второму показателю, меньше СсОВЗ, которым компания должна предоставлять возможности адаптации. Второй показатель демонстрирует, что, несмотря на более высокий в целом уровень обеспечения условий для работы СсОВЗ в аномальных компаниях, такие сотрудники не очень часто присутствуют в этих компаниях. Это может свидетельствовать о приоритете соблюдения формальных требований к трудоустройству ЛСИ и обеспечению условий для них как в типичных, так и в аномальных компаниях в целом.

Еще одним интересным наблюдением поведения компаний обоих типов в части формирования инклюзивной организационной культуры является результат, показывающий, что практически все компании (100 % аномальных и 97 % типичных) имеют специальные инструменты планирования карьеры и развития для СсОВЗ. Вместе с тем наличие показателей удержания и карьерного продвижения СсОВЗ сильно разнится в аномальных и типичных компаниях (71 % против 11 %). Такое положение вещей, на наш взгляд, еще раз демонстрирует, что в подавляющем большинстве компаний к вопросам инклюзии ЛСИ относятся формально. Даже имея пакет мер и инструментов, которые должны помочь в реализации инклюзивного подхода к адаптации и развитию СсОВЗ в компаниях, они не используют эти возможности, не оценивают прогресс на пути совершенствования инклюзивной организационной культуры и результатов инклюзивного трудоустройства.

В целом же, согласно профилям, аномальность проявляется в максимально широком использовании возможных нормативных и инфраструктурных условий для работы ЛСИ и собственных инклюзивных норм и практик.

Таким образом, профиль аномальных компаний скорее будет показывать присутствие в них инклюзивной организационной культуры, нежели профиль типичных компаний. Однако испытать преимущества этой инклюзивной культуры на себе пока что могут немногие ЛСИ, поскольку аномальные компании не являются лидерами по числу работающих у них СсОВЗ. То есть их инклюзивная организационная культура может быть охарактеризована больше как некий «замороженный» потенциал, который при необходимости раскроется и даст возможность ЛСИ не чувствовать себя в таких компаниях дискриминируемыми и подвергающимися социальной эксклюзии. Аномальные компании (которые в целом, согласно выявленным профилям, более инклюзивны по сравнению с типичными) не торопятся задействовать свой инклюзивный потенциал, так как, на наш взгляд, выполнения формальных требований квотирования и наличия оборудованных для ЛСИ мест общего пользования приоритетнее поиска и применения креативных форм инклюзивных практик.

**Таблица 4. Профили типичных и аномальных компаний
 в отношении имеющих в них показателей инклюзивной организационной культуры**

	Наличие в компании СсОВЗ (1)	Специально оборудованные места общего пользования (кухни, туалеты) или рабочие места (2)	Специальные инструменты планирования карьеры и развития для СсОВЗ (3)	Сотрудничество с негосударственными организациями, которые способствуют трудоустройству людей с ОВЗ (4)	Специальные программы адаптации для СсОВЗ (5)	Формально закрепленный процесс предоставления особых условий работы/оборудования для СсОВЗ (6)	Наличие отдела/лица, назначенного ответственным для решения вопросов о предоставлении особых условий работы/оборудования для СсОВЗ (7)	Показатели:				
								Отражающие равенство оплаты труда для СсОВЗ (8)	Отражающие удержание и продвижение СсОВЗ (9)	Отражающие количество соискателей с ОВЗ (10)	Отражающие количество нанятых соискателей с ОВЗ (11)	Отражающие количество СсОВЗ (12)
Аномальные	43%	71%	100%	42%	28%	43%	57%	29%	71%	57%	57%	57%
Типичные	66%	48%	97%	29%	36%	36%	32%	16%	11%	13%	16%	22%

Выводы и практические предложения

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, мы обнаружили зависимость между размером компании и наличием в ней тех или иных инклюзивных практик, косвенно подтвердив существующее мнение HR-директоров о большей готовности крупных компаний взять в штат ЛСИ. Наши данные показывают, что чем крупнее компания, тем с большей вероятностью в ней будут поддерживаться инклюзивные нормы и практики — обеспечиваться организационные условия для работы СсОВЗ, доступная среда, отслеживаться показатели найма и развития карьеры СсОВЗ. Также СсОВЗ с большей вероятностью будут присутствовать именно в крупной компании.

Вместе с тем, несмотря на обнаруженные значимые различия в выраженности инклюзивных практик в компаниях разного размера, многомерный анализ данных практик в совокупности показывает, что распространенность инклюзивных практик в целом по выборке пока слишком мала, чтобы позволить говорить о сложившихся различиях в инклюзивности при сравнении компаний разного размера.

Во-вторых, малые компании, несмотря на более ограниченные ресурсы, могут поддерживать инклюзивные практики неформально, за счет более тесных связей между сотрудниками и толерантного отношения к СсОВЗ. Мы считаем это проявлением инклюзивной организационной культуры и демонстрацией потенциала ее формирования именно в малых компаниях. Компании же среднего размера в меньшей степени реализуют меры, связанные с трудоустройством и обеспечением условий для СсОВЗ, и одновременно скорее не готовы поддерживать или реализовывать их неформально. Так, в компаниях среднего размера предпосылок для развития инклюзивной организационной культуры меньше, чем в крупных и малых.

В-третьих, несмотря на выявленные закономерности о связи размера компаний с поддержкой инклюзии и разнообразия, общий уровень реализации соответствующих практик остается достаточно низким, из-за чего наиболее инклюзивные компании, которые мы отнесли к аномальным, незаметны на общем фоне.

Наконец, мы показали, что даже наиболее инклюзивные компании имеют тенденцию считать приоритетным формальное выполнение нормативных требований по трудоустройству ЛСИ и потому не становятся драйверами популяризации и распространения инклюзивной организационной культуры. Такую ситуацию можно объяснить несформированной институциональной внешней средой, которая не мотивирует компании — лидеры инклюзии — к активному продвижению инклюзивных практик в бизнес-сообществе.

Вместе с тем видны и точки роста. Российское законодательство, регулирующее инклюзивное трудоустройство ЛСИ, меняется и акцентирует внимание на взаимодействии работодателей и государственных центров карьеры, а также НКО, помогающих найму и продвижению ЛСИ. Поэтому главная роль законодательных норм в поддержании инклюзии в организациях может, в свою очередь, развернуть компании в сторону «оживления» и усовершенствования отношений к найму и обеспечению ЛСИ необходимыми условиями работы. Это должно привести к появлению большего числа СсОВЗ в компаниях и, следовательно, мотивировать последних к развитию реальной, а не формальной инклюзивной культуры.

Что касается малых компаний, то общество и бизнес-сообщество нуждаются в разъяснении значительного потенциала таких компаний в части создания инклюзивных практик, ориентированных на социальные связи, социальную сплоченность и толерантность их сотрудников. Развитие таких практик и инклюзивной организационной культуры на их основе могут помочь распространению ценностей инклюзии как нормы жизни в местных сообществах, где работает малый бизнес. Кроме того, при целевой поддержке государства малые компании, которые сейчас по законодательству не обязаны предоставлять квотируемые рабочие места ЛсИ, вполне могут захотеть попробовать себя в роли инклюзивного работодателя не для галочки, а для реального опыта и оценки инклюзивных практик.

Поскольку малый бизнес часто является семейным предприятием, объединяющим родственников и знакомых, то в этом окружении могут найтись и ЛсИ, найм и адаптация которых не только предоставит им возможность заработать, но и повысит престиж компании в сообществе. Низкая формализация деятельности малых компаний позволит внимательнее и с большим вниманием к индивидуальным особенностям подойти к СсОВЗ. Наличие СсОВЗ в малой компании означает серьезный пересмотр собственных ценностей всех сотрудников, оценку действий компании со стороны местного сообщества и заинтересованность в формировании практик, реально делающих организационную культуру компании инклюзивной.

Подобный опыт не всегда гарантированно может быть удачным. Разбор допущенных ошибок, открытое обсуждение новых подходов к инклюзии и принятие решений в малых компаниях представляется более эффективным, чем в крупных. Тиражирование же лучших практик в малых компаниях вполне может оказаться более быстрым и востребованным.

Перспективной видится работа с компаниями среднего размера в направлении усиления их инклюзивности. Поскольку данные показывают некое аморфное состояние средних компаний с точки зрения присутствия в них компонентов инклюзивной организационной культуры, можно предложить проработать практически единственный компонент такой оргкультуры, отмеченный средними компаниями, — требования к поставщикам/подрядчикам по исполнению принципов инклюзии и разнообразия (реализуемые пока неформально). Однако это потребует консенсуса со стороны компаний и поставщиков/подрядчиков, при этом что прозрачность инклюзивных практик, в свою очередь, должна быть явно выгодна обеим сторонам.

Обнаруженный в целом низкий уровень инклюзивной организационной культуры в российских компаниях согласуется с мнением HR-менеджеров о том, что управление разнообразием и инклюзия не входят в приоритетную повестку для работающих в России бизнес-организаций [Антонова, Присяжнюк, Рябиченко, 2021]. По этой причине аномальные компании из нашего исследования могут стать драйвером инклюзивной организационной культуры только в том случае, если на них обратит внимание государство, стимулирует их инклюзивное развитие и фиксирует актуальность и востребованность инклюзии и управления разнообразием как важную стратегическую цель развития бизнес-сообщества в целом. Мотивация бизнеса в России со стороны международных требований

к социальной инклюзии и достижению целей устойчивого развития, вероятно, не будет актуальной еще некоторое время.

Список литературы (References)

Антонова В. К., Присяжнюк Д. И., Рябиченко Т. А. Креативный эффект, инвестиции и инклюзия как норма жизни: установки HR-менеджеров России в отношении инклюзивного трудоустройства // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 3. С. 373—388. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-3-373-388>.

Antonova V. K., Prisyazhniuk D. I., Ryabichenko T. A. (2021) Creative Effect, Investment and Inclusion as a Norm of Life: Attitudes of Russian HR-Managers to Inclusive Employment. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 3. P. 373—388. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-3-373-388>.

Арбуз А. В. Новые подходы к трудоустройству лиц с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2019. № 1. С. 109—116. [https://doi.org/10.25513/1812-3988.2019.17\(1\).109-116](https://doi.org/10.25513/1812-3988.2019.17(1).109-116).

Arbuz A. V. (2019) New Approaches to the Employment of People with Disabilities. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*. No. 1. P. 109—116. [https://doi.org/10.25513/1812-3988.2019.17\(1\).109-116](https://doi.org/10.25513/1812-3988.2019.17(1).109-116). (In Russ.)

Дудко С. А. Организация профориентации, профессионального обучения и трудоустройства в системе инклюзивного образования Франции // Материалы международной научно-практической конференции «Модернизация профессионального образования: история, проблемы, современное состояние и прогноз развития», 26 мая 2016 г. / сост. Т. В. Болдовская. М.: ИСПО РАО, 2016. С. 65.

Dudko S. A. (2016) Organization of Career Guidance, Vocational Training and Employment in the Inclusive Education System of France. In: Boldovskaya T. V. (ed.) *Materials of the International Scientific and Practical Conference "Modernization of Vocational Education: History, Problems, Current State and Forecast of Development" (May 26, 2016)*. M.: ISRO RAO. P. 65. (In Russ.)

Колыбашкина Н., Сухова А., Устинова М., Демьянова А., Шубина Д. Анализ барьеров и возможностей для участия людей с инвалидностью на рынке труда в Российской Федерации. Вашингтон: Международный банк реконструкции и развития; Всемирный банк, 2021. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/099335011302129130/P175164082c1900f10b0d300c9326d7e3c8>.

Kolybashkina N., Sukhova A., Ustinova M., Demianova A., Shubina D. (2021) Analysis of Barriers and Opportunities for the Participation of People with Disabilities in the Labor Market in the Russian Federation. Washington, DC: International Bank for Reconstruction and Development; World Bank. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/099335011302129130/P175164082c1900f10b0d300c9326d7e3c8>. (In Russ.)

Кучмаева О. В. Занятость инвалидов в регионах России: состояние, дифференциация, факторы // Статистика и экономика. 2020. Т. 17. № 5. С. 27—37. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2020-5-27-37>.

Kuchmaeva O. (2020). Employment of Disabled People in Russian Regions: Status, Differentiation, Factors. *Statistics and Economics*. Vol. 17. No. 5. P. 27—37. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2020-5-27-37>. (In Russ.)

Шабунова А. А., Фахрадова Л. Н. Актуальные проблемы трудоустройства инвалидов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6. С. 126—142. <https://doi.org/10.15838/esc.2016.6.48.7>.

Shabunova A. A., Fakhradova L. N. (2016) Pressing Issues of Disability Employment. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. No. 6. P. 126—142. <https://doi.org/10.15838/esc.2016.6.48.7>. (In Russ.)

Colgan F., McKearney A., Bokovikova E., Kosheleva S., Zavyalova E. (2014) Employment Equality and Diversity Management in a Russian Context. In: Klarsfeld A., Booyesen L. A. E., Ng E., Roper I., Tatli A. (eds.) *International Handbook on Diversity Management at Work*. Cheltenham: Edward Elgar. P. 217—240. <https://doi.org/10.4337/9780857939319.00017>.

Crouch R. T. (2015) A Study of the Perceptions of Diversity and Inclusion Initiatives in Producing Improved Productive Work Cultures. A PhD Thesis in Education. Boiling Springs, NC: Gardner-Webb University. URL: https://digitalcommons.gardner-webb.edu/education_etd/115 (дата обращения: 27.08.2022).

Demianova A. V. (2018) Employment of Disabled People in Russia in the Context of the Digital Economy. HSE University Basic Research Program Working Paper No. WP BRP 91/STI/2018. URL: <https://wp.hse.ru/data/2018/11/28/1141498514/91S-TI2018.pdf> (дата обращения: 27.08.2022).

Disability Case Study Research Consortium (2008) Conducting and Benchmarking Inclusive Employment Policies, Practices, and Culture: Final Report. Syracuse, NY: Burton Blatt Institute at Syracuse University. URL: <https://www.dol.gov/sites/dolgov/files/odep/research/corporateculturefinalreport.pdf> (дата обращения: 27.08.2022).

Dvořáková Z., Fedorova A. E., Polents I. (2020) Perspectives of the Implementation of Human Resource Diversity Management in Russian and Czech Organizations. In: Jedlička P., Marešová P., Firlej K., Soukal I. (eds.) *Hradec Economic Days. Vol. 10(1). Proceedings of the International Scientific Conference “Hradec Economic Days 2020” (April 2—3, 2020)*. Hradec Králové: University of Hradec Králové. P. 104—113. <https://doi.org/10.36689/uhk/hed/2020-01-012>.

Erickson W. A., von Schrader S., Bruyère S. M., VanLooy S. A. (2014) The Employment Environment: Employer Perspectives, Policies, and Practices Regarding the Employment of Persons with Disabilities. *Rehabilitation Councelling Buletin*. Vol. 57. No. 4. P. 195—208. <https://doi.org/10.1177/0034355213509841>.

Patrini V., Ahrendt D. (2021) Disability and Labour Market Integration: Policy Trends and Support in EU Member States. Luxembourg: Publications Office of the European Union. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/publications/report/2021/disability-and-labour-market-integration-policy-trends-and-support-in-eu-member-states> (дата обращения: 27.08.2022).

Kaye H. S., Jans L. H., Jones E. C. (2011) Why Don't Employers Hire and Retain Workers with Disabilities? *Journal of Occupational Rehabilitation*. Vol. 21. No. 4. P. 526—536. <https://doi.org/10.1007/s10926-011-9302-8>.

Kokovikhin A. (2017) Diversity Management Competencies of HR Managers. *DEStech Transactions on Economics Business and Management*. <https://doi.org/10.12783/dtem/emem2017/17092>.

Kuklenski J. (2021) Diversity and Organizational Development: Impacts and Opportunities. Bingley: Emerald Publishing Limited. <https://doi.org/10.1108/9781839825927>.

Kuznetsova Yu. (2016) An Inclusive Corporate Culture: Examining the Visible and Invisible Levels of Disability Inclusiveness in Two Large Enterprises. *Scandinavian Journal of Disability Research*. Vol. 18. No. 3. P. 179—190. <https://doi.org/10.1080/15017419.2015.1063541>.

Kwiatkowska-Ciotucha D., Załuska U., Kozyra C., Grzeškowiak A., Żurawicka M., Polak K. (2022) Diversity of Perceptions of Disability in the Workplace vs. Cultural Determinants in Selected European Countries. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 19. No. 4. P. 1—15. <https://doi.org/10.3390/ijerph19042058>.

Liu F. T., Ting K. M., Zhou Z.-H. (2008) Isolation Forest. In: Giannotti F., Gunopulos D., Turini F., Zaniolo C., Ramakrishnan N., Wu X. (eds.) *ICDM 2008: Eighth IEEE International Conference on Data Mining*. Los Alamitos, CA: IEEE Computer Society. P. 413—422. <https://doi.org/10.1109/ICDM.2008.17>.

Meacham H., Cavanagh J., Shaw A., Bartram T. (2017) HRM Practices That Support the Employment and Social Inclusion of Workers with an Intellectual Disability. *Personnel Review*. Vol. 46. No. 8. P. 1475—1492. <https://doi.org/10.1108/pr-05-2016-0105>.

Rohwerder B. (2015) Disability Inclusion: Topic Guide. Birmingham: GSDRC, University of Birmingham.

Schein E. H. (2009) *The Corporate Culture Survival Guide*. San Francisco, CA: Jossey-Bass.

Vlachou A., Roka O., Stavroussi P. (2021) Experiences of Workers with Disabilities Receiving Supported Employment Services in Greece. *Journal of Intellectual Disabilities*. Vol. 25. No. 2. P. 151—167. <https://doi.org/10.1177/1744629519871172>.

von Schrader S., Malzer V., Erickson W., Bruyère S. (2011) Emerging Employment Issues for People with Disabilities. Disability Disclosure Leave as a Reasonable Accommodation Use of Job Applicant Screeners. Ithaca, NY: ILR School, Cornell University. URL: https://ecommons.cornell.edu/bitstream/handle/1813/90088/DE139_PDF.pdf (дата обращения: 27.08.2022).

DOI: [10.14515/monitoring.2022.4.2150](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2150)

Е. А. Варшавер

В ЛОВУШКЕ ДВОЙНОЙ ИРРЕЛЕВАНТНОСТИ: (ВОС)ПРОИЗВОДСТВО ЭТНИЧНОСТИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ МЕЖДУ ПЕРЕПИСЧИКАМИ И ПЕРЕПИСЫВАЕМЫМИ В ХОДЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ 2021 г. В ДАГЕСТАНЕ

Правильная ссылка на статью:

Варшавер Е. А. В ловушке двойной иррелевантности: (вос)производство этничности во взаимодействиях между переписчиками и переписываемыми в ходе всероссийской переписи 2021 г. в Дагестане // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 199—221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2150>.

For citation:

Varshaver E. A. (2022) Trapped in Double-Irrelevancy: (Re)-Production of Ethnicity in Interactions between Census-Takers and Their Respondents Based on Results of Observations during 2021 All-Russian Census in Dagestan. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 199–221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2150>. (In Russ.)

В ЛОВУШКЕ ДВОЙНОЙ ИРРЕЛЕВАНТНОСТИ: (ВОС)ПРОИЗВОДСТВО ЭТНИЧНОСТИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ МЕЖДУ ПЕРЕПИСЧИКАМИ И ПЕРЕПИСЫВАЕМЫМИ В ХОДЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ 2021 Г. В ДАГЕСТАНЕ

ВАРШАВЕР Евгений Александрович — кандидат социологических наук, руководитель Группы исследований миграции и этничности, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
E-MAIL: varshavere@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

Аннотация. В статье приводятся результаты антропологического исследования Всероссийской переписи населения 2021 г. в Дагестане, фокусом которого было (вос)производство этничности в ходе взаимодействий между переписчиками и переписываемыми. Основной метод исследования — наблюдение, кроме того, были проинтервьюированы участники переписи. Указанные взаимодействия исследованы в 73 домохозяйствах в пяти локациях в радиусе 100 километров от Махачкалы.

Согласно результатам исследования, смысл переписи не был понятен большинству ее участников, в результате чего конкретные переписные процедуры различались от локации к локации, в том числе существенно расходясь с инструкциями, а значительная часть информации вносилась в переписные листы согласно фоновому знанию переписчиков о локации. В этом контексте заполнялись и «этнические» вопросы. Переписчиков раздражали «одинако-

TRAPPED IN DOUBLE-IRRELEVANCY: (RE)-PRODUCTION OF ETHNICITY IN INTERACTIONS BETWEEN CENSUS-TAKERS AND THEIR RESPONDENTS BASED ON RESULTS OF OBSERVATIONS DURING 2021 ALL-RUSSIAN CENSUS IN DAGESTAN

Evgeni A. VARSHAVER¹ — Cand. Sci. (Soc.), Head of the Group for Ethnicity and Migration Research; Senior Research Fellow at the Center for Regional Research and Urban Studies
E-MAIL: varshavere@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

¹ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. The article presents the results of an anthropological study of the Russian 2021 census in Dagestan. The study focuses on (re-) constructing ethnicity in interactions between census-takers and their respondents. The primary research method was observation. Besides, a series of interviews with different census participants was held. Altogether the interactions were studied in 73 households in five locations within a 100-km radius from Makhachkala. According to the study results, the sense of census was unclear for most of the census participants.

The exact census procedures were different from location to location. Moreover, they seriously deviated from the official instructions, and a substantial share of information has been filled in based on census-takers background knowledge of the location. It was the context of interactions which regarded “ethnic” questions. The census-takers were bothered with the number of “same questions,” which

вые», на их взгляд, вопросы: о языке владения помимо русского, о родном языке и о национальности. Для них такие подробности контрастировали с неважностью темы этничности. Значительная часть ответов на эти вопросы заполнялась исходя из фонового знания или на основании одного вопроса про домохозяйство. Вносимая информация, однако, подчинялась четкому классификаторному правилу: национальность передается исключительно по отцу, а родной язык — это язык национальности вне зависимости от фактического его знания. Импликации этих результатов для современных конструктивистских теорий этничности приводятся в разделе «Дискуссия».

Ключевые слова: этничность, перепись, Дагестан, антропология опросов

Благодарность. Статья написана на основании научно-исследовательской работы в рамках государственного задания РАНХиГС на 2022 г.

Введение

Долгое время перепись считалась наиболее надежным «поставщиком» знания о различных характеристиках современных обществ¹. В последние десятилетия, однако, этот взгляд — под влиянием разных, прежде всего социологических, традиций, — был пересмотрен, и перепись стала рассматриваться как способ воображения государствами объекта управления [Anderson, 2006], а также признаваться в большей степени ареной политической борьбы, нежели объективным инструментом отображения реальности [Kertzer, Arel, 2001; Tishkov, 2005]. Последний тезис базируется, среди прочего, на методологическом соображении, согласно которому данные — это прежде всего функция от инструмента, и получаемая информация всегда оказывается своего рода компромиссом между реальностью и обобщенной концепцией государства относительно «своего» населения, операционализированной посредством переписных процедур. В этой связи важно,

were the questions about the known language, the native language and the “natsionalnost” (nationality). It was even more strange for them in contrast with the unimportance of “ethnic” matter, as they considered it. As a result, most “ethnic” questions were filled in based on background knowledge or the answer to only one question per household. This information, however, stuck to a very clear rule, according to which “natsionalnost” of a person is the same as his father’s “natsionalnost” and never mother’s. At the same time, the native language is the language of “natsionalnost” notwithstanding a person’s actual knowledge of this language. In conclusion, we discuss the implications of these findings for contemporary constructivist theories of ethnicity.

Keywords: ethnicity, census, Dagestan, anthropology of surveys

Acknowledgments. The article is based on research within the framework of the RANEPА state task for 2022.

¹ The Editors of Encyclopaedia Britannica. (2018) Census. *Britannica*. 12 July. URL: <https://www.britannica.com/science/census> (дата обращения: 24.12.2021).

какие выделяются классификационные категории и как этим категориям атрибутируются люди и события на этапах сбора, анализа и публикации данных.

При таком подходе особая роль отводится категориям, призванным описать этническое разнообразие. Это связано с особым онтологическим и эпистемологическим статусом этничности *per se*, которая, как следует из установившегося конструктивистского консенсуса [Wimmer, 2013], считается высококонтекстным явлением и, почти универсально регулируя отношения между людьми, делает это всякий раз посредством разного набора исторически сложившихся категорий. Более того, очевидно, что именно перепись выступает одним из главных инструментов создания этнического контекста, то есть конструирования этнических категорий и последующего включения их в управленческую рамку, в результате чего этническая реальность «оживает» за счет габитуализации этих категорий теми, кто оказался описанным посредством них [Cohn, 1984; Hirsch, 2005].

Указав на важность переписи в конструировании этничности, исследователи, однако (за редким исключением [Valentine, Valentine, 1971; Филиппова, Арель, Гусеф, 2003; Terry et al., 2017]) не сделали напрашивающегося шага вперед и не обратили внимание на непосредственные взаимодействия, которые, будучи масштабированными за счет машинерии переписи, и являются фактическим источником последующих классификаций. Существует влиятельная традиция, в рамках которой в фокусе антропологических исследований оказались процедуры опросов [Houtkoop-Steenstra, 2000] и было показано, что существует значительный зазор между взаимодействиями в ходе формализованных интервью и их кодификацией. Станным образом, однако, перепись — один из ключевых источников социетальных данных — в фокус таких исследований не попала.

В ходе коллективного антропологического проекта, осуществленного в ходе переписи 2021 г. в России в одном из наиболее этнически разнообразных регионов — Дагестане, мы попытались заполнить эту лакуну и выяснить, как в ходе взаимодействия переписчиков с переписываемыми конструируется этническое разнообразие. Ключевым исследовательским методом в рамках проекта было наблюдение. Исследование базировалось на следующих вопросах:

— Соблюдаются ли процедуры исследования или этническая принадлежность разными способами вменяется переписываемым?

— Как понимают «этнические вопросы» переписчики и переписываемые, какие вопросы переписи первые и вторые относят к таковым?

— Происходят ли коммуникативные сбои и «классификаторные войны», и если да — как они устроены?

Эти вопросы, однако, носили рамочный характер, и главная задача наблюдателей состояла в том, чтобы обнаруживать и фиксировать все, что в процедуре переписи кажется необычным и отличается от официальных процедур². Такая установка позволяла не держаться за предзаданные теоретические рамки, обратить внимание на взаимодействие как таковое и, описав его и проанализировав, дать наиболее полный ответ на вопрос о том, как в ходе переписи конструируется

² Перепись населения 2020—2021 в России // Всероссийская перепись населения. URL: <https://perepis2020.ru/> (дата обращения: 24.12.2021).

этничность. В статье приведены основные результаты проекта, а также приведены обобщения теоретического характера.

Обзор литературы

Ученые обратили внимание на перепись и, шире, популяционную статистику как к один из важных элементов конструирования этничности в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Изначальный импульс такого рода исследованиям был задан в работах, посвященных колониальным империям и их способам учета и классификации населения, в частности, в книге Б. Андерсона «Воображаемые сообщества» [Anderson, 2006], где именно перепись, наряду с музеем и картой, провозглашалась одним из главных инструментов воображения населения и его компонентов. Этот импульс поддерживает А. Аппадурай [Appadurai, 1993: 318]: в небольшой статье, посвященной системам классификации в Индии, он показывает, как британская «озабоченность» подсчетом и категоризацией по сути создала кастовую систему, которая стала основой для мобилизации, политической идентичности и электоральных войн [Cohn, 1984]. Параллельно появились подробные исследования расовых классификаций в американских переписях разных лет [Choldin, 1986; Lee, 1993], в частности, в сборнике статей У. Алонсо и П. Старра, посвященном связи между переписью и политикой [Alonso, Starr, 1987], У. Петерсен [Petersen, 1987] проанализировал переписные категории как отражение общественной концепции разнообразия.

В конце 1980-х годов роль переписи в конструировании этничности была изучена на страновых случаях [Hirschman, 1987; Urla, 1993; White, Badets, Renaud, 1993]. Это позволило в 2001 г. появиться сборнику статей под редакцией Д. Керцера и Д. Ареля [Kertzer, Arel, 2001], который стал одной из первых попыток сопоставления случаев и создания генерализующего нарратива о связи между переписью и этничностью. Авторы сформулировали ставший классическим тезис, согласно которому перепись не только и не столько отражает социальную реальность в ее этническом аспекте, сколько конструирует ее [ibid.: 2], а их вводная статья до определенного момента была наиболее масштабным полотном, описывающим использование этнических категорий в переписях разных стран. Эту работу во многом продолжил сборник статей под редакцией П. Симона и коллег [Simon, Piché, Gagnon, 2015], в котором наиболее важным продвижением стала серия статей по результатам количественного анализа этнических классификаций переписей разных стран. В них было показано, что вопросы про широко понимаемую этничность встречаются в переписях в 63 % случаев [Morning, 2015], и что наличие этого вопроса связано с разнообразием факторов, среди которых наличие в стране «индигенных» меньшинств или участие страны в международных инициативах по искоренению расизма [Kukutai, Thompson, 2015].

Важную идею, продвинувшую описываемую область, выдвинули Ж. Л. Раллу и соавторы [Rallu, Piché, Simon, 2006]. Задавшись вопросом об общем смысле включения этнических категорий в перепись, они пришли к выводу, что наряду с указанием на существование тех или иных «групп» такое включение подразумевает активацию имплицитной интерпретативной рамки, объясняющей разнообразные явления посредством апелляции к этническим различиям. Авторы предложили

эвристическую модель, согласно которой государства могут «считать, чтобы доминировать», «не считать, чтобы объединять и ассимилировать», «считать или не считать во имя мультикультурализма», а также «считать для искоренения дискриминации» [ibid.: 536]. Эта же классификация — немного в ином виде — применена во введении к упомянутому сборнику 2015 г. [Simon, Piché, Gagnon, 2015: 3].

Отдельный интерес исследователи проявили к процессам на территории СССР. Появились работы, посвященные как складыванию «советских национальностей», институционализированных в первых советских переписях [Blum, Gousseff, 1997; Hirsch, 2005], так и постсоветскому их бытованию [Abramson, 2001; Ferrando, 2008]. Этот интерес разделяют и отечественные исследователи. Так, в книге «Реквием по этносу» В. Тишков [Тишков, 2003], подробно описывает политические коллизии, связанные с включением «этнических» вопросов в первую постсоветскую перепись 2002 г., а также — в другой работе, написанной в соавторстве с Э. Кисриевым [Тишков, Кисриев, 2007], — рассказывает, как принимались соответствующие решения относительно Дагестана.

Параллельно складыванию этой исследовательской области в методологии социологических исследований зародилось направление, указывающее на то, что любое исследовательское интервью — количественное или качественное — это прежде всего разговор, и социальные факты, постулируемые в качестве результатов социологического исследования, по сути создаются в ходе таких разговоров. Обращаясь к влиятельной традиции анализа разговора [Sacks, Schegloff, Jefferson, 1978], исследователи этого направления обратили внимание на процедуры количественных исследований [Houtcoop-Steenstra, 2000; Schaeffer, 2021], утверждая, что методология формализованных интервью стоит на неверном представлении о том, что интервью — это «роботизированный» обмен вопросами и ответами, и указывая на необходимость детального изучения того, как происходит взаимодействие между интервьюером и информантом. Общий вывод этого подхода состоит в том, что значительная часть результатов взаимодействий, которые затем переводятся в цифры, это функция не от смысла разговора, а от коммуникативной структуры взаимодействия. Некоторые адепты этой традиции, впрочем, не ограничиваются вниманием к разговору и указывают на то, что, хотя анализ фокусируется преимущественно на разговоре, объектом исследования выступает прежде всего «повседневный здравый смысл участников опросной коммуникации» [Рогозин и др., 2016: 18], который в разговоре проявляется, но разговором не исчерпывается, а значит, конверс-аналитические техники являются лишь одним из инструментов для его экспликации наряду с разнообразием других этнографических методов.

Две упомянутые традиции почти не пересекаются, и процедуру переписи до сих пор крайне редко исследуют этнографическими методами. Такое положение дел обусловлено, вероятно, несколькими факторами, среди которых конфиденциальность переписных данных, ограниченность переписи во времени, дисциплинарная дистанция между этнографами и демографами, обычно ответственными за проведение переписи с академической стороны, а также институциональная незаинтересованность последних в рефлексии над данными. Единственной национальной переписью, этнографическое исследование которой происходит относи-

тельно регулярно начиная с 1970-х годов [Valentine, Valentine, 1971], считается перепись в США, однако фокусом таких работ выступает недопредставленность тех или иных групп — коренных американцев [Schwede, 2008], мигрантов [Romero, De la Puente, 1992], чернокожих [Darden, Jones, Price, 1991] и др. — в переписи, а также причины этой недопредставленности [Terry et al., 2017]. Таким образом, этничность рассматривается исключительно через рамку «видимости» тех или иных «меньшинств» государственной статистикой. Возможно, единственной работой, сделавшей заход на этнографическое исследование конструирования этничности в ходе переписных взаимодействий, стал зонтичный проект Института этнологии и антропологии РАН [Филиппова, Арель, Гусеф, 2003]. Авторы проекта планировали изучить российскую перепись 2002 г. в разных регионах методом наблюдения (в том числе включенного). Обратившись в региональные органы статистики, организаторы исследования столкнулись с противодействием, и непосредственное наблюдение за переписными процедурами оказалось невозможным. В свете этого эссе, включенные в сборник, изданный по результатам проекта, сконцентрированы прежде всего на общих региональных контекстах переписи, и в работах лишь время от времени приводятся данные, полученные от антропологов, участвовавших в переписи в качестве переписчиков, или собранные в ходе постфактум интервьюирования переписчиков.

Таким образом, исследований, находящихся в конструктивистской стезе и — на основании тех или иных антропологических методов — фокусирующихся на взаимодействии между переписчиком и переписываемым с целью изучения повседневности конструирования этничности в ходе переписи, насколько нам известно, ранее не проводилось.

Методология исследования

Исходя из указанной лакуны выбирался основной подход и создавался исследовательский дизайн. Ориентируясь на общие конструктивистские соображения, в исследовательский фокус мы поместили элементарные взаимодействия между переписчиком и переписываемым, и основным методом их исследования стало наблюдение. Помимо этого, для того чтобы иметь возможность объяснить, почему эти взаимодействия организованы тем или иным образом (для чего необходимо было изучить смысл коммуникации, каким он представляется разным участникам взаимодействий), в качестве дополнительного метода было использовано полуструктурированное интервью.

Исследование осуществлялось автором статьи и четырьмя студентами, имеющими необходимую теоретическую и методологическую подготовку³. Было определено несколько полевых локаций в радиусе 100 км от Махачкалы, которые различались степенью урбанизированности территории, а также этническим составом населения, как это следует из переписи 2010 г. По соображениям конфиденциальности исследованные локации не раскрываются.

Полевая работа была устроена следующим образом. Сначала на основании предварительной договоренности проходила встреча с организаторами переписи,

³ За участие в сборе данных автор статьи благодарит А. Дроздову, А. Кунину, А. Малиновского и В. Назарова.

контролерами и переписчиками в здании администрации. В ходе этой встречи им сообщалась прагматика исследования и описывались его процедуры, затем проводилась неформальная фокус-группа, в ходе которой обсуждалась специфика переписи применительно к этой локации (доля переписанных домохозяйств, характеристики взаимодействия с переписываемыми и проч.), затем переписчики объединялись с исследователями в пары (в общем случае — один переписчик и один исследователь, однако это соблюдалось не всегда) и обходили домохозяйства сообразно тому, как переписчики делали бы это без исследователей. При входе в домохозяйство переписываемым сообщалось, что рядом с переписчиком находится наблюдатель, цель которого состоит в том, чтобы узнать особенности переписи в Дагестане, и запрашивалось устное разрешение о его присутствии в ходе переписи. Всякий раз разрешение было получено. Для обеспечения конфиденциальности данных на протяжении всего исследования мы не пользовались диктофонами, фиксируя детали взаимодействий (в том числе диалоги между переписчиком и переписываемым) и контекста от руки. Данные, на основании которых можно было бы идентифицировать переписываемых, не фиксировались⁴. Между визитами в домохозяйство — в ходе неформальной беседы — у переписчиков уточнялось, почему взаимодействия были устроены таким или иным образом, а также обсуждалось их отношение к переписи и ее «этническим» вопросам. По результатам рабочего дня каждый наблюдатель писал дневник.

Всего было исследовано пять локаций, совокупное число состоявшихся визитов в домохозяйства составило 73. Данные фиксировались в виде полевых заметок, после каждого полевого дня они переносились в полевые дневники. Всего было написано 27 полевых дневников. По результатам каждого дня осуществлялся коллективный анализ характеристик переписи в соответствующей локации. Следует отметить два главных ограничения методологии исследования. Первое состоит в том, что контакты с руководителями переписи на местах устанавливались по уже существовавшим у исследователей неформальным каналам. Поэтому, несмотря на присутствие в отобранных населенных пунктах представителей всех национальностей, локации тем не менее оказались существенно смещены «в сторону» присутствия представителей одной из дагестанских национальностей. Одновременно с этим населенные пункты, в которых на протяжении последних десятилетий происходили «классификационные войны» и которые были бы важным объектом для наблюдения в рамках исследования конструирования этничности в переписных взаимодействиях, в исследование, напротив, не вошли. Отобранные локации, таким образом, не претендуют на репрезентацию Дагестана в целом, а экстраполяция выводов на республику всякий раз должна обсуждаться и рефлексироваться отдельно. Второе ограничение является общим для исследований, использующих метод наблюдения. Внешние наблюдатели, не дагестанцы, представленные в качестве «преподавателя вуза» или «студентов», так или иначе становились контекстным фактором взаимодействий. При этом если для переписываемых вся ситуация переписи была необычной, для переписчиков, являющихся веду-

⁴ Тем самым удовлетворялись требования федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 № 8-ФЗ (последняя редакция) в части обеспечения конфиденциальности данных.

щими в паре с переписываемыми и не до конца понимавших цели, преследуемые исследователями, присутствие последних могло существенно модифицировать их обычное поведение. Таким образом, сложно замерить смещения, которые имели место относительно обычной процедуры переписи. Однако такие смещения становились объектом для регулярной специальной методологической рефлексии, и выводы были сделаны с учетом ее результатов. Ниже приводятся результаты исследования: сначала касающиеся хода переписи в целом, затем — «этнических» вопросов, сопровождающиеся цитатами и выдержками из полевых дневников.

Результаты исследования

(Бес)смысл(енность), фоновое знание и дополнительный Мурад Магомедов

Способ задавать «этнические» вопросы и отвечать на них — во многом функция от общего контекста переписи, а точнее того, как перепись воспринимается ее участниками. Более того, в той мере, в какой перепись оказывается одним из ключевых институтов воспроизводства этничности, этот контекст может оказывать неожиданно большое влияние на процесс и результат конструирования этничности в регионе. В связи с этим значительное внимание было уделено переписным процедурам в целом, и ниже представлены некоторые результаты наблюдений за ними.

Важно отметить, что смысл переписи ускользал от большинства ее участников — переписываемых, переписчиков, контролеров и руководителей администраций, через которые осуществлялась перепись. Переписываемые регулярно спрашивали, зачем нужна перепись⁵. Переписчики в таких случаях обычно отвечали, что перепись нужна власти для улучшения жизни — «Говорить надо, что для улучшения жилищных условий»; «Государство считает своих граждан. Хотят знать, чем они дышат, чем пропитаются», — однако в частных разговорах признавались, что это мантра, используемая для того, чтобы интервью состоялось, при этом сами они также не понимают, как эти данные будут использоваться. Иногда, однако, это непонимание не удавалось спрятать от переписываемых, и происходили такие диалоги:

Переписываемый: Сейчас так много информации собирают, зачем?!

Переписчик: Не знаю, но надеюсь, что все это к лучшему...

Нередко звучало сомнение — как от переписчиков, так и от переписываемых — в осмысленности переписи в свете цифровизации государства, поскольку «государство все о нас и так знает». В администрациях же, вероятно в силу отсутствия необходимости регулярно объяснять переписываемым, зачем нужна перепись, в меньшей степени рефлексировали над смыслом переписи, зачастую воспринимая ее как вмененную рутину.

Как возможное следствие этого, практики переписи на местах существенно варьировались в том, что касается детальности следования стандартным про-

⁵ Такие вопросы зачастую возникали на чувствительных моментах переписи. Таковыми странным образом оказались прежде всего вопросы про жилье, при этом чувствительными они были и для переписчиков. В частности, одна из переписчиц стеснялась задавать вопрос про туалет, считая обсуждение таких вопросов неприличным.

цедурам и норм достаточности информации. В одной из исследованных локаций руководитель администрации рассказывал, что, несмотря на недостачу переписчиков, они справляются, потому что частью переносят в планшеты информацию из домовых книг, частью — научились существенно сокращать время заполнения формы (как в случае реального обхода, так и в случае использования домовых книг). Он не оценивал это как нарушение процедуры, напротив, хвастался, что они подошли к процедурам с умом: «Систему надо знать. Можно дом на двадцать человек за пять минут записать. Каждый сам себе хакер». Наш визит он рассматривал как своеобразный обмен опытом и рассчитывал, что мы сможем подсказать, как еще можно сократить время заполнения форм. Среди переписчиков этой локации сложился ряд правил: не указывать отчества переписываемых, не указывать степени родства (все друг другу должны быть «другая степень родства»), не указывать день и месяц рождения, только год, в вопросах про жилище указывать только тип жилища и др.

В другой локации активно применялась практика переписи посредством тетрадей — переписчики ходили с тетрадями, а затем переносили собранные данные в планшет. Интересно, что и такая «тетрабочная» перепись «технологизировалась»: в некоторых тетрадях верхняя строчка на всех страницах, кроме последней, была отрезана, а на последней были выписаны ключевые слова, которые должны были напоминать переписчикам о вопросах, которые нужно задать (например, «родной язык» или «кол-во живущих»). Некоторые переписчики, однако, такие ухищрения не использовали и всякий раз восстанавливали анкету по памяти. Очевидно, что значительная часть информации таким образом терялась, однако это не воспринималось как проблема: «Зачем людям знать, где ты работаешь и где у тебя туалет?». Почему тетрадки использовались вместо планшетов? Переписчики и контролеры указывали как минимум три причины: плохая спутниковая связь, невозможность пожилым переписчикам научиться пользоваться планшетами, страх переписываемых при виде планшета. Однако можно предположить, что главным фактором была большая контролируемость администрацией хода переписи в случае использования «нетехнологичных» методов.

Тем не менее в некоторых локациях перепись проходила в более точном соответствии с инструкциями — переписчики ходили с планшетами и задавали все вопросы. В этих случаях можно предположить, что хотя бы частично это была функция от полевого контроля, однако, что важно, не реального (он отсутствовал), а практически полностью воображенного: никто из переписчиков, контролеров и администраторов не понимал, в чем этот контроль должен и будет состоять, и были версии, что организаторы переписи сверяют геолокации при «отправке» заполненной формы, а также что интервью записываются на аудио или даже снимаются на видео, поскольку в планшете есть камера. В результате всего этого переписные практики существенно варьировались от локации к локации и, по всей видимости, в значительной степени зависели от того, какая установка транслировалась местными руководителями переписи.

Следующее наблюдение состоит в том, что повседневность переписи ее участники часто воспринимали как странную и нелепую. Это связано с тем, что значительная часть переписчиков в исследованных локациях — это сотрудники адми-

нистраций или иных бюджетных учреждений, обслуживающих население: они прекрасно знакомы как с переписываемыми, так и с самой локацией. Надевая жилет и шарф с символикой переписи (как это требовалось) и проходя в этой атрибутике по родным улицам, переписчики чувствовали себя неестественно, но самым странным для них было задавать вопросы, ответы на которые зачастую были им хорошо известны как должностным лицам или соседям. Результатом этого было частью желание редуцировать процедуры, частью — превращение переписной интеракции в ролевую игру.

Переписчица <...> хорошо знает переписываемых и задает все, даже «самые идиотские» вопросы, вплоть до пола. Более того, она лучше знает информацию об этом доме, чем хозяйка, и перепись превращается местами в экзамен, что особенно заметно по особенностям интонации и форме ее вопросов.

Даже в таких случаях, однако, запал играть у переписчиков зачастую быстро сходил на нет (обычно в связи с необходимостью переписывать по одним и тем же вопросам довольно большие домохозяйства), и они переходили в менее энергозатратный режим заполнения переписных листов. В этом режиме они по большей части переставали задавать переписываемым вопросы, заполняя всю информацию исходя из конкретного (о человеке) или фонового (о сообществе) знания. Важно, что заполнение переписного листа «на глазок» не рассматривалось как что-то неправильное, поскольку переписчики в целом были уверены в верности своего фонового знания, вследствие чего в некоторых случаях именно оно и стало преимущественным источником информации, вносимой в переписной лист. В следующих двух ситуациях переписываемые даже не находились в комнате, однако переписчик заполнял переписные листы на основании частью паспортных данных, частью — своих представлений о родном селе:

Переписчик (заполняет образование): 4 класса.

Наблюдатель: Это она тебе сказала?

Переписчик: Нет, логически пришло.

Мы не знали, когда свекровь родила первого ребенка, поэтому в графе «дата рождения первого ребенка» [переписчик] сказала «пишем 1966-й» (дата рождения женщины — 1946); я спросила, почему именно так, на что [переписчик] мне ответила, что все примерно в таком возрасте тут рожают.

В большинстве ситуаций переписываемые присутствовали, впрочем — за исключением коммуникации по поводу «основных» вопросов, — большая часть переписи могла проходить в тишине или же переписчик мог пробалтывать или бубнить себе под нос вопросы и ответы на них. В последнем случае переписываемые могли «выловить» неверно заполняемую информацию, как это сделала одна из переписываемых, которой переписчица пыталась вписать в качестве места рождения республику Дагестан, но, поскольку, во-первых, это было не так, во-вторых, переписчица проговаривала ответы, переписываемая услышала, что

вводится неверная информация, и указала на ошибку. Впрочем, далеко не всегда ошибка исправлялась, даже если переписчик понимал, что допустил ее. Вот один из наиболее одиозных примеров: переписчица случайно указала число членов домохозяйства на единицу больше, чем было на самом деле, но, не разобравшись, как это исправить, сочинила дополнительного человека, ребенка, назвав его Мурад Магомедов и полностью придумав его данные.

Происходившее в ходе переписи можно описать следующим образом. Смысл переписи ускользал от всех ее участников, она не оценивалась как что-то важное ни для самих участников, ни для государства и зачастую, наоборот, рассматривалась как что-то смешное и странное. Одним возможным следствием этого было «облегчение» и «нормализация» процедур, к чему относились и заполнение переписных листов по данным домовых книг, и «тетрадная» перепись. Другим следствием было распространенное переписывание на основании «фоновое знания», а также «халатное» отношение к ошибкам, часть из которых не вылавливалась просто потому, что переписываемые не знали, какие данные про них заполняет переписчик, а часть не исправлялась из-за экономии времени. Именно таков был контекст, в котором происходили переписные взаимодействия, связанные с этничностью.

«У нас как тебе сказали, таким ты и будешь»: «этнические» вопросы в переписи

В разных переписных контекстах этничность «собирается» из разных вопросов [Morning, 2015]. В переписи в Дагестане таковыми являются вопросы про языки и национальность. Фактический порядок этих вопросов в переписном листе следующий: русский язык (владение, использование), прочие языки (владение, использование), родной язык (необходимо его указать), национальность.

Согласно результатам наблюдений, для переписчиков вопросы про родной язык, язык владения (помимо русского) и национальность кажутся дублирующими друг друга. От локации к локации они заявляли, что не понимают, зачем нужны все эти вопросы: «Смотрите, ваш родной язык написано, а потом они еще спрашивают национальность. Это одно и то же. Поэтому меня эти вопросы [утомили]...»; «Сколько вопросов одной национальности только!». Сильнее всего при этом связаны вопросы о национальности и родном языке: и для переписчиков, и для переписываемых родной язык — это язык «национальности», к которой принадлежит переписываемый, при этом уровень владения им не важен: «Родной язык есть, он лезгинский. Просто [переписываемый] его не знает, и все». С учетом того, что в Дагестане большинство знает русский язык, но не считает его родным, а слот «родной язык» по сути «зарезервирован» за языком «национальности», переписчикам (в рамках описанного выше «экономного» режима заполнения переписного листа) бывает достаточно задать вопрос про язык владения помимо русского, а из этого затем выводятся и родной язык, и национальность. Скажем, если переписываемый говорит, что он помимо русского владеет аварским, переписчики уже не видят смысла задавать вопрос про родной язык и автоматически пишут «аварский», а также им понятно, что национальность переписываемого «аварец».

Переписчик: [После того, как спросила про знание русского языка] *Другой язык еще какой?*

Переписываемый: *Аварский, свой.*

Переписчик: *Правильно.* [Заполняет все про национальность и родной язык и бормочет под нос] *Аварский, аварка.* [Обращаясь ко мне] *Копировать это нельзя, сколько заносить придется!*

По всей видимости, ключевым вопросом этого блока для переписчиков выступает именно национальность, то есть атрибутом национальности считается язык, а не наоборот. Этот вывод можно сделать на основании того, как работают те переписчики, которые переписывают сначала в тетради. В большинстве случаев они либо меняют порядок вопросов и размещают национальность первой, либо, для краткости, оставляют ее единственной и вообще не задают вопросов о языках. В такой ситуации затем в качестве родного языка они укажут «язык национальности», он же будет указан в качестве единственного языка, которым владеет переписываемый помимо русского, и, согласно переписи, переписываемый, кроме того, будет пользоваться этим языком в быту. Интересно, что точно такой же принцип используется для переписывания детей, включая младенцев, и, если касательно русского языка возможны варианты и иногда указывается, что русским языком младенец не владеет, в качестве родного языка все равно записывается язык его национальности, которая является атрибутом человека с рождения:

Двухмесячный ребенок тоже был переписан, и было указано, что он владеет русским, использует его в быту, кроме того — владеет кумыкским, кумыкский же — его родной язык, и по национальности ребенок кумык. Это была первая семья, то же провернулось и во второй, где девочка была чуть старше.

Вторым наблюдением оказалось то, что, вопреки статье 26 Конституции РФ, которая цитируется в переписном листе, национальность в абсолютном большинстве исследованных случаев определяется помимо самоопределения переписываемых и членов их домохозяйства и приписывается им почти автоматически. С учетом того, насколько беспроblemной для всех участников переписи была классификация людей по национальностям и насколько эти вопросы, вопреки нашим ожиданиям, не порождали обсуждений и конфликтов, можно было заподозрить четкое классификаторное правило, позволяющее определять национальность человека. Как показали дальнейшие наблюдения, это правило действительно существует, более того, оно оказалось простым и однозначным. Согласно ему, национальность человека определяется по отцу, национальность матери и бабушек в определении национальности не играет роли, равно как национальность не является вопросом самоопределения. Это правило было выведено как из фактического заполнения переписных листов на основании получаемой информации, так и из уточнений в разговорах с переписчиками, которые эксплицитно его проговаривали: «У нас обычно по папе, мамина нация к детям отношения не имеет. Мамина нация вообще нигде отношения не имеет к детям». У этого правила существуют варианты

его использования в неочевидных случаях, когда, например, у ребенка по тем или иным причинам нет отца:

Если отчество ребенку не пишут, если родители рассорились со стороны мужа, они пишут, что отца не существует. В этом случае они дают свое отчество, и в этом случае они сами выбирают нацию ребенка — по нации матери.

Последствием применения этого правила для процедур переписи стало еще большее снижение числа фактически задаваемых вопросов: для того чтобы дать ответы на переписные вопросы про языки и национальность всех членов домохозяйства, достаточно задать вопрос о национальности главы домохозяйства, а также, в случае дотошного заполнения переписного листа, о национальностях жен членов домохозяйства, которые могут отличаться. При этом зачастую все эти вопросы фактически редуцируются до одного: «Лакцы все?» Если переписываемый отвечает «да», переписчик заполняет четыре вопроса (включая факт использования языка в повседневной жизни) на каждого переписываемого, уже ничего не спрашивая.

Иногда фоновое знание дает возможность не задавать и этого дополнительного вопроса. Так, в одном случае переписчица, работавшая с тетрадкой, спросила национальность у пожилой женщины, та ответила, что она «аварка», после чего переписчица записала аварцем и ее сына. На наш вопрос, почему она так сделала, переписчица ответила, что знает это село, и там в поколении, к которому принадлежит переписываемая, выйти замуж за человека из другого села, и, как следствие, другой национальности, было невозможно, а значит — и муж у нее аварец, и, поскольку национальность передается по отцу, их сын тоже аварец.

Очевидно, впрочем, что эти принципы обсуждаются и используются только в тех контекстах, где по тем или иным причинам классификация вызывает затруднения. В селах же, где большинство населения одной национальности, соответствующие вопросы воспринимаются в еще большей степени нелепыми и лишены смысла как переписчиками, так и переписываемыми. В частности, в одной из таких локаций в ответ на вопрос про национальность переписываемые называли одну из прочих дагестанских национальностей, при этом всем участникам взаимодействия было понятно, что это шутка и реакция на навязываемую ролевую игру.

Переписчица рассказывает, что некоторые шутят — говорят, что аварский знают, а национальность — азербайджанец. Шутка работает, потому что всем участникам очевидно, что все вокруг кумыки.

Было зафиксировано и несколько сбоев описываемых правил. Так, в сельской локации одна из невесток на прямой вопрос о национальности ответила, что у нее нет. Выяснить, с чем был связан такой ответ, не удалось — переписываемая ушла до того, как все домохозяйство было переписано. Помимо этого, по всей видимости, идея самоопределения, которая так или иначе заложена в перепись (кроме указания на соответствующую статью конституции, в вопросе про национальность должно указываться, определена ли она самим переписываемым или

восстановлена «со слов» других лиц), может сама по себе задавать коммуникативный контекст и в некоторой степени организовывать представления о роли выбора в определении национальности. Так, два или три раза переписчики, разговаривая со взрослыми членами домохозяйства и дойдя до вопросов про язык и национальность ребенка, задавали их непосредственно ему. До конца сложно понять, был ли это индикатор того, что в дагестанском контексте постепенно находится место самоопределению применительно к «национальному вопросу», или это снова была «ролевая игра» в том виде, в каком она была описана выше. И если в одном из случаев ребенок 12 лет сам дал ответ, который от него ждали, в другом домохозяйстве, где ребенок был младше, коммуникативная ситуация и адресованный ему вопрос использовались для того, чтобы объяснить ему, к какой национальности он на самом деле принадлежит:

Переписчик: Национальный язык какой у тебя? Не знаешь? Кумыкский. [Отмечает и проговаривает] Родной язык — кумыкский. Ты кто по национальности?

Переписываемый: (Играя) Ты кто по нации? Кумык ты.

Мальчик молчит, переписчик, не обращая внимание на реакцию мальчика на эти вопросы и на реакцию отца, записывает его кумыком.

Сложно сказать, что бы было, если бы ребенок дал «неправильный» ответ. Чтобы смоделировать эту ситуацию, в одном из домохозяйств переписчику и переписываемым (их было несколько) мы показали ролик на YouTube, в котором девочка четырех-пяти лет с «монголоидным» разрезом глаз доказывает своей старшей родственнице, что она не бурятка, а русская⁶, а та, напротив, утверждает, что девочка — бурятка. Реакция всех взрослых, присутствующих при демонстрации ролика (помимо умиления), была однозначна: «Нет, такого у нас быть не может, у нас как тебе сказали, так и будет, таким ты и будешь».

Впрочем, был более серьезный сбой в работе описываемого правила в той его части, которая связывает родной язык и национальность. Одна из переписчиц рассказала, что в ходе работы ей попалась семья, где отец лезгин, а мама — аварка, при этом дети много времени проводили в родном семье матери и общались с бабушкой — в результате лезгинского языка не знали вообще, а аварский знали хорошо. В этой ситуации переписчица не стала заполнять графу «родной язык», оставив это на усмотрение своих руководителей. Те, однако, велели ей указать «лезгинский» в качестве их родного языка, то есть фактически отослали ее к правилу. Таким образом, можно сделать вывод, что правила действуют довольно универсально, и на собранном материале вряд ли уместно говорить о переходе к иным способам определения национальности или иным концепциям «родного языка», однако определенные направления, в какую сторону это может меняться (самоопределение, фактическое использование языка), материал задает.

Третье по счету (но не по важности) наблюдение состоит в том, что «этнические» вопросы в переписи почти никогда не воспринимаются как сколько-нибудь значимые. Ни в одном из случаев вопрос национальности или языка не становился

⁶ Я русская!) // YouTube. 2018. URL: https://www.youtube.com/watch?v=sle9yUZn2-M&ab_channel=JesterKing (дата обращения: 27.12.2021).

поводом для спора между переписчиком и переписываемым, равно как не было вербальных или невербальных признаков, что эти вопросы важны для тех или других. Напротив, переписываемые «оживлялись», когда речь заходила о характеристиках жилища или о доходах — по всей видимости, эти вопросы по разным причинам казались им сенситивными. «Этнические» же вопросы заполнялись «на бегу» и «на глазок» в том числе потому, что «все и так понятно». Так, один из переписчиков объяснял, что в селе, где он работает, все или кумыки, или даргинцы, и, если он обращается по-кумыкски, а ему не отвечают, он автоматически указывает «даргинец» в качестве национальности переписываемого и его домочадцев, и «даргинский» — в качестве национального языка. При нас, однако, его способ определения национальности дал сбой: начав заполнять анкету соответствующим образом и проговаривая предположительные национальность и язык переписываемой себе под нос, а затем все-таки решив (в утвердительной, впрочем, форме) уточнить ее национальность, он столкнулся с тем, что та возразила и сказала, что она «лачка». Здесь он исправился, но в еще ряде исследованных взаимодействий национальность переписываемого и членов его домохозяйства так и осталась неизвестной и заполненной исходя из общих соображений. Более того, когда между визитами в дома мы задавали переписчикам вопросы про национальности, они удивлялись нашему интересу именно к этой теме, потому что для них этнические классификации были частью понятны и «естественны», частью не важны. Следствием этого была типичная коммуникативная ситуация, в рамках которой заполнялись соответствующие графы — переписчик пробалтывает предположительно правильные ответы, а переписываемый вполуха следит за тем, какие выводы про него делает переписчик, иногда исправляя, если тот где-то ошибается, а иногда и пропуская ошибки.

Редким исключением из этого правила стала ситуация в одной из локаций, когда молодой переписчик, вопреки тому, какой ответ ему дали на соответствующий вопрос, в качестве национальности переписываемого указал другую, более того, сделал это, по всей видимости, исходя из циркулировавшей перед переписью установкой, данной этническими организациями, — разными способами увеличить численность представителей соответствующей национальности в переписи. Впрочем, когда ему был задан прямой вопрос, зачем он это делает, он сказал, что ему так велели делать, но вообще это совершенно не важно и «национальный вопрос никому не интересен». Информация, полученная от переписчиков из других сел, говорит о том, что представители именно этой национальности действительно в целом чуть внимательнее относились к тому, чтобы их «правильно» переписали. Вероятно, упомянутая установка в некоторой степени была считана населением, но, представляется, существенного на ход переписи она не повлияла.

Подводя итог, можно указать на два ключевых результата, полученных на основании наблюдений за взаимодействиями вокруг «этнических вопросов»:

1) существует четкий порядок, классифицирующий людей по национальностям, а также атрибутирующий им «родной язык»;

2) за редким исключением эти вопросы очевидно менее важны, чем прочие вопросы переписи (тоже, впрочем, не очень важные), и заполняются на пересечении желаний переписчиков ускорить процесс и не делать бессмысленную, по их

мнению, работу, состоящую в заполнении ответов на три «одинаковых» вопроса, и невнимания переписываемых к «этнической» теме.

Дискуссия и выводы

Наблюдение за процедурами переписи позволило обнаружить несколько важных моментов. Прежде всего это непонимание смысла переписных процедур для большинства ее участников. В этой связи, вероятно, «добросовестность» муниципалитета в том, что касается следования процедурам переписи, — это функция от общей бюрократической управляемости этого муниципалитета, то есть установки ответственных лиц на работу в максимальном соответствии со спускаемыми сверху лекалами и способности организовать эту работу. По всей видимости, значительная часть «проблем» с переписью обусловлена тем, что центр недостаточно четко объяснил всем участникам переписи ее смысл. Этот вывод соответствует мнениям, высказанным в аналитических материалах, созданных по результатам переписи⁷.

В случае «этнических» вопросов кризис смысла переписи оказывается контекстом для другого кризиса смысла, связанного с современным бытованием советских дагестанских национальностей. В последние годы в Дагестане появились контексты, в которых национальные классификации потеряли значимость или даже стали порицаться, а на смену «возрождению национальностей» конца 1980-х — начала 1990-х годов, бывшего следствием надвигавшегося, а затем произошедшего распада Советского Союза, по всей видимости, постепенно приходит их закат. Контрастирует с этим, однако, жесткое классификаторное правило, раз за разом воспроизводящееся в переписных взаимодействиях и проговариваемое переписчиками, согласно которому национальность передается по отцу, а родной язык — это язык, связанный с национальностью. Оба элемента этого правила дают обширную пищу для размышлений. Связь языка и национальности отсылает к так называемой проблеме атрибутов, состоящей в том, что, хотя для этнических классификаций от контекста к контексту используется конечный набор классификаторных признаков, фактический их набор может быть очень разным, и при традиционном многоязычии Дагестана только один — и строго определенный — язык оказался классифицирован в качестве «естественного» индикатора принадлежности к национальности.

Интереснее, впрочем, ситуация с правилом классификации, согласно которому национальность передается по отцу. Дело в том, что примордиалистская иллюзия извечности этнических групп — это функция от правил принадлежности к категориям, которая в универсальном случае связана с тем, к каким категориям принадлежат родители (один или оба) [Chandra, 2006; Chandra, 2012]. За счет универсальности этого правила этнические контексты воспроизводятся через поколения, и на некоторой территории веками могут жить, рождаясь и умирая,

⁷ Юрасова Т. Россия не застали дома // Новая Газета. 2021. 16 ноября. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2021/11/16/rossiiu-ne-zastali-doma?fbclid=IwAR00rT_i1UIFe-yRoYhONu0AofQFRqNAtQHGbIsQBvnoyVtf-5vlzd zXn8PY (дата обращения: 26.12.2021); Захаров С., Чурилова Е. Участие Россиян в переписи // Левада-центр. 2021. 21 декабря. URL: <https://www.levada.ru/2021/12/21/uchastie-rossiyan-v-perepisi> (дата обращения: 26.12.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранного агента»).

представители одних и тех же категорий. Но в этой связи встает вопрос о том, как объектом такой иллюзии становятся классификаторные системы, введенные сверху и недавно. Общеизвестно, что государства модерна создают машинерию классификации населения, в том числе этнической. Последнее в особенности касается колониальных контекстов [Appadurai, 1993; Anderson, 2006]. Классификаторная система, введенная в Дагестане в 1920-х, использовав в качестве «материала» уже существовавшие категории [Тишков, Кисриев, 2007], переинтерпретировала их в популярной на тот момент «национальной» парадигме и рядоположила друг другу. Если первое время уровень идентификации с теми или иными категориями был невысок, то в результате наличия «пятой графы» в паспорте и «национальных» квот для поступления в университеты, опыта депортаций по «национальному» признаку и проч. со временем «советские национальности» стали важным объектом идентификации рядовых дагестанцев. Вопрос в том, откуда — притом что категории в том виде, в каком они были интерпретированы советской властью, были новыми, — в Дагестане появилось жесткое правило определять национальность по отцу. Представляется, что это проекция уже существовавших на тот момент правил социальных классификаций, которые определяли принадлежность человека к аналогичным «национальностям», социальным множествам. Релевантных классификаторных оснований на в Дагестане было несколько, и среди них центральную роль играли тухум и джамаат. Как следует из антропологической литературы [Косвен, 1963; Хашаев, 2007], множества, описываемые этими терминами, во многом накладывались друг на друга: джамаат мог состоять из нескольких тухумов, и, в свою очередь, от тухума-джамаата мог отделиться новый тухум-джамаат. Тухум был патрилокальной, патрилинейной организацией, то есть членство в нем передавалось по мужской линии, женщины — за счет брака — переходили в другой тухум. Литература по-разному оценивает «сохранность» тухума как основы экономической и социальной жизни в конце XIX — начале XX века в связи с государственностью, существовавшей на территории Дагестана в разной форме, — наряду с феодальными государствами сохранялись и так называемые вольные общества, которые, по всей видимости, по большей части были организованы на «тухумных» основаниях. Впрочем, как бы ни была оценена степень «разложения» системы тухумов на начало XX века, в той или иной форме она регулировала отношения и, по всей видимости, представления о членстве в тухумах, а также о принципах передачи этого членства, сохранившиеся к приходу советской власти в довольно четком виде. Именно на эти представления наложилась система советских национальностей. Очевидно, что Москва не давала директив, согласно которым принадлежность к национальности определяется по отцу, однако на региональном — дагестанском — уровне это было считано именно таким образом, при этом речь могла идти как о простых людях, так и о чиновниках и государственных работниках всех уровней, включая паспортистов и сотрудников роддомов. В результате довольно быстро правило, «заимствованное» из родовой, тухумной, системы, закрепилось и стало регулировать принадлежность к национальностям.

Чем эти соображения важны для современной теории этничности? Находясь в основании примордиалистского и эссенциалистского взгляда на мир, правило принадлежности к этническим категориям странным образом оказалось слепым

пятном конструктивистских исследований этничности. Несмотря на то, что правила родства — одна из ключевых тем антропологии, в литературе, посвященной этничности в неантропологических контекстах, единственное релевантное — это небольшое количество статей за авторством одних и тех же людей, где на материалах интервью обсуждается, как определяется этническая принадлежность детей в «смешанных» браках [Caballero, Edwards, Puthussery, 2008; Edwards, Caballero, Puthussery, 2010]. Между тем внимание к антропологическим корням механизмов поддержания современных классификаторных систем, то есть некоторым социальным фактам из прошлого, «проросшим» в современных обществах в том числе через принципы наследования принадлежности к категории, позволит приблизиться к ответу на вопрос о причинах почти универсальной релевантности этничности. Такие исследования, однако, требуют частью более серьезной дескрипции правил принадлежности к категориям в разных контекстах, частью — теоретической контекстуализации этого вопроса разной литературой, включая, например, посвященную эволюции институтов. Для начала нужно проверить, насколько патрилинейность в определении принадлежности к национальности является дагестанской универсалией (здесь особое внимание следует уделить горско-еврейским джамаатам), а также понять, что с этим правилом происходит в тех ситуациях, в которых национальности предположительно иррелевантизируются — в смешанных городах и в исламских контекстах. Этому предполагается посвятить дальнейшие эмпирические исследования.

Возвращаясь к основным выводам по результатам исследования, следует отметить, что этнические вопросы попадают в «двойную ловушку» бессмысленности. С одной стороны, статус и прагматика этнических категорий в современном Дагестане далеко не очевидны, с другой — слабо осмысленной для всех участников является и перепись, притом что она оказывается одной из важных форм воспроизводства этничности. Проговаривание своей этнической принадлежности в очевидно иррелевантном контексте, как можно предположить, способствует процессу дальнейшей иррелевантизации этничности. Несмотря на все это, правила, согласно которым этничность и ее атрибуты определяются применительно к отдельным индивидам, четкие и универсальные: национальность передается по отцу и никогда — по матери. Жесткость этих правил и их содержание позволяют предположить, что советская классификация национальностей, пришедшая в Дагестан с советской властью, была интерпретирована местным населением через призму отживавших свое тухумов. Это, в свою очередь, позволяет поднять вопрос о корнях современных форм существования этничности и посмотреть на этничность в более широком историческом ключе через призму конструктивистских теорий, предполагающих, что этничность отличает от прочих социальных классификаций особое правило членства в этнических категориях.

Список литературы (References)

Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.
Kosven M. O. (1963) Family Community and Patronymy. Moscow: Academy of Sciences of the Soviet Union. (In Russ.)

Рогозин Д. М., Картавцев В. В., Галиева Н. И., Вьюговская Е. В. Методический аудит массового опроса. М.: Изд-во «Дело», 2016.

Rogozin D. M., Kartavtsev V. V., Galieva N. I., Vyugovskaya E. V. (2016) Methodical Audit of Mass Survey. Moscow: Publishing House “Delo”. (In Russ.)

Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

Tishkov V. A. (2003) Requiem for Ethnos: Studies in Socio-cultural Anthropology. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Тишков В. А., Кисриев Э. Ф. Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 96—115.

Tishkov V. A., Kisriev E. F. (2007) Multiple Identities between Theory and Politics (the Case of Dagestan). *Etnograficheskoe Obozrenie*. No. 5. P. 96—115. (In Russ.)

Хашаев Х.-М. Законы вольных обществ XVII—XIX вв. Махачкала: Эпоха, 2007.

Khashaev H.-M. (2007) The Laws of Free Societies of the XVII—XIX Centuries. Makhachkala: Epokha. (In Russ.)

Этнография переписи — 2002 / под ред. Филипповой Е. И., Ареля Д., Гусеф К. М.: Авиаиздат, 2003.

Filippova E., Arel D., Gousseff C. (eds.) (2003) Ethnography of the Census — 2002. Moscow: Aviaizdat. (In Russ.)

Abramson D. (2001) Identity Counts: The Soviet Legacy and the Census in Uzbekistan. In: Kertzer D., Arel D. (eds.) *Census and Identity: The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses (New Perspectives on Anthropological and Social Demography)*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 176—201. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511606045.008>.

Alonso W., Starr P. (eds.) (1987) The Politics of Numbers. New York, NY: Russell Sage Foundation.

Anderson B. (2006) Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London; New York: Verso.

Appadurai A. (1993) Number in the Colonial Imagination. In: Breckenridge C., van der Veer, P. (eds.) *Orientalism and the Postcolonial Predicament: Perspectives on South Asia*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. P. 314—339.

Blum A., Gousseff C. (1997) Nationalité, Groupes Ethniques, Peuples: La Représentation des Nationalités en Russie. In: Rallu J.-L., Courbage Y., Piché V. (eds.) *Old and New Minorities / Anciennes et Nouvelles Minorités*. Paris: Editions John Libbey. P. 49—72.

Caballero C., Puthussery S., Edwards R. (2008) Parenting ‘Mixed’ Children: Negotiating Difference and Belonging in Mixed Race, Ethnicity and Faith Families. York: The Joseph Rowntree Foundation.

Chandra K. (2006) What is Ethnic Identity and Does it Matter? *Annual Review of Political Science*. Vol. 9. P. 397—424. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.062404.170715>.

- Chandra K. (ed.) (2012) *Constructivist Theories of Ethnic Politics*. New York, NY: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199893157.001.0001>.
- Choldin H. M. (1986) Statistics and Politics: The “Hispanic Issue” in the 1980 Census. *Demography*. Vol. 23. No. 3. P. 403—418. <https://doi.org/10.2307/2061438>.
- Cohn B. S. (1984) The Census, Social Structure and Objectification in South Asia in Culture and History of India. *Folk*. No. 26. P. 25—49.
- Darden J., Jones L., Price J. (1991) Ethnographic Evaluation of the Behavioral Causes of Undercount in a Black Ghetto of Flint, Michigan. *Ethnographic Evaluation of the 1990 Census, Report #24*. Prepared under Joint Statistical Agreement with the Bureau of the Census. Washington, DC: Bureau of the Census.
- Edwards R., Caballero C., Puthussery S. (2010) Parenting Children from ‘Mixed’ Racial Ethnic and Faith Backgrounds: Typifications of Difference and Belonging. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 33. No. 6. P. 949—967. <https://doi.org/10.1080/01419870903318185>.
- Ferrando O. (2008) Manipulating the Census: Ethnic Minorities in the Nationalizing States of Central Asia. *Nationalities Papers*. Vol. 36. No. 3. P. 489—520. <https://doi.org/10.1080/00905990802080737>.
- Hirsch F. (2005) *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithica, NY: Cornell University Press. <https://doi.org/10.1017/S0090599200011491>.
- Hirschman C. (1987) The Meaning and Measurement of Ethnicity in Malaysia: An Analysis of Census Classifications. *The Journal of Asian Studies*. Vol. 46. No. 3. P. 555—582. <https://doi.org/10.2307/2056899>.
- Houtkoop-Steenstra H. (2000) *Interaction and the Standardized Survey Interview: The Living Questionnaire*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511489457>.
- Kertzer D., Arel D. (eds.) (2001) *Census and Identity: The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses (New Perspectives on Anthropological and Social Demography)*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511606045>.
- Kukutai T., Thompson V. (2015) ‘Inside Out’: The Politics of Enumerating the Nation by Ethnicity. In: Simon P., Piché V., Gagnon A. A. (eds.) *Social Statistics and Ethnic Diversity: Cross-National Perspectives in Classifications and Identity Politics*. Cham: Springer. P. 39—61.
- Lee S. M. (1993) Racial Classifications in the US Census: 1890—1990. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 16. No. 1. P. 75—94. <https://doi.org/10.1080/01419870.1993.9993773>.
- Morning A. (2015) Ethnic Classification in Global Perspective: A Cross-National Survey of the 2000 Census Round. In: Simon P., Piché V., Gagnon A. A. (eds.) *Social Statistics*

and *Ethnic Diversity: Cross-National Perspectives in Classifications and Identity Politics*. Cham: Springer. P. 17—37.

Petersen W. (1987) Politics and the Measurement of Ethnicity. In: Alonso W., Starr, P. (eds.) *The Politics of Numbers*. Russell Sage Foundation. P. 187—234.

Rallu J.-L., Piché V., Simon P. (2006) Demography and Ethnicity: An Ambiguous Relationship. In: Caselli G., Vallin J., Wunsch G. (eds.) *Demography: Analysis and Synthesis. A Treatise in Population Studies*. Burlington, MA: Elsevier Academic Press. P. 531—549.

Romero M., De la Puente M. (1992) Ethnographic Evaluation of Behavioral Causes of Census Undercount of Undocumented Immigrants and Salvadorans [sic] in the Mission District of San Francisco, California: Final Report for Joint Statistical Agreement 88—41. Washington, DC: Center for Survey Methods Research, Bureau of the Census.

Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G. (1978) A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation. *Language*. Vol. 50. No. 4. P. 696—735. <http://dx.doi.org/10.2307/412243>.

Schaeffer N. C. (2021) Interaction Before and During the Survey Interview: Insights from Conversation Analysis. *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 24. No. 2. P. 181—202. <https://doi.org/10.1080/13645579.2020.1824626>.

Schwede L. (2008) Using Multiple Data Sources to Identify Types and Sources of Coverage Error on an Indian Reservation. Presented at the JSM Annual Meetings in Denver. In: *JSM Proceedings, Section on Survey Research Methods*. Alexandria, VA: American Statistical Association. P. 2485—2492.

Simon P., Piché V., Gagnon A. A. (eds.) (2015) *Social Statistics and Ethnic Diversity: Cross-National Perspectives in Classifications and Identity Politics*. Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-20095-8>.

Terry R. L., Schwede L., King R., Martinez M., Childs J. H. (2017) Exploring Inconsistent Counts of Racial/Ethnic Minorities in a 2010 Census Ethnographic Evaluation. *Bulletin of Sociological Methodology/Bulletin de Méthodologie Sociologique*. Vol. 135. No. 1. P. 32—49. <https://doi.org/10.1177/0759106317710849>.

Tishkov V. (2005) The Population Census and the Construction of Identity. *Anthropology & Archeology of Eurasia*. Vol. 44. No. 2. P. 10—40. <https://doi.org/10.1080/10611959.2005.11029024>.

Urla J. (1993) Cultural Politics in an Age of Statistics: Numbers, Nations, and the Making of Basque Identity. *American Ethnologist*. Vol. 20. No. 4. P. 818—843.

Valentine C. A., Valentine B. L. (1971) *Missing Men: A Comparative Methodological Study of Underenumeration and Related Problems*. Contract No. 1510. Washington, DC: U. S. Bureau of the Census.

White P., Badets J., Renaud V. (1993) Measuring Ethnicity in Canadian Censuses. In: Goldman G., McKenny N. (eds.) *Challenges of Measuring an Ethnic World: Science,*

Politics, and Reality. Proceedings of the Joint Canada-United States Conference on the Measurement of Ethnicity, April 1—3, 1992. Ottawa: Statistics Canada; Washington, DC: U. S. Dept. of Commerce, Economics and Statistics Administration, Bureau of the Census. P. 223—269.

Wimmer A. (2013) *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks.* New York, NY: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199927371.001.0001>.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.4.2006](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2006)

А. А. Михайлова

МЕЖМУНИЦИПАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЦИФРОВОЙ ВОСПРИИМЧИВОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Правильная ссылка на статью:

Михайлова А. А. Межмуниципальные различия в цифровой восприимчивости населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 222—246. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2006>.

For citation:

Mikhaylova A. A. (2022) Intermunicipal Differences in the Digital Pereptiveness of the Population. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 222–246. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2006>. (In Russ.)

МЕЖМУНИЦИПАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЦИФРОВОЙ ВОСПРИИМЧИВОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

МИХАЙЛОВА Анна Алексеевна — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

*E-MAIL: tikhonova.1989@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6807-6074>*

Аннотация. Рост числа пользователей интернета и мобильной связи оказал глобальное влияние на общественные процессы. Цифровизация стала новым фактором деформации мирового пространства и стратификации общества. Однако господствующий детерминизм социально-экономических и технологических причин цифрового неравенства не способствует учету индивидуальных причин и локальных условий цифровизации. Цель статьи — оценить пространственную неоднородность цифровизации, фокусируясь на поиске территориальных различий в способности и готовности населения к широкому усвоению навыков использования цифровых технологий с последующим внедрением в повседневную жизнь. Статья основана на материалах опроса 876 жителей 22 муниципалитетов Калининградской области (август 2020 г.). Определены сходства и различия между центром и периферией в восприимчивости населения к цифровым технологиям, локальным цифровым сервисам, сетевому обществу и цифровым коммуникациям. Выявлен сходный высокий уровень востребованности цифровых сервисов, позволяющих осуществлять повседневные рутинные (оплата счетов, получение

INTERMUNICIPAL DIFFERENCES IN THE DIGITAL PEREPTIVENESS OF THE POPULATION

*Anna A. MIKHAYLOVA¹ — Cand. Sci. (Geography), Leading Researcher
E-MAIL: tikhonova.1989@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6807-6074>*

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Abstract. The growth in the number of Internet and cell phone users had a global impact on social processes. Digitalization has become a new factor forming the world landscape and social stratification. However, the prevailing determinism of the socio-economic and technological causes of the digital divide does not contribute to general understanding of the individual causes and local conditions of digitalization. The purpose of this article is to assess the spatial heterogeneity of digitalization, focusing on the search for territorial differences in the ability and readiness of the population to widely master digital technologies and incorporate them into daily routine. The study bases on a survey of 876 residents of 22 municipalities of the Kaliningrad region (August 2020). The author determines similarities and differences between the center and the periphery in the susceptibility of the population to digital technologies, local digital services, online community, and digital communications. The estimates reveal high demand for digital services maintaining common routines (paying bills, receiving public services, checking social networks, etc.), that is evenly distributed across regions. At the same time, the data show territorial differences in the dissemination of personality-ori-

госуслуг, проверка социальных сетей и др.). Показаны территориальные различия в проникновении личностно ориентированных цифровых технологий и услуг, а также локальных цифровых сервисов, зависящих от местной инфраструктуры и рынка труда. Даны рекомендации по повышению связанности Калининграда и прочих муниципалитетов региона на основе более широкого внедрения цифровых технологий и поддержке их аналоговыми решениями.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая восприимчивость, цифровое общество, цифровой разрыв, цифровая грамотность, информационно-коммуникационные технологии, центр-периферийное устройство

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 20-011-32062.

ented digital technologies and services, as well as of local digital services that depend on regional infrastructure and labor market. In conclusion, the author suggests practical recommendations aimed at strengthening the ties between Kaliningrad and other municipalities of the region based on the wider introduction of digital technologies and their endorsement with analogue solutions.

Keywords: digitalization, digital receptiveness, digital society, digital divide, digital literacy, information and communication technologies, center-periphery

Acknowledgments. The study was funded by RFBR and EISR within the research project № 20-011-32062.

Введение

Доступность интернета и развитие технологических возможностей во всех сферах общественных отношений создали основу для нового — цифрового — этапа экономического роста. Диверсификация и укрепление региональной экономики все больше связывается с развертыванием широкополосной связи и цифровизацией [Knight, 2015]. М. Кастельс в докладе «Влияние интернета на общество: глобальная перспектива» назвал интернет решающей технологией информационного века, а важнейшим импульсом ее распространения — беспроводную связь [Castells, 2013].

Получили развитие концепции, затрагивающие влияние цифровых технологий на экономические, политические, социальные и культурные процессы. Введены в оборот понятия цифровизация, цифровая трансформация, оцифровка и их производные. Учеными [Brennen, Kreiss, 2016; Reis et al., 2020] предпринимаются усилия осмыслить теоретические и эмпирические подходы к их определению, что осложняется высокой изменчивостью явлений и отсутствием единой методологии.

Цифровизация связана с реструктуризацией процессов в результате технологических, организационных и культурных изменений в моделях функционирования, способах организации и каналах коммуникации [Gray, Rumpel, 2015; Kuusisto, 2017; Srai, Lorentz, 2019]. Это существенно отличает ее от оцифровки,

где в цифровую форму переводится информация, а не процессы¹. На практике получило использование понятие цифровой трансформации, отражающее смену парадигмы во взаимодействиях предприятий и органов власти с заинтересованными сторонами в эпоху интернета [Mergel, Edelmann, Haug, 2019]. Отличительная черта цифровой трансформации — системность, поскольку она затрагивает все элементы и связи организаций, включая стратегию, кадры и процессы, через комплексную технологизацию, оптимизацию и уход от нецифровых активов в интересах конкурентоспособности [Прохоров, Коник, 2019].

Сложность цифровизации затрудняет ее измерение. Большинство научных трудов носит эмпирический характер, представляя качественные тематические исследования, не поддающиеся обобщению, на фоне нехватки количественных работ с концептуализацией результатов [Reis et al., 2020]. Многие подходы ориентированы на показатели доступа к интернету и его использования [Kotarba, 2017], однако данный феномен шире и затрагивает весь спектр цифровых технологий и общественных отношений, переплетая цифровое и нецифровое [Sassen, 2006].

В контексте растущей роли цифровизации в организации пространственно-временного порядка широкое распространение получила идея измерения цифрового разрыва с последующим его сокращением. Д. Гункель подробно останавливается на развитии подходов к оценке цифрового разрыва и опасности использования дихотомической структуры при определении последнего [Gunkel, 2003]. Первоначально под цифровым разрывом понималась разница в представлениях о полезности цифровых технологий. Далее измерялось расхождение в возможностях получения образования и последующего трудоустройства в компьютерной индустрии среди различных групп населения. В этот же период оценивалось несоответствие между цифровыми и аналоговыми технологиями. Увеличение в 1990-х годах числа пользователей сначала персональных компьютеров, затем интернета и широкополосной связи стало катализатором для появления значительного количества научных работ, посвященных проблемам социально-экономического неравенства, определяемого доступом к новым технологиям.

Повторная волна интереса к цифровому разрыву связана с понятием цифровой грамотности, представления о которой претерпели существенные изменения после первого упоминания в 1997 г. [Gilster, 1997]. Н. Ван отмечает разнообразие терминов для обозначения данного типа грамотности: компьютерная, информационно-коммуникационная, информационная, медиа, чистая, онлайн, интернет-, мультимедийная, новая и др. [Wan, 2012]. Развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), повлекшее изменение социокультурного порядка, привело к усложнению представлений о цифровой грамотности как о наборе технических, когнитивных, социальных эмоциональных навыков [Wan, 2012; Davydov et al., 2020]. Пандемия коронавируса в 2020 г. повысила востребованность цифровых компетенций среди населения [Давыдов, 2021].

Выделяют три уровня цифрового разрыва: по наличию инфраструктуры и доступа к ИКТ; по навыкам; по ощутимым эффектам использования [Scheerder, van

¹ Bloomberg J. Digitization, Digitalization, and Digital Transformation: Confuse Them at Your Peril. *Forbes*. 2018. 29 April URL: <https://www.forbes.com/sites/jasonbloomberg/2018/04/29/digitization-digitalization-and-digital-transformation-confuse-them-at-your-peril/?sh=5d9983fb2f2c> (дата обращения: 18.04.2022).

Deursen, van Dijk, 2017; Гладкова, Гарифуллин, Рагнедда, 2019]. Среди разделяющих факторов — уровень дохода, образования, возраст, тип домохозяйства, что свидетельствует о первостепенности решения социально-экономических, а не технологических проблем цифровизации [Willis, Tranter, 2006; Song, Wang, Bergmann, 2020; Lopez-Sintas, Lamberti, Sukphan, 2020]. Меньшее влияние на цифровое неравенство оказывают размер города и сектор экономики, а наименее значимы пол и национальность [Urbančíková, Manakova, Bielcheva, 2017]. Исключение — страны с сильным гендерным дисбалансом [Mumporeze, Prieler, 2017].

Возвращаясь к тезису об опасности выстраивания ассиметричной иерархии общества через бинарные представления о цифровом разрыве [Gunkel, 2003], отметим, что проблема нового социального неравенства действительно сложна. Статистика учета пользователей и «непользователей» ИКТ без контекста ведет к искажению явления, выступая питательной средой для дискриминации. Излишний детерминизм технологических и социальных причин цифрового неравенства оставляет вне поля зрения ту часть общества, которая добровольно заняла место вне цифрового пространства (или конкретной технологии), однако не является его маргинальной частью.

Более полезным видится развитие концепции цифровой восприимчивости как производной инновационной восприимчивости [Trott, Cordey-Hayes, Seaton, 1995; Jeffrey, Seaton, 2004]. Данная теоретико-методологическая конструкция позволяет проследить связь между объективными характеристиками инновации (в том числе цифровой) и отношением к ним потребителей, тем самым решив проблему учета «добровольно отказавшихся». Согласно подходу П. Джеффри и Р. Ситона, инновационная восприимчивость представляет собой «существующую степень готовности и способности различных групп... впитывать, принимать и использовать инновационные возможности» [Jeffrey, Seaton, 2004: 281]. Модель восприимчивости инноваций [Trott, Cordey-Hayes, Seaton, 1995] опирается на четыре фазы внутренней передачи технологии: (1) поиск новых знаний; (2) признание их потенциальной пользы; (3) приобретение технологии и изучение новых способов ее эксплуатации; (4) способность эффективно применять знания. Дополняет представления контекстуальная модель [Pettigrew, Ferlie, McKee, 1992], объясняющая разность в восприимчивости через взаимодействие акторов и контекста, выступающего местом локализации инновационного процесса [Cettner et al., 2014].

Применительно к цифровой восприимчивости важно изучение причин неиспользования ИКТ различными группами населения. Среди основных причин можно назвать цифровое доверие как индивидуальную характеристику пользователя и его субъективные представления о безопасности конкретной технологии [Yan, Holtmanns, 2013; Pietrzak, Takala, 2021]. Важную роль играет личная заинтересованность. Например, готовность пациентов к цифровым инструментам для лечения диабета выше, чем их обычный уровень использования интернета вне контекста улучшения здоровья [Watson et al., 2008]. Отсутствие интереса к ИКТ может проявиться и после их применения в результате негативного опыта. Среди других причин «неиспользования» — стоимость установки и использования ИКТ, отсутствие необходимости, сложность использования, временные затраты, личная неосведомленность, внешние причины (неразвитость рынка и др.), что, напри-

мер, нашло отражение в исследовании восприимчивости жителей Южной Кореи к технологиям умного дома [Eom, Paek, 2006].

Цель данной статьи — оценить пространственную неоднородность цифровизации, фокусируясь на поиске центр-периферийных различий в цифровой восприимчивости населения, под которой понималась способность и готовность к широкому усвоению навыков использования ИКТ с последующим внедрением в повседневную жизнь на постоянной основе. Высокий уровень цифровой восприимчивости свидетельствует о достижении населением состояния цифровой зрелости [Васин и др., 2018].

Регион исследования — Калининградская область (эксклав РФ), имеющая высокий уровень урбанизации и ярко выраженное центр-периферийное устройство с доминированием административно-территориального центра Калининграда, концентрирующего основную хозяйственную и общественную активность. Дизайн исследования направлен на проверку перспективности цифрового пути социально-экономического развития муниципалитетов вне областного центра при текущем уровне цифровой восприимчивости их жителей.

Гипотеза исследования строилась на предположении, что периферийное положение муниципалитетов относительно центра будет существенным барьером к цифровой восприимчивости их населения, а, следовательно, поддержание связанности центра и периферии на основе ИКТ должно сопровождаться дублирующими аналоговыми решениями. Дополнительная актуальность связана с усилившейся в научном сообществе и средствах массовой информации риторикой о существенном повсеместном ускорении процесса цифровизации из-за пандемии COVID-19.

Методика исследования

Муниципальный уровень изучения эффектов цифровизации представлен слабо [Мещеряков, 2019; Дронов, Махрова, Печников, 2016; Цифровизация..., 2018], в том числе из-за скудности первичных данных. Большинство исследований проводятся на уровне страновых [Расторгуев, Тянь, 2019; Слоботчиков и др., 2020] или региональных сопоставлений [Добринская, Мартыненко, 2019; Баскакова, Соболева, 2019]. Ряд работ направлен на оценку цифровизации сельских территорий [Былина, 2018]. Поднимается проблема диспропорций между информационно развитыми центрами регионов и «бескрайней информационной пустыней», образованной прочими населенными пунктами [Швецов, 2014].

Работы в области цифровой восприимчивости населения с учетом контекстных условий редки и затрагивают лишь отдельные аспекты цифровизации (определенную сферу [Harangus, Sántha, 2018; Rossen et al., 2020] или социальную группу [Воробьева, Кружкова, 2017]). В этой связи центральным вопросом стала оценка пространственных особенностей цифровой восприимчивости населения, вызванных центр-периферическими контрастами, в разрезе широкого спектра сфер общественной жизни.

Для изучения проблемы цифровой восприимчивости на примере 22 муниципальных образований Калининградской области, которые в результате административной реформы получили статус городских округов, разработана анкета из 19

вопросов в закрытой, полузакрытой и открытой форме. Все вопросы разделены на 5 категорий, отразивших различные аспекты цифровизации повседневной жизни: цифровая экономика, сетевое общество и коммуникация, цифровое государство, пространственная мобильность и организация досуга, цифровой рынок труда.

Оценивались не только предпочтения в использовании на рутинной основе широкого спектра цифровых технологий (мобильных устройств и приложений, мобильного интернета, web-технологий и поисковых систем, социальных сетей, технологий электронной коммерции (в т. ч. электронных платежей), специализированных информационных систем и др.), но и аналоговых решений. Мы исходили из предположения, что если человек на систематической основе использует технологию, то (1) он о ней осведомлен; (2) имеет доступ; (3) способен применять (т. е. обладает достаточным уровнем цифровой грамотности); (4) видит в ней полезность и готов использовать в будущем. Отдельное изучение получили причины «добровольного выбытия» из охвата цифровизацией.

Опрос жителей Калининградской области проводился собственными силами в период с 1 по 30 августа 2020 г. после ослабления ограничительных мер, введенных в связи с распространением коронавирусной инфекции.

Распределение численности населения между Калининградом и другими муниципалитетами паритетно (48 и 52 %). Сформированы две выборки: по Калининграду и совокупная по 21 городскому округу. Количество опрашиваемых рассчитывалось с учетом соотношения между муниципалитетами по численности жителей. Всего опрошено 876 респондентов (см. табл. 1). Их выбор происходил стихийным образом без специального отсеивания по внешним признакам. Использованы две формы: очная (80 % анкет) и интерактивная (20 % анкет, из них 91 ед. — калининградцев).

Таблица 1. Генеральная совокупность и выборка исследования по муниципалитетам Калининградской области

Муниципалитет	Население, 2020 г.*		Респонденты, чел.
	Тыс. чел.	Доля от региона, %	
Калининград	489,4	48,3	385
Багратионовский	32,9	3,3	33
Балтийский	37,1	3,7	35
Гвардейский	29,2	2,9	30
Гурьевский	70,2	6,9	53
Гусевский	37,5	3,7	34
Зеленоградский	38,2	3,8	39
Ладушкин	4,0	0,4	5
Мамоново	8,2	0,8	11
Краснознаменский	11,6	1,1	12
Неманский	18,3	1,8	19
Нестеровский	14,8	1,5	13
Озерский	13,2	1,3	10
Пионерский	12,2	1,2	25
Полесский	18,1	1,8	14

Муниципалитет	Население, 2020 г.*		Респонденты, чел.
	Тыс. чел.	Доля от региона, %	
Правдинский	18,6	1,8	18
Светловский	28,6	2,8	23
Светлогорский	19,7	1,9	23
Славский	18,9	1,9	16
Советск	39,0	3,8	38
Черняховский	46,3	4,6	34
Янтарный	6,5	0,6	6

* Рассчитано по данным: Калининградстат. URL: https://kaliningrad.gks.ru/main_indicators (дата обращения: 11.04.2020).

Анкета содержала вопросы, позволяющие получить представление о качественных характеристиках опрошенных: пол; удовлетворенность соотношением качества используемой интернет-связи и ее ценой, возрастная группа; уровень образования (см. табл. 2).

Таблица 2. Характеристика респондентов — жителей муниципалитетов Калининградской области

Качественный признак		Калининград		21 городской округ	
		чел.	%	чел.	%
1. Пол	мужской	62	16,1	111	22,6
	женский	323	83,9	380	77,4
2. Возраст	18—25	81	21,0	79	16,1
	26—40	209	54,3	195	39,7
	41—55	70	18,2	148	30,1
	56—70	25	6,5	60	12,2
	свыше 71 лет	0	0,0	9	1,8
3. Уровень образования	общее	26	6,8	107	21,8
	среднее профессиональное	74	19,2	224	45,6
	высшее	266	69,1	154	31,4
	послевузовское	19	4,9	6	1,2
4. Удовлетворенность соотношением качества и цены интернета	удовлетворен	259	67,3	305	62,1
	не удовлетворен	126	32,7	186	37,9

В ходе исследования получен позитивный и негативный методический опыт. Благодаря первичной апробации инструментария на фокус-группе, включавшей людей разного возраста, образования и места проживания, были изменены формулировки ряда вопросов. Это позволило избежать проблемы недопонимания при проведении полевого исследования и минимизировать случаи необходимости дополнительных разъяснений. Чтобы реализовать замысел по охвату всех муниципалитетов региона и обеспечению разнообразия респондентов по качественным признакам, интервьюеры выезжали в каждый городской округ. Опрос проводился

в выходные дни вблизи основных мест сосредоточения местных (городских и сельских) жителей: мест розничной торговли, остановок транспорта, почтовых отделений и др. Осложняющий фактор — эпидемиологическая ситуация, из-за которой на улицах снизилось количество людей, особенно пенсионеров.

Для снижения эффектов социальной желательности предприняты следующие шаги: опрос проводился анонимно; не был ограничен во времени; при сборе личных данных не включались «напряженные» вопросы, касающиеся финансового положения, места работы/учебы, адреса проживания; отмечалось отсутствие политической ангажированности исследования, объяснялась научная цель сбора данных и обезличенность дальнейшего анализа.

Большой интерес к опросу проявляли жители, отдаленных от Калининграда населенных пунктов преимущественно женщины. Помимо заполненной анкеты от респондентов была получена информация о качестве услуг связи и интернета конкретных операторов, а также личные мнения о внедрении ИКТ в повседневные рутинные. Часть жителей высказывала серьезную озабоченность массовой цифровизацией, в том числе вопросами безопасности. Это позволило получить некоторые неструктурированные представления об уровне цифрового доверия среди населения (особенно в периферийных муниципалитетах). Некоторые из опрошенных старше 40 лет при наличии у них телефона и интернета не считали себя пользователями ИКТ, что в том числе служило причиной отказа от участия в опросе. Данные случаи были отнесены к проявлению добровольного отказа от широкого усвоения навыков использования ИКТ. Однако отсутствие заполненных анкет не позволило провести обобщение по данной группе населения.

Результаты исследования

Рутинное участие в цифровой экономике — один из индикаторов восприимчивости населения к внедрению современных ИКТ, поскольку это предполагает реструктуризацию процессов потребления. В данном отношении жители Калининграда более открыты к изменению покупательских привычек. Свыше 80% опрошенных калининградцев совершают покупки в интернет-магазинах, оплачивают коммунальные услуги онлайн, используют мобильные приложения (см. рис. 1).

Рис. 1. Распределение респондентов, положительно ответивших на закрытый вопрос об использовании некоторых цифровых сервисов (несколько вариантов ответа; % от всех опрошенных)

Лидирующие позиции в их потребительской онлайн-корзине занимают одежда, обувь, аксессуары, украшения и книги, а наиболее слабые — продукты питания (см. табл. 3).

Таблица 3. Покупательские привычки населения Калининградской области в сфере онлайн-торговли

Товары	Покупаю чаще всего (% ответивших «Да» на вопрос «Делаете ли Вы покупки в интернет-магазинах?»)		Никогда не буду покупать (% от всех опрошенных)	
	Калининград (%, n = 319)	21 ГО (%, n = 338)	Калининград (%, n = 385)	21 ГО (%, n = 491)
Одежда, обувь, аксессуары, украшения	67,7	69,8	18,4	19,3
Книги	50,2	23,4	5,5	10,6
Детские товары, игрушки, питание	31,7	19,2	15,8	22,2
Косметика, средства ухода, парфюмерия	31,0	35,5	14,0	23,0
Гаджеты, бытовая техника	27,6	27,2	35,3	35,4
Товары для здоровья, лекарства	22,3	18,6	32,7	46,8
Продукты, напитки	17,6	7,7	51,4	62,1
Другое	2,5	4,1	14,0	5,1

Примечание. ГО — городской округ. Респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

Доля жителей других муниципалитетов области, вовлеченных в цифровую экономику, скромнее (см. рис. 1). Онлайн-покупки совершают лишь 68,8% опрошенных (против 83% калининградцев). В структуре потребления помимо одежды и обуви лидируют косметические и парфюмерные товары, а книги заняли лишь четвертое место. Сравнительный анализ товаров-«табу» демонстрирует, что калининградцы в целом менее консервативны в отношении онлайн-шопинга, особенно это касается товаров для здоровья, лекарств (разрыв в 14,1%); продуктов (разрыв 10,7%), косметики (разрыв 9%).

Главный барьер к переходу на онлайн-потребление — отсутствие доверия к интернет-магазинам, в том числе качеству товара и политике возврата. При этом выделены значимые расхождения по другим причинам отказа от совершения покупок онлайн (см. рис. 2).

В случае Калининграда, концентрирующего около 60% торговых площадей региона, традиционные форматы розничной торговли по-прежнему составляют конкуренцию онлайн-ритейлу. Этот фактор объясняет сравнительно высокую долю респондентов, ответивших, что предпочитают лично ходить по магазинам: 34,8% от тех, кто не совершает покупки в интернете. В муниципалитетах с меньшей обеспеченностью объектами розничной торговли такой ответ дали лишь 27,5%.

Рис. 2. Распределение респондентов по причинам отказа от совершения покупки в интернете (несколько вариантов ответа; % от ответивших «Нет» на вопрос «Делаете ли Вы покупки в интернет-магазинах?»; для Калининграда $n = 66$, 21 ГО $n = 153$)

Значимой причиной для жителей вне областного центра стала недостаточная осведомленность о цифровых банковских услугах. Несмотря на сопоставимый уровень использования банковских карт и онлайн-банкинга в центре и на периферии (см. табл. 4), между ними выявлен пятикратный разрыв по доле жителей, у которых нет банковской карты или которые не знают, как совершать онлайн-платежи (проблема цифровой грамотности) — см. рис. 2. Если для Калининграда этот показатель равен 3%, то для прочих муниципалитетов — 16%. Сохраняется недоверие к онлайн-банкингу, сопровождающееся боязнью кражи денежных средств с карты или банковского счета, и, как следствие, более широкое использование наличных денег, которыми ежедневно расплачиваются 36,7% опрошенных в 21 городском округе против 25,7% — в Калининграде (см. табл. 4). Закономерно, что современные системы электронных платежей с использованием NFC, позволяющие осуществлять бесконтактную оплату (что требует доступа к соответствующей технологии, а также сочетания определенного уровня компетенций и цифрового доверия), получили большее распространение среди калининградцев, чем жителей других населенных пунктов области.

Таблица 4. Распределение респондентов по использованию способов оплаты товаров и услуг (несколько вариантов ответа; % от всех опрошенных)

Способы оплаты	Калининград	21 городской округ
Банковская карта	63	65
Наличные	26	37
Другое	22	7
Технологии NFC	18	14
Онлайн-банкинг	10	14
Сервисы (Яндекс.Деньги, QIWI-кошелек, VK Pay и др.)	4	3

В 2011—2019 гг., по данным Минкомсвязи РФ, в Калининградской области на 31 % выросло число абонентов мобильного широкополосного доступа в интернет до 101,5 на 100 человек, что выше среднестранового показателя в 96,4. Доступность беспроводного интернета обусловила пользовательский интерес к различным мобильным технологиям. Рисунок 3 отражает распределение опрошенных по использованию мобильных приложений: от коммуникации и покупок до креативных инструментов.

Рис. 3. Распределение респондентов по использованию мобильных приложений (несколько вариантов ответа; % от всех опрошенных)

Лидирующие позиции — у социальных сетей, мессенджеров и мобильного банкинга. Для жителей Калининграда приоритетна вовлеченность в сетевое общество, а для прочих муниципалитетов — дистанционный доступ к банковским услугам и совершение онлайн-платежей.

Приложения по заказу такси, готовой еды, покупки товаров, «полезные» (навигатор, переводчик) и «креативные» (обработка фото и видео) в большей степени используются калининградцами, чем жителями других муниципалитетов. Это объясняется как инфраструктурными и стоимостными факторами (ограниченной географией действия локальных сервисов, отсутствием пунктов выдачи заказов или более высокой стоимостью предоставления некоторых услуг за пределами Калининграда и др.), так и поведенческими (разностью в образе жизни населения областного центра с почти 500 тыс. жителей и прочих муниципалитетов, где система расселения представлена малыми, полусредними городами и поселками).

Доля респондентов из Калининграда существенно превышает аналогичную по другим муниципалитетам в отношении онлайн-приобретения невещественных объектов — образовательных услуг, различных информационных продуктов, досту-

па к видео, аудио и текстовому контенту, информации и др. (см. рис. 4). Отмечается двукратный разрыв между центром (21 %) и периферией (46 %) по доле не приобретавших ничего из вышеперечисленного.

Рис. 4. Распределение респондентов, ответивших утвердительно на закрытый вопрос «Покупали ли Вы что-то из нижеперечисленного в интернете?», (несколько вариантов ответа; % от всех опрошенных)

Результаты опроса позволили выявить существенные территориальные различия в структуре использования населением региона каналов коммуникации и интеграции в информационное пространство (см. табл. 5).

Таблица 5. Распределение ответов на закрытый вопрос: «Откуда Вы в первую очередь узнаете о новостях в своем регионе, стране, мире?» (несколько вариантов ответа; % от всех опрошенных)

Варианты ответов	Калининград		21 городской округ	
	чел.	%	чел.	%
Статьи на новостных сайтах	265	68,8	281	57,2
Родственники, друзья, знакомые	165	42,9	195	39,7
Посты известных людей / блогеров в соцсетях	126	32,7	96	19,6
Каналы в Viber, Telegram и др.	102	26,5	117	23,8
Телевизор	83	21,6	190	38,7
Видеоролики в YouTube	62	16,1	89	18,1
Радио	22	5,7	45	9,2
Газеты, журналы	12	3,1	37	7,5

В Калининграде доля телевидения, радио, газет и журналов не превышает 30 %, а основной канал получения новостей — интернет. В первую очередь калининградцы читают новостные статьи на сайтах-агрегаторах, просматривают социальные сети и специализированные каналы в мессенджерах. Жители за пределами областного центра демонстрируют лояльность традиционным СМИ, однако осваивают и новые форматы. Сохраняет свою значимость для поддержания информационного обмена общение с родственниками и знакомыми. Значимую роль играют социальные сети, аудитория которых растет во всем мире. В Калининградской области на вопрос о наличии регистрации хотя бы в одной из социальных сетей положительно ответили 95,8 % респондентов — жителей Калининграда и 89,2 % — прочих городских округов, из них 39 % и 27 % соответственно являются активными пользователями (каждый час-два в течение дня).

Внедрение ИКТ в систему отношений «гражданин — государственная организация», происходящее в рамках цифровой трансформации органов власти, сопряжено с необходимостью оценки готовности населения к подобным каналам коммуникации и формам взаимодействия (табл. 6).

Таблица 6. **Цифровизация каналов взаимодействия населения Калининградской области с государственными организациями (% от всех опрошенных)**

Вопрос	Варианты ответа	Калининград		21 городской округ	
		чел.	%	чел.	%
При необходимости попасть на почту, к врачу, за госуслугой и т. п. Вы в первую очередь?	Приходите в учреждение	53	13,8	146	29,7
	Записываетесь по телефону на прием	132	34,3	233	47,5
	Записываетесь онлайн на прием	212	55,1	194	39,5
	Другое	7	1,8	4	0,8
Где Вы чаще получаете государственные услуги?	Портал «Госуслуги»	229	59,5	220	44,8
	МФЦ	116	30,1	269	54,8
	Посорганизация	50	13,0	66	13,4
	Прругое	1	0,3	15	3,1

Лучшая ситуация наблюдается в Калининграде, где более 50 % опрошенных уже имеют опыт онлайн-записи и взаимодействия с государственными организациями через «Госуслуги». В остальных муниципалитетах распространена коммуникация граждан и государства через многофункциональные центры, представленные в каждом городском округе.

Цифровизация создает условия для интенсификации пространственной мобильности населения и организации досуга. Респондентам было предложено ответить на вопрос об использовании различных цифровых сервисов для организации поездок, путешествий, досуга. Была возможность выбрать ответ «не путешествую» или «не пользуюсь», подтверждающий отсутствие финансовой, инфраструктурной, иной возможности для осуществления мобильности или заинтересованности в ней (см. табл. 7).

**Таблица 7. Распределение ответов на закрытый вопрос
«При планировании путешествия, поездки, отдыха используете ли вы онлайн-сервисы для ...?»
(несколько вариантов ответа; % от всех опрошенных)**

Варианты ответов	Калининград		21 городской округ	
	чел.	%	чел.	%
Бронирования мест проживания	281	73,0	189	38,5
Поиска и покупки билетов на поезд, самолет и др.	276	71,7	230	46,8
Покупки билетов на концерт, театр, музей	185	48,1	132	26,9
Заказа такси	157	40,8	133	27,1
Аренды машины	49	12,7	33	6,7
Не путешествую / не пользуюсь	45	11,7	172	35,0

Среди опрошенных калининградцев 73% имели опыт онлайн-бронирования мест проживания и покупки билетов, что является высоким показателем, в то время как среди жителей остальных муниципалитетов таковых лишь 38,5%. Аналогичный почти двукратный разрыв характерен и для других направлений, связанных с организацией передвижения и досуга. Треть опрошенных жителей области ответили, что не путешествуют, а в личной беседе многие из них указали на недостаток денежных средств для этого.

Важный индикатор цифровизации — восприимчивость населения к формату удаленной работы (см. табл. 8).

**Таблица 8. Заинтересованность населения Калининградской области
в участии цифровом рынке труда (% от всех опрошенных)**

Вопрос	Варианты ответа	Калининград		21 городской округ	
		чел.	%	чел.	%
Хотели бы Вы работать удаленно через интернет?	Да	196	50,9	154	31,4
	Нет	160	41,6	320	65,2
	Уже работаю	29	7,5	17	3,5
Используете ли Вы специализированные интернет-порталы для поиска работы?	Да	218	56,6	145	29,5
	Нет	167	43,4	346	70,5

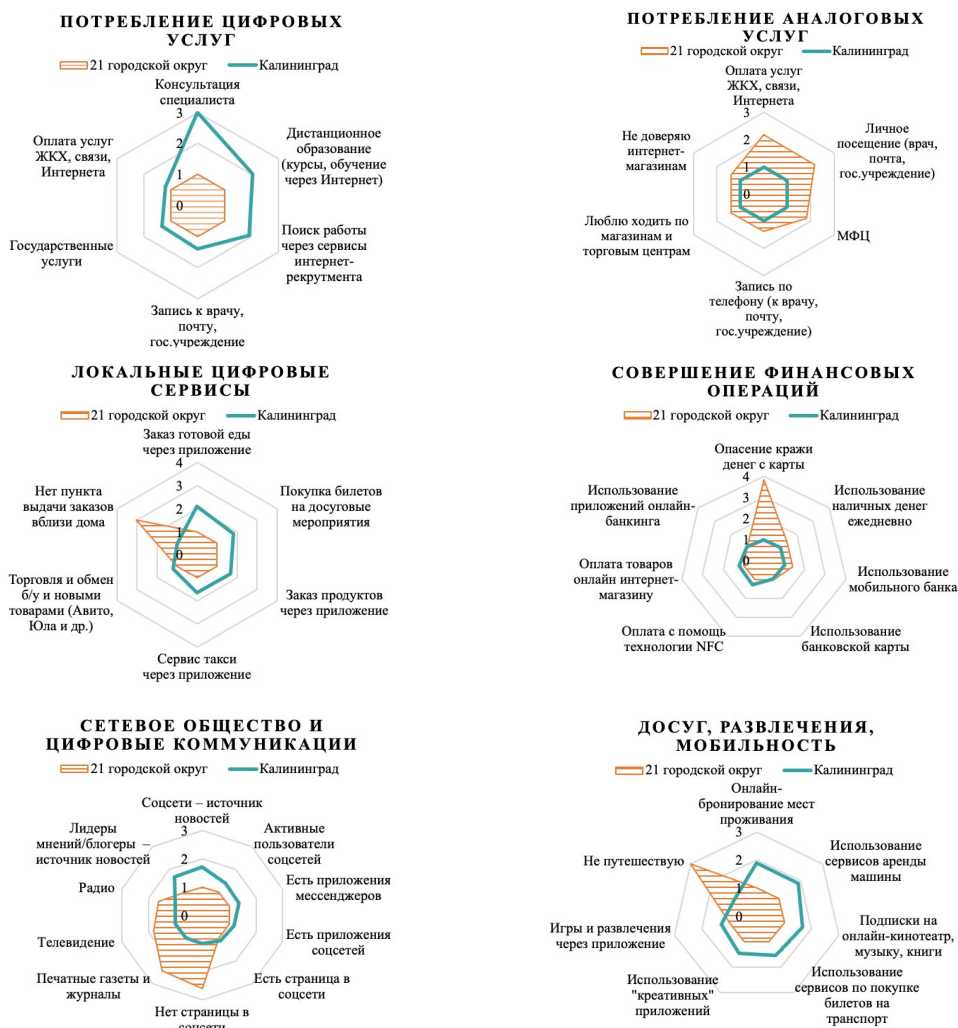
Отмечены существенные территориальные различия по интересу к работе через интернет: если 50,9% опрошенных калининградцев хотели бы попробовать такой формат, то 65,2% респондентов вне областного центра не видят себя участниками цифрового рынка труда (причины — текущая профессия не предполагает удаленную занятость, недостаток цифровых компетенций, слабое предложение удаленной работы на внутреннем рынке труда). Распределение опрошенных по использованию специализированных порталов для поиска работы также имеет территориальную специфику. Свыше 70% респондентов из 21 муниципалитета региона (исключая

Калининград) не используют сервисы для подбора вакансий, что обусловлено как устойчивостью уже сложившихся трудовых связей и отсутствием личной потребности в поиске, так и контекстными факторами, например, непредставленностью местных вакансий малого и среднего бизнеса на подобных порталах.

Обсуждение результатов

Рисунок 5 демонстрирует центр-периферийную контрастность в цифровой восприимчивости жителей Калининградской области по разным направлениям.

Рис. 5. Отношение доли респондентов, давших положительный или отрицательный ответ, в Калининграде и к доле респондентов, давших такие же ответы в прочих муниципалитетах Калининградской области (по каждому вопросу отражено превышение или отставание в разгах)

Несмотря на активизацию в начале пандемии коронавируса кампании по продвижению цифровых технологий для решения бытовых проблем, по-прежнему есть существенные территориальные различия в цифровой восприимчивости населения. Обращают на себя внимание центр-периферические контрасты в использовании цифровых услуг и причинах приверженности их традиционным форматам. Более высокая востребованность со стороны жителей как областного центра, так и прочих муниципалитетов обнаружилась в отношении ИКТ, позволяющих выполнять частые и широко распространенные рутинные практики: оплата счетов за ЖКУ; получение госуслуг; запись на почту, прием к врачу и др. Аналогичные закономерности характерны для сферы сетевого сообщества и связаны с частотой проверки социальных сетей.

В случае цифровых услуг или коммуникации, где фактор личной восприимчивости значителен — например, дистанционное образование, консультация, поиск работы или выбор близкого по духу лидера мнений — доля пользователей из Калининграда существенно превосходила аналогичную из других муниципалитетов. Жители крупного города в большей степени видят для себя полезность в подобного рода цифровых услугах и коммуникациях в сравнении с населением малых городов и сел. Косвенно это находит подтверждение, например, в причинах покупки образовательных онлайн-курсов² (с целью повышения квалификации и расширения кругозора), а также в составе их основной целевой аудитории³.

Необходимо отметить сохраняющуюся важность аналоговых услуг, которые в ряде случаев не противостоят, а дополняют цифровые услуги. Идея важности связи различных коммуникационных каналов между организацией и потребителем получила развитие в рамках подхода омниканальности, который направлен на интеграцию истории аналогового и цифрового общения. Этот подход позволяет не противопоставлять пользователей и «непользователей» цифровых услуг, а повышать удобство в совмещении разных форматов взаимодействия.

Расширению восприятия цифровых услуг среди населения малых городов и сельских населенных пунктов все еще препятствует проблема цифровой грамотности и связанная с ней проблема цифрового доверия. Это нашло отражение в результатах данного исследования, касающихся причин неучастия в электронной торговле (не доверяю онлайн-магазинам) и использования более традиционных форматов осуществления финансовых операций (оплата наличными деньгами, боязнь кражи денежных средств).

Оценка развития локальных цифровых сервисов, зависящих от местной инфраструктуры и рынка труда, также показывает дисбаланс в сторону Калининграда, нежели прочих муниципалитетов. При этом востребованность сервисов по продаже б/у товаров и такси выше, чем заказа готовой еды или продуктов. Это согласуется с выводами, о том, что внедрение цифровой системы такси в малых и средних городах предшествует другим цифровым сервисам, выступая драйвером для последующей цифровизации⁴ и порождая синергетические эффекты [Цифровизация..., 2018].

² Чему россияне учатся на онлайн-курсах и сколько за это платят // Тинькофф журнал. 23.11.2020. URL: <https://journal.tinkoff.ru/online-stat/> (дата обращения: 11.04.2022).

³ Что могут дать нам знания об онлайн-образовании и что можно с этими знаниями сделать // GetCourse. URL: <https://habr.com/ru/article/557170/> (дата обращения: 11.04.2022).

⁴ Этапы насыщения локальными цифровыми сервисами: первый — информационные сервисы и такси; второй — доставка товаров; третий этап — доставка услуг (в том числе готовой еды). [Цифровизация..., 2018].

Сфера цифровых технологий для досуга, развлечений и мобильности также сильнее развернута в сторону жителей областного центра, которые имеют больше возможностей (спрос) и вариантов выбора (предложение) в реализации подобных рутин. Яркое подтверждение — более высокая доля ответивших «не путешествую» среди жителей муниципалитетов вне Калининграда. В то же время отмечен скромный разрыв в отношении использования мобильных приложений с играми, многие из которых бесплатны и не требуют высокого уровня цифровой грамотности. Платный доступ к аудио- и видеоконтенту как источнику проведения досуга, менее востребован населением прочих муниципалитетов. Это в том числе объясняется разностью в доходах домохозяйств между центром и периферией.

Полученные результаты согласуются с выводами более раннего исследования, выполненного на материалах девяти субъектов РФ, об отставании второго города региона от административного центра по уровню цифрового спроса в 1,5—3 раза [Коровкин, 2020]. При этом разрыв по некоторым важнейшим социально-экономическим показателям между Калининградом и прочими муниципалитетами (площадь жилых помещений на 1 человека; среднемесячная номинальная заработная плата; общий объем реализованных продовольственных товаров на 1 чел.; площадь территории с мобильным интернетом 4G как минимум от 1 оператора) не превышает 1,4 раза⁵. Однако существует четырехкратный разрыв по доле территории, покрытой стандартом 4G от всех операторов. Это указывает на зависимость жителей большинства населенных пунктов региона от качества и стоимости связи, предоставляемой конкретным оператором, что снижает общую доступность мобильного интернета для активного совершения цифровых рутин.

В целях оценки похожих трендов в других субъектах РФ был проведен сравнительный анализ положения Калининградской области по ряду показателей развития информационного общества в 2020 г. Она имеет сопоставимые со средними по РФ показатели количества мобильных телефонов (249 к 250 на 100 домохозяйств) и интернет-пользователей (84 к 85 на 100 чел.), а выше средних — обеспеченности компьютерами (133 к 125 на 100 домохозяйств) и мобильным широкополосным интернетом (101,5 к 96,4 на 100 чел.), индекса цифровой грамотности (7,71 к 7,25)⁶. Таким образом, можно ожидать схожих результатов в других регионах РФ с похожим центр-периферическим устройством и сходными уровнями технологической оснащенности домохозяйств устройствами для выхода в интернет и осведомленности об использовании цифровых технологий при скромных показателях внедрения цифровых рутин в повседневную жизнь.

Заключение

Данное исследование направлено на оценку центр-периферических особенностей цифровой восприимчивости населения на примере Калининградской области РФ. Подвергнуты проверке тезис о «бескрайней информационной пустыне», скла-

⁵ Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований // Калининградстат. 2020. URL: https://kaliningrad.gks.ru/main_indicators (дата обращения: 5.07.2021).

⁶ Всероссийская акция «Цифровой Диктант 2020». URL: <https://digitaldictation.ru/site/2020> (дата обращения: 19.06.2021); Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/5QwfcivK/monitor.xls> (дата обращения: 19.06.2021).

дывающейся вокруг административно-территориальных центров [Швецов, 2014], и широко тиражируемая идея о более быстром повсеместном и всестороннем внедрении цифровых технологий под действием ограничительных мероприятий, ставших следствием пандемии COVID-19. Основным методом исследования выступил анкетный опрос жителей всех муниципалитетов региона, проведенный летом 2020 г. после ослабления ограничительных мер.

Результаты исследования показали, что жители областного центра в целом более восприимчивы к использованию цифровых технологий на рутинной основе, чем жители прочих муниципалитетов. В разрезе отдельных ИКТ высокая полезность использования способствовала их более быстрому проникновению в повседневную жизнь населения за пределами Калининграда (например, использование онлайн-банкинга). Значительную роль играла готовность внутреннего рынка к расширению цифровых услуг, что наиболее заметно в отношении локальных цифровых сервисов. «Вынужденная» цифровизация в период пандемии, ставшая внешним фактором, не смогла полностью выровнять территориальные различия, в том числе из-за внутренних причин (контекстных или личных).

Таким образом, цифровая восприимчивость шире, нежели технологическая обеспеченность, доступ к интернету, цифровая грамотность или доверие к технологиям. Она показывает не только осведомленность и признание потенциальной общей полезности ИКТ, но также готовность и способность самостоятельно получать доступ к ним и извлекать пользу с учетом обстоятельств. Восприимчивость тесно связана с условиями и индивидуальными предпочтениями. Место проживания, задающее социокультурный вектор развития, обеспечивающее реализацию творческого и трудового потенциала населения на определенной территории и формирующее его рутинные практики, оказывает значимое влияние на характер и динамику процесса цифровизации. Учет особенностей среды дает понимание целесообразности и специфики реструктуризации общественных процессов под действием ИКТ в отношении конкретных территориальных общественных систем.

Предположение о возможной активной реализации в муниципалитетах Калининградской области цифровой модели развития экономики и общества как перспективной стратегии преодоления негативных эффектов гиперцентрализации в регионе, на текущем этапе видится не обоснованным. Достигнутый уровень вовлеченности жителей муниципалитетов вне областного центра в цифровые процессы даже после активной фазы ограничительных мер в связи с пандемией коронавируса ниже, чем в Калининграде, и недостаточен для запуска комплексных изменений. Полученные результаты соотносятся с предложенными ранее моделями диффузии инноваций Т. Хагерстранда и инновационной динамики Э. Роджерса [Пузанов, 2012] и указывают на имеющиеся временные, территориальные закономерности и личностные ограничения процесса цифровизации, а также опасности его форсирования, связанные с усилением социальной напряженности и инфраструктурной неготовности территории.

В рамках реализации комплексной стратегии цифровизации всех сфер общественной жизни в регионе и обеспечения связности центра и периферии на основе ИКТ необходимо:

- 1) повышать качество и разнообразие доступного мобильного интернета от разных операторов связи;
- 2) содействовать расширению предложения ИКТ услуг и развитию дополняющих цифровых сервисов;
- 3) поддерживать развитие общественно значимых и локально ориентированных цифровых сервисов, в т. ч. сопутствующей инфраструктуры и рынка труда;
- 4) повышать доступность образования для населения в сфере использования ИКТ (особенно в отношении осуществления финансовых платежей и получения социально значимых услуг);
- 5) содействовать, в т. ч. через систему профессионального обучения, изменению сложившейся структуры муниципального рынка труда в сторону увеличения доли специалистов с развитыми цифровыми компетенциями;
- 6) повышать осведомленность населения о выгодах и безопасности внедрения цифровых практик;
- 7) внедрить омниканальный подход не только в коммерческом секторе, но и сфере предоставления государственных и других социально значимых услуг;
- 8) содействовать повышению общего уровня и качества жизни населения.

Список литературы (References)

Баскакова М. Е., Соболева И. В. Новые грани функциональной неграмотности в условиях цифровой экономики // Вопросы образования. 2019. № 1. С. 244—263. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-1-244-263>.

Baskakova M., Soboleva I. (2019) New Dimensions of Functional Illiteracy in the Digital Economy. *Educational Studies Moscow*. No. 1. P. 244—263. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-1-244-263>. (In Russ.)

Былина С. Г. Региональные особенности и детерминанты использования электронных услуг сельским населением // Проблемы развития территории. 2018. № 5. С. 84—98. <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.5.97.6>.

Bylina S. G. (2018) Regional Characteristics and Determinants of Using Electronic Services Among Rural Population. *Problems of Territory's Development*. Vol. 5. P. 84—98. <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.5.97.6>. (In Russ.)

Васин С. М., Гамидуллаева Л. А., Финогеев А. Г., Мкртчян В. С., Березин А. А., Палаткин И. В. Социальные медиа как индикатор цифровой активности и цифровой зрелости населения // Проблемы современной экономики. 2018. № 3. С. 32—39. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=6398> (дата обращения: 01.08.2022).

Vasin S. M., Gamidullaeva L. A., Finogeev A. G., Mkrтчian V. S., Berezin A. A., Palatkin I. V. (2018) Social Media as an Index of the Digital Activity and Digital Maturity of the Population. *Problems of Modern Economics*. No. 3. P. 32—39. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=6398> (accessed: 01.08,2022). (In Russ.)

Воробьева И. В., Кружкова О. В. Социально-психологические аспекты восприимчивости молодежи к воздействиям среды Интернет // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 9. С. 86—102. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-9-86-102>.

Vorobyeva I. V., Kruzhkova O. V. (2017) Social-Psychological Aspects of Youth Susceptibility to the Internet Impact. *The Education and Science Journal*. Vol. 19. No. 9. P. 86—102. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-9-86-102>. (In Russ.)

Гладкова А. А., Гарифуллин В. З., Рагнедда М. Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан) // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2019. № 4. С. 41—72. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2019.4172>.

Gladkova A. A., Garifullin V. Z., Ragnedda M. (2019) Model of Three Levels of the Digital Divide: Current Advantages and Limitations (Exemplified by the Republic of Tatarstan). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. No. 4. P. 41—72. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2019.4172>. (In Russ.)

Давыдов С. Г. Цифровые компетенции россиян и работа на самоизоляции во время пандемии COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 403—422. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1913>.

Davydov S. G. (2021) Digital Competencies of Russians and Work on Self-Isolation During the COVID-19 Pandemic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 403—422. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1913>. (In Russ.)

Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Цифровой разрыв в России: особенности и тенденции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 100—119. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.06>.

Dobrinskaya D. E., Martynenko T. S. (2019b) Defining the Digital Divide in Russia: Key Features and Trends. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 100—119. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.06>. (In Russ.)

Дронов В. Н., Махрова О. Н., Печников А. С. Информационное неравенство районов Рязанской области // Народонаселение. 2016. № 4 (74). С. 104—112. URL: <http://www.isesp-ras.ru/numbers/2016-4> (дата обращения: 01.08.2022).

Dronov V. N., Makhrova O. N., Pechnikov A. S. (2016) Information Inequality of Districts in Ryazan Oblast. *Population*. Vol. 4. No. 74. P. 104—112. URL: <http://www.isesp-ras.ru/numbers/2016-4> (accessed: 01.08.2022). (In Russ.)

Коровкин В. Цифровая жизнь российских регионов 2020. Что определяет цифровой разрыв? // Аналитический отчет Института исследований развивающихся рынков бизнес-школы Сколково. 2020. URL: <https://ssrn.com/abstract=3622418> (дата обращения: 07.06.2021).

Korovkin V. (2020) The Digital Life of Russian Regions 2020: What Defines the Digital Divide? Institute for Emerging Markets Research, Skolkovo Business School. SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=3622418> (accessed: 07.06.2021). (In Russ.)

Мещеряков Д. А. Барьеры, сдерживающие развитие цифровой экономики на территории муниципальных образований // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. Вып. 2. Ч. 1. С. 587—589. URL: <http://inion.ru/ru/publishing/publications/bolshaia-evraziia-razvitie-bezopasnost-sotrudnichestvo-2019-2-1/> (дата обращения: 02.08.2022).

Meshcheryakov D. A. (2019) Barriers Hindering the Digital Economy Development in Municipal Territories. *Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation*. Vol. 2. No. 1. P. 587—589. URL: <http://inion.ru/ru/publishing/publications/bolshaia-evraziia-razvitie-bezopasnost-sotrudnichestvo-2019-2-1/> (accessed: 02.08.2022). (In Russ.)

Прохоров А., Коник Л. Цифровая трансформация. Анализ, тренды, мировой опыт. М.: ООО «КомНьюс Групп», 2019.

Prokhorov A., Konik L. (2019) Digital Transformation. Analysis, Trends, World Experience. Moscow: ComNews Group LLC. (In Russ.)

Пузанов К. А. Современные модели распространения инноваций: критический анализ // Социология власти. 2012. № 6—7. С. 82—99. URL: [https://socofpower.ranepa.ru/files/docs/6-7\(2012\)/1.pdf](https://socofpower.ranepa.ru/files/docs/6-7(2012)/1.pdf) (дата обращения: 02.08.2022).

Puzanov K. A. (2012) Present Day Models of Innovation Distribution: Critical Analysis. *Sociology of Power*. No. 6—7. P. 82—99. (In Russ.) URL: [https://socofpower.ranepa.ru/files/docs/6-7\(2012\)/1.pdf](https://socofpower.ranepa.ru/files/docs/6-7(2012)/1.pdf) (accessed: 02.08.2022).

Расторгуев С. В., Тянь Ю. С. Цифровизация экономики России: тенденции, кадры, платформы, вызовы государству // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 136—161. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.08>.

Rastorguev S. V., Tian Y. S. (2019) Digitalization of the Russian Economy: Trends, Personnel, Platforms, and Challenges to the State. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 136—161. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.08>. (In Russ.)

Слоботчиков О. Н., Козлов С. Д., Шатохин М. В., Попова С. А., Гончаренко А. Н. Цифра и власть: цифровые технологии в государственном управлении. М.: НАНО ВО «ИМЦ», 2020.

Slobotchikov O. N., Kozlov S. D., Shatokhin M. V., Popova S. A., Goncharenko A. N. (2020) Digit and Power: Digital Technologies in Public Administration. Moscow: NANO VO IMTS. (In Russ.)

Цифровизация в малых и средних городах России. М.: Высшая школа экономики. 2018. URL: <https://roscongress.org/materials/tsifrovizatsiya-v-malykh-i-srednikh-gorodakh-rossii> (дата обращения: 05.04.2022).

Digitalization in Small and Medium-Sized Towns of Russia. (2018) Moscow: Higher School of Economics. URL: <https://roscongress.org/materials/tsifrovizatsiya-v-malykh-i-srednikh-gorodakh-rossii> (accessed: 05.04.2022). (In Russ.)

Швецов А. Н. «Цифровое» неравенство российских городов и регионов: методы оценки и политика выравнивания // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Т. 7. № 3. С. 51—63.

Shvetsov A. N. (2014) “Digital” Inequality of the Russian Cities and Regions: Evaluation Methods and Adequation Policy. *Problem Analysis and Public Administration Projection*. Vol. 7. No. 3. P. 51—63. (In Russ.)

Brennen J. S., Kreiss D. (2016). Digitalization. In: Klaus Bruhn Jensen K. B., Robert T Craig R. T., Jefferson Pooley J.; Eric W Rothenbuhler E. W. (eds.) *The International Encyclopedia of Communication Theory and Philosophy*. P. 1—11. Chichester; Hoboken, NJ: Wiley. <https://doi.org/10.1002/9781118766804.wbiect111>.

Castells M. (2013) The Impact of the Internet on Society: A Global Perspective. BBVA. URL: http://aasa.ut.ee/augsburg/literature/CASTELLS_BBVA-OpenMind-book-Change-19-key-essays-on-how-internet-is-changing-our-lives-Technology-Internet-Innovation.pdf (accessed: 20.04.2022).

Cettner A., Ashley R., Hedström A., Viklander M. (2014) Assessing Receptivity for Change in Urban Stormwater Management and Contexts for Action. *Journal of Environmental Management*. No. 146. P. 29—41. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2014.07.024>.

Davydov S., Logunova O., Maltseva D., Sharikov A., Zadorin I. (2020) Digital Literacy Concepts and Measurement. In: Davydov S. (ed.) *Internet in Russia. Societies and Political Orders in Transition*. Springer, Cham. P. 103—120. https://doi.org/10.1007/978-3-030-33016-3_6

Eom S.-J., Paek J.-H. (2006) Planning Digital Home Services Through an Analysis of Customers' Acceptance. *Journal of Information Technology in Construction*. Vol. 11. Special issue IT in Facility Management. P. 697—710.

Gilster P. (1997) Digital Literacy. New York, NY: Wiley.

Gray J., Rumpe B. (2015) Models for Digitalization. *Software and Systems Modeling*. No. 14. P. 1319—1320. <https://doi.org/10.1007/s10270-015-0494-9>.

Gunkel D.J. (2003) Second Thoughts: Toward a Critique of the Digital Divide. *New Media & Society*. Vol. 5. No. 4. P. 499—522. <https://doi.org/10.1177/146144480354003>.

Harangus K., Sántha Á. (2018) Receptivity to eHealth Services in the Hungarian Population of Mureş County, Romania. *Acta Universitatis Sapientiae, Social Analysis*. Vol. 8. No. 1. P. 41—54.

Jeffrey P., Seaton R.A.F. (2004) A Conceptual Model of 'Receptivity' Applied to the Design and Deployment of Water Policy Mechanisms. *Environmental Sciences*. Vol. 1. No. 3. P. 277—300. <https://doi.org/10.1080/15693430412331291661>.

Knight S. (2015) Delivering the Digital Region: Leveraging Digital Connectivity to Deliver Regional Digital Growth. *Australian Planner*. Vol. 52. No. 1. P. 4—15. <https://doi.org/10.1080/07293682.2015.1019750>.

Kotarba M. (2017) Measuring Digitalization: Key Metrics. *Foundations of Management*. Vol. 9. No. 1. P. 123—138. <http://dx.doi.org/10.1515/fman-2017-0010>.

Kuusisto M. (2017) Organizational Effects of Digitalization: A Literature Review. *International Journal of Organization Theory & Behavior*. Vol. 20. No. 03. P. 341—362. <https://doi.org/10.1108/IJOTB-20-03-2017-B003>.

Lopez-Sintas J., Lamberti G., Sukphan J. (2020) The Social Structuring of the Digital Gap in a Developing Country. The Impact of Computer and Internet Access Opportunities

on Internet Use in Thailand. *Technology in Society*. Vol. 63. No. 101433. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2020.101433>.

Mergel I., Edelman N., Haug N. (2019) Defining Digital Transformation: Results from Expert Interviews. *Government Information Quarterly*. Vol. 36. No. 4. 101385. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2019.06.002>.

Mumporeze N., Prieler M. (2017) Gender Digital Divide in Rwanda: A Qualitative Analysis of Socioeconomic Factors. *Telematics and Informatics*. Vol. 34. No. 7. P. 1285—1293. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2017.05.014>.

Pettigrew A. M., Ferlie E., McKee L. (1992) Shaping Strategic Change: The Case of the NHS in the 1980S. *Public Money & Management*. Vol. 12. No. 3. P. 27—31. <https://doi.org/10.1080/09540969209387719>.

Pietrzak P., Takala J. (2021) Digital Trust — Asystematic Literature Review. *Forum Scientiae Oeconomia*. Vol. 9. No. 3. P. 59—71. https://doi.org/10.23762/Fso_vol9_No3_4.

Reis J., Amorim M., Melão N., Cohen Y., Rodrigues M. (2020) Digitalization: A Literature Review and Research Agenda. In: Anisic Z., Lalic B., Gracanin D. (eds) *Proceedings on 25th International Joint Conference on Industrial Engineering and Operations Management*. IJCIEOM 2019. Lecture Notes on Multidisciplinary Industrial Engineering. Springer, Cham. P. 443—456. https://doi.org/10.1007/978-3-030-43616-2_47.

Rossen S., Kayser L., Vibe-Petersen J., Christensen J. F., Ried-Larsen M. (2020) Cancer Survivors' Receptiveness to Digital Technology-Supported Physical Rehabilitation and the Implications for Design: Qualitative Study. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 22. No. 8. e15335. <https://doi.org/10.2196/15335>.

Sassen S. (2006) *Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Scheerder A., van Deursen A., van Dijk J. (2017) Determinants of Internet Skills, Uses and Outcomes. A Systematic Review of the Second- And Third-Level Digital Divide. *Telematics and Informatics*. Vol. 34. No. 8. P. 1607—1624. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2017.07.007>.

Song Zh., Wang C., Bergmann L. (2020) China's Prefectural Digital Divide: Spatial Analysis and Multivariate Determinants of ICT Diffusion. *International Journal of Information Management*. No. 52. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2020.102072>.

Srai J., Lorentz H. (2019) Developing Design Principles for the Digitalisation of Purchasing and Supply Management. *Journal of Purchasing and Supply Management*. Vol. 25. No. 1. P. 78—98. <https://doi.org/10.1016/j.pursup.2018.07.001>.

Trott P., Cordey-Hayes M., Seaton R. (1995). Inward Technology Transfer as an Interactive Process: A Case-Study of ICI. *Technovation*. Vol. 15. No. 1. P. 25—43. [https://doi.org/10.1016/0166-4972\(95\)96609-W](https://doi.org/10.1016/0166-4972(95)96609-W).

Urbančíková N., Manakova N., Bielcheva G. (2017) Socio-Economic and Regional Factors of Digital Literacy Related to Prosperity. *Quality Innovation Prosperity*. Vol. 21. No. 2. P. 124—141. <https://doi.org/10.12776/qip.v21i2.942>.

Wan N. (2012) Can We Teach Digital Natives Digital Literacy? *Computers & Education*. Vol. 59. No. 3. P. 1065—1078. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2012.04.016>.

Watson A. J., Bell A. G., Kvedar J. C., Grant R. W. (2008) Reevaluating the Digital Divide: Current Lack of Internet Use Is Not a Barrier to Adoption of Novel Health Information Technology. *Diabetes Care*. Vol. 31. No. 3. P. 433—435. <https://doi.org/10.2337/dc07-1667>.

Willis S., Tranter B. (2006) Beyond the “Digital Divide”: Internet Diffusion and Inequality in Australia. *Journal of Sociology*. Vol. 42. No. 1. P. 43—59. <https://doi.org/10.1177/1440783306061352>.

Yan Zh., Holtmanns S. (2013) Trust Modeling and Management: From Social Trust to Digital Trust. Ch. 13. In: Bishop J. (ed.) *Examining the Concepts, Issues, and Implications of Internet Trolling*. Hershey, PA: IGI Global. P. 279—303. <https://doi.org/10.4018/978-1-4666-2803-8.ch018>.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.4.2010](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2010)

Т. Н. Канонир, И. Л. Углонова, А. А. Куликова

МОНИТОРИНГ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В ШКОЛЕ: ОЦЕНКА В РАМКАХ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ТЕСТИРОВАНИЯ

Правильная ссылка на статью:

Канонир Т. Н., Углонова И. Л., Куликова А. А. Мониторинг субъективного благополучия в школе: оценка в рамках современной теории тестирования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 247—272. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2010>.

For citation:

Kanonire T. N., Uglanova I. L., Kulikova A. A. (2022) Monitoring Subjective Well-Being in School: Assessment in the Framework of Modern Testing Theory. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 247–272. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2010>. (In Russ.)

МОНИТОРИНГ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В ШКОЛЕ: ОЦЕНКА В РАМКАХ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ТЕСТИРОВАНИЯ

КАНОНИР Татьяна Николаевна — Dr. Psych. (PhD), доцент Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: tkanonir@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5606-8379>

УГЛАНОВА Ирина Львовна — научный сотрудник Центра психометрики и измерений в образовании, аспирант школы по образованию Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: iuglanova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9117-5997>

КУЛИКОВА Алёна Александровна — кандидат наук НИУ ВШЭ об образовании, младший научный сотрудник Центра психометрики и измерений в образовании Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: aponomareva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4296-3521>

Аннотация. Тема субъективного благополучия находится в фокусе внимания исследователей и практиков, однако наблюдается нехватка инструментов оценивания субъективного благополучия с подтвержденной валидностью и надежностью, которые позволяли бы проводить мониторинговые исследования для детей школьного возраста. Цель работы — представить новый опросник субъективного благополучия

MONITORING SUBJECTIVE WELL-BEING IN SCHOOL: ASSESSMENT IN THE FRAMEWORK OF MODERN TESTING THEORY

Tatjana N. KANONIRE¹ — Dr. Psych. (PhD), Associate Professor at the Institute of Education
E-MAIL: tkanonir@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5606-8379>

Irina L. UGLANOVA¹ — Research Fellow at the Centre for Psychometrics and Measurement in Education; PhD Student at the Institute of Education
E-MAIL: iuglanova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9117-5997>

Alyona A. KULIKOVA¹ — Cand. Sci. (Education), Junior Research Fellow at the Centre for Psychometrics and Measurement in Education, Institute of Education
E-MAIL: aponomareva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4296-3521>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. Subjective well-being draws attention of both researchers and practitioners. However, there is a lack of tools for assessing subjective well-being in children with proved validity and reliability and suitable for monitoring studies. The purpose of this paper is to present a new Survey of Subjective Well-Being in School and its psychometric characteristics. In particular, the authors focus on the comparability of the results of chil-

в школе и его психометрические характеристики. В частности, авторы делают акцент на сопоставимости результатов детей разного возраста и пола. Опросник основан на оригинальной теоретической рамке субъективного благополучия в школе, ранее получившей эмпирическое подтверждение. Для обоснования психометрического качества используется методология IRT (современная теория тестирования). В выборку исследования вошли учащиеся третьих ($N=842$), четвертых ($N=838$) и пятых ($N=5735$) классов крупных городов центральной части России. В выборках соблюдалось гендерное равновесие. Были проанализированы надежность и размерность шкал, согласие данных с моделями, трудность утверждений, проведен анализ сопоставимости результатов тестирования (DIF). Результаты показали, что предложенный опросник субъективного благополучия в школе обладает хорошими психометрическими характеристиками и может быть использован для проведения сравнительных исследований в третьем, четвертом и пятом классах. В дискуссии обсуждаются возможности применения опросника для проведения срезовых и лонгитюдных исследований.

Ключевые слова: субъективное благополучие, мониторинговый инструмент, школьный возраст, методология, IRT, результаты тестирования, анализ сопоставимости

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта 075-15-2022-325 от 25.04.2022).

dren of different ages and genders. The survey is based on the original theoretical framework of subjective well-being in school, which has previously received empirical confirmation. The IRT (Item Response Theory) methodology is used to verify psychometric quality of the survey. The sample included students in Grade 3 ($N=842$), Grade 4 ($N=838$) and Grade 5 ($N=5735$) in large cities in the central part of Russia. Samples were balanced by gender. The reliability and dimensionality of the scales, fit statistics, and the difficulty of the statements were analyzed, and the differential item functioning analysis (DIF) was carried out. The results showed that the Survey of Subjective Well-Being in School has good psychometric properties and can be used to conduct comparative studies in grades 3, 4, and 5. The discussion observes the possibility of using the Survey for cross-sectional and longitudinal studies.

Keywords: subjective well-being, monitoring instrument, school age, methodology, IRT, test results, comparability analysis

Acknowledgments. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).

Введение

Современное образование переживает важную смену парадигмы, когда наравне с академическими достижениями важным результатом обучения в школе становится субъективное благополучие ребенка. Кроме того, если сначала субъективное благополучие имело значение в связке с академическими достижениями или другими результатами деятельности, то сегодня оно постепенно становится ценно само по себе [Поливанова, 2020]. Актуальность исследований субъективного благополучия возросла еще больше в период пандемии COVID-19. Несмотря на рост исследований субъективного благополучия, в том числе и международных¹, существует дефицит инструментов для оценивания субъективного благополучия в контексте школы — среды, в которой дети школьного возраста традиционно проводят большую часть своего времени. Большинство инструментов, в том числе адаптированных на русский язык изначально создавались для взрослых: например, Шкала удовлетворенности жизнью (Satisfaction with Life Scale [Diener et al., 1985]); русскоязычная версия [Осин, Леонтьев, 2008]), Шкала позитивного аффекта и негативного аффекта (The Positive and Negative Affect Schedule, PANAS [Watson, Clark, Tellegen, 1988]; русскоязычная версия [Осин, 2012]), Индекс личного благополучия (Personal Well-Being Index; Cummins et al., 2003). Исключением можно считать Многокомпонентный опросник удовлетворенности жизнью для школьников, разработанный Хюбнером в 1994 г. и внесший важный вклад в исследования субъективного благополучия у детей и подростков (Multidimensional Students Life Satisfaction Scale [Huebner, 1994]; русскоязычная версия [Канонир, Угланова, Федерякин, 2018; Сычев и др., 2018;]. Однако и в этом опроснике субъективное благополучие в школе оценивается в общем, без учета школьного контекста.

Отвечая на дефицит инструментов для оценивания субъективного благополучия детей в школьном контексте, авторами исследования ранее была предложена теоретическая модель для оценивания субъективного благополучия в школе, которая легла в основу Опросника субъективного благополучия в школе [Канонир, Федерякин, Угланова, 2020]. Целью данного исследования является анализ психометрических характеристик и валидности Опросника, с особенным акцентом на возможность последующей сопоставимости результатов детей разного возраста и пола.

Литературный обзор

Субъективное благополучие может быть определено как субъективная вера индивида в то, что его жизнь приятна и хороша, и это понятие часто использовалось наравне с термином «счастье» [Wilson, 1967]. Применительно к школьному контексту субъективное благополучие будет указывать насколько комфортной и доброжелательной воспринимает ребенок школьную среду, насколько хорошо он чувствует себя в школе. Т. Канонир и коллеги описывают субъективное благополучие в школе через следующие составляющие: удовлетворенность различными аспектами школьной жизни, аффект (переживания) по отношению к школе,

¹ PISA 2015 Results (Volume III). PISA. OECD; 2017. <https://doi.org/10.1787/9789264273856-en>.

сотрудничество с одноклассниками, враждебность и субъективное физическое благополучие [Kanonire, Federiakin, Uglanova, 2020; Канонир, 2019].

Каждый из компонентов субъективного благополучия в школе имеет под собой теоретическое и эмпирическое обоснование и способен предсказывать различные жизненные результаты учащихся. Так удовлетворенность школой и аффект по отношению к школе отражают традиционную трехкомпонентную модель субъективного благополучия [Bradburn, 1969; Andrews, Withey, 1976; Diener, 1984], однако включают в себя школьный контекст [Tian, Wang, Huebner, 2015]. Удовлетворенность школой во многих исследованиях показывает позитивную связь с академическими достижениями [Verkuuten, Thisj, 2002; Huebner, Gilman, 2006; Lv et al., 2016; Kleinkorres, Stang, McElvany, 2020], и отрицательную связь с проблемным поведением [Harandin, Huebner, Suldo, 2007; Zullig et al., 2001].

Отношения с одноклассниками, которые являются важным индикатором социализации ребенка в школе [Ladd, Kochenderfer, Coleman, 1996] и нередко связаны с академическими достижениями детей и подростков [Wentzel, Asher, 1995; Wentzel, Caldwell, 1997; Véronneau et al., 2010], в рамках этой модели рассматриваются в двух аспектах — как проявление сотрудничества с одноклассниками и как опыт враждебности в отношениях с одноклассниками. В отличие от других подходов, когда оценивается удовлетворенность отношениями с друзьями [Huebner, 1994], в этом случае в фокусе оказывается частота поведения, что позволяет получить более точное представление о качестве отношений. Включение в модель субъективного физического благополучия объясняется его важностью для описания субъективного благополучия и связью с академическими достижениями², так как физическое самочувствие может оказывать влияние на активность учащихся и их включенность в образовательный процесс и внеурочные активности.

На основании вышеописанной модели субъективного благополучия был разработан Опросник субъективного благополучия в школе³. В него вошли инструменты, которые соответствовали следующим критериям: а) операционализация конструкта соответствует предложенной теоретической рамке; б) возможность использования в начальной школе, так как планировалось использование Опросника для учащихся начальной, а потом и основной школы; в) наличие информации о психометрических характеристиках, валидности и надежности инструмента; г) инструмент находится в открытом доступе, то есть не требует покупки. Отобранные по этим критериям инструменты нуждались в адаптации на русский язык и к особенностям российской школьной среды.

В соответствии с международными стандартами⁴ был проведен первый этап адаптации, который включал в себя перевод оригинальных версий инструментов на русский язык двумя независимыми переводчиками, сведение двух переводов экспертом, обратный перевод с русского языка на язык оригинала и экспертное сравнение оригинальной и переводной версий, а также когнитивные лаборатории

² Suhrcke M., de Paz Nieves C. (2011). The Impact of Health and Health Behaviours on Educational Outcomes in High-Income Countries: A Review of the Evidence. World Health Organization. Regional Office for Europe.

³ Далее в тексте — Опросник.

⁴ International Test Commission (2005). International Guidelines on Test Adaptation. UR: https://www.intestcom.org/files/guideline_test_adaptation_2ed.pdf (дата обращения: 17.08.2022).

с учащимися начальной школы и пилотное исследование качества инструментария. Однако для последующего использования Опросника было необходимо ответить на вопрос, удовлетворяют ли инструменты, вошедшие в Опросник⁵ требованиям к валидности и надежности, а также убедиться в сопоставимости результатов между классами и по полу.

В данном исследовании валидность будет пониматься в соответствии со стандартами Голландского комитета по тестированию COTAN[Evers et al., 2010]. Согласно этому стандарту, различные психометрические характеристики теста рассматриваются как слагаемые общей — конструктивной — валидности инструмента измерения. Подтверждение конструктивной валидности инструмента свидетельствует о способности измерить именно заявленный конструкт — целевую психологическую черту или способность.

В рамках данного исследования будут проанализированы следующие психометрические характеристики шкал Опросника: размерность шкал (проверка структуры каждой шкалы и анализ взаимосвязи между ними); согласие модели и данных (подтверждение, что модель достоверно предсказывает данные); надежность; сопоставимость результатов для учеников разного пола и разного возраста. Количественный анализ будет проводиться в рамках современной теории тестирования (Item Response Theory, IRT). Несмотря на то, что в практике исследований психометрических свойств психологических опросников более распространенной методологией выступает факторный анализ и структурное моделирование, современные модели IRT предлагают удобный функционал для построения многомерных моделей, интерпретации качества отдельных утверждений и выводов о тестируемых [Adams, Wilson, Wang, 1997; Adams, Wu, 2007]. Современная теория тестирования позволяет решать уникальные задачи при анализе качества анкет и опросников [Капуза, Тюменева, 2016]. Подробнее о методологии IRT можно прочитать в англоязычных [Hambleton, Swaminathan, Rogers, 1991; Embretson, Reise, 2000] и русскоязычных работах [Карданова, 2008].

В рамках обоснования валидности Опросника, представляется критически важным выявить утверждения, которые по-разному функционируют для детей разного возраста и гендерной принадлежности (Differential Item Functioning, DIF). Различное функционирование утверждений для представителей разных групп означает, что вне зависимости от выраженности той характеристики, которую призван измерить опросник, представители определенной группы систематически набирают больший или меньший балл. Такое функционирование лишает возможности проводить сравнение между группами, а также в целом свидетельствует о том, что полученный балл несправедливо отражает выраженность измеряемой характеристики.

Накопленный эмпирический опыт свидетельствует, что субъективное благополучие снижается с переходом в подростковый возраст, по разным данным его снижение можно наблюдать с 11—12 лет [Viñas et al., 2014; Casas, González-Carrasco, 2019; Shek, Liang, 2018; Канонир, Куликова, Орел, 2020]. Поэтому приобретает особую значимость справедливость оценивания Опросником учащихся как начальной, так и основной школы.

⁵ Далее инструменты, вошедшие в Опросник, будут обозначаться как «шкалы».

Более того, результаты исследований указывают на гендерные различия в оценках субъективного благополучия — девочки демонстрируют более низкий уровень благополучия по сравнению с мальчиками и с переходом в подростковый возраст эти различия увеличиваются [Moksnes, Espnes, 2013; Goldbeck et al., 2007; Michel et al., 2009; González-Carrasco et al., 2017]. Однако результаты исследований, полученные на российских выборках, несколько отличаются: различия либо не были констатированы [Сычев и др., 2018], либо были в пользу девочек [Лето и др., 2020; Канонир, Куликова, Орел, 2020]. Несогласованность результатов может быть связана как с более младшим возрастом участников в российских исследованиях и различиями в используемом инструментарии, так и с особенностями самих заданий. Поэтому при проверке качества Опросника нельзя проигнорировать анализ одинакового функционирования утверждений Опросника для девочек и мальчиков. Только подтверждение отсутствия различий в функционировании Опросника для детей разных возрастных групп и для мальчиков и девочек, позволит проводить последующее сравнение этих групп без опасения искажений результатов, вносимых утверждениями Опросника.

Таким образом, основной исследовательский вопрос данного исследования — удовлетворяют ли шкалы Опросника требованиям к валидности и надежности? Для того чтобы ответить на этот вопрос необходимо решить следующие задачи:

1. Проверить психометрическое качество Опросника для учеников 3, 4 и 5-го классов.
2. Проверить сопоставимость результатов тестирования для учеников 3, 4 и 5-го классов, мальчиков и девочек.

Выборка и процедура исследования

Выборка

Выборка состояла из учеников 3, 4 и 5-го классов крупных городов центральной части России. После удаления профилей с большим количеством пропусков (пропуск всех утверждений хотя бы одной шкалы), а также учеников, которые не указали свой пол (необходимое условие для проверки гендерной сопоставимости), были проанализированы ответы 842 учеников 3-го класса, 838 учеников 4-го класса, 5735 учеников 5-го класса. В выборках соблюдалось гендерное равновесие.

Процедура

Данные об учащихся 3-го и 4-го классов собраны в ходе лонгитюдного исследования социальных и эмоциональных навыков, мотивации и субъективного благополучия в 2015—2017 гг. в 9 школах города-миллионника из центральной части России. Одни и те же учащиеся были опрошены дважды: в начале обучения в 3 классе и в конце обучения в 4 классе. Опрос проводился в бланковой форме, в классе, фронтально, в присутствии взрослого, проводящего тестирование.

Данные об учащихся 5-го класса собраны в ходе исследовательского проекта, оценивающего эффективность программы социально-эмоционального развития осенью 2020 г. Администрирование опросника проходило в онлайн-форме, учащиеся заполняли анкету в компьютерных классах. В исследовании приняли

участие ученики 339 школ крупных городов России. Стоит отметить, что батарея тестов, в рамках которой предьявлялся опросник, отличается от батареи, которая использовалась в лонгитюдном исследовании, описанном выше.

Для всех учащихся, которые вошли в выборку нашего исследования обязательным условием участия было наличие информированного согласия родителей или законного представителя ребенка.

Инструментарий

Опросник субъективного благополучия в школе включает в себя несколько шкал: Удовлетворенность школой, Аффект по отношению к школе, Сотрудничество с одноклассниками, Враждебность и Субъективное физическое благополучие (полностью финальный текст Опросника доступен в приложении 1). Однако в данном исследовании шкала Субъективное физическое благополучие не анализировалась, так как не предьявлялась ученикам 5-х классов.

Удовлетворенность школой и Аффект по отношению к школе оценивались русскоязычной версией Краткого опросника субъективного благополучия в школе (Brief Adolescents' Subjective Well-Being in School Scale, [Tian, Wang, Huebner, 2015]; адаптация авторов исследования). Шкала Удовлетворенность школой состоит из восьми утверждений и оценивается по четырехбалльной шкале «полностью не согласен — полностью согласен». Шкала Аффект по отношению к школе состоит из трех утверждений и оценивается по четырехбалльной шкале «никогда — всегда».

Отношения со сверстниками оценивались с помощью двух шкал русскоязычной версии Опросника Дружеские отношения в классе [Turilova-Miščenko, Raščevska, 2008; адаптация авторов исследования]: шкалой Сотрудничество с одноклассниками и шкалой Враждебность в отношениях с одноклассниками. Обе шкалы состоят из шести утверждений и оцениваются по четырехбалльной шкале «никогда — всегда».

Опросник прошел процедуру адаптации, которая включала в себя перевод на русский язык двумя независимыми переводчиками, сведение переводов экспертом и обратный перевод на язык оригинала с последующим сравнением версий. Затем в рамках когнитивных лабораторий Опросник был предьявлен детям из целевой группы с целью определить, понятны ли инструкции, утверждения, отдельные слова, а также удобна ли форма предьявления опросника. После этого было проведено пилотное исследование на выборке 140 детей, учащихся 3-х классов. По результатам этого исследования некоторые утверждения были переформулированы с учетом российского контекста и возраста детей. Данное исследование является продолжением исследований психометрического качества Опросника.

Методология анализа данных

Методология анализа данных предполагает решение задач исследования в рамках подходящих моделей IRT. Одно из ключевых преимуществ IRT заключается в том, что эта методология позволяет достигнуть условия инвариантности — получать оценки трудности утверждений вне зависимости от силы или слабости выраженности признака выборки. Такое условие делает возможным объективное сопоставление баллов тестируемых [Hambleton, Swaminathan, Rogers, 1991].

IRT позволяет рассматривать полученные данные — наблюдаемые ответы тестируемых — как случайную величину, вероятность наблюдения которой определяется характеристиками тестируемого и характеристиками задания [там же]. В нашей работе мы применяем модель, в которой вероятность согласиться с утверждением определяется разностью между выраженностью характеристики тестируемого и трудностью утверждения. В частности, нами была применена модель для шкал типа Ликерта (Rating Scale Model, RSM [Andrich, 1978]), принадлежащая семейству моделей Раша (Rasch Models). Допущение моделей семейства Раша состоит в том, что различительная способность (дискриминативность) всех утверждений опросника одинакова; допущение модели RSM заключается в том, что разница трудностей ответных опций будет одинаковой для всех утверждений (трудность утверждений в целом может варьироваться). При анализе психометрических свойств Опросника для каждой возрастной группы применялась четырехмерная модель.

Надежность оценивалась в рамках современной теории тестирования как величина, обратная ошибке измерения с учетом дисперсии распределения конструктора среди тестируемых (EAP reliability [Adams, 2005]). Как и для классических показателей надежности, наибольшие значения предпочтительнее.

В работе мы использовали показатели соответствия теоретически ожидаемой четырехмерной структуры и размерности эмпирических данных, специфичные для моделей IRT [Maydeu-Olivares, 2013b]. Возможность нарушения ожидаемой размерности данных оценивалась через показатели корреляций остатков — корреляций, сохраняющихся между ответами на утверждения, после того как учтены основные, ожидаемые, размерности. Как такой показатель нами была использована статистика Q3 [Yen, 1984], которая показывает связь между остатками всех пар утверждений. Иными словами, Q3 демонстрирует размер локальной зависимости между утверждениями. Эта статистика очень полезна, так как основное допущение IRT — это достижение существенной локальной независимости, которое говорит о том, что вся общая дисперсия ответов на задания объясняется только оцениваемой переменной, а другие характеристики не оказывают существенного влияния на вероятность согласия с утверждением. Для статистики Q3 предпочтительно наименьшее значение. Критическим считается значение, превышающее 0,2.

Как дополнительный общий показатель качества модели в терминах структуры данных мы использовали статистику SRMSR (Standardized Root Mean Square Residual), которая показывает корень стандартизированных значений квадратов остатков [Maydeu-Olivares, 2013a]. Для этой статистики также предпочтительно наименьшее значение. Считается, что значение меньше 0,05 указывает на отличное согласие данных и модели [там же], хотя на практике значение меньше 0,08 рассматривается как приемлемое (см., например, [Halatová, Kanovský, Pačúchová, 2018]).

Связь между размерностями хотя и не относится напрямую к показателям качества модели, служит важным индикатором качества данных в рамках нашего исследования. Во-первых, в случае валидных результатов тестирования, паттерн корреляций должен отражать теоретические ожидания (положительную связь между шкалами удовлетворенности жизнью и особенностями коммуникации в классе). А во-вторых, этот паттерн должен совпадать для разных возрастных групп.

Анализ согласия модели и данных проводится, чтобы убедиться, что получаемые моделью оценки достаточно точно (неискаженно) описывают существующий набор данных. В нашей работе как показатель согласия используется информационно-взвешенная статистика (INFIT MNSQ), которая характеризует разницу наблюдаемых и предсказанных моделью значений. Наиболее предпочтительно значение близкое к 1, однако диапазон от 0,6 до 1,4 считается приемлемым для психологических опросников [Wright, Linacre, 1994]. В этом же разделе работы представлены результаты о трудностях заданий (в шкале логитов, меньшее значение говорит о том, что с утверждением легче согласиться) и ошибке оценки трудности (меньшее значение предпочтительнее).

Для анализа сопоставимости результатов тестирования (DIF) в разных возрастах, мальчиков и девочек, применялась методология многофасетного Раш-моделирования (Multi-Faceted Rasch Modeling; [Wolfe, Dobria, 2008]). Многофасетное моделирование позволяет оценить, влияет и принадлежность тестируемого к определенной группе на вероятность согласиться с утверждением. Согласно принятой классификации [Paek, Wilson, 2011], DIF считается существенным, если вероятность согласиться для респондентов из одной группы отличается больше, чем на 0,638 логита, чем вероятность согласиться для представителя другой группы с таким же уровнем конструкта. В данной работе мы проверяли, существуют ли существенные различия в функционировании утверждений для мальчиков, девочек, учеников разных классов, а также для возможного взаимодействия гендера и возраста.

Анализ проводился в пакете «ТАМ» (v. 3,5—19) программы R [Robitzsch et al., 2020]. Для оценивания параметров модели использовался метод квази-Монте-Карло (Quasi Monte Carlo).

Результаты

На первом этапе работы мы оценили психометрическое качество Опросника отдельно для каждой возрастной группы.

Анализ размерности

Многомерные модели современной теории тестирования были применены к данным, собранным среди учеников 3, 4 и 5-го классов отдельно. Результаты представлены в таблице 1. В целом, анализ размерности данных показал, что четырехмерное решение показывает удовлетворительные результаты для учеников 3, 4 и 5-го классов.

Результаты тестирования в 3-м классе показывают, что в целом четырехмерная структура достаточно описывает наблюдаемые данные. Однако одна пара переменных («У меня были ссоры с моими одноклассниками» / «Одноклассники плохо говорили о моей внешности») показывает высокое значение корреляции остатков ($Q3 = 0,40$). Это говорит о том, что ответы на эти два утверждения объясняются некой дополнительной причиной, кроме ожидаемой — общей враждебности в отношениях с одноклассниками. Как будет показано ниже, утверждение «У меня были ссоры с моими одноклассниками» также показывает дополнительные проблемы в функционировании (крайне низкая трудность $-2,36$ логита, DIF при сравнении с 5-м классом (см. приложение 2). При удалении этого утверждения,

общие показатели качества модели немного улучшаются, а проблема локальной зависимости разрешается.

Анализ данных тестирования в 4-м классе показывает близкие результаты, однако корреляция остатков для пары переменных «У меня были ссоры с моими одноклассниками» / «Одноклассники плохо говорили о моей внешности» оказалась ниже, на границе с критическим значением ($Q3 = 0,21$). При этом утверждение «У меня были ссоры с моими одноклассниками» оказывается менее легким ($-2,14$ логита), но также демонстрирует DIF при сравнении с 5-м классом (см. приложение 2). Удаление этого утверждения не изменяет показатели качества модели.

Анализ размерности данных 5-го класса показал, что четырехфакторное решение также удовлетворительно описывает данные. В отличие от данных 3 и 4-го классов, пара утверждений, касающихся действий самого ученика по отношению к одноклассникам («Я дразнил своих одноклассников» / «Я обзывал своих одноклассников») демонстрирует существенную локальную зависимость ($Q3 = 0,32$). Утверждение «Я дразнил своих одноклассников» оказывается приемлемо легким ($-1,73$ логита), однако демонстрирует DIF, при сравнении функционирования с данными учеников 3 и 4-го классов (см. Приложение 2). Его удаление не меняет общее согласие модели и данных, однако позволяет решить проблему локальной зависимости.

Таблица 1. Показатели качества многомерных моделей для данных учеников 3, 4 и 5-го классов

		SRMSR	Q3 макс.
3 класс	все утверждения	0,069	0,40
	без h1*	0,065	0,13
4 класс	все утверждения	0,069	0,21
	без h1*	0,069	0,19
5 класс	все утверждения	0,066	0,32
	без h3*	0,066	0,15

h1* «У меня были ссоры с моими одноклассниками»

h3* «Я дразнил своих одноклассников»

Жирным шрифтом выделены наиболее существенные изменения показателей качества модели при удалении утверждений

Показатели связи между размерностями демонстрируют ожидаемый и ранее подтвержденный паттерн [Kanonire, Federiakin, Uglanova, 2020]. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2. Корреляции между шкалами Опросника для данных учеников 3, 4 и 5-го классов

	1 и 2	1 и 3	1 и 4	2 и 3	2 и 4	3 и 4
3 класс	0,93	0,53	0,59	0,46	0,59	0,19
4 класс	0,92	0,55	0,50	0,47	0,54	0,09
5 класс	0,85	0,47	0,34	0,38	0,44	-0,14

Обозначения:

1 — Удовлетворенность школой; 2 — Аффект по отношению к школе;

3 — Сотрудничество с одноклассниками; 4 — Враждебность в отношениях с одноклассниками.

Все корреляции значимы на уровне $p < 0,001$.

Для всех классов наблюдается высокая корреляция между шкалами Удовлетворенность школой и Аффект по отношению к школе, а также средняя корреляция между шкалами Удовлетворенность школой и Сотрудничество с одноклассниками, Удовлетворенность школой и Враждебность в отношениях с одноклассниками, Аффект по отношению к школе и Сотрудничество с одноклассниками, Аффект по отношению к школе и Враждебность в отношениях с одноклассниками. Отметим, что эта связь оказывается ниже для данных учеников 5-го класса. Обратим внимание на очень низкую связь между шкалами Сотрудничество с одноклассниками и Враждебность в отношениях с одноклассниками в данных всех возрастных групп.

Анализ надежности

Показатель надежности EAP показал удовлетворительное значение для всех шкал Опросника для каждого возраста. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3. Показатели надежности шкал Опросника для каждого класса

	Удовлетворенность школой	Аффект по отношению к школе	Сотрудничество с одноклассниками	Враждебность в отношениях с одноклассниками
3 класс	0,79	0,75	0,71	0,74
4 класс	0,84	0,82	0,72	0,8
5 класс	0,86	0,79	0,78	0,81

Функционирование отдельных утверждений

Функционирование отдельных утверждений по каждой шкале по каждому классу приведено в приложении 2. Все утверждения показывают удовлетворительное согласие с моделью (оказываются в приемлемом диапазоне по статистике INFIT). Ошибка оценки трудности небольшая (до 0,09). Показатели трудности утверждений демонстрируют довольно заметный разброс, однако большая часть утверждений принимает значение меньше 0 — по шкале логитов это означает, что с утверждениями скорее легче соглашаться. Наиболее легкой шкалой оказывается шкала Враждебности по отношению к одноклассникам (в перекодированном по направлению варианте).

Анализ сопоставимости результатов тестирования (DIF)

Результаты анализа сопоставимости результатов тестирования (DIF) для мальчиков и девочек, а также для представителей разных возрастных групп показал, что: а) все задания могут быть рассмотрены как эквивалентные для мальчиков и девочек во всех возрастных группах; б) некоторые задания демонстрируют несопоставимое функционирование для разных возрастов. Данные 3 и 4-го классов демонстрируют полное совпадение в функционировании утверждений. Различия наблюдаются при сравнении данных учеников 5-го класса и более младших. Ниже представлены те утверждения, для которых оценка DIF оказалась выше критического значения. В связи с большим объемом материала (сравнение трех возрастных групп по трем основаниями — гендер, класс, взаимодействие гендера и класса) полные данные не приводятся, но доступны от авторов по запросу.

По шкале Удовлетворенность школой, существенный DIF демонстрирует утверждение «Я доволен своими учителями» при сравнении данных 5 и 3-го классов ($-0,75$ логита). Такие результаты говорят о том, что ученикам 3-го класса легче согласиться с этим утверждением, но такое согласие объясняется не большей выраженностью удовлетворенности, а другими особенностями, характерными для образовательной среды учеников 3-го класса в контрасте с учениками 5-го класса. Отметим, что это утверждение не демонстрирует существенного DIF при сравнении данных 5 и 4-го классов.

По шкале Аффект по отношению к школе, существенный DIF демонстрирует утверждение «Находясь в школе, я испытываю приятные чувства» при сравнении данных 5 и 3-го классов, 5 и 4-го классов ($0,97$ логитов и $0,83$ логита, соответственно). Это свидетельствует о том, что ученикам 5-го класса существенно труднее согласиться с переживанием положительного опыта в школе, чем более младшим ученикам, но такая тенденция не объясняется выраженностью конструкта эмоциональной удовлетворенности, а связана с другими особенностями, в которых находятся ученики 5-го класса по отношению к ученикам 3 и 4-го классов.

По шкале Сотрудничество с одноклассниками, существенный DIF обнаружен для утверждения «Я выполнял какое-либо общее задание вместе с одноклассниками (например, проект)» при сравнении данных 5 и 3-го классов, 5 и 4-го классов ($-0,86$ логитов и $-0,75$ логита, соответственно). С этим утверждением существенно легче согласиться ученикам 3 и 4-го классов, чем ученикам 5-го, что вызвано дополнительными причинами, кроме общих особенностей сотрудничества в классе. Возможно, это связано с тем, что выполнение проектов в разных возрастах рассматривается как разное проявление сотрудничества.

По шкале Враждебность в отношениях с одноклассниками, при сравнении данных 5 и 3-го классов существенный DIF обнаружен для утверждений «У меня были ссоры с моими одноклассниками» и «Я дразнил своих одноклассников» ($-1,76$ и $0,77$, соответственно). Это значит, что ученикам 3-го класса существенно легче согласиться с утверждением о ссорах с одноклассниками, а ученикам 5-го класса — с собственным враждебным отношением к одноклассникам. При сравнении данных 5 и 4-го классов, DIF демонстрируют те же два утверждения ($-1,55$ и $1,01$ логита, соответственно) и еще одно: «Некоторые одноклассники специально не обращали на меня внимание» ($-0,80$ логита) — это значит, что вне зависимости от выраженности общей враждебности, ученикам 5-го класса труднее согласиться с тем, что одноклассники могли их игнорировать.

Дискуссия

Учитывая возросший интерес к исследованиям субъективного благополучия и недостаток инструментов для мониторинговых исследований для детей школьного возраста, в рамках этой статьи мы хотели представить новый Опросник субъективного благополучия в школе. Этот Опросник основан на оригинальной теоретической рамке, учитывающей школьный контекст и получившей эмпирическое подтверждение в предыдущих исследованиях [Kanonire, Federiakin, Uglanova, 2020]. Данный Опросник будет полезен как для исследовательских, так и для практических целей. Поэтому важно предоставить доказательства не только его

валидности и надежности, но и обосновать возможность сопоставления результатов мальчиков и девочек из различных возрастных групп, особенно с учетом предыдущих данных о гендерной и возрастной динамике [Michel, et al., 2009; González-Carrasco et al., 2017].

Для обоснования психометрического качества Опросника для учеников 3, 4 и 5 классов была использована методология IRT, которая исторически реже используется для подобного типа инструментов, но имеет свои бесспорные преимущества. Данная работа может послужить примером применения такой методологии для разработки и проверки качества опросников.

Результаты исследования показывают, что психометрические показатели Опросника соответствуют критериям для всех исследуемых классов. Так, четырехмерная структура Опросника хорошо согласуется с данными и повторяется для всех классов, а результаты взаимосвязи между шкалами демонстрируют ожидаемый паттерн. Все шкалы для всех классов демонстрируют удовлетворительную надежность. Однако на стадии анализа размерности, а также по результатам анализа функционирования отдельных утверждений, несколько утверждений были удалены из Опросника для того или иного класса (финальная версия Опросника, рекомендуемая к использованию, представлена в приложении 1).

Анализ взаимосвязей между размерностями показал теоретически ожидаемые результаты в каждом из исследуемых классов, что можно рассматривать как еще одно свидетельство валидности Опросника. Так, шкалы Удовлетворенность школой и Аффект по отношению к школе имеют наиболее сильную связь и теоретически также являются отражением субъективного благополучия. Эти шкалы имеют умеренно сильную связь со шкалами Сотрудничество с одноклассниками и Враждебность в отношениях с одноклассниками — это указывает на частичное пересечение измеряемых конструктов, что соответствует теоретическим ожиданиям. В то же время шкалы Сотрудничество с одноклассниками и Враждебность в отношениях с одноклассниками показывают очень слабую взаимосвязь, что отражает теоретические ожидания и было заложено разработчиками оригинальной версии шкал [Turilova-Miščenko, Rašćevska, 2008]. Надо отметить, что показатели связи между шкалами понижались к 5-му классу, поэтому в дальнейшем есть необходимость анализа взаимосвязей внутри конструкта субъективное благополучие в школе на более старших детей.

Все утверждения функционировали одинаково как для девочек, так и для мальчиков, однако были обнаружены различия в функционировании на уровне разных классов. Шкала Враждебность в отношениях с одноклассниками показала DIF по всем классам, что указывает на особую чувствительность этого измерения к возрастным изменениям. Обнаружение различно функционируемых утверждений даже в таком коротком интервале с 3-го по 5-й класс, указывает на острую необходимость проведение анализа DIF и в случае использования других инструментов, особенно если нам известно о потенциальной возрастной динамике или других основаниях для различия между группами.

Таким образом, Опросник субъективного благополучия может быть использован в исследованиях на учащихся 3, 4 и 5-го классов. Финальный список утверждений для каждого класса незначительно различается: некоторые утверждения

рекомендованы к удалению, утверждения, которые демонстрируют существенный DIF, рекомендуется использовать как независимые для разных классов. Однако в целом, Опросник позволяет достигать сопоставимости результатов по шкалам и проводить сравнения между разными классами.

Основываясь на предыдущем исследовании [Kanonire, Federiakin, Uglanova, 2020], возможен следующий подсчет баллов: балл по каждой шкале или общий балл субъективного благополучия в школе. Выбор стратегии представления баллов зависит от целей проводимого исследования и может быть выбран самим исследователем. Важно обратить внимание, что одновременное представление и баллов по шкалам, и общего балла крайне нежелательно, так как ведет к ошибочным интерпретациям. На данном этапе результаты, полученные с помощью опросника, возможно интерпретировать только по группам и в исследовательских целях, так как пока не опубликованы возрастные нормы, позволяющие делать выводы на индивидуальном уровне.

Надо отметить, что оригинальная теоретическая рамка Опросника включает в себя еще одно измерение — субъективное физическое благополучие. В данном исследовании эта шкала не была проанализирована, так как не предъявлялась в 5-м классе. Это измерение является важной частью субъективного благополучия в школе и должно быть включено в будущие исследования.

В данном исследовании возможности Опросника анализировались только для трех классов. Однако различия в восприятии утверждений представителями разных классов даже для такого маленького интервала оказались достаточно значимыми, что указывает на ограничения использования Опросника в более старших классах без проведения дополнительного исследования. Стоит отметить, что на полученные различия в восприятии утверждений между учащимися 5-х классов и начальной школы, могли повлиять не только возрастные особенности и контекст основной школы, но и процедура сбора данных. Данные учащихся 5-х классов собирались в ситуации пандемии и в компьютерной форме, в отличие от данных учащихся 3 и 4-х классов, которые были собраны в бланковой форме до пандемии. Таким образом, в будущем было бы полезно повторить исследование с соблюдением стандартизированной процедуры и расширить его на более старшие классы.

Список литературы (References)

Канонир Т. Н. Субъективное благополучие в школе и отношения с одноклассниками у учащихся начальной школы с разным уровнем учебных достижений // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16. № 2. С. 378—390. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-378-390>.

Kanonire T. (2019) Subjective Well-Being of Primary School Students with Different Achievement Levels. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 16. No. 2. 378—390. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-378-390>. (In Russ.)

Канонир Т. Н., Куликова А. А., Орел Е. А. Лонгитюдное исследование субъективного благополучия в школе у учащихся младших классов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 461—479. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.921>.

Kanonire T. N., Kulikova A. A., Orel E. A. (2020) Longitudinal Study of School-Related Subjective Well-Being among Primary School Students. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 461—479. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.921>. (In Russ.)

Канонир Т. Н., Угланова И. Л., Федерякин Д. А. Адаптация и валидизация шкал удовлетворенности школой и друзьями «Многокомпонентного опросника удовлетворенности жизнью для школьников» // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7. № 3. С. 64—74. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2018070306>.

Kanonire T. N., Uglanova I. L., Federiakin D. A. (2018) Adaptation and Providing Validity Evidence for the Satisfaction with School Subscale and Satisfaction with Friends Subscale of Multidimensional Students' Life Satisfaction Scale. *Journal of Modern Foreign Psychology*. Vol. 7. No. 3. P. 64—74. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2018070306>. (In Russ.)

Капуза А. В., Тюменева Ю. А. Надежность и структура шкалы социальной желательности TALIS: оценка в рамках современной теории тестирования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 14—29. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.02>.

Kapuz A. V. (2016) Tyumeneva Yu. A. Reliability and Dimensionality of the Talis Scale of Social Desirability: Evidence from the Item Response Theory. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 14—29. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.02>. (In Russ.)

Карданова Е. Ю. Моделирование и параметризация тестов: основы теории и приложения. М.: Федеральный центр тестирования, 2008.

Kardanova E. Yu. (2008) Modeling and Test Parameterization: Theory Foundations and Applications. Moscow: Federal Testing Center. (In Russ.)

Лето И. В., Варшал А. В., Петренко Е. Н., Слободская Е. Р. Субъективное благополучие детей младшего школьного возраста: значение семейных факторов // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 6. С. 18—30. <https://doi.org/10.31857/S020595920007311-8>.

Leto I. V., Varshal A. V., Petrenko E. N., Slobodskaya E. R. (2019) Subjective Well-Being in Russian Primary Schoolchildren: The Effect of Family Factors. *Psikhologicheskii zhurnal*. Vol. 40. No. 6. P. 18—30. <https://doi.org/10.31857/S020595920007311-8>. (In Russ.)

Осин Е. Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Vol. 9. № 4. С. 91—110.

Osin E. N. (2012) Measuring Positive and Negative Affect: Development of a Russian-Language Analogue of PANAS. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 9. No. 4. P. 91—110. (In Russ.)

Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Материалы III Всероссийского социологического конгресса (г. Москва, 21—24 октября 2008). М.: Институт социологии РАН, 2008.

Osin E. N., Leontiev D. A. (2008) Approbation of Russian-Language Versions of Two Scales for Rapid Assessment of Subjective Well-Being. *Materials of the III All-Russian Sociological Congress (Moscow, October 21—24, 2008)*. Moscow: Institute of Sociology RAS. (In Russ.)

Поливанова К. Н. Новый образовательный дискурс: благополучие школьников // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 4. С. 26—34. <https://doi.org/10.17759/chp.2020160403>.

Polivanova K. N. (2020) New Educational Discourse: The Well-Being of Schoolchildren. *Cultural-Historical Psychology*. Vol. 16. No. 4. P. 26—34. <https://doi.org/10.17759/chp.2020160403>. (In Russ.)

Сычев О. А., Гордеева Т. О., Лункина М. В., Осин Е. Н., Сиднева А. Н. Многомерная шкала удовлетворенности жизнью школьников // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 6. С. 5—15. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230601>.
Sychev O. A., Gordeeva T. O., Lunkina M. V., Osin E. N., Sidneva A. N. (2018) Multidimensional Students' Life Satisfaction Scale. *Psychological Science and Education*. Vol. 23. No. 6. P. 5—15. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230601>. (In Russ.)

Adams R. J. (2005) Reliability as a Measurement Design Effect. *Studies in Educational Evaluation*. Vol. 31. No. 2—3. P. 162—172. <https://doi.org/10.1016/j.stueduc.2005.05.008>.

Adams R. J., Wilson M., Wang W. C. (1997) The Multidimensional Random Coefficients Multinomial Logit Model. *Applied Psychological Measurement*. Vol. 21. No. 1. P. 1—23. <https://doi.org/10.1177/0146621697211001>.

Adams R. J., Wu M. L. (2007) The Mixed-Coefficients Multinomial Logit Model: A Generalized Form of the Rasch Model. In: *Multivariate and Mixture Distribution Rasch Models*. New York, NY: Springer. P. 57—75. https://doi.org/10.1007/978-0-387-49839-3_4.

Andrews F. M., Withey S. B. (1976) *Social Indicators of Well-Being: America's Perception of Life Quality*. New York, NY: Plenum Press.

Andrich D. (1978) A Rating Formulation for Ordered Response Categories. *Psychometrika*. Vol. 43. No. 4. P. 561—573. <https://doi.org/10.1007/bf02293814>.

Bradburn N. M. (1969) *The Structure of Psychological Well-Being*. Chicago, IL: Aldine.

Casas F., González-Carrasco M. (2019). Subjective Well-Being Decreasing with Age: New Research on Children Over 8. *Child Development*. Vol. 90. No. 2. P. 375—394. <https://doi.org/10.1111/cdev.13133>.

Cummins R. A., Eckersley R., Pallant J., Van Vugt J., Misajon R. (2003) Developing a National Index of Subjective Wellbeing: The Australian Unity Wellbeing Index. *Social Indicators Research*. Vol. 6. P. 159—190. <https://doi.org/10.1023/A:1024704320683>.

Diener E. D. (1984) Subjective Well-Being. *Psychological Bulletin*. Vol. 95. No. 3. P. 542—575. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.3.542>.

Diener E. D., Emmons R. A., Larsen R. J., Griffin S. (1985) The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*. Vol. 49. No. 1. P. 71—75. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13.

Embretson S. E., Reise S. P. (2000) *Item Response Theory for Psychologists* (1st ed.). New York, NY: Psychology Press. <https://doi.org/10.4324/9781410605269>.

Evers A., Sijtsma K., Lucassen W., Meijer R. R. (2010) The Dutch Review Process for Evaluating the Quality of Psychological Tests: History, Procedure, and Results. *International Journal of Testing*. Vol. 10. No. 4. P. 295—317. <https://doi.org/10.1080/15305058.2010.518325>.

Goldbeck L., Schmitz T. G., Besier T., Herschbach P., Henrich G. (2007) Life Satisfaction Decreases During Adolescence. *Quality of Life Research*. Vol. 16. No. 6. P. 969—979. <https://doi.org/10.1007/s11136-007-9205-5>.

González-Carrasco M., Casas F., Malo S., Viñas F., Dinisman T. (2017) Changes With Age in Subjective Well-Being Through the Adolescent Years: Differences by Gender. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 18. No. 1. P. 63—88. <https://doi.org/10.1007/s10902-016-9717-1>.

Halamová J., Kanovský M., Pacúchová M. (2018) Self-Compassion Scale: IRT Psychometric Analysis, Validation, and Factor Structure — Slovak Translation. *Psychologica Belgica*. Vol. 57. No. 4. P. 190. <https://doi.org/10.5334/pb.398>.

Hambleton R. K., Swaminathan H., Rogers H. J. (1991) *Fundamentals of Item Response Theory*. Newbury Park, CA; London: Sage.

Haranin E. C., Huebner E. S., Suldo S. M. (2007) Predictive and Incremental Validity of Global and Domain-Based Adolescent Life Satisfaction Reports. *Journal of Psychoeducational Assessment* Vol. 25. No. 2. P. 127—138. <https://doi.org/10.1177/0734282906295620>.

Huebner E. S. (1994) Preliminary Development and Validation of a Multidimensional Life Satisfaction Scale for Children. *Psychological Assessment*. Vol. 6. No. 2. P. 149—158. <https://doi.org/10.1037/1040-3590.6.2.149>.

Huebner E. S., Gilman R. (2006) Students Who Like and Dislike School. *Applied Research in Quality of Life*. Vol. 1. No. 2. P. 139—150. <https://doi.org/10.1007/s11482-006-9001-3>.

Kanonire T., Federiakina D. A., Uglanova I. L. (2020) Multicomponent Framework for Students' Subjective Well-Being in Elementary School. *School Psychology*. Vol. 3. No. 5. P. 321—331. <https://doi.org/10.1037/spq0000397>.

Kleinkorres R., Stang J., McElvany N. (2020) A Longitudinal Analysis of Reciprocal Relations Between Students' Well-Being and Academic Achievement. *Journal for Educational Research Online*. Vol. 12. No. 2. P. 114—165. <https://doi.org/10.25656/01:20975>.

Ladd G. W., Kochenderfer B. J., Coleman C. C. (1996) Friendship Quality as a Predictor of Young Children's Early School Adjustment. *Child Development*. Vol. 67. No. 3. P. 1103—1118. <https://doi.org/10.2307/1131882>.

Lv B., Zhou H., Guo X., Liu C., Liu Z., Luo L. (2016) The Relationship Between Academic Achievement and the Emotional Well-Being of Elementary School Children in China: The Moderating Role of Parent-School Communication. *Frontiers in Psychology*. Vol. 7. P. 1—9. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.00948>.

Maydeu-Olivares A. (2013a) Goodness-Of-Fit Assessment of Item Response Theory Models. *Measurement: Interdisciplinary Research and Perspectives* Vol. 11. No. 3. P. 71—101. <https://doi.org/10.1080/15366367.2013.831680>.

Maydeu-Olivares A. (2013b) Why Should We Assess the Goodness-of-Fit of IRT Models? *Measurement: Interdisciplinary Research and Perspectives* Vol. 11. No. 3. P. 127—137. <https://doi.org/10.1080/15366367.2013.841511>.

Michel G., Bisegger C., Fuhr D. C., Abel T. (2009) Age and Gender Differences in Health-Related Quality of Life of Children and Adolescents in Europe: A Multilevel Analysis. *Quality of Life Research*. Vol. 18. No. 9. 1147—1157. <https://doi.org/10.1007/s11136-009-9538-3>.

Moksnes U. K., Espnes G. A. (2013) Self-Esteem and Life Satisfaction in Adolescents—Gender and Age as Potential Moderators. *Quality of Life Research: An International Journal of Quality of Life Aspects of Treatment, Care and Rehabilitation*. Vol. 22. No. 10. P. 2921—2928. <https://doi.org/10.1007/s11136-013-0427-4>.

Paek I., Wilson M. (2011) Formulating the Rasch Differential Item Functioning Model Under the Marginal Maximum Likelihood Estimation Context and Its Comparison with Mantel—Haenszel Procedure in Short Test and Small Sample Conditions. *Educational and Psychological Measurement*. Vol. 71. No. 6. P. 1023—1046. <https://doi.org/10.1177/00131644111400734>.

Robitzsch A., Kiefer T., Wu M. (2020) Package “TAM”. Test Analysis Modules — Version: 3.5—19. URL: <https://cran.r-project.org/web/packages/TAM/index.html> (accessed: 06.08.2020).

Shek D. T., Liang L. Y. (2018) Psychosocial Factors Influencing Individual Well-Being in Chinese Adolescents in Hong Kong: A Six-Year Longitudinal Study. *Applied Research in Quality of Life*. Vol. 13. No. 3. P. 561—584. <https://doi.org/10.1007/s11482-017-9545-4>.

Tian L., Wang D., Huebner E. S. (2015) Development and Validation of the Brief Adolescents’ Subjective Well-Being in School Scale (BASWBSS). *Social Indicators Research*. Vol. 120. No. 2. P. 615—634. <https://doi.org/10.1007/s11205-014-0603-0>.

Turilova-Miščenko T., Raščevska M. (2008) Psychometric Properties of Classmates’ Friendship Relationships Questionnaire. *Baltic Journal of Psychology*. Vol. 9. No. 1/2. P. 129—140. URL: <https://dspace.lu.lv/dspace/handle/7/1317> (accessed: 22.08.2022).

Verkuyten M., Thijs J. (2002) School Satisfaction of Elementary School Children: The Role of Performance, Peer Relations, Ethnicity and Gender. *Social Indicators Research*. Vol. 59. No. 2. P. 203—228. <https://doi.org/10.1023/A:1016279602893>.

- Véronneau M.-H., Vitaro F., Brendgen M., Dishion T. J., Tremblay R. E. (2010) Transactional Analysis of the Reciprocal Links Between Peer Experiences and Academic Achievement from Middle Childhood to Early Adolescence. *Developmental Psychology*. Vol. 46. No. 4. P. 773—790. <https://doi.org/10.1037/a0019816>.
- Viñas F., González M., Malo S., García Y., Casas F. (2014) Temperament and Personal Wellbeing in a Sample of 12 to 16 Year-Old Adolescents. *Applied Research in Quality of Life*. Vol. 9. No. 2. P. 355—366. <https://doi.org/10.1007/s11482-013-9242-x>.
- Watson D., Clark L. A., Tellegen, A. (1988) Development and Validation of Brief Measures of Positive and Negative Affect: The PANAS Scales. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 54. No. 6. P. 1063—1070. <http://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.54.6.1063>.
- Wentzel K. R., Asher S. R. (1995) The Academic Lives of Neglected, Rejected, Popular, and Controversial Children. *Child Development*. Vol. 66. No. 3. P. 754—763. <https://doi.org/10.2307/1131948>.
- Wentzel K. R., Caldwell K. (1997) Friendships, Peer Acceptance, and Group Membership: Relations to Academic Achievement in Middle School. *Child Development*. Vol. 68. No. 6. P. 1198—1209. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.1997.tb01994.x>.
- Wilson W. R. (1967) Correlates of Avowed Happiness. *Psychological Bulletin*. Vol. 67. No. 4. P. 294—306. <https://doi.org/10.1037/h0024431>.
- Wolfe E. W., Dobria L. (2008) Applications of the Multifaceted Rasch Model. In: Osborne J. W. *Best Practices in Quantitative Methods*. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 71—85. <https://dx.doi.org/10.4135/9781412995627.d7>.
- Wright B. D., Linacre J. M. (1994) Reasonable Mean-Square Fit Values. *Rasch Measurement Transactions*. Vol. 8. P. 370—371.
- Yen W. M. (1984) Effects of Local Item Dependence on the Fit and Equating Performance of the Three-Parameter Logistic Model. *Applied Psychological Measurement*, Vol. 8. No. 2. P. 125—145. <https://doi.org/10.1177/014662168400800201>.
- Zullig K. J., Valois R. F., Huebner E. S., Oeltmann J. E., Drane J. W. (2001). Relationship Between Perceived Life Satisfaction and Adolescents' Substance Abuse. *Journal of Adolescent Health*. Vol. 2. No. 4. P. 279—288. [https://doi.org/10.1016/S1054-139X\(01\)00269-5](https://doi.org/10.1016/S1054-139X(01)00269-5).

Приложение 1

Представленный в данном приложении Опросник субъективного благополучия в школе открыт для свободного использования в соответствии с его назначением при ссылке на авторов данного исследования.

Содержание опросника субъективного благополучия для учеников 3 и 4 класса

<p>Общая инструкция</p> <p>Дорогой друг!</p> <p>Мы хотим попросить тебя рассказать о себе и своей жизни в школе. Для этого ответь, пожалуйста, на вопросы этой анкеты.</p> <p>Это не проверка знаний, тут нет неправильных ответов. Никто из тех людей, которых ты знаешь, не сможет узнать, что ты ответил на каждый вопрос.</p> <p>Будь внимателен и не пропускай ни одного вопроса. Если тебе будет что-то непонятно, спроси учителя или того взрослого, который проводит опрос.</p>	
<p>1 — НЕТ 2 — скорее НЕТ 3 — скорее ДА 4 — ДА</p>	
Отношение к школе	<p>Оцени, насколько ты согласен с этими утверждениями:</p> <p>У меня хорошо идут дела в школе Меня устраивают правила, принятые в моей школе В моей школе есть все необходимое для того, чтобы учиться У меня хорошие отношения с учителями Мне нравится то, что мы изучаем в школе Я доволен своими учителями* У меня хорошие отношения с одноклассниками Я доволен количеством домашних заданий</p>
<p>1 — Никогда 2 — Редко 3 — Часто 4 — Всегда</p>	
Аффект по отношению к школе	<p>Оцени, как часто:</p> <p>Находясь в школе, я испытываю приятные чувства* Находясь в школе, я испытываю неприятные чувства Мне не хочется идти в школу</p>
Отношения с одноклассниками	<p>Оцени, насколько часто описанные ситуации происходили в твоём классе:</p> <p>Одноклассники выбирали меня для выполнения задания в паре Одноклассники помогли мне в случае учебных или других сложностей Одноклассники меня обзывали Я обсуждал школьные дела с одноклассниками Я дразнил своих одноклассников Одноклассники плохо говорили о моей внешности Я выполнял какое-либо общее задание вместе с одноклассниками (например, проект)* Некоторые одноклассники специально не обращали на меня внимание* Я защищал своих одноклассников перед другими (например, учителями, другими школьниками) Я обзывал своих одноклассников</p>

	Я участвовал в праздниках, организованных в классе ^13 У меня были ссоры с моими одноклассниками
Субъективное физическое благополучие**	24. За последнюю неделю как часто ты чувствовал себя полным сил: ☐ всегда ☐ часто ☐ иногда ☐ редко ☐ никогда Как ты оцениваешь свое здоровье: ☐ отличное ☐ хорошее ☐ нормальное ☐ не очень хорошее ☐ плохое

* — задания, продемонстрировавшие DIF. При проведении сравнения разных возрастных групп, данные утверждения должны рассматриваться как уникальные для каждого возраста.

^ — только для 4 класса.

** — утверждения не анализировались в данной статье по причине отсутствия данных по всем выборкам, но мы приводим их для использования в будущих исследованиях.

Ключ для подсчета результатов:

Удовлетворенность школой: 1—8;

Аффект по отношению к школе: 9—11;

Сотрудничество с одноклассниками: 12, 14, 16, 19, 21, 23;

Враждебность в отношениях с одноклассниками: (13), 15, 17, 18, 20, 22.

Содержание опросника субъективного благополучия для учеников 5 класса

<p>Общая инструкция Дорогой друг! Мы хотим попросить тебя рассказать о себе и своей жизни в школе. Для этого ответь, пожалуйста, на вопросы этой анкеты. Это не проверка знаний, тут нет неправильных ответов. Никто из тех людей, которых ты знаешь, не сможет узнать, что ты ответил на каждый вопрос. Будь внимателен и не пропускай ни одного вопроса. Если тебе будет что-то непонятно, спроси учителя или того взрослого, который проводит опрос.</p>	
<p>1 — НЕТ 2 — скорее НЕТ 3 — скорее ДА 4 — ДА</p>	
Отношение к школе	<p>Оцени, насколько ты согласен с этими утверждениями: У меня хорошо идут дела в школе Меня устраивают правила, принятые в моей школе В моей школе есть все необходимое для того, чтобы учиться У меня хорошие отношения с учителями Мне нравится то, что мы изучаем в школе Я доволен своими учителями* У меня хорошие отношения с одноклассниками Я доволен количеством домашних заданий</p>
<p>1 — Никогда 2 — Редко 3 — Часто 4 — Всегда</p>	
Аффект по отношению к школе	<p>Оцени, как часто: Находясь в школе, я испытываю приятные чувства* Находясь в школе, я испытываю неприятные чувства Мне не хочется идти в школу</p>
Отношения с одноклассниками	<p>Оцени, насколько часто описанные ситуации происходили в твоём классе: Одноклассники выбирали меня для выполнения задания в паре У меня были ссоры с моими одноклассниками Одноклассники помогли мне в случае учебных или других сложностей Одноклассники меня обзывали Я обсуждал школьные дела с одноклассниками Одноклассники плохо говорили о моей внешности Я выполнял какое-либо общее задание вместе с одноклассниками (например, проект)* Некоторые одноклассники специально не обращали на меня внимание* Я защищал своих одноклассников перед другими (например, учителями, другими школьниками) Я обзывал своих одноклассников Я участвовал в праздниках, организованных в классе</p>

* — задания, продемонстрировавшие DIF. При проведении сравнения разных возрастных групп, данные утверждения должны рассматриваться как уникальные для каждого возраста.

Ключ для подсчета результатов:

Удовлетворенность школой: 1—8;

Аффект по отношению к школе: 9—11;

Сотрудничество с одноклассниками: 12, 14, 16, 18, 20, 22;

Враждебность в отношениях с одноклассниками: 13, 15, 17, 19, 21.

Приложение 2. Функционирование отдельных утверждений по каждой шкале по каждому классу

	3 класс			4 класс			5 класс		
	Оценка трудности	Ошибка	INFIT	Оценка трудности	Ошибка	INFIT	Оценка трудности	Ошибка	INFIT
s1	-1,22	0,05	0,82	-1,23	0,05	0,92	-1,12	0,02	0,88
s2	-1,60	0,05	0,82	-1,33	0,05	0,86	-0,84	0,02	1,03
s3	-2,58	0,07	1,19	-2,16	0,06	1,21	-1,82	0,02	1,2
s4	-2,10	0,06	0,93	-2,18	0,06	0,87	-1,65	0,02	0,92
s5	-2,15	0,06	1,07	-1,72	0,06	1,07	-1,27	0,02	0,91
s6*	-3,05	0,09	1,07	-2,62	0,07	0,97	-1,87	0,02	0,96
s7	-1,73	0,06	1,3	-1,89	0,06	1,25	-1,56	0,02	0,92
s8	-0,93	0,05	1,15	-0,74	0,05	1,02	-0,33	0,02	1,12
mean	-1,92	0,06		-1,73	0,06		-1,31	0,02	
a1*	-0,65	0,04	1,05	-0,47	0,05	1,05	-0,65	0,02	1,16
a2	-1,10	0,05	0,94	-0,81	0,05	1	0,22	0,02	0,8
a3	-0,80	0,05	0,79	-0,33	0,05	0,75	0,63	0,02	0,87
mean	-0,85	0,05		-0,54	0,05		0,07	0,02	
c1	0,28	0,04	1,16	0,19	0,04	1,14	0,39	0,02	1,11
c2	0,42	0,04	0,87	-0,02	0,04	0,82	-0,07	0,02	1,08
c3	-0,02	0,04	1,06	-0,04	0,04	1,16	-0,12	0,02	1,2
c4*	-0,62	0,04	1,28	-0,69	0,05	1,31	0,26	0,02	1,05
c5	-0,34	0,04	1,05	-0,37	0,05	1,04	0,15	0,02	0,97

	3 класс			4 класс			5 класс		
	Оценка трудности	Ошибка	INFIT	Оценка трудности	Ошибка	INFIT	Оценка трудности	Ошибка	INFIT
c6	-0,13	0,04	1,18	-0,25	0,04	1,17	-0,42	0,02	1
mean	-0,07	0,04		-0,20	0,04		0,03	0,02	
h1*^	-2,36	0,07	0,91	-2,14	0,06	0,88	-0,45	0,02	0,81
h2	-0,63	0,05	0,85	-0,52	0,05	0,82	-0,73	0,02	0,81
h3*^^	-1,14	0,05	0,94	-1,02	0,05	0,95	-1,73	0,02	0,88
h4	-2,29	0,07	1,04	-2,08	0,06	1,15	-1,69	0,02	1,27
h5*	-2,08	0,06	1,19	-2,00	0,06	1,31	-1,28	0,02	1,32
h6	-1,57	0,05	0,72	-1,39	0,05	0,68	-1,85	0,02	0,79
mean	-1,68	0,06		-1,52	0,06		-1,29	0,02	

Обозначения:

* — утверждение демонстрирует существенный DIF;

^ — рекомендовано к удалению в 3 классе;

^^ — рекомендовано к удалению в 5 классе.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.4.2167](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2167)

Н. Л. Русинова, В. В. Сафронов

РОЛЬ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В ОБЪЯСНЕНИИ ВОЗРАСТНЫХ НЕРАВЕНСТВ ЗДОРОВЬЯ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Правильная ссылка на статью:

Русинова Н. Л., Сафронов В. В. Роль персональных психологических ресурсов в объяснении возрастных неравенств здоровья в странах Европы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 273—297. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2167>.

For citation:

Rusinova N. L., Safronov V. V. (2022) Role of Personal Psychological Resources in Explaining Age-Related Health Inequalities in European Countries. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 273–297. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2167>. (In Russ.)

РОЛЬ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В ОБЪЯСНЕНИИ ВОЗРАСТНЫХ НЕРАВЕНСТВ ЗДОРОВЬЯ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

РУСИНОВА Нина Львовна — кандидат экономических наук, заведующий сектором социологии здоровья, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: nrusinova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8904-551X>

САФРОНОВ Вячеслав Владимирович — старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: vsafronov@list.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5971-1777>

Аннотация. В статье рассматриваются ухудшение здоровья с возрастом и возможности его объяснения, помимо естественных процессов старения организма, влиянием нарастающего дефицита психологических ресурсов личности, необходимых для преодоления жизненных тягот и вызываемых ими стрессовых состояний. С помощью регрессионного анализа, позволяющего оценивать посреднические эффекты, исследуются данные массовых опросов Европейского социального исследования (ESS Round 6) для двух групп стран, отличающихся слабым и сильным социальным государством, а также проводится двухуровневое моделирование с использованием сведений о 27 странах Европы, позволяющее выявить зависимости не прямых эффектов от контекстуального моде-

ROLE OF PERSONAL PSYCHOLOGICAL RESOURCES IN EXPLAINING AGE-RELATED HEALTH INEQUALITIES IN EUROPEAN COUNTRIES

Nina L. RUSINOVA¹ — Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Head of the Sociology of Health Department

E-MAIL: nrusinova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8904-551X>

Viacheslav V. SAFRONOV¹ — Senior Researcher

E-MAIL: vsafronov@list.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5971-1777>

¹ Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article discusses the deterioration of health with age and the possibility of explaining it, in addition to the natural processes of physical aging, by the growing deficit of individual psychological resources necessary to overcome life's hardships and the following stress. The authors examine data of the European Social Survey (ESS Round 6) for 27 countries divided by two groups, namely, weak and strong welfare states. Two-level regression modelling allows revealing the dependence of indirect effects on the contextual moderator — government expenditure on health.

The results of the study show that in all countries, psychological resources are an important factor in maintaining health. They help to partly explain age-related differences in well-being, playing the role

ратора — государственных расходов на здравоохранение.

Результаты показывают, что во всех странах на поддержание здоровья влияют психологические ресурсы. Они позволяют отчасти объяснить возрастные различия самочувствия — играют роль медиатора между возрастной структурой и связанными с ней неравенствами в здоровье: с возрастом люди утрачивают психологические качества, необходимые для преодоления жизненных трудностей, и это усугубляет проблемы со здоровьем у пожилых людей. Особенно заметны такие медиативные эффекты в странах со слабым социальным государством — при восточноевропейском режиме обеспечения социальных гарантий или невысоких расходах государства на здравоохранение. В этих странах представителям уязвимых слоев, включая людей в старших возрастах, труднее сохранить психологическую уверенность в собственных силах и возможности изменений жизни к лучшему, поскольку им во многом приходится рассчитывать только на себя. Социально-демократический режим, предоставляя широкие социальные гарантии и равный доступ к качественным медицинским услугам, создает благоприятные условия для сохранения психологических свойств, препятствующих физиологическому старению и утрате здоровья. В статье обсуждаются медиации, связанные с такими качествами, как автономия и контроль, оптимизм, оценка своего «Я», устойчивость и состоятельность.

Ключевые слова: здоровье, возрастные неравенства, психологические ресурсы, медиативные эффекты, страны Европы, Европейское социальное исследование, ESS

of a mediator between the age structure and related health inequalities. With age, people lose the psychological qualities necessary to overcome life's difficulties, and this exacerbates health problems in older people. Such mediation effects are especially noticeable in countries with a weak social state, under the Eastern European regime of providing social guarantees or low government spending on health care. In these countries, it is more difficult for representatives of vulnerable groups, including people in older ages, to maintain psychological confidence in their own abilities and preserve the possibility to change their lives for the better, since they largely have to rely only on themselves. The social-democratic regime, providing universal social guarantees and equal access to high-quality medical services, creates favorable conditions for the preservation of psychological resources by the elderly, which create additional barriers to physiological aging and loss of health. The article discusses mediation associated with such qualities as autonomy and control, optimism, self-esteem, resilience, and competence.

Keywords: health, age inequalities, psychological resources, mediation effects, countries of Europe, European Social Survey (ESS)

Здоровье, возраст и психологические ресурсы: проблема и состояние исследований

Одно из важнейших направлений в современной социологии здоровья связано с анализом социальных неравенств. Исследования свидетельствуют, что состояние здоровья и продолжительность жизни людей зависят от их социально-экономического положения. Существенное значение для здоровья имеют и психосоциальные ресурсы, которые включают социальный капитал поддержки со стороны других людей и психологические черты, помогающие человеку справляться с жизненными трудностями [Gallo, Matthews, 2003; Matthews, Gallo, 2011]. Социальный капитал образуется благодаря сетям взаимодействий с другими людьми и участию в добровольных ассоциациях, предполагающих взаимопомощь и межличностное доверие. Психологической устойчивости способствуют такие качества, как уверенность в своих силах, способность контролировать происходящее, оптимистическое видение будущего [Ehsan et al., 2019; Rasmussen, Scheier, Greenhouse, 2009]. Психосоциальные ресурсы смягчают неблагоприятные последствия стресса и связаны с поведением, способствующим поддержанию здоровья. Иными словами, они играют посредническую роль (медиативную), объясняя статусные различия в здоровье вследствие их неравномерного распределения по социальной структуре — дефицита у людей с низким социально-экономическим положением [Gallo, Matthews, 2003].

В последние годы проблема психосоциальной медиации возрастных дифференциаций в здоровье привлекает все больше внимания, ведь ослабление социальных связей и психологические изменения, наступающие к старшим возрастам, могут усугублять естественное ухудшение здоровья, обусловленное биологическим старением организма. В ряде работ показано, что психологические свойства¹ играют важную роль в поддержании здоровья людей, в том числе и в старших возрастах [Klabbers et al., 2014]. Так, *убежденность человека в своей способности контролировать происходящее в жизни* [Mirowsky, Ross, 1998] благоприятно сказывается на показателях физического здоровья [Infurna, Gerstorf, 2014], психического равновесия [Gallagher, Bentley, Barlow, 2014], способствует повышению качества жизни у людей, страдающих сердечно-сосудистыми заболеваниями [Neo et al., 2015], а также ведет к снижению рисков смертности [Elliot et al., 2018]. Согласно выявленным фактам, у лиц старших возрастов, уверенных, что могут контролировать происходящее, повышается способность адаптации к возрастным проблемам [Barlow et al., 2016] и замедляются темпы возрастного спада физического функционирования [Robinson, Lachman, 2017] и субъективного благополучия [Gerstorf et al., 2014].

В других исследованиях установлено, что *вера человека в собственные силы и признание значимости своего «я»*, смягчая воздействие стрессоров на организм [O'Donnell et al., 2008], также позитивно влияет на его самочувствие [Schwarzer, 2014], снижая риски депрессии и тревожности [Orth et al., 2009], сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний [Lundgren et al., 2015] и преждевре-

¹ Психологические свойства, психологические черты, психологические ресурсы, психологические диспозиции используются в тексте как синонимы (в целях стилистического разнообразия), а что именно имеется в виду под этими терминами — будет однозначно определено ниже при описании переменных.

менной смертности [Stamatakis et al., 2004]. В поздний период жизни вера в себя выступает защитным фактором способности к самообслуживанию в повседневной деятельности [Oliveira, Silva, Lima, 2016].

Оптимизм, общее ожидание перемен к лучшему [Scheier, Carver, 1985] — еще одно психологическое свойство, важное для преодоления стрессовых ситуаций [Nes, 2016], поддержания позитивных социальных отношений [Andersson, 2012] и ориентации на здоровый образ жизни [Boehm et al., 2018; Schiavon et al., 2017]. Согласно выявленным фактам, эта диспозиция демонстрирует одни из самых сильных и устойчивых связей с показателями физического и психического благополучия среди психосоциальных факторов (см. обзор в [Scheier, Carver, 2018; Scheier et al., 2020]). Она предотвращает сердечную недостаточность [Kim, Smith, Kubzansky, 2014], инсульты [Kim, Park, Peterson, 2011], снижает преждевременную смертность [Kim et al., 2017] и способствует долголетию [Lee et al., 2019].

Противостоять стрессовым воздействиям и их негативным последствиям для физического и психического здоровья помогает и такое психологическое качество, как *устойчивость* человека к трудностям жизни (*resilience*). Она характеризует адаптивные свойства организма — его способность к быстрому восстановлению после перенесенных невзгод, травм и потерь [Wagnild, Young, 1993]. Лонгитюдные и кросс-секционные исследования обнаруживают, что позитивные эффекты устойчивости, как и других психологических свойств, проявляются на протяжении всей жизни. Кроме того, на поздних ее этапах это свойство помогает преодолевать специфические проблемы пожилых людей, связанные с естественным ухудшением здоровья, потерей социальных ролей и тяжелыми утратами [van Kessel, 2013]. Оно позволяет им адаптироваться к проблемам, вызванным хроническими заболеваниями [Silverman et al., 2015], препятствует развитию когнитивных нарушений [Gu, Feng, 2018], приводит к снижению депрессии, тревожности [Tan-Kristanto, Kiropoulos, 2015] и рисков смертности [Shen, Zeng, 2010]. Устойчивость к трудностям жизни способствует также повышению самооценки здоровья [Lau et al., 2018; Taylor, Carr, 2021], активному старению [Jeste et al., 2013] и долголетию [Gu, Feng, 2018, Shen, Zeng, 2010]. Причем по сравнению с другими показателями психосоциальных ресурсов такие эффекты проявляются с особенной отчетливостью [Taylor, Carr, 2021].

Согласно имеющимся свидетельствам, рассмотренные психологические качества меняются на протяжении жизненного пути — нарастая в раннем взрослом возрасте, они достигают наибольших значений к середине жизни, а затем — в старших возрастах — начинают снижаться. Об этом свидетельствует анализ возрастных изменений личностной самооценки [Orth, Robins, 2014; Orth, Maes, Schmitt, 2015], оптимистического видения будущего [Sweeny, Krizan, 2013] и устойчивости [Beutel et al., 2009; Beutel et al., 2010], а также способности к контролю [Lachman, Neupert, Agrigoroaei, 2011], хотя, согласно материалам лонгитюдных исследований, эта способность может сохраняться и в старших возрастах [Slagsvold, Sørensen, 2013].

Уже накоплен определенный эмпирический опыт, свидетельствующий, что психологические ресурсы личности являются важным фактором поддержания здоровья и, следовательно, могут играть роль посредника между возрастом и оценкой здоровья. Это предположение подтверждается отдельными работами,

выполненными на локальных выборках. Так, в исследовании, предпринятом на небольшой выборке испанцев в возрасте от 18 до 87 лет, чувства контроля, собственного достоинства, а также оптимизм выступали медиаторами между возрастом, развитием депрессии и тревожных состояний [Jiménez, Montorio, Izal, 2017]. Результаты исследования в США, охватывающего более тысячи респондентов 18—89 лет, подтвердили зависимость психического здоровья от возраста и зафиксировали частичные медиативные эффекты психологического контроля, то есть проблемно-ориентированных стратегий преодоления стрессов [Chen et al., 2018]. В то же время локальный характер таких исследований не позволяет с уверенностью говорить о посреднических функциях психологических свойств в объяснении возрастных изменений здоровья, поскольку доминантными могут оказаться и другие медиаторы, например материальная депривация. Более того, такие психологические медиации возрастных различий здоровья могут зависеть от общественного контекста. На это косвенно указывает тот факт, что взаимосвязи возраста, психологических ресурсов и здоровья могут с большей отчетливостью проявляться в одних странах, оставаясь невыраженными в других. Например, различия в устойчивости к трудностям жизни в разных обществах связываются со своеобразием культурных норм и ценностей [Phillips et al., 2016; Schönfeld, Brailovskaia, Margraf, 2017]. Отсутствие спада самоуважения в пожилом возрасте в Японии по сравнению с США и Европой также объясняется культурными различиями [Ogihara, 2019; Ogihara, Kusumi, 2020], как и оптимистические и пессимистические настроения на протяжении жизненного пути в Германии, Нидерландах и США [Chopik et al., 2020; Drewelies, Huxhold, Gerstorf, 2019].

В ряде работ обосновывается значение государственной системы обеспечения социальных гарантий как важной характеристики социетального контекста, оказывающей влияние на формирование возрастных неравенств в здоровье в обществе и роль в этих процессах персональных психологических ресурсов. Высказывалось предположение, что снижение чувства контроля с возрастом может наступать раньше в тех странах, где положение пожилых людей относительно менее надежно и предсказуемо, и позже там, где государственная помощь и пенсионное обеспечение способствуют поддержанию уверенности людей в возможности управлять обстоятельствами собственной жизни [Clarke, Smith, 2011; Slagsvold, Sørensen, 2013]. Действительно, в Норвегии ослабление чувства контроля при всеобщей и щедрой системе поддержания благосостояния наступает только после 75 лет, а это примерно на 15 лет позже, чем в США [Slagsvold, Sørensen, 2013]. В либеральном режиме социальных гарантий США поддержанию здоровья пожилых людей способствует укрепление способности к контролю над жизненными обстоятельствами, тогда как в Великобритании она не играет существенной роли и хорошее здоровье в старших возрастах обеспечивается государственной системой здравоохранения [Clarke, Smith, 2011].

Подводя итог можно отметить, что для поддержания здоровья важное значение имеют такие психологические свойства, как способность контролировать происходящее в жизни, уверенность в себе, оптимизм и умение преодолевать трудности. Наличие у человека этих свойств меняется с возрастом — у пожилых людей многие из них оказываются в дефиците. Следовательно, возрастные различия в здоровье

во многом должны объясняться психологическими ресурсами и их значительным сокращением в старших возрастных группах. Исследования, посвященные этой проблеме, только начинают появляться, и, как правило, выполнены лишь на локальных выборках. Для подтверждения этой гипотезы нужны обширные межстрановые данные, поскольку они не только позволяют принять во внимание большее число стран, но и учесть влияние социокультурного контекста. С этой точки зрения наряду с культурными факторами важное значение приобретают особенности системы социального обеспечения. Широкие государственные социальные гарантии для уязвимых слоев способствуют сохранению психологических ресурсов среди пожилых, их уверенности в своих силах и ослаблению медиативных эффектов этих характеристик в отношении здоровья. В странах со слабой социальной политикой люди в старших возрастных группах, не имея надежной защиты со стороны государства, будут, вероятно, терять уверенность в возможности изменений к лучшему, своей способности влиять на происходящее и преодолевать невзгоды, поэтому возрастные различия здоровья можно будет в большей мере объяснить психологическими медиациями. В настоящей работе предпринимается попытка тестирования этой гипотезы на материалах Европейского социального исследования, включающего 27 стран.

Характеристика исследования, данные и методы

Возрастные различия здоровья возникают вследствие естественного биологического старения организма, однако социальные и психологические причины также играют важную роль. Между наиболее развитыми европейскими странами, например, и посткоммунистическими государствами, отстающими от первых и по уровню экономического развития, и по социальным гарантиям населению, существуют заметные различия, свидетельствующие о гораздо большей дифференциации состояния здоровья у молодых и пожилых людей в странах Восточной и Центральной Европы по сравнению со Скандинавскими странами [Русина, Сафронов, 2019]. Эти различия обусловлены более низким уровнем жизни в первых, слабой социальной защитой со стороны государства уязвимых слоев, в том числе и пожилых людей, невысокой социальной интеграцией, утратой в этих слоях психологической уверенности и другими причинами, не имеющими отношения к биологии старения. Так что есть все основания считать такие различия социальными неравенствами.

Согласно нашему предположению, наблюдаемые изменения в здоровье по мере взросления и старения в определенной мере отражают неравномерное распределение индивидуальных психологических ресурсов на разных этапах жизненного пути, а дефицит этих ресурсов усиливается с переходом к старшим возрастам. Иными словами, видимый эффект возраста обусловлен или опосредован психологическими резервами личности.

Такие посреднические воздействия, согласно другому нашему предположению, с большей определенностью проявляются в одних странах, оставаясь слабо выраженными в других. Принимая во внимание зависимости, обнаруженные в работах по психологической медиации социально-статусных неравенств в здоровье, можно ожидать, что непрямые психологические эффекты, связывающие возрастные раз-

личия со здоровьем, будут более отчетливыми в странах со слабым социальным государством и ограниченными возможностями обеспечения государством качественных медицинских услуг, чем в социальных демократиях с развитой системой социальных гарантий, защищающей уязвимые общественные группы. В первых при возникновении проблем со здоровьем людям в значительной мере приходится рассчитывать на собственные силы, и все более явный с возрастом недостаток психологических качеств, помогающих преодолевать жизненные невзгоды, может негативно сказываться на здоровье пожилых. В развитых странах, отличающихся значительными государственными расходами на развитие системы здравоохранения, психологические ресурсы будут, по-видимому, более равномерно распределяться во возрастной структуре, поскольку поддержку уязвимым слоям населения, включая пожилых людей, обеспечивают институты социального государства и благодаря такой поддержке у представителей этих слоев может сохраняться уверенность в себе и другие персональные черты, важные для сохранения здоровья.

Из этих предположений вытекают две основные задачи исследования. Первая подразумевает выявление важнейших психологических качеств, выступающих медиаторами возрастных различий в здоровье, а вторая связана с обнаружением контекстуальных различий между странами, которые могли бы объяснить расхождение между ними в проявлениях эффектов психологической медиации.

При решении этих задач использовались данные Европейского социального исследования [ESS Round 6, 2012], полученные в ходе репрезентативных опросов населения 27 стран Западной и Восточной Европы, а также статистические данные об уровне их социального и экономического развития. Для решения первой задачи использовался статистический аппарат регрессионного анализа, позволяющий выявлять медиативные эффекты (программа PROCESS, см. [Hayes, 2018], которая дает возможность оценивать многообразные модели с эффектами медиации и модерации, а также статистическую значимость этих эффектов, в том числе и ряда параллельных посреднических влияний).

Вторая задача предполагала выяснение зависимости этих эффектов от контекстуальных факторов, различающих европейские страны. Социальное государство, поддерживающее уязвимые категории населения, к которым относятся люди старших возрастов, создает материальную среду, институциональные возможности и социо-психологическую атмосферу в обществе, которые позволяют этим категориям жить в хороших условиях, нормально питаться, заниматься рекреацией, получать качественные медицинские услуги и не испытывать затяжных и тяжелых стрессов, которые им пришлось бы переживать без такой защиты. Можно предположить, что именно контекстуальные модераторы, связанные с социальным государством, способны объяснить различия психологических медиаций в разных частях Европы. Измерению этого контекстуального фактора посвящена специальная литература, в которой вслед за Эспинг-Андерсеном [Esping-Andersen, 1990] обсуждаются различия режимов государства благосостояния. Как классификации режимов, так и набор индикаторов, который используется для их измерения, продолжают уточняться. В то же время для разделения европейских стран, ориентирующихся на сильную и слабую социальную политику, вполне можно воспользоваться разграничением полярных режимов — социально-демократического,

характеризующего Скандинавию, и восточноевропейского, свойственного посткоммунистическим странам. Другая важная контекстуальная характеристика, учитывающая возможности доступа к качественной медицине и влияющая как на состояние национального здоровья, так и уязвимых людей, — расходы государственного бюджета на здравоохранение. Указанные режимы и расходы — не единственные показатели социального государства и, может быть, не лучшие из-за высокой обобщенности, однако найти им замену в исследовании, включающем около трех десятков стран, довольно трудно.

Таким образом, изучение психологических медиаций возрастных неравенств в здоровье проводилось в двух группах стран, значительно различающихся по уровню развития социального государства. Одну из них, представляющую слабый, «восточноевропейский» режим обеспечения социальных гарантий, составляют бывшие коммунистические страны, включая Болгарию, Польшу, Россию и Украину, а другую — развитые Скандинавские страны с «социально-демократическим режимом»: Дания, Норвегия, Финляндия и Швеция, в которых предоставляются универсальные гарантии.

На следующем этапе, посвященном решению второй задачи, рассматривались все 27 стран, включая Бельгию, Болгарию, Великобританию, Венгрию, Германию, Данию, Израиль, Ирландию, Исландию, Испанию, Италию, Кипр, Литву, Нидерланды, Норвегию, Польшу, Португалию, Словакию, Словению, Украину, Финляндию, Францию, Чехию, Швейцарию, Швецию и Эстонию, а также Россию, и проверялось предположение о влиянии контекстуального фактора государственных расходов на здравоохранение (в душевом исчислении, рассчитанных при паритете покупательной способности, World Health Organization, Per capita government expenditure on health, \$ PPP, см. [WHO, 2014]). С этой целью строились иерархические двухуровневые модели с непрямыми эффектами и их модерацией контекстуальным фактором: первый уровень — респонденты с их особенностями здоровья, возраста, психологии, пола и социального статуса, а второй — страны, различающиеся по уровню государственных расходов на здравоохранение (программа MLmed [Rockwood, 2017]).

В Европейском социальном исследовании различия в здоровье фиксируются с помощью показателя его самооценок респондентами, полученных при ответах на вопрос анкеты: «Как Вы оцениваете состояние своего здоровья в целом? По Вашему мнению, оно... 1. Очень хорошее, 2. Хорошее, 3. Среднее, 4. Плохое, 5. Очень плохое». Этот вопрос получил признание в научном сообществе как один из простых и валидных индикаторов здоровья людей, надежно предсказывающий его объективное состояние. Зависимая переменная в нашем анализе — распределение ответов по приведенной пятибалльной шкале.

Основная независимая переменная — возраст участников опросов, выраженный в годах. В нашей работе рассматривается возрастной диапазон от 25 до 80 лет, когда особенно заметными становятся социальные и психологические влияния на состояние здоровья индивидов. У самых молодых и старых людей эти влияния выражены неотчетливо, поскольку очень сильны биологические детерминации.

В нашем анализе используются данные опросов ESS Round 6, поскольку именно этот раунд включал модуль, посвященный «личному и социальному благополучию» и содержащий ряд вопросов для выявления психологических особенностей

респондентов [Huppert et al., 2013]. Среди них — следующие пять характеристик психологических ресурсов, которые, согласно обзору литературы, обычно используются для выявления медиативных эффектов (причем при изучении не только возрастных, но и социально-структурных неравенств в здоровье):

1) «Автономия и контроль» — независимость в принятии решений, свидетельствующая о том, что человек при осуществлении определенной деятельности свободен от давления со стороны других людей, о ее выраженности говорит степень согласия респондента с суждением: «Полагаю, что я могу самостоятельно решать, как мне жить» (по пятибалльной шкале от полного согласия до полного несогласия), а также способность человека контролировать происходящее в жизни и свою деятельность, выраженная в шкальных оценках при ответе на вопрос: «В какой мере Вам удается выкраивать время на то, чем Вам по-настоящему нравится заниматься?» (от 0 — вовсе не удается до 10 — полностью удается).

2) «Оптимизм», предполагающий позитивные чувства или оценки в отношении будущего, связанные с личной жизнью или общественными изменениями, определяется с помощью трех анкетных вопросов: «Я всегда смотрю на свое будущее с оптимизмом» и «Судя по тому, что происходит в мире, трудно возлагать надежды на его будущее», «Для большинства людей в нашей стране жизнь становится не лучше, а хуже» (пятибалльные шкалы от полного согласия до полного несогласия).

3) «Позитивная самооценка», принятие человеком себя, проявляющееся в его хорошем отношении к самому себе, зафиксированная в ответах на два вопроса: «В целом я очень хорошо к себе отношусь», «Временами я чувствую себя неудачником» (пятибалльные шкалы согласия).

4) «Устойчивость» к трудностям жизни и умение их преодолевать, свидетельствующие о способности человека сопротивляться стрессовым воздействиям и быстрой восстановлению после попадания в сложную жизненную ситуацию. Об устойчивости позволяют судить ответы участников опросов на два вопроса: «Насколько трудно или легко Вам справляться с важными проблемами, возникающими в Вашей жизни?» (шкала от 0 до 10) и «Когда в моей жизни происходит что-то плохое, мне обычно требуется длительное время, чтобы прийти в себя» (пятибалльная шкала согласия).

5) «Состоятельность» относится к общей уверенности человека в своей компетентности, способности проявлять себя в повседневной деятельности, в том числе и в своих когнитивных способностях — умении мыслить, концентрировать внимание и принимать решения. Для ее измерения респондентов спрашивали, согласны ли они с утверждениями: «В повседневной жизни у меня очень мало возможностей показать, на что я способен», «В большинстве случаев я испытываю чувство удовлетворения от того, что делаю» и «У меня многое хорошо получается» (пятибалльные шкалы согласия).

Значения пяти психологических индексов², описывающих эти свойства, рассчитывались как средние арифметические значения ответов по указанным шкалам после приведения их к общей размерности и изменения, где необходимо, полярности шкал (при разной размерности шкалы приводились к формату 0, 1).

² Корреляции между отдельными вопросами о психологических свойствах не приводятся, зависимости между пятью шкалами достаточно тесные, на что указано при построении обобщающего индекса психологических ресурсов ниже.

Во всех регрессиях и двухуровневых моделях контрольные переменные включали показатели пола ($J = 0$, $M = 1$) и социального статуса опрошенных, который измерялся по признакам образования и профессии. Уровень образования — индекс, суммирующий количество лет, в течение которых респондент обучался в формальных образовательных учреждениях (школе, училище, колледже, институте, университете и др.). Профессиональные позиции, которые в данных ESS различаются в соответствии с Международной стандартной классификацией профессий (International Standard Classification of Occupations: ISCO 08, см. [International Labour Office, 2012]), преобразовывались с помощью специальной программы конверсии в Международный социально-экономический индекс профессионального статуса (International Socio-Economic Index of Occupational Status, ISEI, см. [Ganzeboom, Treiman, 2010]). В таблице 1 представлены дескриптивные статистики для двух групп стран. Шкалы всех независимых переменных преобразовывались и были представлены в диапазоне от 0 до 1 (из исходных шкальных оценок вычиталось минимальное значение и получившиеся градации шкалы делились на новое максимальное значение, так что преобразованная шкала изменялась в диапазоне 0, 1, а между этими значениями располагались прочие градации), вследствие чего приводимые регрессионные коэффициенты будут свидетельствовать о различиях здоровья, измеренного пятибалльным показателем, между респондентами с полярными структурными и психологическими характеристиками.

Таблица 1. **Дескриптивная статистика для анализируемых переменных**

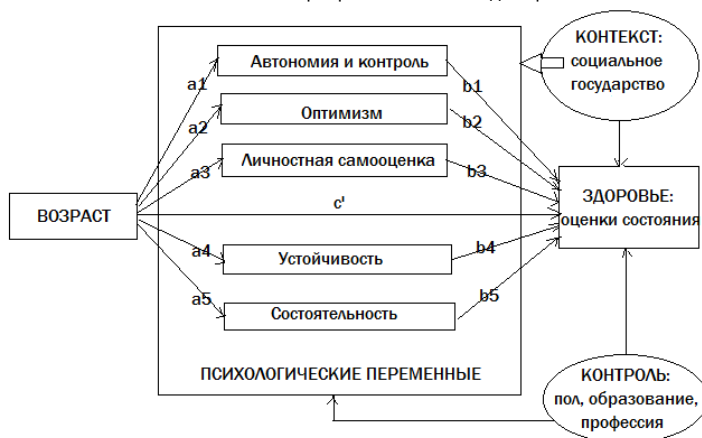
	Восточная Европа				Скандинавские страны			
	Mean	Std. Dev.	Min	Max	Mean	Std. Dev.	Min	Max
Зависимая переменная								
Самооценка состояния здоровья (очень хорошее = 1, очень плохое = 5)	2,60	0,88	1	5	2,02	0,86	1	5
Независимые переменные								
Пол ($J = 0$, $M = 1$)	0,42	0,49	0	1	0,51	0,50	0	1
Возраст (лет)	50,1	14,8	25	80	51,5	14,7	25	80
Образование (лет)	12,5	3,3	0	25	13,4	4,1	0	25
Профессиональный статус	0,37	0,28	0	1	0,46	0,28	0	1
Автономия — контроль	0,67	0,19	0	1	0,74	0,16	0	1
Оптимизм	0,52	0,19	0	1	0,62	0,18	0	1
Личностная самооценка	0,68	0,20	0	1	0,64	0,19	0	1
Устойчивость	0,54	0,20	0	1	0,67	0,17	0	1
Состоятельность	0,67	0,19	0	1	0,75	0,14	0	1
Госрасходы: здравоохранение (\$, на душу)	723	268	308	1043	3689	890	2673	5080
N (валидные)	6049				5731			

Примечание. Переменные возраста и образования представлены в годах (в регрессиях используются преобразованные шкалы с диапазоном 0, 1).

Здоровье, возраст и психологические ресурсы в странах со слабым и сильным социальным государством

В регрессионном анализе двух групп стран — с восточноевропейским и социально-демократическим режимами обеспечения социальных гарантий (слабое и сильное социальное государство) — рассматривались пять параллельных психологических медиаций возрастных различий в здоровье. Схема этого анализа представлена на рисунке 1. «Общий эффект» влияния возраста на оценки здоровья, проявляющийся при контроле пола, образования и профессионального статуса, складывается из «прямого эффекта», c' , остающегося после учета психологических переменных, и «непрямых», медиативных эффектов пяти психологических факторов: автономии и контроля — a_1b_1 , оптимизма — a_2b_2 , личностной самооценки — a_3b_3 , устойчивости — a_4b_4 и состоятельности — a_5b_5 . Детерминации a_1 — a_5 свидетельствуют о зависимости психологических ресурсов от возрастных различий: чем сильнее эти зависимости, отраженные отрицательными регрессионными коэффициентами, тем менее равномерно распределение личностных качеств по возрастной структуре с нарастанием дефицита к старшим возрастам³. Детерминации b_1 — b_5 говорят о важности этих качеств для здоровья: статистически значимые отрицательные коэффициенты будут свидетельствовать об их важной роли для поддержания хорошего самочувствия (напомним, направленность шкалы оценок здоровья — от градации «очень хорошее» к ответам «очень плохое»). Непрямые воздействия рассчитываются как произведение «а» и «b» коэффициентов, полученных в этих регрессиях. Предполагается, что медиативные эффекты зависят от общественного контекста — они могут различаться в странах с восточноевропейским и социально-демократическим режимами социальных гарантий.

Рис. 1. Психологическая медиация возрастных неравенств в здоровье: аналитическая схема регрессионного моделирования

³ Предварительный анализ различий между средними значениями психологических переменных в возрастных категориях (25–34, 35–44, 45–54, 55–64, 65+ лет) показывает, что психологические ресурсы действительно линейно убывают с возрастом, отчетливо — в посткоммунистических странах (за исключением автономии-контроля, о чем будет сказано далее).

Результаты анализа, относящиеся к двум изучавшимся группам стран, представлены в таблице 2. При восточноевропейском режиме обеспечения социальных гарантий все пять психологических свойств неравномерно распределены по возрастной структуре (коэффициенты a_1 — a_5 оказались статистически значимыми). Как и предполагалось, с возрастом заметно уменьшаются оптимизм и устойчивость к трудностям жизни, а также несколько снижается уверенность человека в себе самом и своей состоятельности. Однако такое качество, как автономия и контроль, немного чаще встречается в старших возрастах, чем у молодежи. Все психологические свойства играют важную роль в поддержании здоровья (см. коэффициенты b_1 — b_5), снижая вероятность низкого оценивания респондентами своего самочувствия, особенно состоятельность и устойчивость.

В странах с социально-демократическим режимом только оптимизм и состоятельность ослабевали с годами жизни (a_2 и a_5), но не оценка своего «я» и устойчивость (a_3 и a_4). Зависимость, указывающая на обретение с возрастом автономии-контроля (a_1), была выражена в этих странах даже с большей отчетливостью, чем при слабом социальном государстве. Согласно коэффициентам (b_1 — b_5), при социально-демократическом режиме, как и при восточноевропейском, все пять психологических качеств способствуют поддержанию здоровья.

Таблица 2. Регрессионные модели с пятью параллельными психологическими медиациями возрастных неравенств в здоровье: слабое и сильное социальное государство

Переменные	Режимы социальных гарантий			
	Восточноевропейский		Соц.-демократический	
	a	b	a	b
Автономия и контроль (a_1 , b_1)	0,06***	-0,31***	0,12***	-0,43***
Оптимизм (a_2 , b_2)	-0,18***	-0,26***	-0,15***	-0,61***
Личностная самооценка (a_3 , b_3)	-0,06***	-0,33***	0,02	-0,51***
Устойчивость (a_4 , b_4)	-0,15***	-0,45***	-0,03	-0,48***
Состоятельность (a_5 , b_5)	-0,06***	-0,69***	-0,08***	-0,43***
R sq.		0.31		0.19
Эффекты				
Общий эффект	20,09***		10,06***	
Прямой эффект	10,94***		0,99***	
Непрямые эффекты:				
Автономия и контроль	-0,02 (-0,03; -0,01)		-0,05 (-0,07; -0,03)	
Оптимизм	0,05 (0,02; 0,07)		0,09 (0,07; 0,12)	
Личностная самооценка	0,02 (0,01; 0,03)		-0,01 (-0,03; 0,00)	
Устойчивость	0,07 (0,05; 0,09)		0,01 (-0,00; 0,03)	
Состоятельность	0,04 (0,02; 0,06)		0,03 (0,02; 0,05)	
N	6049		5731	

Примечание. Линейные регрессии с эффектами медиации, зависимая переменная — оценки здоровья (1 — очень хорошее, 5 — очень плохое). Общий эффект — влияние возраста на здоровье (без включения переменных психологических ресурсов), непрямые эффекты — произведение коэффициентов a и b . Указываются нестандартизированные коэффициенты B (не приводятся для контрольных переменных пола, образования и профессионального статуса), для непрямых эффектов в скобках дается 95% доверительный интервал (bootstrap confidence interval, N of bootstrap samples = 5000), уровни значимости: *** $p < 0,000$, курсивом выделены незначимые коэффициенты и эффекты.

Возраст, как показывают значения общих эффектов, оказывает сильное негативное воздействие на здоровье в обеих группах стран, особенно отчетливое при слабом социальном государстве. И эти зависимости в определенной мере объясняются психологическими переменными. При восточноевропейском режиме социальных гарантий все не прямые эффекты были статистически значимыми (доверительные интервалы не содержат нулевых значений) и относительно более выраженными для таких свойств, как устойчивость и оптимизм (различия с другими медиациями неслучайны, согласно результатам попарного сопоставления не прямых эффектов, которое позволяет проводить программа Process, результаты не приводятся). Непрямой эффект для автономии и контроля оказался также статистически значимым, но, в отличие от прочих четырех посредников, у него — отрицательный знак. Это свойство, приобретаемое с возрастом, не объясняет ухудшения самочувствия с годами жизни, а скорее наоборот, ему препятствует, хотя такое влияние, судя по величине коэффициента, достаточно скромное. Отметим, что и объясняющие возрастные различия четыре не прямых психологических эффекта были по величине весьма небольшими. В скандинавских социальных демократиях наиболее заметным медиатором возрастных различий выступает оптимизм, который по величине значимо больше всех прочих посредников. Статистически значим и не прямой эффект для состоятельности, тогда как устойчивость и личностная самооценка посреднической роли в этих странах не играют. Автономия и контроль, как и при слабом социальном государстве, не объясняют расширения неравенств с возрастом, немного сглаживая их проявление.

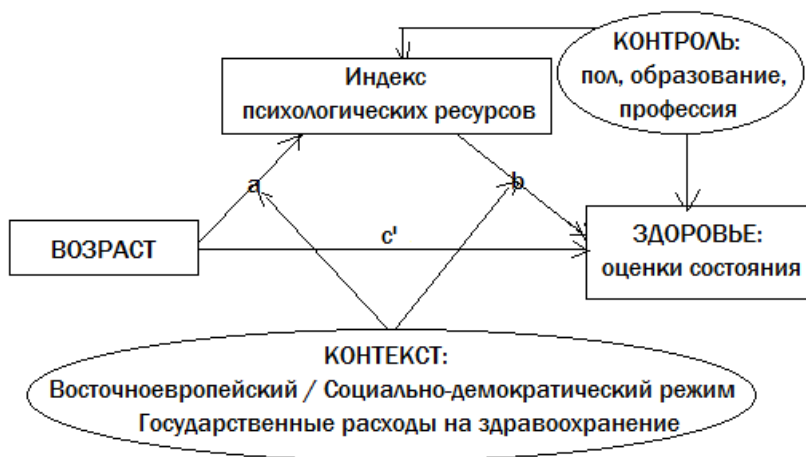
Психологическая медиация возрастных различий в здоровье: значение общественного контекста

Регрессионный анализ пяти параллельных медиаций, представленный выше, позволяет вычлени психологические переменные, выступающих наиболее важными посредниками при объяснении возрастных неравенств в здоровье. Однако в силу того, что отдельные переменные личностных свойств тесно взаимосвязаны, этот анализ не дает возможности адекватно оценить, насколько в целом важны психологические медиации для такого объяснения. Кроме того, он не позволяет выяснить, являются ли различия психологических эффектов в двух группах стран статистически существенными. В связи с этим дальнейший регрессионный анализ проводился на общих массивах восьми стран (четыре со слабым и четыре с сильным социальным государством) и 27 стран (отличающихся размерами государственных расходов на здравоохранение). Психологическая переменная была представлена индексом, отражающим четыре «объясняющих» возрастных неравенства в здоровье свойства⁴ — оптимизм, оценку своего «я», устойчивость и состоятельность (Cronbach's Alpha для этих переменных = 0,71, индекс рассчитывался как среднее арифметическое оценок по отдельным шкалам).

⁴ Выше отмечалось, что автономия-контроль связаны с возрастом положительно и не могут рассматриваться в качестве медиатора — в отличие от четырех других психологических качеств, убывающих по мере перехода от младших к старшим возрастам. Сам по себе не прямой эффект автономии-контроля слишком мал, чтобы акцентировать на нем внимание при интерпретации результатов.

Аналитическая схема этого анализа представлена на рисунке 2. Влияние возраста на ухудшение самочувствия, общий эффект, складывается из прямого воздействия, обозначенного c' , и посреднического эффекта — через индекс психологических ресурсов. Посреднический эффект представляет собой произведение детерминаций « ab », где « a » фиксирует зависимость психологических ресурсов от возраста, и « b » — самооценок здоровья от психологических ресурсов (вычисляемых при контроле социальной демографии). Обе эти детерминации могут меняться под воздействием общественного контекста, указывающего на развитие социального государства (разделения европейских стран на восточноевропейский и социально-демократический режимы обеспечения социальных гарантий, а также их различий по уровню душевых государственных расходов на здравоохранение).

Рис. 2. Схема анализа контекстуальной зависимости медиативного влияния индекса психологических ресурсов на возрастные различия в здоровье

Результаты регрессионного анализа медиативных эффектов в странах с отличающимися режимами социальных гарантий представлены в таблице 3.

В уравнениях учитывалось влияние модератора, представленного дихотомией сильное (=0) / слабое (=1) социальное государство. Для этого в модели « a » анализировалось не только влияние возраста на психологический индекс (при контроле пола, образования и профессионального статуса), но и интеракция возраста с этой дихотомией, а в модели « b » — кроме всего набора независимых переменных, ее интеракция с психологическим индексом.

Согласно регрессии « a » (см. табл. 3), запасы личностных ресурсов несколько меньше в «восточноевропейских» странах, они сокращаются с возрастом, причем, как показывает интеракция возраста на признак социального государства и показатели выраженности влияния возраста на психологические ресурсы, эта зависимость сильнее проявляется при слабом режиме социальных гарантий. Уравнение « b » подтверждает хорошо известные факты о более высоких оценках своего здоровья мужчинами и существовании социально-структурных нера-

венств в здоровье — оно хуже при невысоком образовании и профессиональном положении участников опросов. В странах восточноевропейского типа взрослое население в среднем ниже оценивает здоровье, чем в социальных демократиях. Его состояние ухудшается с возрастом и существенно улучшается у людей, наделенных психологическими ресурсами, особенно, как показывают интеракции психологического индекса с дихотомией социального государства и коэффициенты выраженности воздействия этого индекса на здоровье в двух группах стран, — в более развитых странах. В обеих этих группах непрямые эффекты, говорящие о посреднической роли психологических ресурсов в объяснении возрастных различий самочувствия, оказались статистически значимыми, однако существенно отличающимися по величине. Медиация была заметно слабее выражена в социальных демократиях и сильнее — при восточноевропейском режиме (статистически значимые отличия). Правда, в процентных показателях эти различия были не очень заметными (в силу меньшего общего эффекта в Скандинавских странах) — в первых доля непрямого эффекта в общем составляет 9%, тогда как в странах второго типа — 13%⁵.

Таблица 3. Общая психологическая медиация возрастных различий в здоровье: сравнение стран с сильным и слабым социальным государством

Переменные эффекты	Регрессии	
	a	b
Константа	0,61***	3,18***
Пол (М)	0,03***	-0,07***
Образование	0,08***	-0,28***
Профессиональный статус	0,06***	-0,12***
Возраст	-0,04***	1,43***
Индекс психологических ресурсов		-2,25***
Социальное государство: сильное/слабое	-0,02***	0,25***
Интеракции:		
Возраст x социальное государство	-0,10***	
Ресурсы x социальное государство		0,27*
R ²	0,13***	0,32***
Выраженность влияния:		
Сильное социальное государство	-0,04***	-2,25***
Слабое социальное государство	-0,14***	-1,98***
Непрямые эффекты:		
Сильное социальное государство	0,10 (0,05; 0,14)	
Слабое социальное государство	0,28 (0,23; 0,32)	
Различие эффектов	0,18 (0,12; 0,24)	
N	11859	

Примечание. Линейные регрессии с эффектами медиации, зависимая переменная — оценки здоровья (1 — очень хорошее, 5 — очень плохое), для не прямых эффектов в скобках приводится 95% доверительный интервал к (bootstrap confidence interval, N of bootstrap samples = 5000), уровень значимости коэффициентов: *** $p < 0,000$, * $p < 0,05$.

⁵ Непрямой эффект делится на общий и умножается на сто.

Наш анализ показывает, что психологические ресурсы позволяют отчасти объяснить возрастные неравенства в здоровье — эти ресурсы сокращаются с возрастом, особенно заметно в странах со слабым социальным государством, и играют важную роль в поддержании хорошего самочувствия, причем в развитых странах даже большую, чем в менее продвинутых. Отметим, что психологические медиации возрастных различий здоровья, несмотря на статистическую значимость, были по величине достаточно скромными — они объясняли лишь небольшую долю возрастного ухудшения здоровья. Вероятно, фундаментальную роль в этом процессе играет биологическое старение организма, но не исключено, что посредниками могут выступать и не изучавшиеся здесь социальные переменные, такие как образование, материальная депривация, статусные и ролевые напряжения, социальный капитал.

Различия посреднических эффектов между двумя группами стран позволяют предположить, что их проявление зависит от того, насколько государство в своей политике ориентируется на защиту граждан, в том числе и пожилых людей. Проверка этого предположения осуществлялась с помощью двухуровневого иерархического моделирования, в котором анализировалась зависимость посреднических психологических эффектов, объясняющих возрастные неравенства в здоровье (уровень 1), от контекстуального фактора, характеризующего страны, — государственных расходов на здравоохранение (уровень 2). Это моделирование проводилось на данных опросов Европейского социального исследования (ESS Round 6), охватывающих 27 стран. С результатами моделирования можно ознакомиться в таблице 4.

Таблица 4. Психологическая медиация возрастных неравенств в здоровье в зависимости от контекстуального фактора государственных расходов на здравоохранение

Переменные, эффекты		Двухуровневая Модель	
Уровень 1		a	b
Константа		0,63***	2,26***
Пол (M = 1)		0,02***	-0,03***
Образование		0,08***	-0,44***
Профессиональный статус		0,06***	-0,14***
Возраст		-0,05***	1,62***
Индекс психологических ресурсов			-1,90***
Уровень 2			
Госрасходы на здравоохранение		0,10***	-0,67***
Интеракции между уровнями			
Госрасходы X возраст		0,19***	
Госрасходы X психологические ресурсы			-0,49
Непрямые Эффекты		Значение (CI)	
Модератор: госрасходы на здравоохранение	-1 sd	0,18 (0,12; 0,24)	
	Среднее	0,10 (0,05; 0,14)	
	+1 sd	0,00 (-0,06; 0,07)	
N		38473	

Примечание. Двухуровневая иерархическая линейная модель с эффектами медиации и модерации, зависимая переменная — оценки здоровья (1 — очень хорошее, 5 — очень плохое), значения модератора для приведенных непрямых эффектов — среднее, меньше и больше среднего на одно стандартное отклонение (-1 sd, +1 sd), уровни значимости *** $p < 0,000$, в скобках приводится 95% доверительный интервал (CI—Monte Carlo Confidence Interval), незначимые коэффициенты и эффекты выделены курсивом.

Приведенные в столбцах «а» и «б» коэффициенты подкрепляют уже известные нам зависимости — в среднем для всех стран психологические ресурсы шире распространены среди мужчин, респондентов с высокими образованием и профессиональным статусом, и их запасы снижаются к старшим возрастам. Оценки здоровья ниже у женщин, малообразованных людей, при невысоком профессиональном положении. Самочувствие отчетливо ухудшается с годами жизни и улучшается, если у человека имеются психологические ресурсы для преодоления жизненных трудностей. Заметно отличаются показатели этих ресурсов и состояния здоровья в изучавшихся странах — с ростом государственных расходов на здравоохранение более распространенными оказываются личностные качества, помогающие преодолевать стрессы, и начинают расти оценки здоровья.

Как показывает интеракция в регрессии «а», утрата психологических качеств к старшим возрастам проявляется с большей силой в странах с низкими расходами на здравоохранение, но по мере их роста эта зависимость становится менее отчетливой. Интеракция расходов с индексом психологических ресурсов свидетельствует о несколько более выраженном влиянии личностных ресурсов на здоровье в странах с высокими затратами на здравоохранение, однако такая зависимость не получает статистического обоснования, так как коэффициент оказался незначимым.

Непрямые психологические эффекты заметно отличаются при разных значениях модератора: в странах с невысокими бюджетными расходами на здравоохранение (минус одно стандартное отклонение от среднего, как правило, посткоммунистическая Европа) показатель медиации оказывается статистически значимым и равняется 0,18, тогда как при более высоких расходах (плюс одно стандартное отклонение, развитые государства Западной Европы) он становится незначимым при практически нулевой величине. Такое расхождение возникает вследствие более неравномерного распределения психологических ресурсов по возрастной структуре — их сокращения с возрастом — в странах с относительно небольшими расходами бюджета на здравоохранение, чем в государствах, где эти расходы существенно больше.

Основные результаты

Представленное исследование было посвящено психологической медиации возрастных неравенств в здоровье и ее проявлениям в разных странах Европы. Результаты показывают, что психологические ресурсы — важный фактор поддержания здоровья, обладание ими способствует улучшению самочувствия. Это — общая закономерность, которая проявляется и в странах с относительно слабым социальным государством, и в Скандинавских странах с социально-демократическим режимом социальных гарантий. Психологические качества, помогающие поддерживать здоровье, позволяют отчасти объяснить возрастные различия самочувствия. Они играют роль медиатора между возрастной структурой и связанными с ней неравенствами в здоровье — с возрастом люди начинают утрачивать психологические качества, необходимые для преодоления жизненных тягот, и это усугубляет проблемы со здоровьем у пожилых людей, вызванные естественным старением организма. Хотя медиативные эффекты были небольшими, как и следовало ожидать, учитывая, что старение организма — прежде всего био-

логический процесс, они все же оказались существенными как со статистической точки зрения, так и с содержательной. Особенно заметными такие посреднические психологические эффекты были в странах со слабым социальным государством — при восточноевропейском режиме обеспечения социальных гарантий или невысоких расходах государства на здравоохранение. В этих странах представителям уязвимых слоев, включая людей в старших возрастах, труднее сохранить психологическую уверенность в собственных силах и возможности изменений жизни к лучшему, поскольку им во многом приходится рассчитывать только на самих себя. Социально-демократический режим, предоставляя широкие социальные гарантии и равный доступ к качественным медицинским услугам, создает благоприятные условия для сохранения людьми психологических свойств, создающих дополнительные барьеры для физиологического старения и утраты здоровья.

Анализ пяти личностных свойств (автономии и контроля, оптимизма, оценки своего «я», устойчивости и состоятельности) продемонстрировал, что некоторые из них важнее для объяснения возрастных неравенств в здоровье, чем другие. В восточноевропейских странах выделяются такие качества, как устойчивость к трудностям жизни, оптимизм и состоятельность, поскольку именно они наиболее заметно ухудшаются с годами жизни. При скандинавском режиме социальных гарантий посредническую роль играет только оптимизм. За этим различием в одних и других странах не прямых эффектов стоит все то же социальное государство: при слабом режиме у пожилых людей остается мало психологических сил, чтобы противостоять нарастающим трудностям и решать возникающие проблемы, а также надеяться на перемены в лучшую сторону. Сильный режим, обеспечивающий таким людям государственную поддержку, предохраняет их от неуверенности в себе, но в отношении представлений о будущем и возможности позитивных изменений ему удается это в меньшей степени.

При рассмотрении описанных зависимостей следует иметь в виду, что психологические ресурсы — только один из возможных медиаторов возрастных неравенств в здоровье, и посредниками могут выступать и другие социальные показатели. Среди них — социальный капитал взаимоотношений с другими людьми, который может утрачиваться с возрастом, оставаясь важным ресурсом поддержания здоровья. Кроме того, важное условие сокращения социо-психологических резервов связано, вероятно, с возрастными изменениями материального благополучия: в развитых странах к старшим возрастам закрепляется достигнутый уровень жизни и, если он оказывается низким, государство обеспечивает необходимую защиту для преодоления жизненных проблем, а в странах с невысоким уровнем развития и социальных гарантий низкие пенсии могут усугублять проблемы со здоровьем, снижая уровень жизни, ограничивая доступ к качественной медицине и порождая дополнительные стрессы. Адекватную оценку психологических медиативных эффектов можно будет получить при дальнейшем развитии теоретических представлений и методологии анализа, учитывающих сложные взаимодействия между возрастом, здоровьем, социо-психологическими резервами и депривационными воздействиями в странах, отличающихся не только режимами обеспечения социальных гарантий, но и культурой, подчеркивающей важность определенных социальных отношений и психологических характеристик.

Список литературы (References)

- Русинова Н. Л., В. В. Сафронов. Проблема социальных неравенств в здоровье: сравнительное исследование России в европейском контексте // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 1. С. 139—161. <http://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.562>.
- Rusinova N.L., Safronov V.V. The Issue of Social Inequality in Terms of Health: A Comparative Study of Russia within the European Context. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 127—147. <http://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.562>. (In Russ.)
- Andersson M. A. (2012) Dispositional Optimism and the Emergence of Social Network Diversity. *The Sociological Quarterly*. Vol. 53. No. 1. P. 92—115. <http://doi.org/10.1111/j.1533-8525.2011.01227.x>.
- Barlow M., Wrosch C., Heckhausen J., Schulz R. (2016) Control Strategies for Managing Physical Health Problems in Old Age: Evidence for the Motivational Theory of Life-Span Development. In Reich J. W., Infurna F. J. (eds.) *Perceived Control: Theory, Research, and Practice in the First 50 Years*. P. 281—307. New York, NY: Oxford University Press. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780190257040.003.0012>.
- Beutel M. E., Glaesmer H., Decker O., Fischbeck S., Brähler E. (2009) Life Satisfaction, Distress, and Resiliency across the Life Span of Women. *Menopause*. Vol. 16. No. 6. P. 1132—1138. <http://doi.org/10.1097/gme.0b013e3181a857f8>.
- Beutel M. E., Glaesmer H., Wiltink J., Marian H., Brähler E. (2010) Life Satisfaction, Anxiety, Depression and Resilience across the Life Span of Men. *The Aging Male*. Vol. 13. No. 1. P. 32—39. <http://doi.org/10.3109/13685530903296698>.
- Boehm J. K., Chen Y., Koga H., Mathur M. B., Vie L. L., Kubzansky L. D. (2018) Is Optimism Associated with Healthier Cardiovascular-Related Behavior? Meta-Analyses of 3 Health Behaviors. *Circulation Research*. Vol. 122. No. 8. P. 1119—1134. <http://doi.org/10.1161/CIRCRESAHA.117.310828>.
- Chen Y., Peng Y., Xu H., O'Brien W.H. (2018). Age Differences in Stress and Coping: Problem-Focused Strategies Mediate the Relationship Between Age and Positive Affect. *The International Journal of Aging and Human Development*. Vol. 86. No. 4. P. 347—363. <http://doi.org/10.1177/0091415017720890>.
- Chopik W.J., Oh J., Kim E.S., Schwaba T., Krämer M.D., Richter D., Smith J. (2020) Changes in Optimism and Pessimism in Response to Life Events: Evidence from Three Large Panel Studies. *Journal of Research in Personality*. Vol. 88. No. 103985. <http://doi.org/10.1016/j.jrp.2020.103985>.
- Clarke P., Smith J. (2011) Aging in a Cultural Context: Cross-National Differences in Disability and the Moderating Role of Personal Control among Older Adults in the United States and England. *The Journals of Gerontology. Series B*. Vol. 66. No. 4. P. 457—467. <http://doi.org/10.1093/geronb/gbr054>.
- Drewelies J., Huxhold O., Gerstorf D. (2019) The Role of Historical Change for Adult Development and Aging: Towards a Theoretical Framework about the How and the

Why. *Psychology of Aging*. Vol. 34. No. 8. P. 1021—1039. <http://doi.org/10.1037/pag0000423>.

Ehsan A., Klaas H. S., Bastiane A., Spini D. (2019) Social Capital and Health: A Systematic Review of Systematic Reviews. *SSM — Population Health*. Vol. 8. No. 100425. <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2019.100425>.

Elliot A. J., Turiano N. A., Infurna F. J., Lachman M. E., Chapman B. P. (2018) Lifetime Trauma, Perceived Control, and All-Cause Mortality: Results from the Midlife in the United States Study. *Health Psychology*. Vol. 37. No. 3. P. 262—270. <http://doi.org/10.1037/hea0000585>.

Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. London: Polity.

ESS Round 6 (2012) European Social Survey Round 6 Data. Data file edition 2.4. NSD — Norwegian Centre for Research Data, Norway — Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/data/download.html?r=6> (accessed: 10.12.2021).

Gallagher M. W., Bentley K. H., Barlow D. H. (2014) Perceived Control and Vulnerability to Anxiety Disorders: A Meta-Analytic Review. *Cognitive Therapy and Research*. Vol. 38. No. 6. P. 571—584. <http://doi.org/10.1007/s10608-014-9624-x>.

Gallo L.C, Matthews K. A. (2003) Understanding the Association between Socioeconomic Status and Physical Health: Do Negative Emotions Play a Role? *Psychological Bulletin*. Vol. 129. No. 1. P. 10—51. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.129.1.10>.

Ganzeboom H. B.G., Treiman D.J. (2010) International Stratification and Mobility File: Conversion Tools. URL: <http://www.harryganzeboom.nl/ismf/index.htm> (accessed: 10.03.2022).

Gerstorf D., Heckhausen J., Ram N., Infurna F. J., Schupp J., Wagner G. G. (2014) Perceived Personal Control Buffers Terminal Decline in Well-Being. *Psychology and Aging*. Vol. 29. No. 3. P. 612—625. <http://doi.org/10.1037/a0037227>.

Gu D., Feng Q. (2018) Psychological Resilience of Chinese Centenarians and Its Associations with Survival and Health: A Fuzzy Set Analysis. *The Journals of Gerontology, Series B*. Vol. 73. No. 5. P. 880—889. <http://doi.org/10.1093/geronb/gbw071>.

Hayes A. F. (2018) *Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis. A Regression-Based Approach*. Second Edition. New York, NY; London: The Guilford Press.

Heo S., Lennie T. A., Pressler S. J., Dunbar S. B., Chung M. L., Moser D. K. (2015) Factors Associated with Perceived Control and The Relationship to Quality of Life in Patients with Heart Failure. *European Journal of Cardiovascular Nursing*. Vol. 14. No. 2. P. 137—144. <http://doi.org/10.1177/1474515113519931>.

Huppert F., Marks N., Michaelson J., Vázquez C., Vittersø J. (2013) *European Social Survey Round 6 Module on Personal and Social Wellbeing — Final Module in Template*. London: Centre for Comparative Social Surveys, City University London. URL: <https://>

www.europeansocialsurvey.org/docs/round6/questionnaire/ESS6_final_personal_and_social_well_being_module_template.pdf (accessed: 10.03.2022).

Infurna F. J., Gerstorf D. (2014) Perceived Control Relates to Better Functional Health and Lower Cardio-Metabolic Risk: The Mediating Role of Physical Activity. *Health Psychology*. Vol. 33. No. 1. P. 85—94. <http://doi.org/10.1037/a0030208>.

International Labour Office (2012) International Standard Classification of Occupations: ISCO 08. Vol. I. Geneva: ILO. URL: <https://www.ilo.org/public/english/bureau/stat/isco/isco08/> (accessed: 10.03.2022).

Jeste D. V., Savla G. N., Thompson W. K., Vahia I. V., Glorioso D. K., Martin AS., Palmer B. W., Rock D., Golshan S., Kraemer H. C., Depp C. A. (2013) Association between Older Age and More Successful Aging: Critical Role of Resilience and Depression. *American Journal of Psychiatry*. Vol. 170. No. 2. P. 188—196. <http://doi.org/10.1176/appi.ajp.2012.12030386>.

Jiménez M. G., Montorio I., Izal M. (2017) The Association of Age, Sense of Control, Optimism, and Self-Esteem with Emotional Distress. *Developmental Psychology*. Vol. 53. No. 7. P. 1398—1403. <http://doi.org/10.1037/dev0000341>.

Kim E. S., Hagan K. A., Grodstein F., DeMeo D. L., De Vivo I., Kubzansky L. D. (2017) Optimism and Cause-Specific Mortality: A Prospective Cohort Study. *American Journal of Epidemiology*. Vol. 185. No. 1. P. 21—29. <http://doi.org/10.1093/aje/kww182>.

Kim E. S., Park N., Peterson C. (2011) Dispositional Optimism Protects Older Adults from Stroke: The Health and Retirement Study. *Stroke*. Vol. 42. No. 10. P. 2855—2859. <http://doi.org/10.1161/STROKEAHA.111.613448>.

Kim E. S., Smith J., Kubzansky L. D. (2014) Prospective Study of the Association between Dispositional Optimism and Incident Heart Failure. *Circulation: Heart Failure*. Vol. 7. No. 3. P. 394—400. <http://doi.org/10.1161/CIRCHEARTFAILURE.113.000644>.

Klabbers G., Bosma H., Kempen G. I., Benzeval M., Van den Akker M., van Eijk J. T. (2014) Do Psychosocial Profiles Predict Self-Rated Health, Morbidity and Mortality in Late Middle-Aged and Older People? *Journal of Behavioral Medicine*. Vol. 37. No. 3. P. 357—368. <http://doi.org/10.1007/s10865-013-9493-x>.

Lachman M. E., Neupert S. D., Agrigoroaei S. (2011) The Relevance of Control Beliefs for Health and Aging. In: Schaie K. W., Willis S. L. (eds.) *Handbook of the Psychology of Aging*. Elsevier Academic Press. P. 175—190. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-380882-0.00011-5>.

Lau S. Y. Z., Guerra R. O., Barbosa J. F. de S., Phillips S. P. (2018) Impact of Resilience on Health in Older Adults: A Cross-Sectional Analysis from the International Mobility in Aging Study (IMIAs). *BMJ Open*. Vol. 8. No. 11. e023779. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2018-023779>.

Lee L. O., James P., Zevon E. S., Kim E. S., Trudel-Fitzgerald C., Spiro A. 3rd, Grodstein F., Kubzansky LD. (2019) Optimism Is Associated with Exceptional Longevity in 2 Epidemiologic Cohorts of Men and Women. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 116. No. 12. P. 5845—5850. <https://doi.org/10.1073/pnas.1812111116>.

Sciences of the United States of America. Vol. 116. No. 37. P. 18357—18362. <https://doi.org/10.1073/pnas.1900712116>.

Lundgren O., Garvin P., Jonasson L., Andersson G., Kristenson M. (2015) Psychological Resources are Associated with Reduced Incidence of Coronary Heart Disease. An 8-Year Follow-Up of a Community-Based Swedish Sample. *International Journal of Behavioral Medicine*. Vol. 22. No. 1. P. 77—84. <https://doi.org/10.1007/s12529-014-9387-5>.

Matthews K. A., Gallo L. C. (2011) Psychological Perspectives on Pathways Linking Socioeconomic Status and Physical Health. *Annual Review of Psychology*. Vol. 62. P. 501—530. <http://org/doi/10.1146/annurev.psych.031809.130711>.

Mirowsky J., Ross C. E. (1998) Education, Personal Control, Lifestyle and Health. *Research on Aging*. Vol. 20. No. 4. P. 415—449. <http://doi.org/10.1177/0164027598204003>.

Nes L. S. (2016) Optimism, Pessimism, and Stress. In: Fink G. (Ed.) *Handbook of Stress: Vol. 1. Stress: Concepts, Cognition, Emotion, and Behavior*. San Diego: Elsevier Academic Press. P. 405—411. <http://org/doi/10.1016/B978-0-12-800951-2.00052-2>.

O'Donnell K., Brydon L., Wright C. E., Steptoe A. (2008) Self-Esteem Levels and Cardiovascular and Inflammatory Responses to Acute Stress. *Brain, Behavior, and Immunity*. Vol. 22. No. 8. P. 1241—1247. <https://doi.org/10.1016/j.bbi.2008.06.012>.

Ogihara Y. (2019) A Decline in Self-Esteem in Adults over 50 Is Not Found in Japan: Age Differences in Self-Esteem from Young Adulthood to Old Age. *BMC Research Notes*. Vol. 12. No. 1. No. 274. <http://doi.org/10.1186/s13104-019-4289-x>.

Ogihara Y., Kusumi T. (2020) The Developmental Trajectory of Self-Esteem across the Life Span in Japan: Age Differences in Scores on the Rosenberg Self-Esteem Scale From Adolescence to Old Age. *Frontiers in Public Health*. Vol. 8. No. 132. <http://doi.org/10.3389/fpubh.2020.00132>.

Orth U., Maes J., Schmitt M. (2015) Self-Esteem Development across the Life Span: A Longitudinal Study with a Large Sample from Germany. *Developmental Psychology*. Vol. 51. No. 2. P. 248—259. <http://doi.org/10.1037/a0038481>.

Orth U., Robins R. W. (2014) The Development of Self-Esteem. *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 23. No. 5. P. 381—387. <http://doi.org/10.1177/0963721414547414>.

Orth U., Robins R. W., Trzesniewski K. H., Maes J., Schmitt M. (2009) Low Self-Esteem is a Risk Factor for Depressive Symptoms from Young Adulthood to Old Age. *Journal of Abnormal Psychology*. Vol. 118. No. 3. P. 472—478. <http://doi.org/10.1037/a0015922>.

Oliveira A. L., Silva J. T., Lima M. P. (2016) Aging and Health: Self-Efficacy for Self-Direction in Health Scale. *Revista de Saúde Pública*. Vol. 50. No. 40. <http://doi.org/10.1590/S1518-8787.2016050006312>.

Phillips S. P., Auais M., Belanger E., Alvarado B., Zunzunegui M. V. (2016) Life-Course Social and Economic Circumstances, Gender, and Resilience in Older Adults: The

Longitudinal International Mobility in Aging Study (IMIAS). *SSM — Population Health*. Vol. 2. P. 708—717. <http://doi.org/10.1016/j.ssmph.2016.09.007>.

Rasmussen H. N., Scheier M. F., Greenhouse J. B. (2009) Optimism and Physical Health: A Meta-Analytic Review. *Annals of Behavioral Medicine*. Vol. 37. No. 3. P. 239—256. <https://doi.org/10.1007/s12160-009-9111-x>.

Robinson S. A., Lachman M. E. (2017) Perceived Control and Aging: A Mini-Review and Directions for Future Research. *Gerontology*. Vol. 63. No. 5. P. 435—442. <http://doi.org/10.1159/000468540>.

Rockwood N. J. (2017) Advancing the Formulation and Testing of Multilevel Mediation and Moderated Mediation Models (Unpublished master's thesis). Columbus, OH: The Ohio State University. URL: <https://static1.squarespace.com/static/58d3d231893fc0bdd12db130/t/5935660659cc687cc79948c0/1496671777254/Rockwood-Thesis.pdf> (accessed: 10.03.2022).

Scheier M. F., Carver C. S. (1985) Optimism, Coping, and Health: Assessment and Implications of Generalized Outcome Expectancies. *Health Psychology*. Vol. 4. No. 3. P. 219—247. <http://doi.org/10.1037/0278-6133.4.3.219>.

Scheier M. F., Carver C. S. (2018) Dispositional Optimism and Physical Health: A Long Look Back, a Quick Look Forward. *American Psychologist*. Vol. 73. No. 9. P. 1082—1094. <http://doi.org/10.1037/amp0000384>.

Scheier M. F., Swanson J. D., Barlow M. A., Greenhouse J. B., Wrosch C., Tindle H. A. (2020) Optimism versus Pessimism as Predictors of Physical Health: A Comprehensive Reanalysis of Dispositional Optimism Research. *American Psychologist*. Vol. 76. No. 3. P. 529—548. <http://doi.org/10.1037/amp0000666>.

Schiavon C. C., Marchetti E., Gurgel L. G., Busnello F. M., Reppold C. T. (2017) Optimism and Hope in Chronic Disease: A Systematic Review. *Frontiers in Psychology*. Vol. 7. No. 2022. <http://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.02022>.

Schönfeld P., Brailovskaia J., Margraf J. (2017) Positive and Negative Mental Health across the Lifespan: A Cross-Cultural Comparison. *International Journal of Clinical and Health Psychology*. Vol. 17. No. 3. P. 197—206. <https://doi.org/10.1016/j.ijchp.2017.06.003>.

Schwarzer R. (2014) *Self-efficacy: Thought Control of Action*. New York, NY: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315800820>.

Shen K., Zeng Y. (2010) The Association between Resilience and Survival among Chinese Elderly. *Demographic Research*. Vol. 23. No. 5. P. 105—116. <http://doi.org/10.4054/DemRes.2010.23.5>

Silverman A. M., Molton I. R., Alschuler K. N., Ehde D. M., Jensen M. P. (2015) Resilience Predicts Functional Outcomes in People Aging with Disability: A Longitudinal Investigation. *Archives of Physical Medicine and Rehabilitation*. Vol. 96. No. 7. P. 1262—1268. <http://doi.org/10.1016/j.apmr.2015.02.023>.

Slagsvold B., Sørensen A. (2013) Changes in Sense of Control in the Second Half of Life: Results From a 5-Year Panel Study. *The International Journal of Aging and Human Development*. Vol. 77. No. 4. P. 289—308. <http://doi.org/10.2190/AG.77.4.b>.

Stamatakis K. A., Lynch J., Everson S. A., Raghunathan T., Salonen J. T., Kaplan G. A. (2004) Self-Esteem and Mortality: Prospective Evidence from a Population-Based Study. *Annals of Epidemiology*. Vol. 14. No. 1. P. 58—65. [https://doi.org/10.1016/S1047-2797\(03\)00078-4](https://doi.org/10.1016/S1047-2797(03)00078-4).

Sweeny K., Krizan Z. (2013) Sobering Up: A Quantitative Review of Temporal Declines in Expectations. *Psychological Bulletin*. Vol. 139. No. 3. P. 702—724. <http://doi.org/10.1037/a0029951>.

Tan-Kristanto S., Kiropoulos L. A. (2015) Resilience, Self-Efficacy, Coping Styles and Depressive and Anxiety Symptoms in Those Newly Diagnosed with Multiple Sclerosis. *Psychology, Health & Medicine*. Vol. 20. No. 6. P. 635—645. <http://doi.org/10.1080/13548506.2014.999810>.

Taylor M. G., Carr D. (2021) Psychological Resilience and Health among Older Adults: A Comparison of Personal Resources. *The Journals of Gerontology: Series B*. Vol. 76. No. 6. P. 1241—1250. <http://doi.org/10.1093/geronb/gbaa116>.

van Kessel G. (2013) The Ability of Older People to Overcome Adversity: A Review of the Resilience Concept. *Geriatric Nursing*. Vol. 34. No. 2. P. 122—127. <http://doi.org/10.1016/j.gerinurse.2012.12.011>.

Wagnild G. M., Young H. M. (1993) Development and Psychometric Evaluation of the Resilience Scale. *Journal of Nursing Measurement*. Vol. 1. No. 2. P. 165—178.

WHO (2014) Global Health Expenditure Atlas. World Health Organization. URL: <https://apps.who.int/nha/database/Select/Indicators/en> (accessed: 29.08.2022).

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): июль — август 2022 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 298—311.

For citation:

Public Opinion Poll (VCIOM): July — August 2022. (2022) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 298–311.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: ИЮЛЬ — АВГУСТ 2022

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ-Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов в возрасте от 18 лет. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

ПОЛИТИКА

УСЫНОВЛЕНИЕ СИРОТ ИНОСТРАНЦАМИ: ЗА И ПРОТИВ299

ДЕНЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФЛАГА301

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

СОВМЕСТНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ: АРЕНДОВАТЬ ИЛИ ПОКУПАТЬ?303

ГРАЖДАНСКАЯ АВИАЦИЯ В РОССИИ: ПОЛЕТ НОРМАЛЬНЫЙ?306

ОБРАЗ ЖИЗНИ

«НЕТРАДИЦИОННЫЕ» ОТНОШЕНИЯ, ИХ ПРОПАГАНДА И ВЛИЯНИЕ
НА СЕКСУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ.....308

ФАСТФУД: ОТ ЭПОХИ МАКДОНАЛЬДСА — ВО ВРЕМЕНА «ВКУСНО И ТОЧКА»310

ЗАБОТА ПО-РУССКИ311

ПОЛИТИКА

УСЫНОВЛЕНИЕ СИРОТ ИНОСТРАНЦАМИ: ЗА И ПРОТИВ.....	299
ДЕНЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФЛАГА.....	301

УСЫНОВЛЕНИЕ СИРОТ ИНОСТРАНЦАМИ: ЗА И ПРОТИВ*9 августа 2022 г.*

Большее половины россиян поддерживают идею, что дети должны оставаться в России, даже если при этом им придется воспитываться в детских домах (60%). Противоположной точки зрения придерживаются 32% — по их мнению, детей можно отдавать на усыновление иностранным гражданам, так как это шанс обрести семью. Вопрос о международном усыновлении делит общество на три группы: молодежь 18—24 лет в 76% случаев выступает за международное устройство; россияне старше 45 лет преимущественно против (67%—81%), и есть группа 25—44 лет, где мнения разделяются примерно поровну. Еще один критерий дифференциации — уровень урбанизированности: жители Москвы и Санкт-Петербурга чаще говорят о необходимости международного усыновления (53% vs. 16% среди жителей села). В два раза чаще «за» выступают россияне с высшим образованием (40% vs. 21% в группе с неполным средним образованием).

Предполагаемый новый законопроект о запрете усыновления и передачи под опеку сирот из России гражданам недружественных стран также находит поддержку у населения — 63%, против высказываются 21%. Еще 11% отметили, что им безразличны подобные инициативы. Основной довод сторонников — «где родился, там и пригодился; дети должны оставаться в своей стране» (25%). Полагают, что детям в этих странах небезопасно находиться, еще 13%, почти столько же считают, что приоритет должен быть у российских усыновителей — 12%. По 7% сообщили, что их беспокоят однополые отношения, которые могут стать отрицательным примером для усыновленных детей, или что таких детей могут воспитать с чувством ненависти к России. Среди других вариантов звучали также: русофобные настроения, другой менталитет и культура (по 6%), сложность контроля за иностранными усыновителями, поддержка правительственных решений, недоверие иностранным усыновителям (по 5%). Мотивы тех, кто выступает против нового законопроекта, тоже отличаются содержательным разнообразием. Ключевой — дети лишаются возможности обрести семью, останутся в детском доме (30%). Еще 9% считают, что «дети важнее политики, их нельзя вмешивать в политику». По 8% указали, что так у детей есть шанс на лучшую жизнь и что не должно быть недружественных стран.

Рис. 1. Есть разные точки зрения на усыновление детей из России иностранными гражданами. Одни считают, что детей можно отдавать на усыновление иностранным гражданам, так как для детей это шанс обрести семью. Другие считают, что дети должны оставаться в России, даже если они останутся в детских домах. Какая точка зрения ближе Вам? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

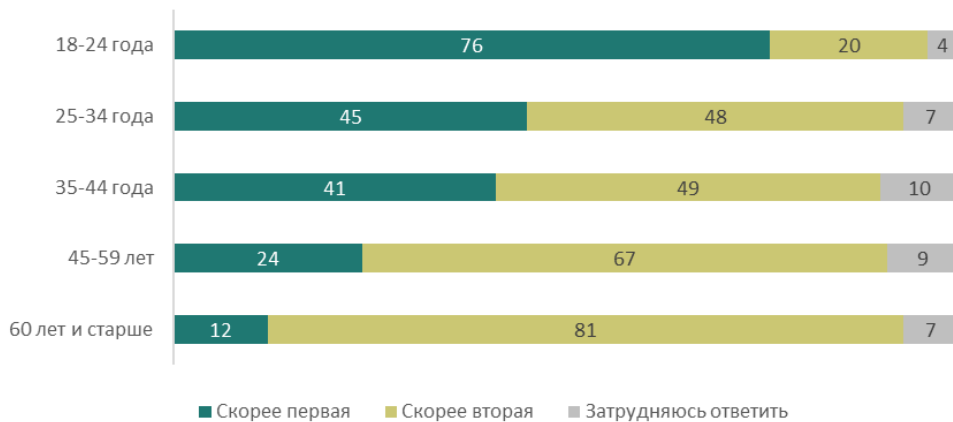

Рис. 2. Госдума сейчас рассматривает законопроект, который запрещает усыновление и передачу под опеку сирот из России гражданам недружественных стран. Всего таких стран около пятидесяти. Скажите, Вы скорее положительно, отрицательно или безразлично относитесь к такому запрету? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

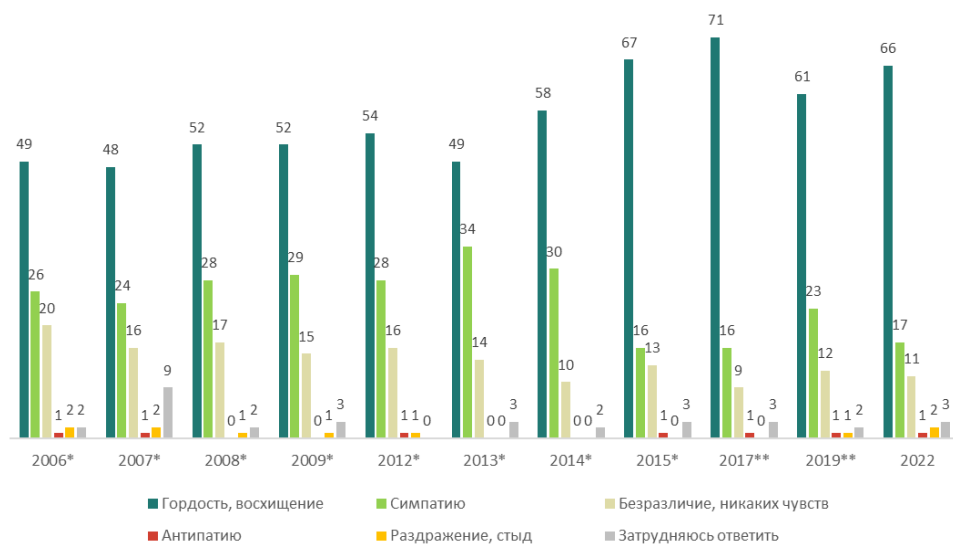

ДЕНЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФЛАГА

22 августа 2022 г.

Флаг — один из важных символов государства, который отражает историю страны и объединяет граждан. Большинство россиян испытывают восхищение и гордость при виде государственного флага (66%), это на 5 п. п. выше, чем в 2019 г. Еще 17% сообщили, что российский флаг вызывает у них симпатию. За весь период измерений с 2006 г. до 2017 г. этот показатель демонстрировал рост (минимум отмечен в 2007 г. — 48%, максимум в 2017 г. — 71%). Как и флаг, государственный герб и гимн России вызывают у наших соотечественников преимущественно гордость и восхищение (60% и 70% соответственно). С 2006 г. произошел постепенный переход от симпатии и безразличия в отношении государственных символов к укреплению чувства гордости и восхищения. В сравнении с 2006 г. доля россиян, безразличных к государственному гербу и гимну, сократилась в 1,5—2 раза. Отрицательные эмоции в отношении государственной символики сегодня возникают лишь у 3% россиян.

Рис. 3. **Какие чувства Вы испытываете, когда видите государственную символику России? Государственный флаг (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)¹**

Гордость и восхищение в отношении государственных символов чаще испытывают россияне старше 35 лет: гимн (72%—75%), флаг (66%—72%), герб (62%—63%). Молодые россияне 18—34 лет чаще говорили о безразличии: гимн (14%—16%), флаг (15%—20%), герб (20%—23%). Женщинам также в большей степени свой-

¹ * В 2006—2016 гг. опросы проводились методом поквартирных face-to-face интервью (проект «Экспресс»), выборка стратифицированная многоступенчатая с квотами по социально-демографическим параметрам, репрезентирует население РФ 18 лет и старше по типу населенного пункта, полу, возрасту, образованию и федеральному округу. Объем выборки составляет 1 600 респондентов.

** В 2017 и 2019 гг. — телефонный опрос «ВЦИОМ—Спутник», выборка 2017 г. — 600 чел., выборка 2019 г. — 1 600 чел.

ственны высокие патриотические чувства в сравнении с мужчинами: гимн (77 % vs. 63%), флаг (71% vs. 59%), герб (64% vs. 55%). Значительное влияние на формирование чувств к государственной символике оказывает уровень урбанизации. Чем меньше численность населенного пункта, тем чаще люди говорят о гордости и восхищении: гимн (78% сельчан vs. 51% у жителей обеих столиц), флаг (78% vs. 47%), герб (70% vs. 39%). Жители Москвы и Санкт-Петербурга заметно чаще говорят о равнодушии к перечисленным государственным символам: гимн (19%), флаг (22%), герб (22%). Наиболее часто гордость и восхищение в отношении государственных символов возникают у женщин старшего возраста, проживающих на селе. А реже других подобные чувства испытывают молодые люди, проживающие в Москве и Санкт-Петербурге.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

СОВМЕСТНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ: АРЕНДОВАТЬ ИЛИ ПОКУПАТЬ?303

ГРАЖДАНСКАЯ АВИАЦИЯ В РОССИИ: ПОЛЕТ НОРМАЛЬНЫЙ?306

СОВМЕСТНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ: АРЕНДОВАТЬ ИЛИ ПОКУПАТЬ?

8 июля 2022 г.

Более половины россиян в той или иной степени знакомы с возможностью совместного потребления различных товаров и услуг (56 %). Хорошо осведомлен об этой практике каждый седьмой (15 %), слышали о совместном потреблении без подробностей 41 %, примерно столько же ничего о нем не знают (43 %). Осведомленность о шеринг-экономике обусловлена возрастом (среди 18—34-летних наслышаны о подобных практиках 69 %—70 %), высшим образованием (61 %), урбанизированностью (в Москве и Санкт-Петербурге о совместном использовании знают 65 %) и медиапотреблением. В силу того, что коллективный доступ к продукту предоставляется через онлайн-сервисы, общая информированность о шеринге выше у активных пользователей интернета (66 % vs. 32 % среди активных телезрителей). Опыт совместного потребления есть у 26 % россиян, знакомых с данной услугой (или 14 % от всех россиян). Типичный пользователь шеринг-экономики сегодня — молодой человек 25—34 лет (43 %), чаще мужчина (30 %), имеющий высшее образование (33 %), с хорошим материальным положением (34 %), проживающий в одной из столиц или городе-миллионнике (48 %—39 %), активно пользующийся интернетом (36 %). Среди хорошо осведомленных о совместной экономике реальный опыт совместного потребления имеют 55 %.

Наиболее востребован среди наших сограждан прокат автомобилей (каршеринг) — у 40 % от числа практикующих совместную экономику, но в пересчете от общего числа опрошенных это всего 6 %. То есть рынок каршеринга в России имеет большой потенциал к дальнейшему росту, как и рынки совместного пользования другими товарами и услугами в целом. Вторую и третью строчки также занимает транспорт — самокаты, или кикшеринг (22 % от числа практикующих совместное потребление и 3 % от населения), и велосипеды, или велошеринг (12 % от целевой аудитории и 2 % от числа россиян). Бытовой прокат время не распространен — строительные инструменты арендовали 8 % практикующих совместное использование, спортивный инвентарь и одежду — 4 %, бытовую технику — 3 %. Почти не пользуется спросом и шеринг недвижимости (3 %). От общего числа наших сограждан это всего 1 % и меньше. Три четверти россиян никогда не практиковали совместное потребление (74 %), среди представителей старшего поколения и тех, кто пользуется интернетом эпизодически, таких большинство (92 % и 95 % соответственно).

Абсолютное большинство россиян, имеющих опыт совместного потребления, отзываются о нем положительно (90 %). Основные преимущества данной услуги, по мнению россиян, — экономия денежных средств (45 %) и удобство (40 %). Далее следуют доступность и возможность разового использования (15 % и 13 % соответственно). Коллективное пользование также позволяет избежать издержек,

связанных с приобретением новой вещи: нет нужды в самой покупке (8%), обслуживании (6%) и хранении (6%). Лишь 4% россиян высказываются о совместном потреблении отрицательно (в группе практиковавших его), 6% — безразлично. Критики концепции отмечают такие ее недостатки, как низкое качество предоставляемой услуги или плохое техническое состояние товара, высокая стоимость, а также необходимость договариваться с другими пользователями.

Рис. 1. Скажите, пожалуйста, Вы когда-либо практиковали или нет совместное использование товаров и услуг, прокат вещей?
(закрытый вопрос, один ответ, % от осведомленных о шеринг-экономике)

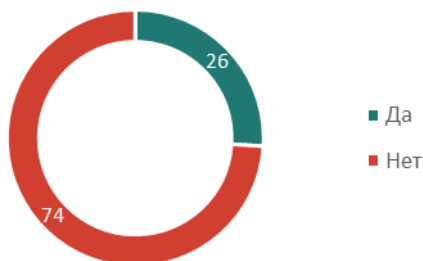
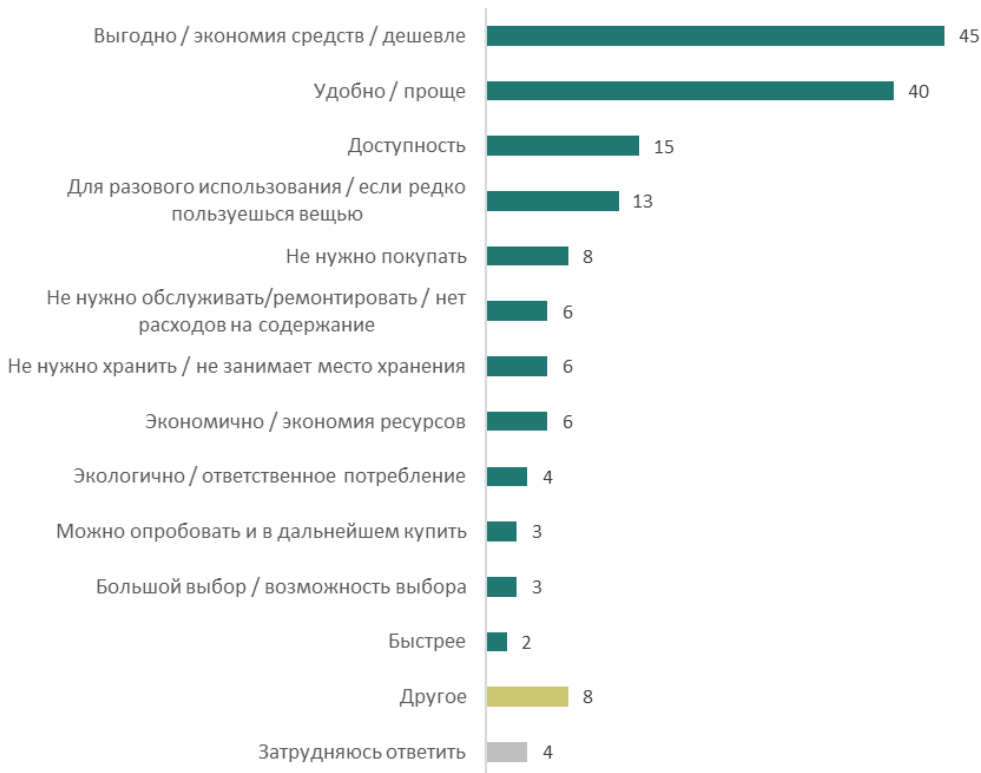

Рис. 2. Как Вы оцениваете опыт совместного использования товаров и услуг, проката и аренды вещей — скорее положительно или скорее отрицательно?
(закрытый вопрос, один ответ, % от тех, кто практиковал совместное использование товаров и услуг)

Рис. 3. А в чем именно Вы видите плюсы совместного использования товаров и услуг, проката и аренды вещей? Вы можете назвать до трех вариантов (открытый вопрос, до 3-х ответов, % от числа имеющих положительный опыт совместного потребления)

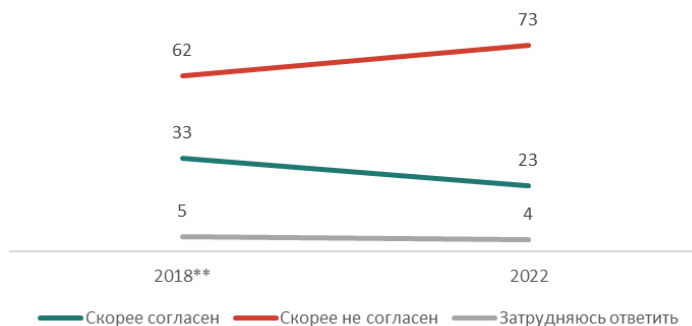

ГРАЖДАНСКАЯ АВИАЦИЯ В РОССИИ: ПОЛЕТ НОРМАЛЬНЫЙ?

2 августа 2022 г.

Пандемия, рост геополитической напряженности и приостановка авиасообщения с рядом стран не отразились на популярности воздушного транспорта в России. Сегодня, как и в 2018 г., около четверти россиян ответили, что за последние несколько лет совершали перелеты (28%, 2018 г. — 29%). За восемь лет этот показатель вырос в 1,5 раза (2014 г. — 19%), преимущественно за счет тех, кто совершал перелеты эпизодически (2—3 раза) и многократно (6 и более). Заядлых авиапассажиров в России не более 8% — за последние несколько лет они совершили от четырех перелетов. Каждый десятый за это время успел полетать один или два-три раза (9% и 11% соответственно). Типичный российский авиапассажир — мужчина (32%), молодой человек 18—34 лет (37%), с высшим образованием (43%) и хорошим материальным положением (39%), проживающий в одной из столиц или городе-миллионнике (52% и 41% соответственно). Российские авиапассажиры стали больше ценить комфорт (24%, + 6 п. п. с 2018 г.) и доступную стоимость поездки (21%, +5 п. п. с 2018 г.), хотя главным преимуществом остается высокая скорость авиаперевозок (85%, 2018 г. — 78%). Рабочие перелеты за последние два-три года чаще совершали мужчины (31% vs. 5% среди женщин) и граждане среднего возраста (22%—23% среди 35—59-летних), отпускные — женщины и представители старшего поколения (89% и 83% соответственно). Не приходилось пользоваться услугами авиакомпаний в последние два-три года 71% россиян, среди представителей старшего поколения (60+) и граждан со средним специальным образованием и ниже таких большинство (83% и 82%—94% соответственно). Россияне, не совершавшие перелеты, в первую очередь аргументируют это отсутствием необходимости в поездке (63%). Для четверти опрошенных главным препятствием является высокая стоимость авиабилетов (25%), 13% предпочитают другие виды транспорта. Реже россияне называли такие причины, как страх перелетов (8%), отсутствие аэропорта поблизости (6%) и медицинские противопоказания (4%).

Рис. 4. Вы скорее согласны или не согласны с суждением «Я боюсь летать на самолетах»? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)²

² ** Опросы проводились методом телефонных интервью (проект «Спутник») по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров, сформированной на базе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Объем выборки в 2018 г. составляет 1 000 респондентов. Объем выборки в 2021 г. составляет 1 600 респондентов.

Рис. 5. Почему **Вы пользуетесь самолетом? Назовите 2—3 основные причины (закрытый вопрос, не более 3-х ответов, % от тех, кто летал в последние 2—3 года)**³

³ ** Опросы проводились методом телефонных интервью (проект «Спутник») по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров, сформированной на базе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Объем выборки в 2018 г. составляет 1 000 респондентов. Объем выборки в 2021 г. составляет 1 600 респондентов.

ОБРАЗ ЖИЗНИ

«НЕТРАДИЦИОННЫЕ» ОТНОШЕНИЯ, ИХ ПРОПАГАНДА И ВЛИЯНИЕ НА СЕКСУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ.....	308
ФАСТФУД: ОТ ЭПОХИ МАКДОНАЛЬДСА — ВО ВРЕМЕНА «ВКУСНО И ТОЧКА»	310
ЗАБОТА ПО-РУССКИ	311

**«НЕТРАДИЦИОННЫЕ» ОТНОШЕНИЯ, ИХ ПРОПАГАНДА И ВЛИЯНИЕ
НА СЕКСУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ**

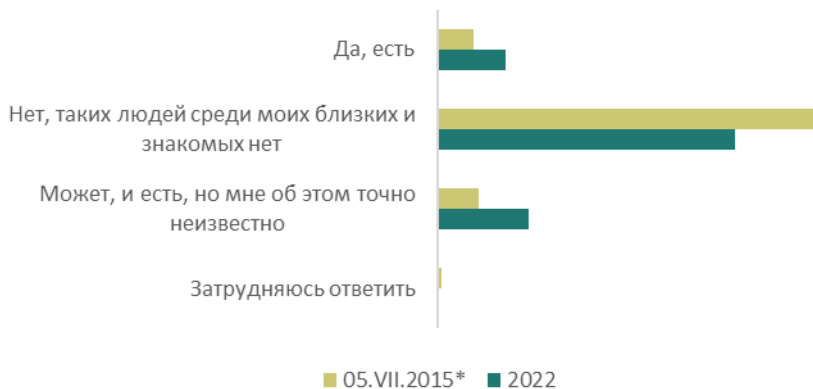
6 августа 2022 г.

Каждый второй россиянин считает сексуальную ориентацию биологически обусловленным паттерном — 51 % утверждают, что она дана человеку от природы. Эта точка зрения наиболее близка женщинам (54 % vs. 48 % среди мужчин), гражданам со средним специальным образованием и выше (52 %—53 %), а также активным потребителям телевидения и интернета (58 %). Мнение, что влечение к противоположному или своему полу изменчиво и формируется в течение жизни, находит среди россиян заметно меньше поддержки. С ним соглашаются в 3,4 раза реже (15 % vs. 51 %). Наконец, для четверти опрошенных сексуальная ориентация — это комбинация биологических и иных факторов, в связи с чем она формируется в течение жизни лишь отчасти (26 %). Такое убеждение доминирует среди граждан, имеющих в своем окружении людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией (41 %). Более половины россиян полагают, что сексуальную ориентацию взрослого человека невозможно изменить внешними усилиями (56 %), однозначно в этом убеждены треть наших сограждан (31 %). Мнение, что сексуальная ориентация — нечто постоянное и устойчивое, чаще поддерживают молодежь 18—24 лет (68 %), жители обеих столиц и городов-миллионников (62 %), а также активные потребители интернета (63 %). Сторонников альтернативной позиции среди россиян почти вдвое меньше: 30 % допускают изменение сексуальной ориентации взрослого человека внешними усилиями, а среди жителей Северо-Кавказского федерального округа так думает каждый второй (47 %). В сравнении с опросом десятилетней давности сегодня россияне чаще заявляют, что сталкивались с пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений. Доля тех, кто встречал их популяризацию на просторах интернета, в СМИ и кинематографе, выросла с 2012 г. в два раза (13 %, 2012 г. — 6 %). Чаще других это замечают мужчины (17 %), молодежь 18—24 лет (19 %), жители обеих столиц (18 %). Не сталкивались с подобным 86 % опрошенных (2012 г. — 92 %).

Рис. 1. Как, по-Вашему, сексуальная ориентация дана человеку от природы — или формируется постепенно в течение жизни и может меняться? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рис. 2. Скажите, есть ли среди Ваших знакомых люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией или таких нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)⁴

⁴ * В 2015 г. опрос проводился методом поквартирных face-to-face интервью (проект «Экспресс»), выборка стратифицированная многоступенчатая с квотами по социально-демографическим параметрам, репрезентирует население РФ 18 лет и старше по типу населенного пункта, полу, возрасту, образованию и федеральному округу. Объем выборки составляет 1 600 респондентов.

ФАСТФУД: ОТ ЭПОХИ МАКДОНАЛЬДСА — ВО ВРЕМЕНА «ВКУСНО И ТОЧКА»

17 июля 2022 г.

Если в 2010 г. регулярно посещали заведения быстрого питания 19% россиян, то в наши дни — в два раза больше, 38%. Основная целевая аудитория фастфуда — молодежь 18—34 лет (66%—71% vs. 9% в группе старше 60 лет), жители обеих столиц и городов-миллионников (57%—46%), а также проживающие в Центральном и Северо-Западном федеральных округах (44%—47%). Хорошее материальное положение и высшее образование также влияют на частоту посещения подобных заведений (43% и 46%). Никогда не бывали в заведениях быстрого питания 78% россиян старше 60 лет и 62% жителей сельской местности. Слово «фастфуд» полностью оправдывает себя: каждый второй посетитель заведений быстрого питания имеет цель сэкономить время, перекусить быстро (45%). На втором месте — вкус подаваемых блюд (13%). Каждый десятый выбирает фастфуд в дороге или когда находится далеко от дома (11%); почти столько же отметили, что ходят туда из-за детей (9%). Те же, кто не заходит в точки быстрого питания, аргументируют это прежде всего стремлением придерживаться правильного рациона: по их мнению, фастфуд вреден (26%). Отдает предпочтение домашней еде каждый пятый в этой группе (21%), готовят дома сами еще 13%. Об отсутствии в населенном пункте точек быстрого питания сказали 12%, то есть отказ от посещения фастфуда чаще связан не с объективными факторами, а с личным осознанным выбором. Разница между сторонниками и противниками фастфуда в рефлексии по поводу его вредности. У посетителей фастфуда фактор вредности еды стирается из-за более весомых аргументов — экономии времени и вкуса.

Рис. 3. Бывает ли, что Вы питаетесь в заведениях быстрого питания, так называемых фастфудах, где можно быстро поесть буквально за 10—15 минут, или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

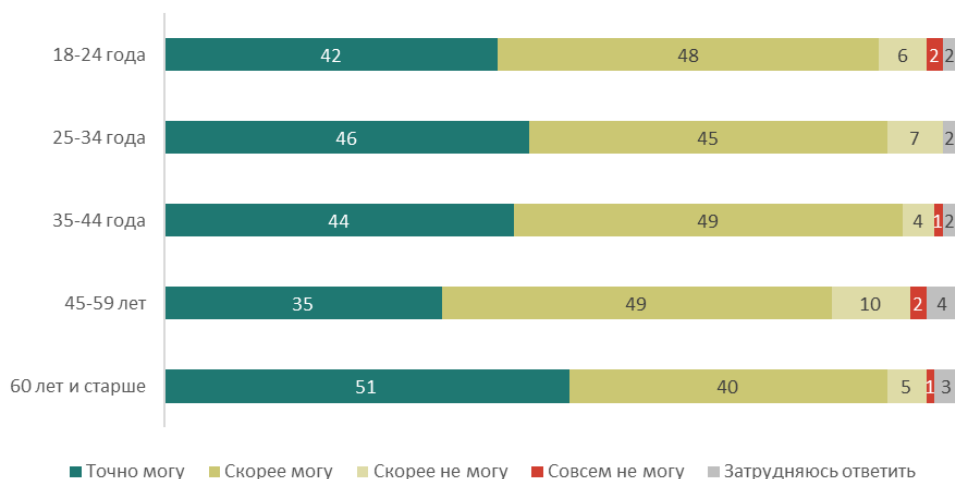

ЗАБОТА ПО-РУССКИ

15 июля 2022 г.

Большинство россиян считают себя заботливыми людьми (89%), среди женщин и представителей старшего поколения в этом однозначно уверен каждый второй (48% и 51% соответственно). Восприятие собственной заботливости подкрепляется поступками: назвать себя таковыми чаще могут те, кто в последнее время заботился о своих детях (93%), бабушках/дедушках (96%), друзьях (98%). Не считают себя заботливыми 7% опрошенных. Приходилось заботиться о ком-нибудь за последние 2—3 месяца 72% наших соотечественников. В первую очередь респонденты дарят заботу своим детям и чувствуют ее со стороны подрастающего поколения (35% и 28% соответственно). Каждый пятый заботится о матери / об отце и ощущает на себе родительскую заботу (22% и 20% соответственно). Заботятся о своих супругах еще 16%, 27% принимают от избранника заботу в ответ. Чем больше заботы к близким, тем выше от них отдача. У тех, кто проявляет внимание к своим детям, родителям и супругам, забота чаще носит взаимный характер (38%, 38%, 55% соответственно). Материальная помощь — наиболее распространенный способ проявления заботы среди россиян (26% среди тех, кому приходилось заботиться о ком-либо). В первую очередь ее оказывают граждане с высшим образованием (29%), хорошим материальным положением (33%) и жители обеих столиц (32%). Выбор в пользу «осязаемой заботы» может объясняться нехваткой времени, сил и других ресурсов для проявления внимания другими способами. На втором месте выполнение просьб, помощь по любым вопросам (20%). Каждый десятый заботился о других путем решения бытовых проблем (11%), совершения необходимых покупок (9%). Столько же заботятся о здоровье — своем и своего окружения (11%). Еще один способ проявления заботы — знаки внимания: россияне выслушивают (11%), навещают (9%), беседуют (6%) с родными и близкими.

Рис. 4. **А если говорить в целом, Вы можете назвать себя заботливым человеком или нет?**
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

DOI: [10.14515/monitoring.2022.4.2193](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2193)

А. Ю. Чепуренко, М. Д. Бершадская

КАК ОБЕСПЕЧИТЬ СТЫКОВКУ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И РЫНКА ТРУДА: КЕЙС РАЗРАБОТКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА СОЦИОЛОГА

Правильная ссылка на статью:

Чепуренко А. Ю., Бершадская М. Д. Как обеспечить стыковку социологического образования и рынка труда: кейс разработки профессионального стандарта социолога // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 312—331. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2193>.

For citation:

Chepurenko A. Yu., Bershadsкая M. D. (2022) Sociological Education and the Labor Market: The Professional Standard of a Sociologist as the Basis for Updating Higher Sociological Education Programs. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 312–331. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2193>. (In Russ.)

КАК ОБЕСПЕЧИТЬ СТЫКОВКУ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И РЫНКА ТРУДА: КЕЙС РАЗРАБОТКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА СОЦИОЛОГА

ЧЕПУРЕНКО Александр Юльевич — доктор экономических наук, профессор департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: achepurenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1691-8556>

БЕРШАДСКАЯ Маргарита Давыдовна — кандидат технических наук, старший научный сотрудник, руководитель Центра развития социологического образования факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: mbershadskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2095-3277>

Аннотация. В статье на примере разработки профессионального стандарта «Социолог: специалист по проведению фундаментальных и прикладных социологических исследований» продемонстрировано, с какими проблемами и вызовами столкнулись профессиональные сообщества исследователей рынка и представители социологического образования при подготовке проекта профессионального стандарта социолога и почему именно такой бюрократический документ, как профстандарт, может стать искомой формой стыковки между требованиями рынка труда к профессии социолога и образовательными результатами социологических программ вузов. Авторы описывают конкретный кейс самоорганизации индустрии исследований

SOCIOLOGICAL EDUCATION AND THE LABOR MARKET: THE PROFESSIONAL STANDARD OF A SOCIOLOGIST AS THE BASIS FOR UPDATING HIGHER SOCIOLOGICAL EDUCATION PROGRAMS

Alexander Yu. CHEPURENKO¹ — Dr. Sci. (Econ.), Professor at the Faculty of Social Sciences, School of Sociology
E-MAIL: achepurenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1691-8556>

Margarita D. BERSHADSKAYA¹ — Cand. Sci. (Tech.), Senior Research Fellow, Head of the Centre for the Development of Sociological Education at the Faculty of Social Sciences
E-MAIL: mbershadskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2095-3277>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. On the example of the development of the professional standard “Sociologist: a specialist in fundamental and applied sociological research”, the article explains how the professional standard could help realize the link between the requirements of the labor market and the requirements of higher education to the competencies of graduates of sociological educational programs of universities. First, the article reveals the directions of modernizing the higher sociological education programs toward more careful consideration of the demands of the labor market in the sphere of education. Second, it describes a specific case of self-organization of representatives of the market research industry and the university community to create a professional standard. Third, it shows the joint activities’ principles and

рынка и вузовского сообщества для создания профессионального стандарта; показывают принципы и характеризуют практику деятельности совместной группы представителей индустрии и вузов, разработавшей профессиональный стандарт социолога, а также ключевые решенные ею задачи. Работа раскрывает направления актуализации программ высшего социологического образования для более полного учета сферой образования запросов рынка труда. В заключении сформулированы ближайшие задачи профессионального сообщества и вузов по разработке методики оценки достижения компетенций, заявленных в образовательной программе, исходя из карты компетенций профстандарта.

Ключевые слова: высшее образование, социология, образовательные программы, рынок труда, профессиональный стандарт, компетенции, трудовые функции, Россия

Благодарность. Авторы выражают признательность А. В. Великановой-Серовой, ответственному секретарю Рабочей группы по развитию профессионального образования и обучения в национальной системе квалификаций НПФК при Президенте Российской Федерации, за ценные советы при подготовке статьи.

Введение

С начала 2000-х годов приближение системы высшего образования к потребностям практики и связанный с ним переход от знаниевой модели образования к компетентностной остаются трудно решаемыми проблемами, и в том числе для социологического образования. Понятие «компетенции» прочно вошло в вузовскую лексику, но ассоциируется по большей части с бумажной волокитой, а также с методическими ухищрениями, непонятными большинству преподавателей.

Между тем речь идет о необходимости в процессе образования не просто дать студентам некоторый объем знаний, а сформировать у них навыки их применения

practices to develop a sociologist's professional standard and the main tasks solved. Based on the professional standard requirements, the authors develop recommendations for adjusting the main professional educational programs for bachelors and masters. In conclusion, based on the competence map of the professional standard, the article outlines the next task of the professional community in developing a methodology for assessing indicators of achieving competencies stated in the educational program.

Keywords: higher education, Sociology, educational programs, labor market, professional standard, competences, labor functions, Russia

Acknowledgments. The authors are grateful to A. V. Velikanova-Serova, Executive Secretary of the Working Group on the Development of Vocational Education and Training in the National System of Qualifications of the NPFC under the President of the Russian Federation, for valuable advice in preparing the article.

для решения практических задач, с которыми придется столкнуться в профессии. Эти практические задачи, однако, формируются за пределами вуза — в ежедневной деятельности организаций, применяющих труд выпускников. Следовательно, образовательные программы должны выстраиваться исходя из требований работодателей. Эти требования, сформулированные как набор трудовых функций, в массовых профессиях все чаще кодифицируются в виде профессиональных стандартов.

Массовой профессии «социолог», строго говоря, не существует — если не иметь в виду довольно узкую группу ученых, занимающихся анализом происходящих в обществе процессов. За пределами этой академической профессиональной группы, однако, существует разветвленный рынок труда, предъявляющий спрос на навыки в области эмпирических исследований экономических, социальных, культурных, политических процессов и явлений. Чаще всего это исследования рынка и общественного мнения — обязательная часть разработки и реализации государственными и частными компаниями, избирательными штабами и т. д. маркетинговых стратегий, политических кампаний, социальной политики.

Цель данной статьи — показать, как и зачем разрабатывался профессиональный стандарт социолога, а также описать, какую рамку он может создать для более эффективных взаимосвязей между образовательным и профессиональным социологическим сообществами.

Актуализация образовательных программ высшего образования в 2010—2020-е годы: нерешенные проблемы и возможные подходы

Цели и задачи повышения практической отдачи от высшего образования путем актуализации образовательных программ были поставлены перед вузами в «Методических рекомендациях по актуализации действующих федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования с учетом принимаемых профессиональных стандартов» в 2015 г. и получили дальнейшее развитие в 2021 г. (Приказ Минобрнауки России № 1456 от 26 ноября 2020 г. «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования»). Главная цель — соотнесение требований к компетенциям выпускника образовательной программы с требованиями рынка труда.

Эта цель не нова. Недостаточное взаимодействие сферы образования и рынка труда — одна из самых давних проблем профессионального образования вообще и социологического образования в частности.

В качестве положительного опыта усиления взаимодействия высшей школы с рынком труда можно отметить создание во многих вузах условий для более тесной интеграции с потенциальными нанимателями выпускников — проектная работа, базовые кафедры ведущих работодателей, студенческие фабрики проектов, «проектные песочницы» и т. д. Специализированные вузы стремятся позиционировать себя как уникальные центры компетенций в конкретных областях, ориентированные на максимальную интеграцию с практикой.

Но, к сожалению, в целом задачи актуализации образовательных программ высшего образования не были в должной мере подкреплены со стороны государственных ведомств — не обеспечены методически и дидактически, включая

быструю разработку и принятие ФГОС с так или иначе встроенными в них примерными образовательными программами, работу по разъяснению преподавательской общественности сути инструментов оценки качества на выходе — компетенций и индикаторов их достижения. Они воспринимались в основном как призывы ко «всему хорошему»; в результате — фиксируемый социологическими исследованиями низкий уровень доверия к политике в сфере высшего образования со стороны преподавательского сообщества [Зборовский, Амбарова, 2018]. И одна из главных причин неудовлетворенности процессами реформирования высшей школы — бюрократизация образовательных отношений [Курбатова, 2016; Вольчик и др., 2016]. Между тем с учетом возрастающего присутствия государства не только в сфере образования, но и на рынке труда, грамотно реализуемая стыковка ФГОС и профессиональных стандартов обеспечивает решение важнейшей задачи — устранения рассогласования между быстро меняющимися запросами работодателей на квалификации работников и имеющимися инерционным характер процессами в высшем образовании [Пилипенко и др., 2016; Артамонова, 2019].

Ниже мы описываем конкретный кейс такого сотрудничества в области разработки профессионального стандарта социолога, которое продолжалось более пяти лет и первым результатом которого стало принятие в конце 2021 г. профессионального стандарта «Социолог: специалист по проведению фундаментальных и прикладных социологических исследований».

Проблемная ситуация и формирование коалиции по ее решению

Разработка профстандарта потребовала решения многих «идеологических», методических и организационных проблем. Во-первых, само профессиональное сообщество, то есть индустрия исследований общественного мнения и рынков, сравнительно молодое. В нем есть разные тенденции — центристремительные (понимание необходимости выработки общих рамок профессии, подходов к оценке квалификации работников индустрии, обучения/повышения квалификации сотрудников) и центробежные (стремление и готовность жить наособицу, непонимание или игнорирование общих для отрасли проблем и потребностей). Во-вторых, имелась определенная инерция в вузовском социологическом сообществе, рассматривавшем как «истинное» профессиональное поле для своих выпускников только академическую науку и преподавательскую деятельность и недооценивавшим важность новых профессий, в которые уходят по получении социологического образования выпускники вузов. Эти предубеждения, сомнения, отчуждение нужно было преодолеть в ходе совместной проектной работы, причем учитывая в ее ходе потребности и интересы обеих сторон. Отчасти эта задача облегчалась тем обстоятельством, что многие ведущие социологи (особенно в регионах) совмещают две ипостаси: будучи преподавателями вузов, они одновременно выступают и учредителями, владельцами, экспертами действующих там исследовательских компаний.

В-третьих, в одном рамочном профессиональном стандарте следовало совместить требования к квалификации работников, обладающих базовыми социологическими компетенциями, но работающих в широком и постоянно меняющемся поле профессий — от вузовского преподавателя до дата-аналитика крупной компа-

нии. Такого рода задач не возникает, например, у разработчиков профстандартов в медицине, металлургии или автомобилестроении.

В-четвертых, совместная работа представителей высшей школы и крупных объединений работодателей вывела на проблемные зоны взаимодействия сферы образования и рынка труда в области социологии (отсутствие согласованной и устоявшейся терминологии, недостаточность нормативной базы, отсутствие единого понимания «структуры и содержания»).

В-пятых, поскольку было ясно, что процесс разработки будет длительным (хотя в начале никто не подозревал, что все затянется на пять долгих лет), нужно было создать организационную рамку для работы, сочетающую в себе нулевой барьер входа — открытость для всех компетентных и желающих поучаствовать экспертов — и определенные формы координации деятельности ключевых участников процесса. В результате сложился неформальный консорциум в составе двух ведущих ассоциаций, представляющих, с одной стороны, интересы региональных исследовательских компаний, с другой — ведущих компаний индустрии, а также нескольких вузов, которые в силу разных причин считали участие в разработке профстандарта важной задачей. В этом контуре вырабатывались принципиальные предложения, дизайн будущего стандарта, формулировались и наполнялись основные разделы документа, проходило взаимодействие с общественными и государственными структурами и т. п. Непосредственно работа осуществлялась рабочей группой¹ по созданию профстандарта в составе представителей Ассоциации региональных социологических центров «Группа 7/89» (инициатора и руководителя разработки), Фонда содействия изучению общественного мнения «ВЦИОМ», Отдела мониторинга и проведения исследований Главного управления территориальной политики Московской области, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Российского государственного гуманитарного университета, Финансового университета при Правительстве РФ. Деятельность РГ координировал Фонд ВЦИОМ как один из ключевых центров индустрии, к тому же обладающий определенными лоббистскими возможностями.

С самого начала реализовывался принцип полной открытости и максимально широкого вовлечения в процесс разработки профстандарта представителей индустрии и вузовского сообщества. Во-первых, на разных этапах привлекались ведущие, обладающие авторитетом в вузовском сообществе и в индустрии эксперты². Во-вторых, рабочая группа использовала публичные площадки — такие, как Грушинская конференция и др., — чтобы ежегодно отчитываться о прогрессе и через обсуждение формировать консолидированное отношение индустрии и вузовского сообщества к этой работе. Так удалось пройти путь от непонимания, зачем это нужно, до ситуации, когда на конференциях и семинарах слушатели

¹ Персональный состав рабочей группы: Абрамов К. В., Артамонова М. В., Бершадская М. Д., Воробьева И. В., Кожанов А. А., Рыбакова О. В., Седова Н. Н., Тюриков А. Г., Цапко М. С., Чепуренко А. Ю.

² Наиболее активные эксперты: Звоновский В. Б. (президент Фонда социальных исследований, д-р социол. наук), Паутова Л. А. (директор проектов ФОМ, д-р социол. наук), Попов Е. В. (ОИРОМ, ответственный секретарь партнерства), Романович Н. А. (генеральный директор ИОМ «Квалитас», д-р социол. наук), Тиханович А. К. (директор по производству маркетингового информационного центра TNS), Шашкин А. В. (генеральный директор ОМІ, канд. социол. наук), Черныш М. Ф. (директор ФНИСЦ РАН, член-корр. РАН, д-р социол. наук), Чуриков А. В. (управляющий директор ФОМ, канд. хим. наук).

задавали вопросы о том, как решена та или иная упоминавшаяся в прошлый раз проблема, то есть добиться вовлеченности сообщества в процесс. В-третьих, разработчики стремились через социологические журналы информировать аудиторию о происходящем. Ключевые этапы разработки отражены в ряде публикаций [Рыбакова, 2014; Артамонова, Оберемко, 2015; Бершадская, Артамонова, 2019; Рыбакова, 2019; Бершадская и др., 2020]. Не претендуя на то, что только такие организационно-методические формы работы над новым профстандартом имеют право на существование, полагаем, что они как минимум заслуживают учета — в том числе и в свете возможных усилий по апгрейду данного рамочного стандарта, а также по разработке на его основе более узких и частных стандартов, как это уже происходит в целом ряде других профессий.

Продвижение проекта профессионального стандарта социолога как основа актуализации программ высшего социологического образования и поле согласования интересов

Длительность пути от начала разработки проекта (2015) до утверждения профессионального стандарта «Социолог: специалист по фундаментальным и прикладным социологическим исследованиям» (2021) обусловлена, во-первых, тщательной проработкой запросов рынка труда с учетом всех замечаний экспертов из важнейших агентств индустрии социологических исследований. Во-вторых, сказалась разрозненность индустрии, наличие в ней разных групп интересов. С одной стороны, это немногочисленные крупные «опросные фабрики», работающие в основном с государственными институциями, то есть оказывающие услуги на рынке B2G. Они в силу специфики клиентской базы готовы были участвовать в работе по формированию профстандарта, но зачастую не обладали пониманием методических задач и не имели специалистов, которые могли бы участвовать в такой работе. С другой стороны, это региональные агентства, обычно выступающие в роли субподрядчиков крупных столичных исследовательских компаний. Среди них поначалу было больше понимания необходимости такой работы, помогла двойственность положения ведущих специалистов и руководителей этих агентств, а именно то обстоятельство, что многие из них преподают в региональных вузах и в силу этого мотивированы на участие в подготовке проекта профстандарта, поскольку наличие профстандарта в последние годы стало одним из обязательных требований со стороны Министерства образования и науки при выделении соответствующей области в отдельное направление подготовки.

Оказалось, что разработку профстандарта как актуальную задачу воспринимали прежде всего представители ведущих вузов, которые делегировали квалифицированные кадры для решения многообразных методических и организационных задач при подготовке концепции профстандарта и ее постепенной детализации и наполнении содержанием. Сама же исследовательская индустрия реагировала более вяло по двум причинам. Во-первых, в ней преобладают довольно мелкие компании, где потребность в стандартных подходах к оценке квалификации работников для оптимизации задач найма, расстановки кадров и управления персоналом не так высока. Во-вторых, у многих игроков рынка профстандарт ассоциируется с внешним контролем, регулированием, а долгие годы работы с част-

ными заказчиками сформировали у руководителей исследовательских агентств настроенное отношение к любым регуляторным интервенциям государства.

Наконец, следует упомянуть об административных барьерах. За несколько лет вокруг темы профессиональных стандартов сложилась разветвленная и довольно запутанная, а потому в целом малопрозрачная система экспертизы и согласования. Основную часть экспертной работы осуществляют Национальное агентство развития квалификаций (НАРК) как орган Российского Союза промышленников и предпринимателей (РСПП), Национальный Фонд подготовки кадров (НФПК), а также вновь созданные саморегулируемые отраслевые организации, советы профессиональных квалификаций (СПК).

Прежде всего потребовалось найти такой СПК, который был бы компетентен оценить проект профстандарта в области социологии — процесс сильно затрудняла эксклюзивность социологии как области профессиональных компетенций. После интенсивного мониторинга соответствующих саморегулируемых организаций в качестве такового был определен СПК по финансовым рынкам. Некоторое время ушло на то, чтобы выяснить требования, предъявляемые данным СПК к вносимым документам: оборотная сторона новизны задачи по разработке профессиональных стандартов заключается в несформированности организационного поля, его низкой прозрачности, обилии правил, которые зачастую (пока?) фиксируются только на неформальном уровне и при этом быстро меняются.

Многоступенчатая бюрократическая процедура выглядит таким образом. После прохождения фильтра СПК и НАРК, предъявляющих к проектам профстандартов разные, нигде исчерпывающим образом не специфицированные требования, которые к тому же постоянно уточняются и дополняются, документы поступают на утверждение в Министерство труда и социального развития. Оттуда они могут быть возвращены разработчикам, направлены на дополнительную экспертизу — часто по сугубо формальным соображениям, таким как «неправильный» шрифт или размер этого шрифта в документе, или на отзыв в один из ФОИВов, наиболее близкий по профилю к проекту профстандарта. Это неоднократно происходило с проектом профстандарта социолога, причем терялось не только время — в буквальном смысле терялись направленные в ФОИВы или оттуда обратно в Минтруда экспертные отзывы, которые приходилось восстанавливать.

Прохождение проекта профстандарта социолога дополнительно осложнялась некоторыми обстоятельствами. Важнейшим направлением прикладных социологических исследований, к участию в которых вузы готовят студентов, являются маркетинговые исследования. В составе исследовательской индустрии также преобладают компании, занимающиеся анализом рынков в интересах клиентов. Соответственно, предполагалось, что без прямого упоминания маркетинговых исследований в названии стандарта отрасль не воспримет его как свой документ. Это сыграло с документом злую шутку.

Разработчики в процессе согласований столкнулись с непониманием как некоторыми экспертными органами, так и ответственными работниками согласовывающих ФОИВов различий между маркетингом и маркетинговыми исследованиями. Несмотря на то, что в паспорте профстандарта это различие было подробно объяснено и обосновано, данное обстоятельство стало серьезным препятствием. В том

числе и потому, что уже после первоначального внесения проекта в Министерство труда и соцзащиты туда был внесен и в ускоренном порядке согласован другой профстандарт — маркетолога, где маркетинговые исследования также упоминались как одна из задач компаний, занимающихся маркетингом. В итоге после длительной борьбы с регулирующими органами и экспертными институциями пришлось пойти на изменение названия (и соответствующую доработку текста всего документа), связанное с исключением упоминания маркетинговых исследований из названия стандарта.

Вторая проблема, с которой столкнулся профстандарт на стадии согласования и которая уже очевидна из вышеизложенного, — необходимость серьезных лоббистских усилий для его продвижения при наличии множества игроков на организационном поле, обладающих своими интересами и возможностями притормозить процесс. Скоро выяснилось, что ведущие вузы не обладали таким потенциалом, поскольку работали с ФОИВами на смежном поле образования и не рассматривали данную деятельность как свою первоочередную задачу. Отрасль же исследований рынка и общественного мнения в России довольно разрознена; даже в ведущем объединении, ОИРОМ, значительное число членов не видели в продвижении профстандарта одну из своих ключевых задач, так как многие крупные компании руководствуются профессиональными и этическими стандартами международных ассоциаций, а более мелкие компании работают преимущественно с частными заказчиками, для которых соответствие профессиональных компетенций коллектива исполнителей некоему стандарту вообще не важно. Что касается объединения региональных исследовательских компаний 7/89, то оно не располагало ресурсами и возможностями для такого лоббирования.

Подобные ситуации опасны, поскольку, когда основные участники в течение длительного времени не видят или не могут добиться результата, происходит выгорание и наступает период отчуждения — от других участников процесса и от самого проекта.

В результате усугубилась классическая «проблема безбилетника»: чем больше времени проходило с момента первоначального внесения проекта в госорганы, тем менее сплоченной становилась команда разработчиков. Все сочувствовали, но мало кто был готов заниматься целенаправленным и эффективным лоббированием проекта, сожалея о потраченных усилиях и полагая, что проблема либо как-то решится сама, либо в последний момент кто-то из участников все же выступит в роли агента изменений.

Так и произошло: на последнем этапе, когда казалось, что проект никогда уже не выйдет из процесса бесконечных доработок и досогласований, благодаря энергичным усилиям руководства Фонда ВЦИОМ профстандарт социолога был утвержден.

Стыковка профстандарта и стандартов высшего образования на методическом уровне: в чем она заключается и что дает?

Что нового дает профстандарт рынку труда и вузам? Ели говорить о рынке труда, то это тщательно проработанная функциональная карта деятельности по организации и проведению социологических исследований с подробным опи-

санием обобщенных трудовых функций (ОТФ), трудовых функций (ТФ), трудовых действий, умений и знаний, необходимых для их осуществления, — надежная база для формирования должностных инструкций и требований к квалификации работников, а также для переподготовки и повышения квалификации работников отрасли. Неслучайно при разработке пакета курсов и запросов к преподавателям Школы маркетинговых исследований (ШМИ) НИУ ВШЭ, созданной при активном участии ОИРОМ в 2019 г., учитывалась именно эта функциональная карта деятельности.

Для вузовского сообщества профстандарт также очень важен, потому что позволяет сформулировать требования к выпускникам бакалавриата и магистратуры по социологии с точки зрения образовательного результата. Под образовательным результатом мы понимаем комплекс характеристик, уточняющих и раскрывающих структуру компетенций выпускника образовательной программы.

В настоящее время в российском высшем образовании выделены три уровня компетенций:

- 1) универсальные (которыми должен овладеть любой выпускник определенного уровня высшего образования),
- 2) общепрофессиональные (результаты, необходимые выпускнику для выхода на рынок труда в выбранной профессиональной сфере),
- 3) профессиональные (их набор определяется спецификой профессиональных стандартов, регионального рынка труда и возможностями специалистов, поддерживающих в конкретном вузе соответствующее направление обучения).

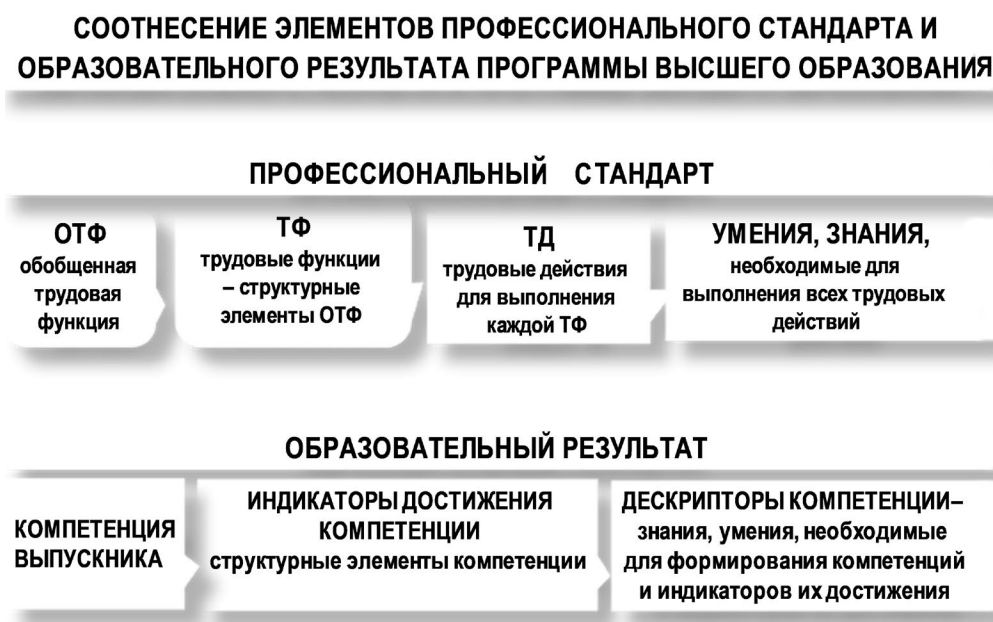
Но как оценить, обладает ли данное лицо указанными компетенциями? Для оценки наличия заявленных в программе компетенций любого уровня необходимы четко сформулированные *индикаторы достижения* каждой компетенции. Под индикаторами мы понимаем обобщенные характеристики, уточняющие и раскрывающие структуру компетенции в виде действий, которые способен выполнить выпускник, освоивший данную компетенцию. Важно, что набор индикаторов должен описывать компетенцию со всех ее значимых сторон, включать все существенные для нее способы деятельности: достаточность, проверяемость, четкость формулировок, преемственность по уровням образования [Бершадская и др., 2019].

Знания, умения, навыки, необходимые для формирования индикаторов, — это предметные, конкретные признаки освоения компетенции, которые принято называть дескрипторами освоения компетенций. Это результаты обучения, демонстрируемые студентом в ходе освоения компетенции, их количество для каждой компетенции не ограничено. Одни и те же знания и умения могут быть дескрипторами разных компетенций. По сути, это открытый список, зависящий от целей разработчиков, от новых профессиональных задач, от глубины погружения в предметно-профессиональное поле, ресурсная база формирования компетенций и их индикаторов. На основе дескрипторов компетенций формируются ключевые образовательные результаты.

Ниже показана связь между формулировками ОТФ и ТФ профессионального стандарта и компетенциями, составляющими образовательный результат выпуск-

ника бакалавриата или магистратуры вуза — см. схему на рисунке 1. Важна корреляция между знаниями и умениями, необходимыми для выполнения трудовых функций профессионального стандарта, и знаниями и умениями как дескрипторами освоения компетенций. Для этого необходима разработка методики оценки индикаторов достижения компетенций, заявленных в образовательной программе, исходя из функциональной карты профстандарта.

Рис. 1. Соотнесение основных элементов профессионального стандарта и образовательного результата

В социологическом высшем образовании в настоящее время действуют стандарты подготовки бакалавров и магистров (ФГОС 3++) [Бершадская, Чепуренко, 2012; Радаев, Чепуренко, Бершадская, 2013]. Наличие профессионального стандарта социолога облегчило сопряжение требований высшего социологического образования и рынка труда. В частности:

- универсальные компетенции выпускников бакалавриата и магистратуры, изначально заложенные в макетах соответствующих ФГОС, в том или ином виде учтены при формировании функциональной карты профессиональной деятельности;
- при разработке индикаторов универсальных компетенций учтены трудовые функции и трудовые действия профстандарта;
- общепрофессиональные компетенции (ОПК) по направлению «Социология» для уровней бакалавриата и магистратуры соотносятся с обобщенными трудовыми функциями функциональной карты профессиональной деятельности.

Примеры таких встречных процессов показаны на рис. 2 и 3.

Рис. 2. Универсальные компетенции магистра (ФГОС по направлению «Социология») в функциональной карте профессиональной деятельности в социолога (профстандарт)

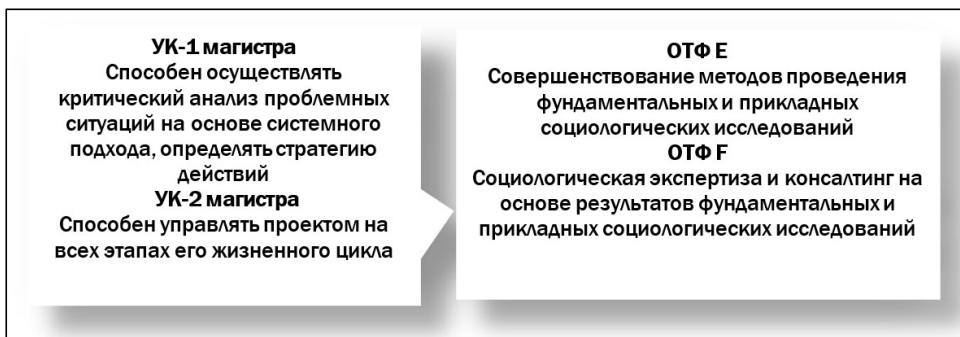
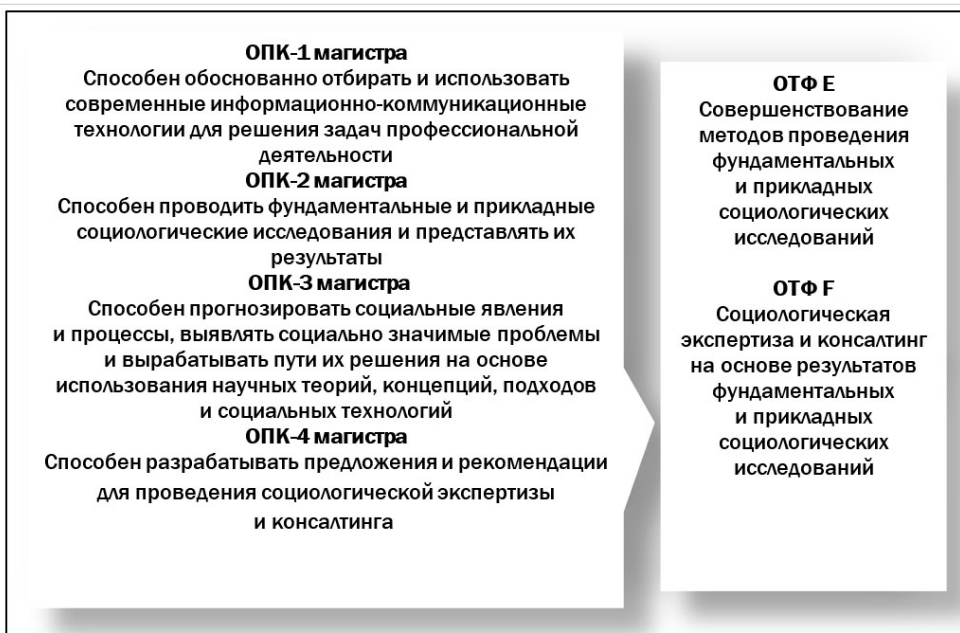

Рис. 3. Общепрофессиональные компетенции магистра (ФГОС по направлению «Социология») в функциональной карте профессиональной деятельности социолога (профстандарт)

Представленная на рисунках 2 и 3 картина дает общее представление о связях между компетенциями во ФГОС и в профессиональном стандарте.

На этой основе можно конкретизировать соотношение образовательных результатов с требованиями рынка труда. Важно, что умения и знания, необходимые для выполнения трудовых функций профстандарта, оказываются в числе дескрипторов образовательного результата вузов.

Профстандарт: требования к дизайну образовательных программ вузов по направлению «Социология»

Первый важный этап сопряжения требований к выпускникам образовательных программ с требованиями рынка труда, который необходимо пройти вузовским образовательным программам, — формулирование профессиональных компетенций (ПК) на основе анализа основных структурных элементов профессионального стандарта социолога.

В профстандарте «Социолог: специалист по фундаментальным и прикладным социологическим исследованиям» содержатся четыре обобщенные трудовые функции для уровня образования 6 (бакалавр) и две ОТФ для уровня образования 7 (магистр). Для выполнения этих ОТФ в дополнение к требованиям ФГОС рекомендованы три профессиональные компетенции для бакалавра (ПК-1, ПК-2, ПК-3)³ и одна для магистра (ПК-1м) — см. таблицу 1.

Таблица 1. Соотнесение трудовых функций профессионального стандарта с профессиональными компетенциями бакалавра и магистра

Профстандарт: обобщающие трудовые функции ОТФ	Рекомендуемые профессиональные компетенции бакалавра и магистра
А. Планирование и проектирование фундаментальных и прикладных социологических исследований	ПК-1 бакалавра. Способен подготовить проектное предложение по реализации фундаментального или прикладного социологического исследования
В. Разработка дизайна и методической стратегии прикладного социологического исследования с учетом специфики исследования рынков	ПК-2 бакалавра. Способен разработать дизайн и методическую стратегию прикладного социологического исследования с учетом специфики исследования рынков
С. Организация работы по сбору данных фундаментальных и прикладных социологических исследований	ПК-3 бакалавра. Способен к организации сбора данных при опросе общественного мнения
Е. Совершенствование методов проведения фундаментальных и прикладных социологических исследований	ПК-1 магистра. Способен к разработке предложений по совершенствованию методов проведения социологических исследований

Следующий важный этап доработки образовательных программ с учетом требований профессионального стандарта — разработка проверяемых индикаторов достижения ПК с учетом трудовых функций и трудовых действий профессионального стандарта.

Ниже приведены примеры формулирования индикаторов профессиональных компетенций в виде действий, которые должен выполнять выпускник. В приведенных примерах индикаторов ПК достаточно полно отражены трудовые действия соответствующих разделов профстандарта. В то же время набор индикаторов каждой ПК включает все существенные для нее способы деятельности.

³ Здесь следует оговориться, что содержание ПК-1 бакалавра можно было бы предусмотреть в индикаторах ОПК-3. Но с учетом актуальности содержания ОТФ А подготовка проектного предложения выделена в отдельную ПК.

Таблица 2. Примерные индикаторы профессиональных компетенций

Рекомендуемые ПК	Примерные индикаторы ПК
<p>ПК-1 бакалавра. Способен подготовить проектное предложение по реализации фундаментального или прикладного социологического исследования</p>	<p>ПК-1.1. Обосновывает актуальность социологического исследовательского проекта, исходя из описания проблемной ситуации в социальной, культурной, экономической, политической сфере общественной жизни ПК-1.2. Разрабатывает программу социологического исследования: определяет цели и основные задачи, объект, предмет, гипотезы исследования, выбор целевой аудитории, методической стратегии. ПК-1.3. Разрабатывает проектную документацию фундаментального или прикладного социологического исследования</p>
<p>ПК-1 магистра. Способен к разработке предложений по совершенствованию методов проведения социологических исследований</p>	<p>ПК-1.1 магистра. Анализирует рыночную ситуацию в рамках прикладного социологического исследования ПК-1.2. магистра. Оценивает риски реализации социальных и исследовательских проектов ПК-1.3 магистра. Разрабатывает стратегию управления социальными и исследовательскими проектами с учетом и оценкой рисков ПК-1.4 магистра. Разрабатывает предложения по совершенствованию методов сбора и анализа информации в социологическом исследовании ПК-1.5 магистра. Осваивает новые методы сбора и анализа информации ПК-1.6 магистра. Анализирует зарубежные концепции и методики в области социологических исследований</p>

Как проверить уровень компетентности через соответствующие индикаторы? Примеры схем проверки профессиональных компетенций с помощью предложенных индикаторов приведены в таблице 3. Схемы дополнены умениями и знаниями, необходимыми для выполнения трудовых действий, заложенных в формулировках индикаторов ПК.

Таблица 3. Примеры схем проверки профессиональных компетенций бакалавра через индикаторы

Индикатор	Примеры проверочных схем
<p>ПК-1. Способен подготовить предложение по реализации фундаментального или прикладного социологического исследования</p>	<p>ТД: описывает проблемную ситуацию а) в социальной сфере, б) в культурной сфере, в) в экономической сфере, г) в политической сфере; предлагает пути устранения проблемной ситуации Задаем: наименование и тему исследования; социальные проблемы, подлежащие решению; <i>требуется:</i> 1) описать проблемную ситуацию, 2) обосновать актуальность устранения проблемной ситуации, 3) предложить пути решения проблем</p>

Индикатор	Примеры проверочных схем
<p>ПК-1.2. Разрабатывает программу социологического исследования: определяет цели и основные задачи, объект, предмет, гипотезы исследования, выбор целевой аудитории, методической стратегии</p>	<p>ТД: определяет цели и основные задачи, объект, предмет, гипотезы исследования <i>Задаем:</i> управленческую проблему, <i>требуется:</i> сформулировать исследовательские задачи для решения управленческой проблемы <i>Задаем</i> наименование и тему исследования, <i>требуется:</i> определить цели и задачи исследования</p>
<p>ПК-1.3. Разрабатывает проектную документацию фундаментального или прикладного социологического исследования</p>	<p>ТД: Разработка проектной документации социологического исследования <i>Задаем:</i> программу и методическую стратегию социологического исследования, <i>требуется:</i> представить проектную документацию (техзадание, договор, план-график)</p>

Институциональные и организационные проблемы вузов и исследовательской индустрии по переходу к новому дизайну программ

Выше сформулированы наиболее очевидные задачи и подходы к их решению, связанные с имплементацией требований профстандарта в практику образовательной деятельности. Но кто и как будет этим заниматься?

ФОИВы в области образования не могут взять на себя функцию по уточнению структуры и содержания образовательных программ, это не их задача. Переформированные в 2013 г. федеральные учебно-методические объединения (ФУМО) являются общественными институтами, также не имеющими ресурсов, да и полномочий к такой работе, а ранее разрабатывавшиеся ими как интегральная часть ФГОС примерные основные образовательные программы (ПООП) сегодня в силу лагун в законодательной базе вообще не имеют определенного статуса. Соответственно, разработанные группой методистов ФУМО рекомендации по структуре и составу образовательных программ имеют факультативный статус. То же относится к сформулированным в настоящей статье рекомендациям по методической стыковке ООП вузов с требованиями профстандарта.

К тому же задачи усложняются анонсированными институциональными изменениями в системе высшего образования. В январе 2022 г. президент РФ предложил изменить структуру высшего образования в России, включая возможность для студентов выбирать направление профессиональной подготовки, начиная с третьего года обучения. Такой эксперимент может быть начат в нескольких региональных вузах. Возможность уточнения (выбора) профессиональной специализации после двух лет подготовки в рамках более широкого направления (для социологов это может быть, например, базовый набор подготовки по основам социологии, политической теории и психологии) фактически означает переформатирование ставшей уже привычной схемы «4 + 2» (бакалавриат + магистратура) в «2 + 2 + 2».

Практически сразу же за этим МОН 1 февраля 2022 г. выпустил приказ, по-новому определяющий состав укрупненных групп научных специальностей (УГНС)⁴,

⁴ См. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 01.02.2022 № 89 «Об утверждении перечня специальностей и направлений подготовки высшего образования по программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, программам ординатуры и программам ассистентуры-стажировки». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203030033> (дата обращения: 18.08.2022).

исходя из чего, судя по всему, должны в обозримом будущем быть по-новому «нарезаны» составы ФУМО. Одновременно в контексте известных событий фактически в России начался отказ от Болонской системы, но чаемое некоторыми возвращение к пятилетнему специалитету окончательно запутает ситуацию для преподавателей и руководства вузов.

Таким образом, вузы и работодатели остались один на один с комплексом методических и организационных задач. Смогут ли они справиться с ними в одиночку — тем более в новых реалиях? На этот счет существует сомнение, основанное на том, что в ситуациях неопределенности большинство акторов выбирает стратегию выжидания. К тому же усиливается «эффект безбилетника» — ожидание, что кто-то из лидеров социологического образования в одиночку отработает модель увязки дизайна образовательных программ с требованиями профстандарта, которую потом можно будет копировать и тиражировать.

Что касается исследовательской индустрии, то она оказалась в еще более сложной ситуации. Значительная часть клиентов, в основном зарубежных, ушла или уходит с российского рынка. Остающиеся во многом переориентируются на государство и крупный околосударственный бизнес как якорных клиентов. Это сильно меняет как задачи маркетинговых исследований, так и главные инструменты анализа. Разумеется, при работе с государственными заказчиками наличие понятной, сопряженной с требованиями госстандарта сетки квалификационных требований к персоналу может повышать готовность заказчика работать с таким агентством. Однако этот эффект проявится, скорее всего, лишь с течением времени и по мере обострения конкуренции за клиента.

Между тем уже сегодня в рамках развития инициативы по внедрению профстандарта следовало бы создать соответствующую независимую инфраструктуру оценки квалификаций и компетенций, то есть институции, куда и сами работники, и работодатели могли бы обратиться за удостоверением готовности к выполнению определенных ОТФ и ТФ в индустрии. Независимая оценка квалификации лиц, претендующих на осуществление определенного вида трудовой деятельности — это процедура подтверждения соответствия квалификации соискателя или работника организации положениям профессионального стандарта, проводимая соответствующим центром оценки квалификаций (ЦОК), как гласит Федеральный закон «О независимой оценке квалификации» от 3 июля 2016 г. № 238-ФЗ. Такого ЦОК в области социологии и смежных квалификаций пока не существует. Но известно, что на сравнительно узких рынках такие структуры редко бывают самокупаемыми — значит, отрасли следует подумать об учреждении и частичном софинансировании соответствующих активностей. Однако в нынешних условиях совсем не очевидно, что отрасль готова пойти на такие стратегические решения. Вероятно, частичным источником дохода такого ЦОК могли бы стать средства, перечисляемые вузами за оценку соответствия содержания их основных образовательных программ требованиям профстандарта — разумеется, при наличии платежеспособного спроса со стороны вузов.

Таким образом, и на стороне вузовского сообщества, и на стороне исследовательской индустрии в настоящее время нет ресурсов и готовности использовать разработанный профстандарт по назначению. Следует ли на этом основании

оценивать более чем пятилетнюю эпопею по разработке и продвижению профстандарта социолога как неудачное расходование сил и времени? Полагаем, что нет. Прежде всего, работа над профстандартом и продвижением его базовых идей и принципов как в вузовской среде, так и среди ключевых групп работодателей способствовала известной консолидации представлений о желаемом образовательном результате в области социологии, помогла выстроить ведущийся на разных площадках диалог между работодателями и вузами. Теперь понятнее, какие следующие шаги должны быть предприняты как образовательным сообществом, так и работодателями, чтобы от многоглаголения о «практико-ориентированном обучении» перейти к его выстраиванию.

Заключение

Логика разработки и изменения функциональной карты профессиональной деятельности по организации и проведению социологических исследований от старта проекта (2015) до утверждения профессионального стандарта «Социолог: специалист по фундаментальным и прикладным социологическим исследованиям» (2021) была обусловлена тщательной проработкой современных запросов рынка труда с учетом всех замечаний экспертов из индустрии социологических исследований. Активное участие представителей вузов во многом способствовало созданию объективной основы для формирования программ высшего социологического образования.

Умения и знания, необходимые для выполнения обобщенных трудовых функций профессионального стандарта, вузам необходимо обязательно использовать при формировании ключевых образовательных результатов (КОР). Создание и развитие фонда оценочных средств — следующий этап методического обеспечения стыковки между социологическим образованием и требованиями профстандарта.

Выявление знаний и умений, зафиксированных в соответствующих разделах профессионального стандарта, есть лишь условие оценивания сформированности компетенций, необходимых для работы в соответствующей профессиональной сфере. Далее понадобится выстраивание системы понятных, прозрачных и легко проверяемых индикаторов достижения компетенций, заявленных в образовательной программе. Это актуально как для повышения качества социологического образования, так и для формирования общих для соответствующего набора профессий понимания требований к уровню соответствующих профессиональных компетенций.

Перед индустрией исследований рынков и общественного мнения стоят и другие задачи — разработка более детальных профстандартов следующего уровня, описывающих ОТФ и ТФ в специфических нишах (например, медиаисследования или инсайты), а главное — создание ЦОК, который взял бы на себя организацию независимого подтверждения соответствия квалификации соискателя или работника организации положениям профессионального стандарта и, не исключая, также оценку основных образовательных программ вузов на предмет их соответствия требованиям к образовательному результату, демонстрируемому выпускниками.

Список литературы

Артамонова М. В. Практика выращивания институтов: институциональные ловушки профессиональных стандартов // Социальная инженерия: как социология меняет мир / отв. ред.: Кулешова А. В. М.: ВЦИОМ, 2019. С. 284—298.

Artamonova M. V. (2019) The Practice of Growing Institutions: Institutional Traps of Professional Standards. In: Kuleshova A. V. (ed.) *Social Engineering: How Sociology Changes the World*. Moscow: VCIOM. P. 284—298. (In Russ.)

Артамонова М. В., Оберемко О. А. Профессиональный стандарт социолога — основа оценки результатов подготовки выпускников вузов по направлению «Социология» // Тезисы V социологической Грушинской конференции «Большая социология: расширение пространства данных». М.: ВЦИОМ, 2015. С. 472—477.
Artamonova M. V., Oberemko O. A. (2015) The Professional Standard of a Sociologist Is the Basis for Assessing the Results of Training University Graduates in the “Sociology” Area. In: *Abstracts of the V Sociological Grushin Conference “Big Sociology: Expanding the Data Space”*. Moscow: VCIOM. P. 472—477. (In Russ.)

Бершадская М. Д., Артамонова М. В. Разработка примерной основной образовательной программы высшего образования с учётом требований рынка труда: подготовка бакалавров и магистров по направлению «Социология» // Динамика социальной среды как фактор развития потребности в новых профессионалах в сфере социальной работы и организации работы с молодежью / общ. ред. Саралиева З. М. Нижний Новгород: НИСОЦ, 2019. С. 25—31.

Bershadskaya M. D., Artamonova M. V. (2019) Development of an Exemplary Basic Educational Program of Higher Education Considering the Requirements of the Labor Market: Preparation of Bachelors and Masters in the Direction of “Sociology”. In: Saraliev Z. M. (ed.) *Dynamics of the Social Environment as a Factor in the Development of the Need for New Professionals in the Field of Social Work and the Organization of Work with Youth*. Nizhni Novgorod: NISOC. P. 25—31. (In Russ.)

Бершадская М. Д., Артамонова М. В., Серова А. В., Чепуренко А. Ю. Взаимодействие сферы образования и рынка труда: проблемы и перспективы // Экономика образования. 2020. № 1. С. 46—64.

Bershadskaya M. D., Artamonova M. V., Serova A. V., Chepurenko A. Y. (2020) Interaction of Education and Labor Market: Problems and Prospects. *Economics of Education*. No. 1. P. 46—64. (In Russ.)

Бершадская М. Д., Серова А. В., Чепуренко А. Ю., Зима Е. Компетентностный подход к оценке образовательных результатов: опыт российского социологического образования // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 2. С. 38—50.

Bershadskaya M. D., Serova A. V., Chepurenko A. Y., Zima E. (2019) Competence Approach to Assessing Educational Results: The Experience of Russian Sociological Education. *Higher Education in Russia*. Vol. 28. No. 2. P. 38—50. (In Russ.)

Бершадская М. Д., Чепуренко А. Ю. Новые образовательные стандарты по социологии и учебно-методические задачи социологических вузов // Социологические исследования. 2012. № 9. С. 122—129.

Bershadskaya M. D., Chepurenko A. Y. (2012) New Educational Standards in Sociology and Educational and Methodological Tasks of Sociological Universities. *Sociological Studies*. No. 9. P. 122.-129. (In Russ.)

Вольчик В. В., Филоненко Ю. В., Аверкиева Е. С., Ширяев И. М. Бюрократизация и адаптивное поведение в сфере высшего образования // *Journal of Economic Regulation*. 2016. Т. 7. № 4. С. 57—71. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2016.7.3.057-071>.

Volchik V. V., Filonenko Y. V., Averkieva E. S., Shiryayev I. M. (2016) The Bureaucratization and the Adaptive Behavior in the Sphere of the Higher Education. *Journal of Economic Regulation*. Vol. 7. No. 4. P. 57—71. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2016.7.3.057-071>. (In Russ.)

Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Доверие в высшем образовании как социологическая проблема // *Социологический журнал*. 2018. Т. 24. № 4. С. 93—112. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.4.6099>.

Zborovskiy G. E., Ambarova P. A. (2018) Trust in the Higher Education as a Sociological Problem. *Sociological Journal*. Vol. 24. No. 4. P. 93—112. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.4.6099>. (In Russ.)

Курбатова М. В. Реформа высшего образования как институциональный проект российской бюрократии: содержание и последствия // *Мир России: Социология, этнология*. 2016. Т. 25. № 4. С. 59—86.

Kurbatova M. V. (2016) The Reform of the Higher Education as an Institutional Project of the Russian Bureaucracy: Content and Outcomes. *The Universe of Russia: Sociology, Ethnology*. Vol. 25. No. 4. P. 59—86. (In Russ.)

Пилипенко С. А., Жидков А. А., Караваева Е. В., Серова А. В. Сопряжение ФГОС и профессиональных стандартов: выявленные проблемы, возможные подходы, рекомендации по актуализации // *Высшее образование в России*. 2016. № 6. С. 5—15.

Pilipenko S. A., Zhidkov A. A., Karavaeva E. V., Serova A. V. (2016) Coupling of the Federal State Educational Standards and Professional Standards: Identified Problems, Possible Approaches, Recommendations for Updating. *Higher Education in Russia*. No. 6 P. 5—15. (In Russ.)

Радаев В. В., Чепуренко А. Ю., Бершадская М. Д. Основные аспекты и результаты деятельности разработчиков ФГОС ВПО по направлению «Социология» // Юбилейный сборник научных трудов УМО и НМС. М.: Московский государственный Горный университет, 2013. С. 264—269. URL: <https://fgosvo.ru/uploadfiles/Sbornik%20UMO/UMO.pdf> (дата обращения: 18.08.2022).

Bershadskaya M. D., Radaev V. V., Chepurenko A. Y. (2013) The Main Aspects and Results of the Activities of the Developers of the Gef Hpe in the “Sociology” Area. In: *Jubilee Collection of Scientific Works of the Educational Methodic Alliance and the Educational Methodic Council*. Moscow: Moscow State Mining University. P. 264—269. <https://fgosvo.ru/uploadfiles/Sbornik%20UMO/UMO.pdf>. (In Russ.)

Рыбакова О. Проблема профессиональных стандартов как перспектива взаимодействия социологов-исследователей и системы высшего социологического образования в РФ // Международная конференция «Продолжая Грушина». М.: ВЦИОМ, 2014. Rybakova O. (2014) The Problem of Professional Standards as a Prospect of Interaction between Sociologists-Researchers and the System of Higher Sociological Education in the Russian Federation. In: *International Conference “Continuing Grushin”*. Moscow: VCIOM. (In Russ.)

Рыбакова О. В. Профессия «социолог»: история вопроса о профессиональном стандарте // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 304—322. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.15>. Rybakova O. (2019) “Sociologist” as Profession: The Background of the Issue of the Professional Standard. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 304—322. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.15>. (In Russ.)

DOI: [10.14515/monitoring.2022.4.2249](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2249)

Е. А. Ирсетская, А. Г. Тюриков

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ПОИСКАХ ОПТИМАЛЬНОГО БАЛАНСА РАЗВИТИЯ: ПО МАТЕРИАЛАМ XII МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУШИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Правильная ссылка на статью:

Ирсетская Е. А., Тюриков А. Г. Современная экономическая культура в поисках оптимального баланса развития: по материалам XII Международной социологической Грушинской конференции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 332—342. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2249>.

For citation:

Irsetskaya E. A., Tjurikov A. G. (2022) Modern Economic Culture in Search of an Optimal Balance of Development: Reviewing the Materials of the XII International Sociological Grushin Conference. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 332–342. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2249>. (In Russ.)

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ПОИСКАХ ОПТИМАЛЬНОГО БАЛАНСА РАЗВИТИЯ: ПО МАТЕРИАЛАМ XII МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУШИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ИРСЕТСКАЯ Елена Александровна — кандидат социологических наук, доцент, Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, Москва, Россия; доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Россия; специалист Департамента специальных программ и мероприятий, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия
E-MAIL: irsetskaya_e@wciom.com
<https://orcid.org/0000-0003-0191-6486>

ТЮРИКОВ Александр Георгиевич — доктор социологических наук, руководитель департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия
E-MAIL: agtyurikov@fa.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8388-9543>

Аннотация. 23—27 мая 2022 г. в Москве состоялась XII Международная социологическая Грушинская конференция «Общество в поисках баланса». Главной темой для дискуссии была проблема поиска баланса, стабильности и гармонизации социальных отношений во всех сферах общественной жизни. Существенные изменения в экономической сфере повлекли ряд значимых проблем. В материале подробно описывается дискуссия, состоявшаяся на секции «Экономическая

MODERN ECONOMIC CULTURE IN SEARCH OF AN OPTIMAL BALANCE OF DEVELOPMENT: REVIEWING THE MATERIALS OF THE XII INTERNATIONAL SOCIOLOGICAL GRUSHIN CONFERENCE

Elena A. IRSETSKAYA^{1,2,3} — Cand. Sci. (Soc.), Assistant Professor; Assistant Professor; Specialist at the Department of Special Programs and Activities
E-MAIL: irsetskaya_e@wciom.com
<https://orcid.org/0000-0003-0191-6486>

Aleksandr G. TJURIKOV¹ — Dr. Sci. (Soc.), Head of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications
E-MAIL: agtyurikov@fa.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8388-9543>

¹ Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow, Russia

² Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

³ Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Moscow, Russia

Abstract. XII International Sociological Grushin Conference «Society in Search of Balance» was held on May 23–27, 2022 in Moscow. Generally, the conference discussion focused on the questions of balance, stability, and harmonization of social relations in all spheres of public life. Recent economic changes have led to several significant problems. This material reviews the discussion that took place at the section "Economic culture

культура и экономическое поведение населения в преддверии суперкризиса: как выбраться из колеи?». Она касалась таких вопросов, как уровень финансовой грамотности населения; взаимосвязи экономического поведения и уровня жизни россиян; влияние вызванного пандемией кризиса на сферу производства и занятости населения; трансформация поведенческих моделей и установок в условиях развития цифровой экономики; финансовое поведение россиян. В целом в докладах секции развернуто представлен анализ обозначенных проблем, что позволило проанализировать современную экономическую сферу, учитывая разные аспекты, ставшие результатом общественной «разбалансировки», которую отмечают многие эксперты.

Ключевые слова: экономическая социология, экономическая культура, финансовая грамотность, социальное доверие

and economic behavior of the population on the eve of the super-crisis: how to get out of the rut?". It covered such issues as the national level of financial literacy; the relationship between economic behavior and living standards in Russia; the impact of the crisis caused by the pandemic on production sector and population employment; transformation of behavioral models and attitudes in the context of the digital economy; financial behavior of Russians. In general, the speakers of the section provided a detailed analysis of these topics, which allowed to analyze the modern economic environment, considering various aspects that resulted from the social "imbalance" noted by many experts.

Keywords: social trust, economic sociology, economic culture, financial literacy

XII Международная социологическая Грушинская конференция «Общество в поисках баланса» состоялась в Москве 23—27 мая 2022 г. Конференция была организована Всероссийским центром изучения общественного мнения, организационным партнером выступила Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ. Секции проходили как в онлайн-, так и в офлайн-формате, что позволило обеспечить участие в мероприятии большого числа заинтересованных слушателей. Дополнительная офлайн-площадка была организована Вологодским научным центром РАН. Стратегическим партнером конференции третий год подряд выступил АО «Мосинжпроект» — ведущий инжиниринговый холдинг России. XII Грушинская социологическая конференция — одно из наиболее ярких ежегодных событий социологического профессионального и экспертного сообщества, а также исследовательской индустрии в целом. В этом году в конференции приняли участие более полутора тысяч слушателей из 18 стран — Армении, Беларуси, Болгарии, Великобритании, Германии, Грузии, Казахстана, Китая, Кыргызстана, Молдовы, Польши, Португалии, России, Сирии, Таджикистана, Украины, Франции, Чехии. Активно и ярко участвовали коллеги из регионов — делали мероприятия, приезжали на офлайн-площадки.

Конференция была посвящена чрезвычайно актуальной проблематике — поиску баланса, гармонизации социальных отношений во всех сферах общественной жизни. Научно-практическая дискуссия Грушинской социологической конференции представляет собой поиск ответа на непростой вопрос о достижении сбалансированного состояния сосуществования в современном обществе разных трендов и перспектив, которые пришли в движение и сегодня получили новые значения и потенциал для развития в условиях разрушения и обвала прежних конструкций, на которых основывался «доковидный» мир. В рамках конференции обсуждалась возможность достижения социального баланса, формулирования стратегий и сценариев преодоления противоречий, что в итоге должно послужить фундаментом для стабилизации, преодоления тревожностей и неопределенностей в условиях динамично развивающихся новых трендов во всех сферах жизни общества.

Во вступительном слове к конференции генеральный директор ВЦИОМ В. В. Федоров, к. полит. н., отметил, что основная цель конференции — поиск баланса общественного развития, которым заняты представители всех отраслей социологического знания сегодня, после двух пандемических лет. «Разбалансировка не закончилась, она продолжается, углубляется, захватывает новые уровни... и даже слово *балансировка* слишком мягкое для того, что происходит», — подчеркнул спикер остроту проблемной ситуации, вокруг которой разворачивается дискуссия. Глубина общественных изменений обуславливает возникающие в обществе противоречия, в результате восстановление баланса становится непростой задачей. Валерий Валерьевич подчеркнул, что необходимо задуматься о новой норме общественного взаимодействия, которая формируется сейчас. Ее необходимо изучать и искать способы ее интеграции в существующий общественный порядок, анализировать пути и способы адаптации к ней людей на всех уровнях социального взаимодействия.

Все описанные тренды во многом находят свое отражение в экономической сфере жизнедеятельности россиян. Кризисная ситуация сказалась на экономической составляющей жизни (снижение доходов населения, безработица и ряд других проблем). Актуализируется не только опора на инструменты государственной поддержки и регулирования. Социально-психологические аспекты, которые возникают в рамках стратегий поиска выхода из сложившейся ситуации, также важно принимать во внимание. Меры, направленные на экономическую поддержку населения, позволят усилить такие составляющие социального процесса, как взаимопомощь граждан, солидарность, сплочение на пути поиска новых возможностей, смыслов, инструментов социальной опоры и адаптации к меняющимся условиям экономической сферы.

В целом В. В. Федоров заключил, что «многие вопросы приобретают новое звучание для исследователей. Такое положение дел открывает новые возможности для социального анализа, так как появляется необходимость поиска ответов на возникшие вызовы, и прежде всего в сфере экономических процессов. Здесь коммуникация становится сегодня сложнее, чем прежде...» В таких условиях дискуссии крайне необходимы, без них наука не может развиваться, не может двигаться вперед. «Наша миссия остается прежней, изучать социальные факты,

фиксировать их, понимать, помогать людям. Необходимо обмениваться информацией, выводами и идеями», — отметил генеральный директор ВЦИОМ.

В этой связи большой интерес представляет секция «Экономическая культура и экономическое поведение населения в преддверии суперкризиса: как выбраться из колеи?», состоявшаяся в рамках XII Грушинской социологической конференции. Секция была организована департаментом социологии Финансового университета при Правительстве РФ совместно с ИСЭПН ФНИСЦ РАН. С докладами выступили ведущие специалисты в области исследований в сфере экономики и финансов России.

В своем сообщении Н. В. Аликперова, к. экон. н., ведущий научный сотрудник лаборатории исследования поведенческой экономики ИСЭПН ФНИСЦ РАН, доцент департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ, раскрыла роль микроэкономики личности в формировании финансово грамотного поведения. Автор отметила, что в последнее десятилетие наблюдается экспоненциальный рост применения поведенческих подходов к решению задач государственной политики. Как академические исследования в России, так и мировая практика сосредоточили свои усилия в значительной степени на вопросах, связанных с реализацией политики и нацеленностью на изменение поведения отдельных лиц, в частности потребителей финансовых продуктов и услуг. Другими словами, работа была направлена на «микроуровень». Это задает векторы научного поиска: что представляет собой экономический агент, участник финансового рынка, экономических отношений? Какие факторы влияют на принятие им решений в части выбора и формирования стратегий финансового поведения?

В продолжении работы секции Ю. В. Бурдастова, к. экон. н., выпускающий редактор Агентства экономической информации «ПРАЙМ», старший научный сотрудник лаборатории исследования поведенческой экономики ИСЭПН ФНИСЦ РАН, в докладе «Экономическое поведение населения как показатель уровня жизни» привела результаты исследования, отвечающие на ключевой вопрос о том, как экономические испытания различной природы влияют на экономическое поведение населения в качестве показателя уровня жизни в прошлом и в современности. По мнению докладчика, в современном мире уровень жизни населения играет важную роль: решение проблемы его повышения гарантирует стабильное развитие страны, уверенность в завтрашнем дне, высокий уровень доверия граждан к государственным и финансовым институтам. В российских реалиях с момента перехода к рыночной экономике формирование грамотного экономического поведения граждан регулярно осложняется действием внешних обстоятельств. В конце XX века это были либерализация цен 1992 г. и дефолт 1998 г. В начале XXI века мы столкнулись с финансовым кризисом 2008 г., «кризисом санкций» 2014 г., кризисом, вызванным пандемией COVID-19, в 2020 г. В 2022 г. в силу геополитического кризиса предвидится одно из самых масштабных экономических испытаний для российской экономики в новейшее время. Как в таких условиях меняется экономическое поведение? Является ли оно лакмусовой бумажкой уровня жизни населения?

В ходе доклада «Человек в экономике: культура versus рынок» Л. А. Булавка-Бузгалина, д. филос. н., профессор философского факультета МГУ им. М. В. Ломо-

носова, отмечает особенности современной культуры. Первая особенность состоит в том, что любое произведение считается актуальным в сфере общественных отношений только тогда, когда оно выступает товаром, а императив «всё на продажу» и товарно-денежные отношения становятся универсальной основой и модулем социального бытия. Мы живем в реальности, где отношения купли-продажи не только закрепили свою власть в социальных формах культуры, но и стали ее новым содержанием. Второй особенностью автор считает тот факт, что культура оказалась под давлением и нарастающим диктатом современного рынка («рыночным тоталитаризмом»). Получается, что три разных сферы общественной жизни (экономика, политика и культура), которые, казалось бы, должны иметь свои особенности, пришли к общему знаменателю — производство товаров и товарных знаков, будь то политический жест или товарный знак в экономике.

Вопросы трансформации современного рынка труда были отражены в докладе Е. А. Ирсетской, к. соц. н., доцента департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ, специалиста департамента специальных программ и мероприятий ВЦИОМ. Спикер отметила, что в связи с кризисом, вызванным пандемией COVID-19, в экономической сфере произошли значимые изменения. Это нашло отражение в падении доходов населения, увеличившейся безработице и изменениях в структуре занятости населения. Анализ касался гендерного дисбаланса на рынке труда, было отмечено более сильное экономическое ухудшение положения женщин, по сравнению с мужчинами, что обусловлено следующими особенностями. Во-первых, введенные противозидемиологические меры ощутимо сказались на секторах, где преимущественно были заняты женщины. Во-вторых, женщины довольно часто занимали рабочие места с условиями неформальной и нестандартной занятости, такими как неполный рабочий день, срочный трудовой договор и др. В результате сокращений работницы с такими условиями занятости испытали негативное влияние пандемии и оказались без работы или столкнулись с сокращением оплаты труда. В-третьих, закрытие детских садов, школ и необходимость заниматься домашними делами параллельно с работой в условиях локдауна привели к тому, что женщины были вынуждены сократить рабочую нагрузку по собственной инициативе, так как были не способны справиться с таким количеством дел одновременно. Все эти обстоятельства усложнили и ослабили положение женщин на рынке труда. В итоге многие женщины не только остались без работы, но и начали терять профессиональный опыт. Описанные тренды на рынке труда будут способствовать увеличению гендерного неравенства, в частности ухудшению экономического положения женщин по сравнению с мужчинами, что главным образом будет проявляться разрывом в уровне оплаты труда.

В совместном выступлении на тему «Финансовое мошенничество в период пандемии: новые тренды в России» С. В. Крошилин, к. техн. н., доцент, старший научный сотрудник лаборатории исследования поведенческой экономики ИСЭПН ФНИСЦ РАН, доцент кафедры математики, физики и медицинской информатики РГМУ им. И. П. Павлова, и Е. И. Медведева, д. экон. н., доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории исследования поведенческой экономики ИСЭПН ФНИСЦ РАН, подчеркнули, что современное общество сталкивается с вызовами, обуслов-

ленными не только прогрессивными технологиями и инновациями, но и факторами, появление которых было сложно предсказать. Всего два года мир живет в условиях пандемии коронавируса, но за это время поведенческие установки и модели претерпели значительные изменения: от «режима самоизоляции» и обязательного «ношения» масок — до работы на «удаленке» и обязательности QR-кодов. Последнее в значительной степени предопределило бурное развитие ИКТ: онлайн-покупки, получение справок и документов, удаленная работа. Востребованность онлайн-формата не только сделала возможным повышение спроса на коммуникационные услуги, ускорило развитие интернет-торговли и интернет-банкинга, но и способствовало появлению новых видов финансового мошенничества с помощью коммуникационных технологий, особенности которого авторы раскрыли в своем докладе.

Е. В. Левина, к. соц. н., старший научный сотрудник Института проблем рынка РАН, доцент департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ, в докладе «Доверие как определяющий фактор экономического поведения индивидов в условиях цифровой экономики» обратилась к проблеме изучения доверия в экономических отношениях в контексте цифровой трансформации. Автор рассматривает данную проблему в трех направлениях: трансформация институционального, личностного и платформенного доверия. Особое внимание в своем выступлении докладчик отвела значению социальной сети «ВКонтакте» (VK) как наиболее активной площадке для обсуждения проблематики. По результатам проведенного контент-анализа данной социальной сети было выявлено, что аудитория VK обсуждает такие вопросы, как «модернизация центров занятости, применение инновационных технологий в поиске и подборе персонала; введение цифровых трудовых книжек, цифровизация различных отраслей производства и социальной сферы». Причем восприятие цифровых технологий у аудитории также положительное, а главные опасения, связанные с появлением новых профессий (и уходом в прошлое старых), возможной безработицей, необходимостью получения новых компетенций, так и не были высказаны на площадке. Интересно, что в обсуждениях процессов цифровизации, цифровой занятости и искусственного интеллекта участвуют как мужчины, так и женщины в возрасте 36—45 лет в равном процентном соотношении.

В ходе выступления к. экон. н., ведущего специалиста группы «Финансовое поведение» ООО «инФОМ» Н. В. Гашениной с докладом «Пандемический и валютный кризисы: социологический взгляд на финансовое поведение россиян» были представлены результаты сравнительного анализа финансового поведения россиян во время двух периодов: валютного кризиса (2014—2015 гг.) и пандемического. Базой для проводимого исследования выступили данные опросов ФОМ. Согласно полученным результатам, валютный кризис был для людей в первую очередь кризисом инфляционным, а пандемический — кризисом в сфере занятости и в настроениях. Сравнение проводилось по трем ключевым тематическим областям: материальное положение, объемы потребления, сфера занятости (включая динамику безработицы, изменение режима труда и его оплаты). В аспекте этих тематических областей автор обнаруживает тенденции, позволяющие ответить на вопросы: как менялись материальное положение, финансовое поведение,

социально-экономические настроения и ожидания населения в целом и его отдельных социально-демографических групп?

В своем докладе «Сетевые инструменты формирования доверия населения к деятельности органов власти в кризисных ситуациях» А. Г. Тюриков, д. соц. н., руководитель департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, подчеркнул, что феноменальная сущность доверия как нигде рельефно проявляется в ситуациях с высоким уровнем неопределенности — в кризисы. Это обусловлено тем, что ожидания, залогом, кредитом доверия акторов взаимодействия основаны прежде всего на предыдущих результатах и прошлом опыте. Другими словами, в кризисы население ожидает результативных действий властей, которые они уже осуществляли в стандартных ситуациях. Если действия имели эффект доверительных отношений, то и в кризисы позитив пролонгируется, а если доверия не было, то зарождается среда дефицита доверия в обществе в целом и к действиям властей в частности.

Выступление Н. Н. Федотовой, д. соц. н., доцента, профессора РАН, профессора кафедры социологии МГИМО МИД РФ, состояло из нескольких частей. В первой половине аудитории были представлены тезисы доклада «Фактор культуры и модернизация: глядя из будущего» д. филос. н., профессора, главного научного сотрудника Института философии РАН. В. Г. Федотовой. Модернизация в докладе трактовалась как процесс, который управляется не только прошлым и настоящим, но и будущим. Эта новая интерпретация модернизации как процесса, исходящего из целей будущего развития, содержащихся в культурах разных обществ, теоретически эвристична и практически полезна в теории и практике осуществления модернизационных процессов для разных стран. Во второй части выступления докладчик представила свое сообщение на тему «Социальные науки и культура». По мнению автора, культура сегодня выдвинулась в центр дискуссий, происходящих в социальных и гуманитарных науках. Эволюция интереса к культуре в социальных науках прослеживается с помощью обращения к роли культуры в экономической науке. Таким образом, культура начинает привлекать внимание и выходить на передний план тогда, когда становится политической силой.

О. А. Александрова, д. экон. н, замдиректора ИСЭПН ФНИСЦ РАН по научной работе, профессор департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, в докладе «Экономическая система и экономическая культура: как найти выход из замкнутого круга?» привела точку зрения, что та или иная экономическая система формирует соответствующую ей экономическую культуру, которая, в свою очередь, определяет модели экономического поведения: горизонты планирования, готовность к кооперации, терпимость к тем или иным девиациям, трудовую этику и т. д. Реализуя детерминированные экономической системой хозяйственные практики, экономические субъекты неизбежно включаются в процесс ее воспроизводства. Сложившаяся в современной России экономическая система имеет немало общих черт с описанным Максом Вебером «авантюристическим капитализмом», притом, что страна остро нуждается в переходе к более созидательной модели. Какие культурные паттерны порождает нынешняя система? Что нужно для выхода из замкнутого круга, в котором неэффективная экономическая система

и порождаемая ею экономическая культура и хозяйственная практика взаимно подпитывают друг друга?

Е. Л. Круглова, к. соц. н., доцент департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ, представила выступление на тему «Страхование как элемент экономической культуры российской молодежи», в котором основное внимание было уделено социологическому исследованию, проведенному в рамках научно-исследовательской работы студентов Финансового университета по теме страхования в России. По результатам опроса студенческой молодежи была выявлена осведомленность респондентов относительно видов страхования, опыт использования тех или иных страховых продуктов, а также проведен анализ перспектив развития рынка страхования в Российской Федерации. В качестве рекомендаций по преодолению кризиса и развитию страховых продуктов было описано восемь блоков с возможными путями решения проблем, каждый из которых коррелирует с выявленными сложностями. Стоит отметить, что в качестве базовой рекомендации по развитию рынка обязательного страхования в России студенческая молодежь выделила образовательный компонент и общее повышение уровня финансовой грамотности населения.

Заведующий учебно-научной социологической лабораторией, аспирант департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ Д. А. Кунижева выступила с докладом «Проактивность осмысления обстоятельств в период неопределенности как характеристика финансовой культуры молодежи». Автор подчеркнула, что среди инструментов развития финансового рынка особую значимость приобретает повышение финансовой культуры и грамотности посредством формирования у граждан осознанного выбора финансовых продуктов и услуг, ограничения рисков потерь и снижения уязвимости граждан недобросовестным практикам. При этом механизм формирования финансовой культуры в современной России обусловлен сложным и внутренне противоречивым комплексом традиций, морально-нравственных норм и правил хозяйственно-экономической деятельности в условиях почти не прекращающейся в течение последних тридцати лет социетальной трансформации. Среди широкого разнообразия показателей финансовой культуры следует уделить внимание субъектности человека в «мире финансов». Это совершенно новая категория в социологическом и экономическом знании, открывающая возможности для проактивного осмысления человеком новых обстоятельств, принятия более эффективных действий в периоды неопределенности, а также включения (укоренения) в финансовую культуру общества и в экономическую систему в целом. Автор представила результаты комплексного социологического исследования, раскрывающие установки современной студенческой российской молодежи на примере студентов Финансового университета: почти 25% студентов намерены заняться инвестициями в различные инструменты финансового рынка с целью пассивного дохода. Является ли данная модель поведения показателем сформированной финансовой грамотности или она есть характеристика их финансовой культуры, которая указывает на слабую субъектность (проактивность) студента в мире финансов? С этим вопросом помогли разобраться эксперты, также участвовавшие в социологическом исследовании.

Д. И. Марков, зам. заведующего учебно-научной социологической лабораторией департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций финансового университета при Правительстве РФ, осветил тему «Долгосрочные экономические ожидания современной молодежи: „русская мечта“, перспективные отрасли производства и накопительные пенсии». В докладе автор приходит к выводу, что развитие национальной производительной экономики невозможно без устойчивой системы взаимных ожиданий между государством, гражданами, бизнесом и общественными институтами. В этой связи представления молодежи о рисках на рынке труда при взаимодействии со сферой долгосрочных инвестиций и страхования будут играть ключевую роль, а доверие к государству как к гаранту, способному предложить и обеспечить перспективную жизненную траекторию, станут основополагающим фактором развития и реализации человеческого капитала в границах сложившейся социально-экономической системы российского общества.

В рассматриваемых докладах внимание спикеров было сосредоточено на анализе различных аспектов, существенно влияющих на формирование и развитие экономической культуры в современных условиях социальной «разбалансировки». Рассматривая культуру, как систему норм и ценностей, спикеры показали, как ценностно-нормативная основа определяет регулирование экономического поведения людей. Структурные элементы экономической культуры были рассмотрены с разных позиций.

Первый элемент — социальные нормы. В ряде докладов отмечалось, что наряду с существующими социальными нормами, обусловленными объективными потребностями развития экономики, в современном обществе возникают новые нормы, которые наряду с позитивными изменениями ведут к дестабилизации и нарушению баланса функционирования всей экономической системы в целом.

Следующий значимый элемент экономической культуры — ценности. В ходе презентации данных собственных исследований спикеры отмечали, что социальные ценности смежных сфер общественной жизни (политики, образования, культуры) оказывают существенное воздействие на экономические процессы.

Третий элемент, анализу которого также были посвящены доклады на секции, объединяет экономические интересы, ожидания, стратегии экономического поведения людей разного социального статуса и положения в общественной иерархии.

Реализуя экономические поведенческие стратегии, люди руководствуются прежде всего следующими аспектами: ценностью индивидуального труда и построением индивидуальной карьеры; получение большего заработка и материальное благополучие; актуализация ценности высшего образования как средства для повышения социального статуса и успеха на рынке труда; ориентация на либеральный путь экономического развития при условии частичного вмешательства государства в вопросы экономического регулирования.

Анализ современной экономической культуры неразрывно связан с изучением экономического поведения человека. В этой связи спикерами была затронута проблематика финансовой грамотности россиян. Дискуссия по проблемам экономического устройства российского общества находится в состоянии поиска путей преодоления сложившегося кризисного состояния и негативных послед-

ствий, которые повлекли за собой два предшествующих пандемийных года. Риски, связанные с вероятностью высокой инфляции, сложившейся геополитической ситуацией и санкциями, создают деструктивный фон для экономического роста. Социально-экономическая политика, проводимая государством, а также описанные выше обстоятельства выступают основой воспроизводства и закрепления негативных культурных архетипов и паттернов поведения в сфере финансовой грамотности населения России. Финансовый рынок стремительно развивается. Большое влияние на этот процесс оказывает внедрение цифровых технологий и появление новых финансовых инструментов, что часто требует от пользователей новых знаний для использования соответствующих продуктов. Работа структур государственного управления и регулирования позволит обеспечить эффективное взаимодействие потребителей с финансовыми институтами, повысить финансовую грамотность населения. В итоге в условиях растущей коммерциализации социальной сферы и увеличения стоимости жизни в целом россияне смогут в индивидуальном порядке, не рассчитывая на государственные ресурсы, финансировать свои потребности в пенсионном обеспечении, образовании, медицинской помощи и др.

Другой значимой темой для исследования, которая звучала в докладах выступавших, является проблематика социального доверия как ключевого фактора социально-экономического развития страны. Анализируя финансово-экономическую сферу, необходимо учитывать культурные составляющие при объяснении уровня доверия населения социальным институтам и правовой системе государства в целом. Доверие выступает главным ресурсом общественного развития, влияет на функционирование экономической системы общества, а также способствует повышению социального благосостояния. Спикеры в ходе дискуссии обратили внимание на то, что доверие важно анализировать как социальный капитал, который представляет собой важный ресурс общественного развития и обеспечивает эффективное функционирование политических и экономических систем общественной жизни.

В целом обзорная статья, анализирующая доклады, представленные на секции, является публичной научно-практической апробацией результатов исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ, и материалом для практических рекомендаций и исследовательских выводов, которые важно принять во внимание при реализации мер по достижению стабилизации российской экономики с учетом новых общественных вызовов.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.4.2264](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2264)

С. Г. Давыдов

ИНФОДЕМИЯ И ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ СОЦИОЛОГОВ

Правильная ссылка на статью:

Давыдов С. Г. Инфодемия и ее исследования глазами молодых социологов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 343—353. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2264>.

For citation:

Davydov S. G. (2022) Infodemic and its Research through the Eyes of Young Sociologists. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 343–353. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2264>. (In Russ.)

ИНФОДЕМИЯ И ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ СОЦИОЛОГОВ

ДАВЫДОВ Сергей Геннадьевич — кандидат философских наук, доцент общепедагогической кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия; доцент департамента социологии факультета социальных наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: sdavydov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8455-9976>

Аннотация. Публикация содержит результаты онлайн-дискуссии по материалам секции XI Международной Грушинской социологической конференции «Фейки и их цифровые следы: подходы к анализу социальных проблем через цифровые данные», которая состоялась 25 октября 2021 г. В обсуждении приняли участие студенты первого курса магистерской программы «Социология маркетинга и рекламы» Московского городского педагогического университета (МГПУ) Сергей Коротеев, Вячеслав Кухарев, Егор Лисовский, Михаил Наумов, Елена Страмнова и Наталья Цой. Модератор дискуссии — Сергей Давыдов (МГПУ/НИУ ВШЭ).

Ключевые слова: инфодемия, фейки, социальные медиа

INFODEMIC AND ITS RESEARCH THROUGH THE EYES OF YOUNG SOCIOLOGISTS

Sergey G. DAVYDOV^{1,2} — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor at the Universitywide Department of Philosophy and Social Sciences, Institute of Humanities; Associate Professor at the School of Sociology, Faculty of Social Sciences; Senior Research Fellow, International Laboratory for Social Integration Research
E-MAIL: sdavydov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8455-9976>

¹ Moscow City University, Moscow, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The publication contains the results of an online discussion based on the panel of the XI International Grushin sociological conference “Fakes and their digital footprints: approaches to the analysis of social problems through digital data”, which took place on October 25, 2021. The discussion was attended by first-year students of the master’s program “Sociology of Marketing and Advertising” of the Moscow City University (MCU) Sergey Koroteev, Vyacheslav Kukharev, Egor Lisovsky, Mikhail Naumov, Elena Stramnova and Natalia Tsoi. Discussion moderator — Sergey Davydov (MCU/HSE).

Keywords: infodemic, fakes, social media

Что это было? Самоощущения и попытки анализа

Участники дискуссии по материалам секции XI Международной Грушинской социологической конференции «Фейки и их цифровые следы: подходы к анализу социальных проблем через цифровые данные»¹ в целом разделяют точку зрения, согласно которой в условиях пандемии COVID-19 существенно трансформировались социальные отношения. Изменения носили комплексный характер и происходили на фоне угрозы новой вирусной инфекции. Доступной информации о заболевании было весьма много; пандемия актуализировала потребность в сведениях о том, как распознать болезнь, как она протекает, кто находится в группе риска, какова профилактика, возможности лечения и т. д. Вскоре к этому добавилась информация о социальных ограничениях и регламентах, вводимых на различных уровнях — федеральными или местными властями, руководителями организаций и предприятий и т. д. При этом новости часто были недостоверными, противоречивыми, трактовались некорректно.

Следует отметить, что термин «инфодемия» не новый, он означает ситуации лавинообразного распространения потоков информации низкого качества, лживой, вводящей в заблуждение. В контексте COVID-19 его использовал генеральный директор ВОЗ Тедрос Адханом Гебреисус еще в марте 2021 г. Термин встречается в статьях и выступлениях некоторых российских социологов, анализирующих медийное освещение коронавирусной повестки.

По мнению участников дискуссии, во время пандемии и инфодемии явно обозначилась проблема социального доверия. С одной стороны, она напрямую затронула власть в широком смысле, включая экспертные группы и сообщества, а с другой стороны, ярко проявилась на уровне горизонтальных взаимодействий и связей.

В. Кухарев: «Поток информации во время начала пандемии можно сравнить с поисками веры. По факту коронавирусная инфекция стала для людей неизведанным, новым. Сталкиваясь со сложными жизненными ситуациями, люди иногда идут в храм, в монастырь. Так же и здесь. Все эти фейки начинают обретать популярность, потому что люди в них верят. Они не понимают, что происходит, и пытаются найти ответ. Этот ответ не всегда научный, но он им нравится, и они больше ему доверяют.

Бороться с фейками не удастся из-за низкого уровня доверия к власти. Люди не всегда верят достоверным официальным источникам. Информация, которую они распространяют, может не соответствовать видению людей, той или иной ситуации.

Самый простой пример. Когда в России началась вакцинация, возникший скепсис был основан на том, что во всем мире вакцины нет, а у нас она появилась за полгода. Как это так? Новая коронавирусная инфекция еще не изучена, а вакцина уже есть».

Е. Страмнова: «Есть несколько нюансов. Первый: российская наука давно утратила доверие общества. Было время, когда люди не задумываясь делали

¹ Секция была проведена 19 мая 2021 г. онлайн, модератор — Александра Архипова**, старший научный сотрудник ЛТФ ИОН ШАГИ РАНХиГС. Материалы секции доступны по ссылке: https://profi.wciom.ru/nauchnaja_rabota/conferences/conference_2021/conference_2021program/section/?uid=5 (дата обращения: 21.08.2022).

Здесь и далее: ** 26.05.2023 внесена в реестр иностранных агентов.

прививки, верили, что это спасет множество жизней, не задавали вопросов, как это на них повлияет, будет ли побочный эффект. Граждане шли на вакцинацию, глубоко веря в медицину нашей страны. Была стопроцентная уверенность в том, что людям хотят добра, доверие и к науке, и к государству. А сейчас врачей, педагогов принудительно заставляют вакцинироваться. Получается, интеллектуальная элита отрицает вакцинацию; естественно, остальные тоже начинают сомневаться в ее качестве.

Второй нюанс — это низкая информированность населения. Самый простой и понятный способ прочесть новость — в интернете, в социальных сетях. Никто не будет искать научные журналы, которые индексируются в Scopus и Web of Science, которые признаны мировым научным сообществом. Будут искать доступную, несложную для понимания информацию. В этом упущение государства, потому что нет такого органа или сервиса, который бы все это перерабатывал и выдавал честные новости в соцсетях: Twitter, Instagram*² — причем в такой форме, которая была бы понятна обычным людям.

Мне показался важным последний вопрос про информированность общества о смертности от COVID-19. Мне приходилось слышать от знакомых: „Почему от нас скрывают эту информацию?“. А эта информация есть, она открыта. Люди не знают, как ее найти — кроме специалистов, конечно. И профессионалы должны донести ее до остальных.

Информация очень сильно искажается. Я не знаю, как с этим справиться. Один говорит одно, второй понимает абсолютно другое, воспринимает только 10% того смысла, который человек пытается донести, добавляет абсолютно непонятно откуда взявшуюся информацию. Как заметили в завершении этой конференции, единственное решение — заниматься просвещением детей, медиаграмотностью со школьной скамьи».

С. Коротеев: «Поддержу Елену. В коронавирусные времена я столкнулся с полнейшим информационным хаосом. У нас в стране сразу появился миллион экспертов, которые выдавали абсолютно противоречивую информацию. Я простудился, вызвал врача. Врач пришел и сказал, что коронавируса нет, это все бредни. Лечитесь, как обычно, от ОРЗ, ничего страшного. Когда крестили племянника, батюшка в церкви сказал: „Коронавирус — это мракобесие, никакого коронавируса нет. Забудьте эту историю, как страшный сон!“ Был в деревне, там люди смотрят телевизор, передачу с Гордоном на „Первом канале“. Гордона почему-то ценят как знающего специалиста, эксперта: „Он сказал, что прививаться не надо, поэтому мы не прививаемся“. В то же время было весьма проблематично узнать официальную позицию власти. Даже по „Первому каналу“ были дискуссии, разные мнения, но не более того.

Скажем, в Дании нет никаких ограничений, 85% вакцинировано, и все благодаря четкой информационной политике. У них был назначен специалист, который ежедневно сообщал всей стране ситуацию от имени медиков и правительства. Сейчас датчане ездят без масок, у них нет никаких ограничений, локдаунов. А у нас очередной локдаун».

² Здесь и далее * означает социальную сеть, деятельность которой запрещена на территории РФ.

Н. Цой: «Я бы хотела сказать об эффекте толпы и эмоциональном факторе. В первом докладе³ показана статистика, как рост фейков напрямую коррелирует с ростом тревожности. Этот общий эмоциональный фон влияет на ситуацию. Вспоминается ситуация с небезызвестной трагедией в „Зимней вишне“, когда фейки преувеличивали количество погибших. Причем их распространяли не только обыватели, но и сами врачи. Это делалось не специально, волнение и страх захватили даже медицинских работников, экспертное сообщество. Моя родственница рассказывала, что морги переполнены, и цифры, которые называют, неверные. А потом она узнала, что это огромный фейк.

Я для себя отметила, что ранее существовал устойчивый фейк про вакцинацию от гриппа. Якобы прививка от гриппа вызывает жуткие осложнения. Ряд родителей запретили ставить эту прививку своим детям в школах. На существующий стереотип накладывается информация, что и эта вакцина не без изъяна, ее нужно опасаться».

М. Наумов: «Появилась новая болезнь, с которой никто не может справиться. Естественно, что в обществе миллион мнений, каждый будет высказывать свое. Как было сказано в исследованиях, сказывается эффект сломанного телефона. Эффекты передачи информации из уст в уста в разы усиливаются с помощью соцсетей. Это страшная вещь.

Я читаю очень много противоречивых сообщений. Первая мысль, которая приходит в голову: нет, не верю. А потом смотришь на репосты, комментарии, и понимаешь, что все верят. Начинает работать эффект толпы. Если начинаешь проверять, то понимаешь, что это фейк. Но все проверить невозможно. Вал неподтвержденной информации давит, ее невозможно искоренить».

В. Кухарев: «Поиск истины так же, как любое занятие, имеет свой порог вхождения. Если мы из России пытаемся найти какой-либо первоисточник, порогом вхождения будет банальное знание английского языка, которым обладают не все. Часть людей не знают первоисточника и более склонны доверять перефразировкам, переводам. Это эффект сломанного телефона.

Одна из причин влияния на фейки в ситуации с коронавирусом — смена ценностных ориентиров в приоритетных направлениях. Все знают, что в 2020 г. были протесты, и COVID-19 отошел на второй план. На этом фоне зародилась культура отмены. Ее жертвой стал тот же Трамп. Никто не слушал Трампа потому, что Трамп — сексист и расист. Все его призывы не пользовались особой популярностью».

Е. Лисовский: «Я бы хотел поделиться своим взглядом на проблему фейковой информации в интернете. Я очень сильно ощутил ее летом 2021 г., когда началась условно принудительная вакцинация. В интернете тогда было очень много фейков относительно того, что сама по себе вакцинация — это геноцид, что у тех, кто сделает прививку, будут ужасные последствия.

Это на меня тоже повлияло. Я сомневался, нужно прививаться или нет. Перед тем как поставить первую часть вакцины, я почувствовал себя плохо, ощутил это на себе.

В более-менее взрослом возрасте я всегда отдавал себе отчет, что в интернете много лживой, неактуальной, фейковой информации. В какой-то момент я поду-

³ Доклад А. Архиповой**, С. Бондарькова, И. Лошица и Д. Радченко «„Работает или правда?“: как люди ищут фейки».

мал: „Зачем верить в то, что я вижу в интернете? Почему бы к любой информации, которую я вижу в интернете, не относиться, как к фейку?“ В итоге для меня это стало проблемой. Непонятно, как жить, если ни во что не верить. Надо постоянно совершать какой-то выбор в плане того, какую информацию я принимаю, какую не принимаю, на основании каких критериев я это делаю».

Язык инфодемии

Одной из тем студенческой дискуссии стал язык, используемый для описания новых социальных реалий, в том числе в рамках секции. От внимания участников обсуждения не ускользнул тот факт, что ключевые термины, которые использовали докладчики — включая *фейк* и *фейк-ньюс*, — встречаются в разных значениях, применительно к разнообразным текстам и контекстам.

Молодые социологи считают, что *фейк* — удачный и яркий термин, который привлекает внимание к проблеме. В то же время в русском языке есть большое количество слов (например, «дезинформация», «ложь», «неправда», «вымысел», «домысел» и т. д.), вполне релевантных для тематики секции, однако встречавшихся сравнительно редко. Для описания «дивного нового» информационного мира необходим новый язык, который не успел сформироваться, однако потребность в нем для участников обсуждения очевидна.

Е. Страмнова: «Мне нравится термин *фейк-ньюс*. Есть мнение, что наш язык и так красивый, надо использовать русские слова. Почему мы говорим „меседж“, а не „сообщение“? Но язык гибок, поэтому появляются иностранные слова, никуда от этого не деться. В данном случае *фейк* звучит классно — броско, ярко, интересно.

Если говорить об определении, то дословно *fake* с английского — фальшивка, подлог, подделка, утка в газете. Фальшивка делается намеренно, запускается с какой-то целью. Это не просто нечаянно перефразированная, искаженная идея. Это так задумано».

В. Кухарев: «С *фейком* ситуация может быть двоякой. Есть такой термин, как *постправда*. Какая-то новость, которая кажется абсолютно невозможной, со временем оказывается правдивой. В последнее время проблема в том, что иногда сами *фейки* становятся правдой.

Объясню на примере. Может быть, кто-то из здесь присутствующих слышал про *Assassin's Creed Valhalla*. Это игра про викингов, и там есть женщина-викинг. В связи с этим стал изучаться вопрос, могла ли среди викингов, воинов присутствовать женщина. всплыла информация, что якобы среди викингов были даже трансгендеры, что они были гомосексуальны. Начали разбираться, откуда растут ноги, и оказалось, что источник — псевдоисторик, наподобие тех, которые работают на РЕН-ТВ. Но многие не полезли в первую публикацию, не стали разбираться и приняли это за чистую монету. С одной стороны, это *фейк*, с другой — многие люди считают это правдой. Для людей, которые верят в информацию, она не является *фейковой*».

Н. Цой: «Тут сложная ситуация. С одной стороны, журналисты прописывают *фейки* — кричащие, кликабельные названия, которые нагоняют трафик и повышают просмотры. У этого есть заведомые цели. Хороши они или нет с мораль-

ной точки зрения, не обсуждается. С другой стороны, врачи, будучи на эмоциях, в общем потоке, сами распространяют фейки. Можно ли это назвать одним словом? Наверное, все-таки нет. В законе была сделана попытка сформулировать, что такое фейк и в каких случаях за его распространение наказывают. У тебя нет медицинского подтверждения, но ты веришь, что это работает. Никто тебе не может запретить в это верить.

В докладах было много примеров того, как так называемые фейки распространялись абсолютно ненамеренно. Каждый добавлял что-то со своей колокольни, и в результате появлялись новые смыслы и ассоциации. Думаю, что скоро появятся классификация фейков. Возможно, для обозначения некоторых из них мы будем использовать наши исконно русские слова».

Фейки как объект социологических исследований

Молодых социологов заинтересовала не только тема секции, но и исследования, вокруг которых строилось обсуждение. В дискуссии были упомянуты все прозвучавшие доклады. Общий уровень секции был оценен высоко. Некоторые выступления студентов были весьма эмоциональными, что свидетельствует о личной заинтересованности дискуссионтов и вовлеченности в исследовательский контекст.

Выделим два направления, которые привлекли внимание студентов в наибольшей степени. Во-первых, это методика изучения информационных каскадов, нашедшая отражение в выступлении И. Овчинниковой, Л. Ермаковой, Д. Нурбаковой «Гидроксихлоракиновые войны: как рождается дезинформация в информационных каскадах». Молодых социологов впечатлили и новые средства распространения информации, и возможности современной социологии в области их анализа.

Во-вторых, это доклад М. Гавриловой «Цифровая кожа „лукового рецепта“ от COVID-19». Автор анализирует онлайн-бытование «народного» рецепта обеззараживания воздуха луком, получившего распространение в марте 2020 г. на платформах WhatsApp и Telegram. Дискуссия вокруг «лукового» кейса оказалась наиболее оживленной.

М. Наумов: «Мне понравилась самая первая презентация про то, сколько каскадов создают популярные личности⁴. Они привели пример Илона Маска, Дональда Трампа и других лиц, идеи которых активно тиражировались в 2020 г. Это как столкновение двух титанов: Трамп и Маск как бы решили посоревноваться, кто лучше умеет распространять информацию. Трамп явно победил, создав цепочку из девяти уровней. Это какое-то безумие!

Билл Гейтс, наоборот, старался выбраться из каскада, но сработал обратный эффект. Он пытался разоблачить фейк, но сам был втянут в фейковые истории, стал всего лишь звеном цепочки.

В свое время был взлет стоимости цифровой валюты — биткойна. Первый раз он дополз до отметки 55 тыс. долларов за единицу и потом снизился до 20 или до 25 тыс. Это был полный фейк. Сначала информация распространялась среди своих, через „сарафанное радио“, но это повлияло на серьезные структуры, которые решили вложить туда деньги.

⁴ Доклад А. Архиповой**, С. Бондарькова, И. Лошица и Д. Радченко «„Работает или правда?“: как люди ищут фейки».

Мне понравился еще пример этого года. В начале лета пользователи с форума Reddit смогли обрушить финансовый американский рынок. Собрались порядка 10 или 15 тыс. пользователей и все вместе стали покупать какие-то акции чуть ли не за 1 доллар. За 16 часов они подняли стоимость компании, которая ничего не стоила, с тремя сотрудниками, на уровень Ford, показав несостоятельность финансовой системы. Это не фейк, это жест со стороны гражданского общества, показывающий, что система не работает».

Е. Страмнова: «Я бы хотела отметить выступление про Twitter⁵. Любопытное сравнение твитов. Заметно, что выступающая [И. Овчинникова] хорошо владеет темой, она очень интересно рассказала о ней. Была представлена информативная и хорошо визуализированная презентация.

Самый последний выступающий рассказывал про сайт Coronafakes, сделал важные выводы, но сама презентация не очень впечатлила. Спикер в конце выступления справедливо отметил, что на сайте присутствует политическая составляющая. Авторы сайта не делают ссылки на официальные источники при попытке развенчивать фейки. Выступающий показал несостоятельность этого сайта. Неплохой результат».

Е. Лисовский: «Хотел бы отметить выступление со статистикой по фейковым новостям в Украине⁶. Мне показалось, что это мощная, глобальная работа. Там приводились большие массивы данных, которые были очень грамотно и наглядно представлены».

Е. Страмнова: «Вот тот же лук. Что в нем плохого? Нет, конечно, он не спасет от коронавируса. Но все знают бабушкины рецепты: когда болеешь ОРВИ, поставь с собой рядом лук и чеснок, это укрепит твоё здоровье, пока организм ослаблен, эфирные масла этих овощей убьют микробов. Это никак не помешает выздоровлению. Может быть, это будет вспомогательным инструментом, но, конечно, это заболевание луком не побороть».

Про лук было слушать забавно. Довольно-таки простое выступление для восприятия, очень хорошо визуализированное. Отлично продемонстрировано, как зарождается фейк».

Н. Цой: «С одной стороны, кажется, что фейк про лук не несет в себе очевидного вреда, потому что лук вряд ли сделает кому-то хуже. Но я задумалась о том, что некоторые люди будут считать этот рецепт с луком правдой. И в какой-то степени они будут считать, что им больше ничего не нужно делать, они и так берегут здоровье. Они будут приравнивать этот метод к устоявшимся медицинским процедурам с доказанной эффективностью. Конечно, не все, но некоторый процент людей. В этом и заключается косвенная опасность».

Зачем людям нужен рецепт этого лука, какую функцию он выполняет и почему так популярен? Исследователь очень четко это доложила. В этом плане ее доклад был одним из самых структурированных. Там были как содержательные факторы успешности фейка, так и стилистические.

⁵ Доклад И. Овчинниковой, Л. Ермаковой, Д. Нурбаковой «Гидроксихлоракиновые войны: как рождается дезинформация в информационных каскадах».

⁶ Доклад Т. Блохиной «Инфодемия COVID-19 в Украине: особенности распространения и варианты противодействия».

Прежде всего, этот рецепт подтверждает существующие у людей знания. Лук полезен, это прекрасно укладывается в голове, и порождает противоречия. Плюс это из разряда „дешево и просто“. Мы можем много раз повторить, что препарат за тысячи долларов сделает человека здоровым, но эта информация не будет иметь никакой ценности для человека, если он не может его приобрести. И другое дело, когда говорят, что продукт, который ты видишь каждый день и который лежит у тебя в холодильнике, может спасти тебе жизнь. Это залог успешности фейка.

Есть несколько манипулятивных приемов. Например, апелляция к авторитетному источнику. Этот авторитетный источник меняет свою национальность в зависимости от того, в какой стране распространяется новость. У нас в России больше верят китайским или израильским врачам, чем американским, в других странах — по-другому. Это необязательно врач, может быть и „дядя фээсбэшник“. Другой манипулятивный прием — использование риторических формулировок, которые очеловечивают информацию. Это не бюрократическая инструкция, а призыв передать другим, распространять, спасти кому-то жизнь. Это тоже работает.

Луковый рецепт существует уже десять лет и до сих пор жив потому, что легко адаптируется. Если он лечил свиной грипп, то почему бы ему не лечить коронавирус?»

В. Кухарев: «У нас в России это прижилось. Когда я учился в школе, каждый раз в начале сезона гриппа можно было увидеть детей из младших классов с привязанными на шею яйцами от „киндер сюрприза“. Там внутри чеснок. Это древний метод, и он пользуется популярностью».

Что делать?

В заглавие раздела вынесен вопрос, который, безусловно, волновал слушателей конференции применительно к предметной области секции и который прозвучал во время дискуссии. Молодые социологи не прошли мимо рекомендательной части, которая, по их мнению, оказалась двойственной и недостаточно убедительной, хотя попытка дать ответ на один из главных вопросов российской жизни применительно к инфодемии и информационным фейкам и была отмечена.

С одной стороны, участники обсуждения согласны с тем, что главный способ борьбы с недостоверными новостями — не стараться опровергать их, так как любая реакция повышает количество просмотров, то есть делает сообщение более популярным. Возможность отличить фейковую информацию от правдивой — признак цифровой грамотности, которую необходимо развивать уже в детском возрасте. С другой стороны, в определенных ситуациях критического мышления и саморегулирования может быть недостаточно. В качестве примера была приведена нашумевшая история онлайн-групп самоубийц «Синие киты». В случаях, когда контент представляет социальную опасность, необходимо вмешательство государства и компетентных органов.

Н. Цой: «Мне показалось, между выступающими было противоречие. Разумеется, у всех один вопрос — как победить эти фейки, как от них избавиться? Когда был задан вопрос из Zoom, докладчики чуть ли не хором ответили, что ни в коем случае нельзя на них реагировать. Писать под фейком, что это фейк,

не читайте это, — это поднимать фейк наверх. У него больше просмотров, охватов, его читают. Это было довольно четким выводом.

Но далее последовал доклад девушки из Украины⁷, которая говорила, что, наоборот, фейки нужно публично и активно опровергать. В дальнейшем этот вопрос не обсуждался».

Е. Страмнова: «Нам неизвестны негативные последствия лечения корона-вируса луком. То есть нельзя сказать, что эта информация привела к серьезным последствиям. Но вспоминается другая история распространения ложной информации — с суицидальными последствиями, когда дети через соцсети получали сообщения, приглашающие вступить в игру. Существовала организация „Голубой кит“, действия которой были остановлены, к счастью. Они создали игру, в конце которой нужно было сделать шаг, так сказать, в потусторонний мир, а на самом деле покончить с жизнью. Подростки не понимают, что, закончив жизнь, они прекращают существовать. Они думают, что будет какая-то перезагрузка, как в игре. В таких ситуациях должна вестись очень серьезная работа по выявлению таких организаций, по профилактике вступления детей в такие сообщества. Нельзя оставлять подобные сообщения без внимания. В этой работе должны принять участие все — и политики, и государство, и психологи, и родители».

В. Кухарев: «Елена вспомнила про „Синего кита“. Была озвучена версия, что фейки, которые очень популярны, надо централизованно развеивать. Но с тем же „Синим китом“ сложилась такая ситуация, что из-за того, что об этом начали говорить по телевидению, везде, жертв стало только больше. „Синего кита“, наоборот, расфорсировали. С фейками может случиться такая же ситуация».

Во всех докладах, кроме последнего, с луком, можно проследить патерналистский подход. Да, есть фейки, такое сетевое явление, но с ними должны бороться определенные органы. Это не панацея и, наоборот, может привести только к усугублению ситуации.

Есть проблема, связанная с унификацией информации, единообразием мышления. Человек со школы получает определенную точку зрения. Самый простой пример — из урока литературы. „Преступление и наказание“: Соня Мармеладова — отрицательный персонаж? С точки зрения учебника, отрицательный. Мир делится на черное и белое.

В информационном пространстве человек сталкивается с новой для себя информацией, которая порождает сомнения. Получается, есть другие точки зрения, и человек начинает им верить».

М. Наумов: «Ложную информацию можно использовать в обе стороны, это сложная ситуация. Если она выходит за рамки закона, как с теми же запрещенными группами, которые провоцируют человека на совершение самоубийства, должны вмешиваться правоохранительные органы».

Но есть ли инструмент для отслеживания всех сообщений? Это сложно. Человечество производит колоссальное количество информации. Каждый год это количество только увеличивается. Мы уже привлекаем искусственный интеллект,

⁷ Имеется в виду Т. Блохина и ее доклад «Инфодемия COVID-19 в Украине: особенности распространения и варианты противодействия».

алгоритмы для отслеживания таких групп, но этого недостаточно. Это означает, что проблема лежит где-то глубже.

Скорее всего, проблемы нужно решать именно через знания, информирование людей с детского возраста, потому что это эффективнее. Даже сейчас есть такие замечательные люди, которые называют вышки 5G рассадниками, призывают носить шапочки из фольги. Кто-то относится к цифровым технологиям скептически, а для кого-то, наоборот, это очень эффективный инструмент. Дети обращаются с гаджетами гораздо лучше, чем их родители. Другой вопрос, насколько они критичны? Надо учиться и еще раз учиться».

DOI: [10.14515/monitoring.2022.4.2285](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2285)

И. А. Вершинина, А. В. Лядова

**ГОРОДА — ОСТРОВА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ НАДЕЖДЫ?
РЕЦ. НА КН.: JON I. CITIES IN THE ANTHROPOCENE:
NEW ECOLOGY AND URBAN POLITICS.
LONDON: PLUTO PRESS, 2021**

Правильная ссылка на статью:

Вершинина И. А., Лядова А. В. Города — острова экологической надежды? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 354—363. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2285>. Рец. на кн.: Jon I. Cities in the Anthropocene: New Ecology and Urban Politics. London: Pluto Press, 2021.

For citation:

Vershinina I. A., Liadova A. V. (2022) Are Cities Islands of Ecological Hope? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 354–363. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2285>. Book Review: Jon I. (2021) Cities in the Anthropocene: New Ecology and Urban Politics. London: Pluto Press. (In Russ.)

ГОРОДА — ОСТРОВА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ НАДЕЖДЫ? РЕЦ. НА КН.: JON I. CITIES IN THE ANTHROPOCENE: NEW ECOLOGY AND URBAN POLITICS. LONDON: PLUTO PRESS, 2021

ВЕРШИННИНА Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии, социологический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
E-MAIL: urbansociology@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6186-4388>

ЛЯДОВА Анна Васильевна — кандидат социологических наук, кандидат исторических наук, доцент кафедры современной социологии, социологический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
E-MAIL: annaslm@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2820-8589>

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу австралийского социального исследователя Инджи Джон «Города в эпоху антропоцена: новая экология и городская политика». В своей работе автор предлагает новый подход к разработке экологической политики, основанный на концепции антропоцена, в рамках которой природные явления рассматриваются как субъекты социальных отношений, что предполагает иное, отличное от традиционного инвайронментализма, понимание и измерение их последствий. Автор указывает, что в условиях современного состояния окружающей среды и слабой эффективности международных усилий по ее сохранению реальными площадками для активизации новой экологической политики, которые могут продемонстрировать роль «природы» в повседневной жизни чело-

ARE CITIES ISLANDS OF ECOLOGICAL HOPE? BOOK REVIEW: JON I. (2021) CITIES IN THE ANTHROPOCENE: NEW ECOLOGY AND URBAN POLITICS. LONDON: PLUTO PRESS

*Inna A. VERSHININA*¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology
E-MAIL: urbansociology@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6186-4388>

*Anna V. LIADOVA*¹ — Cand. (Soc.), Cand. (Hist.), Associate Professor, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology
E-MAIL: annaslm@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2820-8589>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The article reviews the book by the Australian sociologist Ihnji Jon “Cities in the Anthropocene: New Ecology and Urban Politics” (Ihnji Jon. Cities in the Anthropocene: New Ecology and Urban Politics. Pluto Press. 2021. 176 p. ISBN: 978-0745341491). The author proposes a new approach to the development of environmental policy based on the concept of the Anthropocene, which considers natural phenomena as actors of social relations, which in turn implies a different understanding and measurement of their consequences than traditional environmentalism. The researcher points out that taking into consideration the current ecological situation and the weak effectiveness of international efforts to preserve it, urbanized territories are real platforms for activating a new environmental policy that can demonstrate the role of “nature”

века и способствовать формированию экосознания и экокультуры, являются урбанизированные территории. Именно в городах возможна реализация концепции новой экологической политики, поскольку города как сложные социальные системы обладают рядом качеств, отличающих их от других пространственных образований, а именно интенсивностью социальных взаимодействий, их сложностью, непредсказуемостью и уникальностью. В качестве подтверждения своих теоретических выводов Инджи Джон приводит ряд примеров, демонстрирующих возможности предлагаемой ею концепции новой городской экополитики.

Ключевые слова: Инджи Джон, антропоцен, новая экология, урбанизация, повседневные практики

in our everyday lives and contribute to the formation of eco-consciousness and eco-culture. Modern cities can be used to implement a new environmental policy as they are complex social systems, with the intensity of social interactions, complexity, unpredictability and uniqueness. To confirm her theoretical conclusions, Ihnji Jon gives some examples in her work that demonstrate the possibilities of her concept of a new urban ecological policy.

Keywords: Ihnji Jon, antropocene, new ecology, urbanization, everyday life

В середине 2021 г. была опубликована работа австралийской исследовательницы Инджи Джон «Города в эпоху антропоцена: новая экология и городская политика» [Jon, 2021], в центре внимания которой находится экологическая проблематика, приобретающая все большее значение для современной социологии.

Инджи Джон — социальный исследователь и ведущий преподаватель урбанистики в Школе дизайна Мельбурнского Университета (Австралия). Область ее научных интересов — устойчивое развитие городских территорий. Наряду с этим автор, чья диссертация об использовании концепции устойчивого развития в городском планировании получила стипендию Шатобриана посольства Франции в США, сочетает научную деятельность с участием в ряде проектов по сравнительному исследованию опыта устойчивого развития городов, как например, «Сеть творческих городов» (при поддержке ЮНЕСКО) и «Программа портовых городов» (при поддержке ОЭСР). Тем самым она пытается разрушить барьер между наукой и гражданским активизмом [ibid.: 71] и способствует реализации принципов «инвайронментального прагматизма», которые рассматривает в своих работах.

В центре ее внимания оказываются именно города, поскольку, с точки зрения автора, национальным правительствам довольно сложно договориться о реальных действиях по защите окружающей среды, что и демонстрирует судьба Парижских соглашений по климату. По мнению Инджи Джон, в условиях глобализации экологическая проблематика актуализировалась, однако на современном этапе развития мирового сообщества предпринимаемые на международном уровне меры неэффективны. Причина этого, по мнению автора, в неолиберальном

векторе планетарного развития, который приводит к ранжированию территорий по четко заданным критериям (местный, региональный, национальный, мировой), определяя их значимость и роль для осуществления глобальных задач, а отсюда и распределение ресурсов [ibid.: 9, 10]. При этом, как подчеркивает исследовательница, не имеет значения масштаб проблемы для самой этой территории, во внимание принимается именно ее место в мировой политике. Из-за этого попытки создать систему управления и регулирования экологической повестки на межнациональном уровне не достигают ожидаемого эффекта — в силу несоответствия государственных интересов, что в итоге, как пишет автор, ведет к трагическим последствиям для местных сообществ и планеты в целом [ibid.: 11].

В своей критике «политики масштаба» (politics of scale) автор опирается на идеи британско-американского социального географа Нила Смита [Smith, 1984], который в конце прошлого столетия, исследуя проблемы джентрификации, пришел к выводу, что современная неolibеральная парадигма в политике функционирует по одностороннему принципу: выступая благом для одних, она оборачивается трагедией для других [Smith, 1996].

Сложившуюся в современном мире ситуацию вследствие экологической «безответственности» автор характеризует термином британско-канадского исследователя Гвина Дайэра «климатическая анархия», когда под влиянием изменения климата вопрос выживания человека в трансформирующейся среде становится гораздо актуальнее, чем территориальный статус государств, включая и их суверенитет [Dyer, 2008: 188]. Инджи Джон, следуя логике Дайэра, подчеркивает, что в условиях климатических коллапсов, с которыми человечество сталкивается все чаще, возникает насущная потребность реального осмысления происходящих процессов, необходим отход от абстрактной модели окружающей среды как некой сущности с заданными параметрами к анализу ее динамики в реальном времени и с учетом реальных последствий [Jon, 2021: 12].

В свою очередь разработка данного подхода в рамках прагматического инвайронментализма требует создания «новой экологической политики», основанной на коллективных действиях разных уровней: местного, национального и планетарного, с учетом приоритета интереса конкретного сообщества с его повседневной спецификой.

В сложившейся ситуации именно города, как считает автор, могут стать площадками для активизации экологической политики и продемонстрировать роль «природы» в повседневной жизни, тем более «экологические проблемы по своей сути являются как глобальными, так и локальными» [ibid.: 32]. Необходимо отметить, что не только Инджи Джон возлагает большие надежды на города: ряд современных исследователей [Khanna, 2016: 59; Rahm, 2020: 128—129] также полагают, что именно в урбанизированных территориях зарождаются социальные движения и разрабатывается соответствующая их запросам экологическая политика.

Инджи Джон подчеркивает значимость современных урбанистических образований для развертывания новой экологической политики, поскольку они представляют собой территории, где сконцентрированы главные ресурсы (человеческие, политические, экономические), которые могут способствовать ее реализации [ibid.: 29]. Автор опирается на идеи Чикагской школы [ibid.: 112] и довольно умело

вписывает их в актуальную социальную повестку, дополняя акторно-сетевой теорией [ibid.: 14] и способствуя развитию так называемого инвайронментального прагматизма [ibid.: 5].

Вслед за представителями Чикагской школы исследователь указывает на то, что города представляют собой сообщества, в которых взаимодействия выстраиваются на самых разных уровнях: дом — район — округ — город — пригород — городские агломерации. Это, с одной стороны, позволяет учитывать локальные аспекты экологических проблем, а с другой — помогает выявлять их общие характеристики для разработки глобальной стратегии их преодоления.

При этом Инджи Джон учитывает критику в адрес социологов из Чикагской школы относительно того, что они сосредотачиваются на социальной жизни города, но игнорируют вторую ее сторону — материальную [Sennett, 2018: 63—89]. Поэтому она также привлекает идеи Мануэля Деланда, согласно которому города не только представляют собой гетерогенные автономные целостности (дом, район, пригород, квартал, парк, пруд), но и образуют сложные цепочки социальных связей.

Города для Инджи Джон — это сложные социальные системы, «кластеры взаимодействий и социальных практик» [Jon, 2021: 112], где интенсивность повседневных интеракций порождает непредсказуемость и требует от акторов уважения к различиям. Тем не менее автор довольно смело указывает на то, что в современном городе общие интересы должны стоять выше, нежели право на «инаковость», поскольку ряд актуальных проблем, среди которых особое внимание в книге уделяется экологическим, требует коллективных действий от представителей различных социальных групп. Именно города могут стать центрами экологического сознания и ответственного отношения к окружающей среде, если проводимая ими политика будет способствовать трансформации повседневного опыта миллионов людей.

Инджи Джон отмечает, что в последние годы экологическая повестка зачастую становится элементом идеологического популизма с изрядно поднадоевшей риторикой о защите окружающей среды [ibid.: 12]. При этом экологические проблемы рассматриваются во многом с западноцентричной точки зрения, когда климатическая справедливость для одних оборачивается ухудшением ситуации для других, поскольку «„зеленая“ повестка дня (стремление к экологической устойчивости) и справедливость (решение проблемы бедности и социального развития)» [ibid.: 81] часто расходятся между собой. Так, усиление пространственного и социально-экономического неравенства может стать побочным эффектом «решения» экологических проблем и привести к исключению интересов миллионов людей из «зеленой» политики, на что также указывает американский социолог Саския Сассен [Sassen, 2014]. В современном мире «мейнстримное зеленое движение остается преимущественно „белым пространством“» [Jon, 2021: 83] с характерным для него колониальным мышлением, которое находит свое отражение в неolibеральной модели глобализации [ibid.: 31]. Это приводит к обесцениванию многих экологических лозунгов и непростительным ошибкам, социальные последствия которых еще предстоит оценить.

Книга Инджи Джон состоит из шести частей, включающих введение и заключение, а также постскриптума.

В первой части — «Введение: Экологическая политика за пределами окружающей среды» — предлагается общая характеристика работы и рассматривается отличие «новой экологии», основой для которой, по мнению автора, должно стать понятие «антропоцен», от «старой экологии», для которой характерно противопоставление человека и природы [ibid.: 1—8]. Как указывает автор, сегодня дихотомия «человек — природа» ведет к ограниченному пониманию экологических изменений и их последствий, поэтому Инджи Джон предлагает раздвинуть рамки традиционного инвайронментализма, создающие барьер в понимании связанности человеческого существования и экосистем [ibid.: 3]. Действительно, анализируя антропогенное влияние, мы зачастую прибегаем к термину «воздействие», то есть рассматриваем односторонний процесс, в результате которого человек меняет окружающую среду.

Автор предлагает иную перспективу исследования, исходя из того, что «само наше материальное существование есть продукт исторической эволюции... в более современном контексте никто не может отрицать, что на наш процесс принятия решений постоянно оказывают влияние „подталкивания“ со стороны нечеловеческих агентов, будь то атмосферные погодные условия или цифровые гаджеты, с которыми мы взаимодействуем с того момента, как начинаем наш день» [ibid.: 2]. По сути, Инджи Джон, опираясь на акторно-сетевой подход Б. Латура, предлагает рассматривать природу как «квази-объект», а явления материального природного мира — как субъекты наших социальных отношений. Эти взаимодействия множественны, глобально связаны, сложно прогнозируемы, а потому необходимы иные подходы к их пониманию и измерению их последствий. В рамках такой перспективы и сам антропоцен может быть рассмотрен как социально-культурный феномен, что раскрывает возможности его исследования с помощью социологической оптики, а не только с позиции экономического или биогеологического подходов, получивших более широкое распространение.

Вторая часть «Почему города? К новой теории „масштаба“» раскрывает теоретические основы авторского подхода к пониманию «новой экологии». Инджи Джон обращается к концепции антропоцена, которая со второго десятилетия XXI века активно обсуждается в академических кругах. Под антропоценом принято понимать новую эпоху, характеризующуюся кардинальными изменениями в экосистемах под влиянием деятельности человека и, по сути, поглощением биосферы антропосферой [Crutzen et al., 2000: 17].

Для обоснования необходимости новой экологической политики Инджи Джон активно апеллирует к позиции Бруно Латура о секуляризации существующего отношения к окружающей среде или природе как некой божественной сущности, понять которую мы не можем, а потому не способны и прогнозировать до конца [Jon, 2021: 20]. Такой подход, по мнению автора, показывает, что наше бессилие перед природными катастрофами представляет собой неспособность объяснить их долговременную причину из-за ограниченного видения экологических процессов.

Наряду с этим Инджи Джон ставит вопрос о необходимости социальной солидарности в принятии экологических решений. Автор подчеркивает, что отсутствие единой экологической политики зачастую приводит к социальному неравенству и ущемлению интересов менее сильных участников, в итоге все это может закон-

читься катастрофой планетарного масштаба [ibid.: 11]. Инджи Джон предлагает весьма своеобразное решение данной проблемы, а именно идею солидарного управления, которая должна стать основой новой экологической политики.

Автор полагает, что наиболее эффективна не иерархическая схема управления, а сетевая, при которой «местные органы власти через транснациональные группы климатического лидерства могут самостоятельно принимать решения» [ibid.: 12], не дожидаясь одобрения национального правительства или межгосударственных соглашений. Она приходит к выводу, что идеальным «масштабом» для реализации экологических инициатив могут быть урбанизированные пространства, которые одновременно «достаточно малы» (доступны физически, что способствует формированию солидарности, основанной на коллективном эмпирическом опыте), «достаточно влиятельны» (являются лидерами в разных сферах) и «достаточно велики», чтобы сохранять степень сложности, позволяющую использовать целостный подход к управлению [ibid.: 19].

Инджи Джон подчеркивает, что «города, наполненные разнообразием и множеством социальных и исторических слоев, представляют собой сложные системы, в которых взаимодействуют различные институты» [ibid.: 30]. Функционируя в потоке обилия интересов взаимодействующих акторов, городские системы управления вынуждены балансировать между ними в поисках адекватных решений.

Две последующие части работы иллюстрируют теоретические послылы автора на примере анализа экоопыта конкретных городов. В третьей части «Дарвин против Талсы: как города могут „рассказать“ об окружающей среде, не произнося ни слова» Инджи Джон обращается к насущной для Австралии проблеме — влиянию изменения климата на здоровье населения. Как известно, несмотря на достаточно благоприятные условия для жизни, данный континент находится в «эпицентре» климатических вызовов [Head et al., 2014]. В силу этого вопрос об изменении климата и социальных последствиях этого процесса стал традиционным в выступлениях австралийских политиков, пытающихся «усидеть» на двух стульях: с одной стороны, сдерживать растущий напор экоактивистов, с другой, поддерживая мировой тренд на декарбонизацию, сохранить свои экономические интересы, так как Австралия — сырьевая страна, в частности мировой экспортер каменного угля [Colvin, Jotzo, 2021].

Инджи Джон, рассматривая проблему экополитического противоборства, предлагает решить ее с позиции прагматического инвайронментализма, то есть создание единой городской экосистемы. По мнению автора, данный подход означает включенность экологических инициатив в нашу повседневность, благодаря чему они интернализируются и превращаются в экологические практики. Опираясь на концепцию экопозитива, автор утверждает, что «навязывание» извне «зеленых» лозунгов не может быть эффективным, люди должны сами почувствовать необходимость сохранить свою окружающую среду полезной для их здорового функционирования. Именно через простые примеры, вписанные в повседневность (снижение оплаты за электричество, чистая вода в кране), люди могут осознать социальную полезность своих экологических усилий [Jon, 2021: 41].

На примере двух промышленных городов — Дарвина (Австралия) и Талсы (США) — Инджи Джон демонстрирует, как реализуются эти инициативы. Обе

территории подвержены природным рискам (засухи, наводнения, аномальная жара). Для снижения экстремально высоких температур (до +60 °С) в Дарвине инициировано активное насаждение высоких деревьев в наиболее жарких районах города, в которых, по данным проведенного мониторинга, в «пиковые» температурные часы социальная активность вынужденно снижается, что негативно сказывается на экономической эффективности компаний, работающих в этих зонах. Было предложено сократить пустующие парковки около торговых центров, а на их месте высадить деревья. С одной стороны, это способствует очищению воздуха, увеличивает площадь прохладных мест в городском ландшафте, с другой стороны, позволяет сохранить потребительскую привлекательность для посетителей, снизить расходы на кондиционирование [ibid.: 48—49, 58]. В Талсе, наоборот, большие неудобства вызывают наводнения. Тем не менее практика городских зеленых зон здесь также оказалась полезной, как и проекты речных парков. С учетом городского ландшафта по инициативе организации «Устойчивое развитие Талсы» были значительно увеличены зеленые площади города, причем использовались деревья, устойчивые к местному климату и имеющие глубокие корни.

В четвертой части «Кливленд против Кейптауна: может ли город стремиться быть зеленым и инклюзивным?» автор связала экологическую повестку с актуальными социальными проблемами, существующими в современном мире, прежде всего социальным неравенством [ibid.: 75—109]. Инджи Джон задается вопросом: как реализуется новая эколоитика в тех городах, где проблемы бедности гораздо более ощутимы, нежели плохое качество питьевой воды или воздуха? Для ответа автор обращается к опыту двух городов — Кейптауна (ЮАР) и Кливленда (США), — для которых характерны пространственная сегрегация и бедность.

Инджи Джон отмечает, что «зеленая» политика в этих городах зачастую приводит к своего рода «экоапартеиду» и экологической сегрегации маргинализированных групп населения [ibid.: 80]. Избежать этого, по мнению автора, можно путем включения в «зеленую» повестку решений, направленных на снижение остроты ключевых городских проблем. Так, в Кливленде были запущены проекты по альтернативной энергетике, которые способствовали росту числа рабочих мест и, как следствие, повышению качества жизни в регионе [ibid.: 92—93]. Аналогичная инициатива была осуществлена в городском округе Кейптауна — Атлантисе, где был запущен проект по созданию особой экономической зоны, развитие которой основано на «зеленой» экономике. Это привлекло инвестиции и позволило местному населению получить работу [ibid.: 103], а молодежь смогла пройти обучение по востребованным на новых производствах профессиям.

В пятой главе «Города и комплексность: связь „социального“ с „экологическим“» автор пытается совместить теорию из второй части с примерами из третьего и четвертого разделов и демонстрирует, как города могут извлечь выгоду из своей «комплексности», в том числе развивая связи между «социальными» и «экологическими» аспектами их функционирования. Инджи Джон старается доказать, что повседневные практики, реализуемые на микроуровне, накапливаются и приводят к серьезным сдвигам в мировоззрении и поведении [ibid.: 116—117]. Она предлагает использовать массовую культуру для привлечения внимания к эко-

логической проблематике и формирования новых паттернов поведения, неотъемлемой частью которых будет забота об окружающей среде.

С ее точки зрения, именно экологические проекты городского масштаба, такие как озеленение улиц, минимизация парковочных площадей, переход на экологически чистую энергию и так далее, могут изменить дискурс о климатических проблемах и стать важным шагом к более гибкой человеческой цивилизации. И города как центральные узлы интенсивного взаимодействия могут и должны возглавить этот процесс [ibid.: 124—126], тем более что история знает немало примеров, как города переживают национальные государства, на территории которых они находились (Багдад, Иерусалим, Сеул и др.). Это позволяет рассматривать города как наиболее устойчивые сложные системы, обладающие собственной идентичностью и способные ставить собственные цели. Города, по мнению автора, — это не абстрактные образования, а реально существующие в пространстве и времени центры притяжения, которые могут изменить мир.

В шестой части своей книги — заключении «Возможности неизвестного, для неизвестного» — Инджи Джон подводит итоги и обращается к глобальному кризису, вызванному распространением новой коронавирусной инфекции. Она подчеркивает, что экологический кризис и пандемия имеют много общего между собой, поскольку тесно связаны с антропоценом: «экстремальные погодные явления или глобальный кризис в области здравоохранения, вызванный микроорганизмами, которых мы даже не можем увидеть невооруженным глазом, постоянно напоминают нам о том, что мы, люди, не полностью контролируем свои судьбы» [ibid.: 150—151]. Автор, признавая ограниченность своих прогнозов в отношении роли городов по созданию санитарной безопасности, тем не менее выражает надежду на то, что данный вызов, с одной стороны, наконец повернет человечество к осознанию неустойчивости своего существования, а с другой стороны, на фоне новых рисков приведет к пониманию необходимости коллективного взаимодействия по их преодолению.

В постскриптуме «Будущее городов в антропоцене» Инджи Джон ставит вопросы, которые могут стать отправной точкой для дальнейшего обсуждения предложенной темы: каковы перспективы городов? как города ответят на вызовы пандемии? что ждет «новую экологию»? способна ли «новая экология» внести свой вклад в обсуждение экологической справедливости? С точки зрения автора, «новая экология» позволяет пересмотреть традиционный подход к окружающей среде, акцентирующий внимание на необходимости ее защиты. Инджи Джон предлагает концепцию экопозитива, которая, по ее мнению, позволяет рассматривать экологические вопросы в контексте социально-экономических проблем. Для «новой экологии» забота об окружающей среде является частью повседневной жизни и ежедневного опыта, которые непосредственно связаны с местами нашего проживания, то есть для большинства людей — с городами.

Исследование Инджи Джон не стоит рассматривать как фундаментальную работу, вносящую теоретический вклад в социологическую науку, тем не менее она предлагает интересный взгляд на современный социально-экологический дискурс и представляет достойную иллюстрацию исследовательского анализа экологической повестки с помощью социологической оптики.

Список литературы (References)

- Colvin R. M., Jotzo F. (2021) Australian Voters' Attitudes to Climate Action and Their Social-Political Determinants. *PLoS ONE*. Vol. 16. No. 3. e0248268. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0248268>.
- Crutzen P.J., Stoermer E. F. (2000) The «Anthropocene». *Global Change Newsletter*. No. 41. P. 17—18.
- Dyer G. (2008) *Climate Wars: The Fight for Survival as the World Overheats*. Oxford: Oneworld Publications.
- Head L., Adams M., McGregor H., Toole S. (2014) Climate Change and Australia. *Wiley Interdisciplinary Reviews: WIREs Climate Change*. Vol. 5. No. 2. P. 175—197. <https://doi.org/10.1002/wcc.255>.
- Jon I. (2021) *Cities in the Anthropocene: New Ecology and Urban Politics*. London: Pluto Press.
- Khanna P. (2016) *Connectography: Mapping the Future of Global Civilization*. New York, NY: Random House.
- Rahm E. (2020) *The Nation City: Why Mayors Are Now Running the World*. New York, NY: Alfred A. Knopf.
- Sassen S. (2014) *Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy*. Cambridge: Harvard University Press, Belknap.
- Sennett R. (2018) *Building and Dwelling: Ethics for the City*. London: Allen Lane.
- Smith N. (1984) *Uneven Development: Nature, Capital and the Production of Space*. Athens: University of Georgia Press.
- Smith N. (1996). *New Urban Frontier. Gentrification and the Revanchist City*. London: Routledge.

